

Пол Кинан

Санкт-Петербург и русский двор, 1703–1761

Historia Rossica –

HISTORIA ROSSICA

ПОЛ КИНАН

САНКТ -
ПЕТЕРБУРГ
И РУССКИЙ
ДВОР

1703-1761

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

«Санкт-Петербург и русский двор 1703–1761»: Новое литературное обозрение; Москва; 2020
ISBN 9785444814031

Аннотация

Основание и социокультурное развитие Санкт-Петербурга отразило кардинальные черты истории России XVIII века. Петербург рассматривается автором как сознательная попытка создать полигон для социальных и культурных преобразований России. Новая резиденция двора функционировала как сцена, на которой нововведения опробовались на практике и демонстрировались. Книга представляет собой описание разных сторон имперской придворной культуры и ежедневной жизни в городе, который был призван стать не только столицей империи, но и «окном в Европу». Ценной чертой исследования является сравнение быта Петербурга с другими европейскими столицами, что позволяет автору показать, в чем было своеобразие российской столицы, а в чем она следовала общей моде. Автор делает вывод, что внешний облик Петербурга, его институты, его общественная и культурная жизнь – все имело отношение к другим тогдашним дворам и городам Европы, но при этом обладало отчетливым русским колоритом. Пол Кинан преподает всемирную историю в Лондонской школе экономики (Великобритания).

Пол Кинан Санкт-Петербург и русский двор 1703–1761

Памяти Линдси Хьюз (1949–2007)

БЛАГОДАРНОСТИ

Эту книгу было бы попросту невозможно написать без содействия множества людей и академических учреждений. Исследовательский совет гуманитарных наук финансировал первоначальную стадию моей работы над этим проектом, а Департамент всемирной истории Лондонской школы экономики любезно предоставлял средства на последующие исследовательские командировки. Осуществить этот проект я не смог бы без помощи сотрудников различных российских архивов и библиотек. Назову эти учреждения: Российский государственный архив древних актов, Российский государственный исторический архив, Российский государственный военно-исторический архив, Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук, Российская национальная библиотека, Российская государственная библиотека, Государственная публичная историческая библиотека, Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека. В Великобритании я признателен за помощь сотрудникам библиотеки Школы славянских и восточноевропейских исследований, Британской библиотеки и Национального архива в Кью.

Большинство аспирантов считают себя счастливыми, имея одного хорошего руководителя, а мне повезло работать с двумя. Роджер Бартлетт был главной движущей силой в течение первых двух лет моего исследования и с тех пор оказывал мне неизменную поддержку. Затем ответственность за меня взяла на себя Линдси Хьюз и добилась – в свойственной ей ободряющей и практической манере – успешного завершения моей диссертации в 2005 г. После ее безвременной кончины в 2007 г. я могу лишь надеяться хотя бы в малой мере воздать долг благодарности за все, чему она меня научила, посвятив эту книгу ее памяти. Я скорблю о ее уходе.

Я в долгу благодарности также перед многими очень занятыми людьми, которые не пожалели драгоценного времени, чтобы частично или полностью прочитать мою работу и поделиться замечаниями. Мне особенно хочется поблагодарить Тима Хохштрассера, Саймона Диксона, Джэнет Хартли, Изабель де Мадарьягу, Доминика Ливена, Гэри Маркера, Венди Росслин и Ричарда Баттервика. Пока я находился в России, моя исследовательская работа стала гораздо продуктивнее благодаря содействию Ольги Кошелевой, Александра Каменского, Евгения Анисимова и Бориса Морозова, чьи советы по теме и руководство по части поисков нужного материала очень мне помогали. В Великобритании Группа изучения России XVIII в. создавала дружелюбную и конструктивную атмосферу при обсуждении моих работ на протяжении десятилетия. В издательстве «Пэлгрейв Макмиллан» я благодарю за помощь Дженни Макколл, Холли Тайлер и Клэр Менс, которые больше двух лет были очень терпеливы ко мне. Наконец (а в личном отношении – важнее всего) я должен поблагодарить моих родителей и братьев, мою жену Ройзин и нашу дочь Найоим, ведь все они в той или иной форме прожили с этой книгой так же долго, как и я. Их любовь и понимание помогли мне пройти этот путь, и я навсегда им благодарен.

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении трех столетий, со времени своего основания в 1703 г., Санкт-Петербург не перестает завораживать, и с первого же взгляда нетрудно понять почему. Этот сравнительно молодой город, основанный только в начале XVIII в., стремительно вырос и превратился в прославленную столицу одной из великих держав Европы, и некоторые особенности этого процесса помогают объяснить непреходящую привлекательность Санкт-Петербурга. Его часто называют российским «окном в Европу» – эти слова Франческо Альгаротти, побывавшего здесь в 1730-х гг., четко обрисовывают положение города в географическом и культурном отношении¹. Мифы, связанные с созданием и развитием города, по сей день привлекают большой интерес². Один популярный пример – это миф о его основании, который встречается во многих литературных произведениях о Петербурге; Петр в нем предстает создателем нового города в дикой пустыне. Однако в этой картине не учитываются два обстоятельства: то, что в мае 1703 г. Петра, возможно, не было при этом судьбоносном событии, и то, что на предполагаемом пустынном месте основания Петербурга находилась шведская крепость Ниеншанц, а также еще ряд мелких поселений, в первую очередь городок Ниен³. Этот топоним основания Петербурга исходит от череды авторов XVIII века, начиная с петровского времени воспевавших свершения основателя города. Затем миф получил широкое хождение благодаря тому, что А.С. Пушкин включил его в знаменитую поэму «Медный всадник»⁴.

И хотя эти образы Петербурга полны поэтического вымысла и мифов, они существенно влияли на восприятие города. В его характерной архитектуре отразились различные европейские стили; благодаря своему расположению на берегу Балтики он играл важную коммерческую и дипломатическую роль в связях России с Северной и Западной Европой. Эти контакты оказывали сущностное воздействие на Петербург в первые десятилетия после

1 *Algarotti F.* Letters from Count Algarotti to Lord Hervey and the Marquis Scipio Maffei. London, 1796. Vol. 1. P. 70.

2 См., например: *Синдаловский Н.А.* Легенды и мифы Санкт-Петербурга. СПб., 1994.

3 О присутствии Петра см.: *Шарымов А.М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. СПб., 2004. С. 520–541; в более общем плане см.: *Kensy C.* Петербург до Петербурга: История устья Невы до основания города Петра. СПб., 2000.

4 *Пумпянский Л.В.* Медный всадник и поэтическая традиция XVIII века. Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. 1939. Вып. 4–5. С. 94–100.

его основания. Кроме того, в XVII в. только Москва могла сравниться размерами и населенностью с другими европейскими городами, а российское общество в целом оставалось преимущественно сельским до конца XIX в. Хотя Санкт-Петербург и не был создан на пустом месте, но строительство нового города такого масштаба стало крупнейшим проектом, а потому и символом большой важности. По моему мнению, именно первая половина XVIII в. задавала тон всему дальнейшему развитию Петербурга как ведущего европейского столичного города. Прежде чем познакомить читателя с общими направлениями настоящей работы, я хочу коснуться двух вопросов, которые встретились мне на начальном этапе исследования, а впоследствии помогли вписать эту книгу в научный контекст. Вопросы эти связаны с выбором периода исследования – первой половины XVIII в., а также его предмета – культурной жизни Санкт-Петербурга.

Значение Петра I, или Великого, и его царствования для России издавна служит темой дискуссий. Как в народном восприятии, так и в академической науке он по-прежнему остается в центре внимания. Живой характер и странности Петра ярко описаны в популярных сочинениях о его царствовании⁵. Научный же анализ упорно посвящали результатам петровских реформ, давая позитивные или негативные оценки их последствий для дальнейшего развития России⁶. В советское время исследователи обсуждали, главным образом, роль Петра в преобразовании России, причем культура в этом процессе считалась менее важной, чем военное дело или экономика⁷. Если в нескольких важных работах, особенно в конце советского периода, исследовалась цена этих «революционных» реформ – например принудительное и контролирующее начало петровской системы, – то фундаментальная парадигма исследований не изменилась сколько-нибудь существенно в сравнении с концом имперского периода (до 1917 г.)⁸. Однако за последние два десятилетия вышел целый ряд работ о петровской эпохе, которые, воздавая должное трудам предшественников, демонстрируют достоинства иного подхода к этому периоду. В частности в этих работах анализируются ранее недостаточно изученные его аспекты – влиятельные политические сети, сложные формы культурного самовыражения власти при петровском дворе и т.д.⁹ Другие недавние исследования позволяют лучше представить себе характер данного периода в контексте важных событий предшествующего XVII столетия и влияния иностранных образцов¹⁰.

Еще один аспект дискуссии о значении Петра I выдвигает на передний план десятилетия между его смертью в 1725 г. и восшествием на престол Екатерины II в 1762 г. Это время между двумя «великими» царствованиями в России XVIII в. часто недооценивали из-за представления (как научного, так и общераспространенного) о слабости и

5 Популярный пример современной книги такого рода: *Massie R. Peter the Great: His Life and World*. New York, 1981. (Она-то впервые и познакомила меня с русским царем и его временем).

6 Неудивительно, что Петр занимал важное место в споре между славянофилами и западниками в XIX в.: *Riasanovsky N. Russian Identities: a Historical Survey*. Oxford, 2005. P. 151–160.

7 Обзор советского периода изучения Петра см.: *Riasanovsky N. The Image of Peter the Great in Russian History and Thought*. Oxford, 1985. P. 234–302.

8 *Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Culture*. Cambridge, MA, 2004. P. 1–12. Такой критической работой о петровских реформах является книга: *Anisimov E.V. The Reforms of Peter the Great: Progress through Coercion in Russia* / Transl. J. Alexander. Armonk, NY, 1993 (см. на русском: *Анисимов Е.В. Время петровских реформ*. СПб., 1989).

9 Два образца таких исследований представляют собой работы: *Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven, CT, 1998; *Bushkovitch P. Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725*. Cambridge, 2001.

10 См., например: *Kotilaine J., Poe M. (eds.). Modernizing Muscovy: Reform and Social Change // Seventeenth-Century Russia*. London, 2005.

неустойчивости тогдашних властителей, которых один историк незабываемо описал как «невежественных распутных женщин, полоумных германских принцев и малых детей»¹¹. Эта точка зрения оказалась и широко распространенной, и живучей, так что десятилетия середины XVIII в. остались сравнительно малоизученными. Но все-таки в историографии существует ряд работ об этом времени, с попытками оправдать или хотя бы лучше понять этих правителей¹². Недавно возникла общая тенденция заново обратиться к исследованию эпохи дворцовых переворотов с применением внушительного комплекса архивных и опубликованных материалов, чтобы проанализировать и опровергнуть некоторые мифы, такие как проблема стагнации или влияние фаворитов¹³. Если в ревизионистских исследованиях петровской России подчеркивается необходимость изучения масштаба и характера петровских преобразований в более широком контексте, то значение послепетровского периода выявляется при изучении последствий этих реформ, так как их эффективность и устойчивость уже можно оценивать должным образом. Учитывая размах преобразований, которым Россия подверглась в эту эпоху, и не в последнюю очередь – то бремя, которым они обернулись для населения, неудивительно, что один ведущий историк говорит о необходимости «передышки» в послепетровский период, т.е. времени, когда многочисленные реформы могли прочнее укорениться и лучше приспособиться к обстановке¹⁴.

Петербург как раз и был одним из преобразований, введенных Петром и нуждавшихся в таком периоде адаптации, пусть впоследствии он и стал самым зримым и долговечным из всех петровских начинаний. Желание Петра основать новый город зародилось в 1690-х гг., но сам Петербург – это явный пример нововведения, не имевшего никаких корней в допетровской эпохе. Кроме того, местоположение города и предназначенные ему функции, несомненно, отражают стремление Петра к прямому контакту с остальной Европой – в военном, коммерческом, культурном отношении¹⁵. Поэтому возникает соблазн видеть в Петербурге физическое воплощение широкомасштабных целей царя-реформатора. И хотя реальность, разумеется, сложнее, чем предполагает этот общий подход, мысль Дж. Крэйкрафта о том, что город был заложен и строился в рамках замысла создать новый образ России внутри страны и за границей, кажется поразительной и, на мой взгляд, убедительной¹⁶. Петербург с первых десятилетий своего существования стал предметом обширной и разнообразной литературы, причем как местным жителям, так и авторам извне хотелось побольше узнать о его истории и характерных чертах, особенно с приближением одного из юбилеев, как было в 1903 и 2003 гг.¹⁷ Современные истории города обыкновенно

11 *Florinsky M.* Russia: A History and an Interpretation. London, 1953. Vol. 1. P. 432.

12 Примеры таких работ, сохраняющих ценность, см.: *Lipski A.* A Re-Examination of the „Dark Era“ of Anna Ioannovna // *American Slavic and East European Review*. Vol. 15 (1956). P. 477–488; *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века: борьба за наследие Петра. М., 1986 (в англ. пер.: *Anisimov E.V.* Empress Elisabeth: Her Reign and Her Russia, 1741–1761 / Transl. J. Alexander. Gulf Breeze, FL, 1995).

13 См., в частности: *Курукин И.В.* Эпоха «дворцовых бурь»: очерки политической истории послепетровской России. 1725–1762 гг. Рязань, 2003.

14 *Kamenskii A.B.* The Russian Empire in the Eighteenth Century: Searching for a Place in the World / Ed. and transl. D. Griffiths. Armonk, NY, 1997. P. 128–129 (см. на русском: *Каменский А.Б.* Российская империя в XVIII в.: традиции и модернизация. М., 1999).

15 *Jones R.* Why St. Petersburg? // *Hughes L.* (ed.). Peter the Great and the West: New Perspectives. Basingstoke, 2001. P. 189–205.

16 *Cracraft J.* The Revolution of Peter the Great. Cambridge, MA, 2003. P. 135–156.

17 Об увлечении русских изучением Петербурга см.: *Johnson E.D.* How St. Petersburg Learned to Study Itself: the Russian Idea of Kraevedenie. University Park, PA, 2006.

повествуют о развитии Петербурга с начала имперской эпохи до советского периода и далее, рассматривая его при этом в качестве тигля политических, социальных и культурных перемен в России¹⁸.

Петербург стал важной темой для череды поколений русских писателей, и вопрос о том, что же он представляет собой, рассматривался в ряде работ, посвященных его отображению в литературе. В этих работах анализируется риторическое и символическое отображение города, так часто предстающее в его описаниях¹⁹. Для избранного мною периода начала XVIII в. признанной отправной точкой остается фундаментальный труд П.Н. Петрова по истории Санкт-Петербурга до 1782 г., содержащий не только богатейшую информацию, но и критический взгляд на некоторые городские мифы²⁰. Строительство и первые годы жизни города при Петре освещены первопроходческой работой С.П. Луппова²¹. Эта тема получила дальнейшее развитие в двух крупных исследованиях сравнительно недавнего времени, О.Г. Агеевой и Е.В. Анисимова, в которых гораздо больше внимания уделено социальной и культурной жизни юного города²². Каждая из названных книг, как обобщающих, так и конкретных, сыграла важную роль в формировании моего представления о городе и в выборе областей для дальнейшего исследования.

Настоящая книга рассматривает Санкт-Петербург как сознательную попытку создать полигон для конкретных социальных и культурных преобразований России, на фоне дальнейшего развития ее связей с остальной Европой. Это не означает для меня ни того, что эти попытки являлись последовательным или цельным набором шагов, ни того, что Петербург следует воспринимать как Российскую империю в миниатюре. Для страны, в которой в данный период официально зафиксированное городское население составляло три процента от общего числа жителей, Петербург вряд ли был типичен по составу и уровню прироста населения²³. В результате в моем исследовании рассматривается развитие Петербурга в нескольких взаимосвязанных ракурсах, с особым акцентом на роли двора в стимулировании и регулировании культурной жизни города. В работе охвачен период от основания Петербурга до смерти дочери Петра, Елизаветы, значение которого нередко недооценивалось при изучении этой темы. На мой взгляд, достижения этого периода имеют ключевое значение для понимания приоритетов и действий Екатерины II как в отношении собственно города, так и в отношении двора²⁴. Для того чтобы создать контекст для анализа, заключенного в последующих главах, ниже кратко представим три проблемы, составляющие фон этой книги: вопрос об отношениях России с остальной Европой, недавние достижения науки в изучении двора раннего Нового времени, в частности в России, и, наконец, сравнение Петербурга с другими городами, являвшимися резиденциями дворов (*Rezidenzstädte*).

18 См., например: *Lincoln W.B. Sunlight at Midnight: St. Petersburg and the Rise of Modern Russia*. Oxford, 2001.

19 *Николози Р.* Петербургский панегирик XVIII века: миф – идеология – риторика / Пер. М.Н. Жарова. М., 2009; *Buckler J. Mapping St. Petersburg: Imperial text and Cityshape*. Princeton, NJ, 2001.

20 *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях (1703–1782). СПб., 1884.

21 *Луппов С.П.* История строительства Петербурга. М., 1957.

22 *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете» – град святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб., 1999; *Анисимов Е.В.* Юный град: Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003.

23 *Кизеветтер А.А.* Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. С. 113.

24 Линия поведения Екатерины II в отношении города подробно рассмотрена в кн.: *Munro G. The Most Intentional City: St. Petersburg in the Reign of Catherine the Great*. Madison Cranbury, NJ, 2008.

РОССИЯ И ЕВРОПА

Сравнивая Россию XVIII в. с широко определяемым регионом, именуемым Европой, или Западом, следует задаться вопросом, что этот регион значил для современников, а не прилагать это определение анахронистически. Рискую сильно преуменьшить, можно сказать, что в раннее Новое время термин «Европа» был комплексным, как и сейчас. Религиозный раскол Реформации поставил под вопрос представление о единстве католического христианства времен Средневековья, а попытки создать «универсальную монархию» были сорваны династическими распрями XVI–XVII вв.²⁵ Тем не менее религиозные идеи и идеи римского классицизма по-прежнему определяли содержание дискурса «Европы» в кругах ученых начала Нового времени. В их глазах Европа была сердцем цивилизованного мира, и считалось, что ей присущи некоторые ценности, например свобода, подчеркивавшие ее цивилизованность по сравнению с ее соперниками-«варварами» в Азии и Северной Африке²⁶. Россия же представляла собой интересный объект применения этих идей. В Средние века она составляла часть европейской системы, когда Киевская Русь поддерживала постоянные, хотя и несистематические отношения с рядом ведущих держав, таких как Византийская империя²⁷. После двухвекового монгольского владычества великий князь Московский Иван III решительно утвердил свой суверенитет, что привело к возобновлению отношений с другими правителями Европы в XV в. В итоге Московия сформировала коммерческие и дипломатические контакты с несколькими германскими государствами, а с середины XVI столетия также с Англией и Республикой Соединенных провинций.

Династический брак Ивана III, принесший ему союз с династией Палеологов, бывших правителей Византии, стал важным шагом к широкому признанию России на европейской сцене. С падением Константинополя в 1453 г. Москва стала претендовать на роль ведущего православного христианского государства и восточного преемника имперского наследия Рима²⁸. Однако в то же время Московия на протяжении почти всего раннего Нового времени оставалась глухой окраиной континентальной Европы, а ее непоколебимое православие создавало напряженность с католической церковью, с которой произошел разрыв еще в 1054 г. И все же небольшое, но постепенно возрастающее число иностранцев приезжало в Россию, в том числе ремесленники, купцы, солдаты и дипломаты. Описания, оставленные этими путешественниками, играли ключевую роль в формировании в начале Нового времени полемики о России, о ее форме правления, о ее статусе цивилизованной (или нецивилизованной) страны²⁹. Хотя приезжие иноземцы вызывали недоверие, чтобы не сказать, ксенофобию, московская элита пользовалась их компетентностью на протяжении всего допетровского периода, что очевидно хотя бы из итальянского влияния на архитектуру Кремля и его соборов³⁰. Иностранное присутствие обрело постоянный оплот в середине XVII в. с появлением Немецкой слободы в Москве, оказавшейся важным, хоть и

25 *Burke P.* Did Europe Exist before 1700? // *History of European Ideas*. 1980. Vol. 1. P. 1–29.

26 *Pocock J.G.A.* Some Europes in their History // *A. Pagden (ed.). The Idea of Europe: From Antiquity to the European Union*. Cambridge, 2002. P. 55–71.

27 *Raffensberger Ch.* Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World. Cambridge, MA, 2012.

28 *Majeska G.* Rus' and the Byzantine Empire // *Gleason A. (ed.). A Companion to Russian History*. Oxford, 2009. P. 61–62.

29 *Poe M.* A People Born to Slavery: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca, NY, 2000.

30 См., например: *Shvidkovsky D.* Russian Architecture and the West. New Haven, CT, 2007. P. 73–104.

ограниченным каналом для притока иностранных специалистов, для переноса их знаний и практических навыков³¹.

С тех пор эти связи развивались в нескольких важных направлениях. В Европе все лучше осознавали существование Московии. Ее участие в Священном союзе против Османской империи в 1680-е гг., хотя бы в качестве союзника Польши, едва ли было успешным в военном отношении, но в нем отразилось признание полезной роли Московского государства в международных делах, а также гарантировалась принадлежность ему Левобережной Украины³². Это приобретение, кроме того, приблизило Россию к «Европе» в географическом смысле, хотя общепризнанная восточная граница Европы и так постепенно перемещалась в восточном направлении, от Дона в XV в. до Уральских гор в XVIII столетии³³. Этот рубеж предложили, на основании анализа различий физико-географических черт по обе стороны Уральского хребта, Филипп Иоганн фон Штраленберг, шведский офицер, находившийся в плену в России, и В.Н. Татищев, русский географ и поборник петровского наследия, впервые выступивший в этом споре от имени России³⁴. Хотя Россия простиралась на обоих континентах, сердце ее лежало по европейскую сторону от этого рубежа. Если Московия имела в это время обширные контакты с азиатскими державами и питала к ним определенное уважение, то существовало и явственное чувство их чужеродности, сформированное не в последнюю очередь на религиозных основаниях. Подобным образом, в отношениях с Сибирью и в морских исследованиях ее берегов с конца XVIII в. отмечается много сходства между имперскими позициями России и стран Европы³⁵.

Еще один аспект этой взаимосвязи относится к «европеизации» России в указанный период. Сейчас термин «европеизация» стал несколько распространеннее, чем его параллели «вестернизация» или «модернизация», но он, естественно, напоминает о спорной природе подобных концепций (или процессов) для России³⁶. Неточность подобных всеохватных терминов уже выявлена в ходе долговременного спора об этом предмете, в котором были поставлены важнейшие вопросы хронологии этого процесса, сфер его влияния, масштабов его воздействия³⁷. Прав П. Бушкович, подчеркивая, как опасно характеризовать результаты развития России в терминах абстрактной «Европы», нередко основанных на исключительном, а не на типичном³⁸. Имея это в виду, я опирался на работу Дж. Крейкрафта, чья монография о культурном развитии России в петровскую эпоху и о восприятии разнообразных европейских влияний содержит краткое, но полезное определение европеизации: «ассимиляция или, скорее, присвоение до некоторой степени европейских

31 *Baron S.* The Origins of the Seventeenth-Century Moscow's Nemeckaja Sloboda // *California Slavic Studies*. 1970. Vol. 5. P. 1–17.

32 *Hosking J.* Russia and the Russians. Cambridge, MA, 2001. P. 181–182.

33 *Parker W.H.* Europe: How Far? // *The Geographical Journal*. 1960. Vol. 126/3. P. 278–286.

34 *Bassin M.* Russia Between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // *SR*. 1991. Vol. 50/1. P. 6–7.

35 См. статьи Уортмана и Оллуорта в сб.: *Whittaker C. (ed.).* Russia Engages the World, 1453–1825. Cambridge, MA, 2003. P. 91–117, 139–161.

36 Так, о дискуссии по поводу «модернизации» и вопроса о ее применимости к России XVIII в. см.: *Dixon S.* The Modernization of Russia, 1676–1825. Cambridge, 1999. P. 1–24.

37 См., например дискуссию об этих проблемах между М. Раевым, И. де Мадарьягой и Дж. Крейкрафтом: *SR*. 1982. Vol. 41/4. P. 611–638.

38 *Bushkovitch P.* Cultural Change among the Russian Boyars, 1650–1680: New Sources and Old Problems // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. No. 56. 2000. P. 92–94.

практик и норм»³⁹. Настоящее исследование помещает Петербург и его культурную жизнь рассматриваемого периода в широкий контекст исследований других примеров Европы того времени, чтобы понять характер и масштабы его развития.

РОССИЯ И ДВОР РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

У людей раннего Нового времени не существовало сомнений в том, что королевский двор занимает центральное место в мире. Для народных масс, как и теперь, жизнь и деятельность королевских особ обладала известной притягательностью, которая могла объясняться и верноподданническими чувствами, и справедливым негодованием, и праздным любопытством. Этот интерес подогревался публикацией истории королей, биографий, собраний исторических анекдотов – данное течение в литературе живет по сей день, хотя сама монархия как политический институт и поблекла. Однако двор редко служил предметом внимания ученых, ассоциируясь с интересом к церемониальной обстановке и внешним атрибутам придворной жизни на поверхностном уровне. Серьезное академическое исследование королевских дворов началось лишь в недавние десятилетия. Труд Норберта Элиаса о придворном обществе стал, несомненно, крупным вкладом в это направление, несмотря на обширную критику, которой он подвергался со стороны историков данного периода⁴⁰. Заслуга Элиаса состоит в импульсе к пересмотру некоторых основных представлений о составе и функциях королевского двора, проясняющему его роль как института раннего Нового времени⁴¹. В новых исследованиях истории двора разработана детальная, более тонко нюансированная картина двора раннего Нового времени как основного центра событий данного периода, а также пересмотрены прежние положения об отношениях короля и элиты, о роли религии, о влиянии новых культурных практик⁴².

Историография русского двора представляет собой столь же разнородную картину. Историки позднего имперского периода создали ряд важных научных трудов о правителях и их дворах прежних веков, и некоторые из них остаются классической отправной точкой для современных исследований на эту тему⁴³. Несмотря на существовавший тогда уклон в сторону биографических исследований, в которых исторические анекдоты и сплетни соседствовали с архивными материалами, в них отчасти раскрывается совокупность официальных и популярных представлений о некоторых правителях, особенно о Екатерине II⁴⁴. В советский период исследования двора были довольно скудными, так как в марксистской историографии этот институт отождествлялся с деспотической жестокостью, коррупцией и развратом. Существенный вклад в наше понимание двора XVIII в. был в этот период сделан в области изучения его организационной и финансовой структуры⁴⁵. Такая работа была, несомненно, полезна, особенно потому, что выявила сложность и

39 *Cracraft J.* Petrine Revolution in Russian Culture. P. 308.

40 *Элиас Н.* Придворное общество. М., 2002. Ценный обзор историографии двора и взвешенную критику работы Н. Элиаса о придворном обществе см.: *Duindam J.* Myths of Power: Norbert Elias and the Early Modern European Court. Amsterdam, 1994.

41 Важный сборник, посвященный этим вопросам, см.: *Asch R., Birke A. (eds.).* Princes, Patronage, and the Nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age, p. 1450–1650. Oxford, 1991.

42 См., например статьи, представленные в сб.: *J. Adamson (ed.).* The Princely Courts of Europe: Ritual, Politics and Culture under the Ancien Régime, 1500–1750. London, 1999.

43 См., например: *Волков Н.Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. В 4-х ч.. СПб., 1900.

44 *Dixon S.* Catherine the Great and the Romanov Dynasty: The Case of the Grand Duchess Maria Pavlovna (1854–1920) // *R. Bartlett, L. Hughes (eds.).* Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century. Münster, 2004. P. 200–209.

фрагментарность материала, относящегося к данной тематике. В последние десятилетия этот подход стал меняться, так как царский двор снова сделался предметом серьезных исследований, постепенно вливающих в обширную историографию двора за пределами России⁴⁶. Подъем этой новой волны в изучении истории двора в России был дополнен бурным интересом к другим граням раннего Нового времени, которые прежде игнорировались или оттеснялись на второй план, например проблемы религии, гендера, идентичности⁴⁷.

Ценность этих исследований состоит в том, что они оспаривают прежние предположения или восполняют пробелы в наших знаниях, опираясь на обширную работу в русских архивах – ныне более доступных, чем когда-либо раньше, – и на сравнительный анализ, основанный на исследованиях других конкретно-исторических тем, а также на данные родственных академических дисциплин. При этом двор предоставляет полезный ракурс, с которого можно подходить к ряду таких областей исследования. Некоторые историки оспаривают широко принятое мнение, что у Петра I не хватало времени или терпения на сложные ритуалы, а потому он ввел новый «светский» двор, в противовес его московскому религиозному предшественнику⁴⁸. На самом деле, как отмечалось выше, Петр воспринял те существующие старомосковские обычаи, которые годились для его целей, а в остальном одновременно ввел новые, что отразилось в реформе московского церемониального календаря и в учреждении празднования новых годовщин⁴⁹. В сущности, царствование Петра далеко не было периодом сплошной секуляризации в русской культуре, и в недавних исследованиях ясно показано, что деятельность его ближнего кружка имела религиозные основы, а православие сохраняло свою важную роль в главных ритуалах двора⁵⁰. Например об этом говорит исследование г. Маркера, посвященное культу святой Екатерины в России XVIII в. и содержащее искусный анализ соотношения между православием, женским правлением и его отражением в русской придворной культуре⁵¹.

Детальная архивная работа выявила большой объем не исследованного ранее материала, относящегося к эволюции русского двора как института в течение XVIII в. Так, О.Г. Агеева рассмотрела этот процесс в двух дополняющих друг друга монографиях. В первой автор рассматривает «европеизацию» двора, анализируя наименования придворных должностей и введение новых правил, разработанных зачастую на основании практики иностранных дворов⁵². Вторая работа представляет собой исчерпывающее исследование

45 См. фундаментальное исследование этой темы: *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966.

46 Отличный обзор некоторых ведущих работ см.: *Zitser E.* New Histories of the Late Muscovite and Early Imperial Russian Court // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2005. Vol. 6/2. P. 375–392.

47 См., например: *Bushkovitch P.* Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries. Oxford, 1992; *Thyret I.* Between God and Tsar: Religious Symbolism and the Royal Women of Muscovite Russia. DeKalb, IL, 2001; *Wirtschafter E.K.* Social Identity in Imperial Russia. DeKalb, IL, 1997.

48 Так, один из вариантов этого мнения изложен в статье: *Anderson M.* Peter the Great: Imperial Revolutionary? // *Dickens A. (ed.). The Courts of Europe: Politics, Patronage and Royalty, 1400–1800*. London, 1977. P. 263–281.

49 *Погосян Е.* Петр I – архитектор российской истории. СПб., 2001.

50 *Живов В.М.* Культурные реформы в системе преобразований Петра I // Кошелев А.Д. (ред.). Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 3. С. 528–583; *Zitser E.* The Transfigured Kingdom: Sacred Parody and Charismatic Authority at the Court of Peter the Great. Ithaca, NY, 2004 (см. русский перевод: *Зицер Э.* Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008).

51 *Marker G.* Imperial Saint: The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. DeKalb, IL, 2007.

52 *Агеева О.Г.* Европеизация русского двора, 1700–1796 гг. М., 2006.

придворной администрации, главных должностей и финансовых дел в манере, подобной работе Дуиндама о Версале и Вене⁵³. Если сравнительный контекст других европейских дворов в основном не изучен, то эти две монографии, несомненно, устанавливают новый золотой стандарт для архивных исследований русского двора. К ним примыкают другие, столь же подробные архивные изыскания, среди которых недавнюю книгу К.А. Писаренко о дворе Елизаветы можно приветствовать как вклад в изучение недостаточно освещенного периода, ибо она содержит множество новых деталей по широкому спектру жизни двора⁵⁴. Этот новый подход лежит в основе моей работы, способствуя пониманию сложности изучаемого периода, и я рассматриваю роль двора в созидании и возвращении церемониальной и общественной жизни Санкт-Петербурга. Органическая связь между русским двором, придворной верхушкой и городом сопоставима с примерами аналогичных отношений в Европе, которые рассмотрены в нижеследующем разделе.

РОССИЯ И RESIDENZSTADT

Заботу Петра и его преемников о развитии Петербурга некоторые историки рассматривали как попытку создать в России некую версию германского *Residenzstadt*, или «стольного града», города-резиденции⁵⁵. В самой своей основе термин *Residenz* использовался, чтобы обозначить постоянное или хотя бы длительное пребывание правителя и его двора в конкретном месте, в противоположность кочующим средневековым и ренессансным дворам, которые постоянно перемещались в разные центры по всему своему владению⁵⁶. Эта тенденция имела ряд причин. Рост численности двора и расходов на его содержание делал постоянную базу более привлекательной, к тому же такие города-резиденции могли использоваться как материальное или символическое воплощение богатства, статуса и, наконец, власти их правителя⁵⁷. Как правило, присутствие властителя с двором преображало малые или большие города, или, как в случае Санкт-Петербурга, их специально строили для этой цели. Тому есть выдающиеся примеры по всей Европе раннего Нового времени⁵⁸. Одним из первых примеров того, как королевский двор избрал постоянное место, а затем преобразовал его в соответствии со своими потребностями, было развитие Мадрида при испанских Габсбургах. Они, начиная с Филиппа II, своими королевскими инвестициями превратили маленький городок в крупный столичный город⁵⁹. Дворец и садовый комплекс Людовика XIV в Версале представляют собой выдающийся и влиятельный образец резиденции, заново созданной на месте старого охотничьего домика и специально размещенной за пределами Парижа⁶⁰.

53 Агеева О.Г. Императорский двор России, 1700–1796 гг. М., 2008.

54 Писаренко К.А. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003.

55 См., например: *Alexander J. Petersburg and Moscow in Early Urban Policy // Journal of Urban History*. 1982. Vol. 8/2. P. 146–148.

56 *Wilson P. Absolutism in Central Europe*. London, 2000. P. 65–66.

57 Классическое, хотя и своеобразное рассмотрение этой темы см.: *Mumford L. The Culture of Cities*. London, 1938. Глава 2, особенно с. 78–82, 108–113.

58 См., например: *Andermann K. (ed.). Residenz–Aspecte hauptstädtischer Zentralität von der frühen Neuzeit bis zum Ende der Monarchie*. Sigmaringen, 1992.

59 *Rodríguez-Salgado M. The Court of Philip II of Spain // Asch R., Birke A. (eds.). Princes, Patronage, and the Nobility*. P. 207–244.

60 *Blanning T.C.W. The Culture of Power and the Power of Culture*. Oxford, 2002. P. 29–33.

Несомненно, Версаль был одним из самых впечатляющих явлений такого типа, но он не оказывал столь всеохватного влияния, как думают традиционно. Главные династические соперники Бурбонов, австрийские Габсбурги, имели другой вариант – более суровую, но столь же величественную резиденцию на базе венского дворца Хофбург⁶¹. Далее, стиль итальянских архитекторов, воплощенный в постройках Джанлоренцо Бернини, возведенных в Риме в XVII в., мог не отвечать вкусам Людовика XIV, но пришелся по нраву в тогдашней Центральной и Северной Европе⁶². Такое разнообразие культурных влияний можно наблюдать при целой серии дворов разного размера и значения, где правило множество князей, герцогов, епископов и прочих правителей, сидевших по всем германским землям во второй половине XVII в.⁶³ Величественная резиденция служила властителю для утверждения его статуса – реального, вождественного, а порой и «утешительного» – дабы снискать признание современников как в стране, так и за рубежом. Амбиции баварских Виттельсбахов и курфюрстов Саксонии находили выражение в масштабных реконструкциях Мюнхена и Дрездена начиная с 1680-х гг.⁶⁴ Претензия правителя Пруссии на королевский титул в 1701 г. заставила его совершить крупные вложения в Берлин – Фридрих I стремился укрепить свое новое положение при помощи обширных строительных начинаний и пышных придворных празднеств. При этом прусские короли продолжали короноваться в Кенигсберге, что напоминает ситуацию в России⁶⁵.

Говоря о Петербурге, конечно, можно обнаружить сходство между новым городом Петра и резиденциями других тогдашних правителей Европы. Подобно некоторым мелким германским столицам, этот город был полностью обязан своим существованием воле правителя. Быстрое развитие Петербурга было не столько естественным процессом, сколько результатом денежных вложений со стороны сменявших друг друга правителей и богатой городской верхушки. За два десятилетия со своего основания Петербург прочно утвердился как главное местопребывание царского двора и высших органов управления. Однако, вопреки распространенному мнению, при Петре Петербург не был официально объявлен столицей⁶⁶. После смерти его основателя в 1725 г. позиции Петербурга оказались под сомнением. К концу 20-х гг. возникло предположение, что государственные институты, возможно, навсегда вернутся в Москву, где предпочел поселиться юный царь Петр II и где умер в 1730 г. Зато триумфальное возвращение Анны Ивановны с двором в Петербург в 1732 г. подтвердило правящий статус нового города, и за следующие тридцать лет двор пробыл в Москве в общей сложности только три года.

При этом, вопреки заверениям в противном со стороны некоторых позднейших комментаторов, Москва тогда вовсе не была заброшена⁶⁷. В ней разворачивались

61 *Spielman J.* The City and Crown: Vienna and the Imperial Court, 1600–1740. West Lafayette, IN, 1992.

62 *Kaufmann Th. D.* Court, Cloister, and the City: The Art and Culture of Central Europe, 1450–1800. Chicago, IL, 1995. P. 270–279.

63 Полезный обзор см. в работе: *Whaley J.* Germany and the Holy Roman Empire. Oxford, 2012. Vol. 2. P. 228–229.

64 *Klingensmith S.* The Utility of Splendor: Ceremony, Social Life, and Architecture at the Court of Bavaria, 1600–1800. Chicago, IL, 1993. P. 19–64; *Watanabe-O’Kelly H.* Court Culture in Dresden: From Renaissance to Baroque. Basingstoke, 2002. P. 193–212.

65 *Friedrich K., Smart S. (eds.).* The Cultivation of Monarchy and the Rise of Berlin: Brandenburg-Prussia, 1700. Farnham, 2010; *Clark Ch.* Iron Kingdom: The Rise and Downfall of Prussia: 1600–1947. London, 2007. P. 67–114.

66 *Анисимов Е.В.* Юный град. С. 71–72.

67 См., например: *Щербатов М.М.* Прошение Москвы о забвении ея // М.; Пб.: Pro et contra / Сост. Исупов К.Г. СПб., 2000. С. 81–87.

многочисленные строительные проекты, в том числе возводились официальные здания, дворцы, церкви, во многом напоминавшие те, что заказывались в Петербурге⁶⁸. Кроме того, Москва продолжала играть важную церемониальную роль для русского двора, так как служила местом, где проводились крупные ритуалы, и прежде всего, венчание на царство⁶⁹. Такой частично совпадающий статус обоих городов отразился в терминах, применявшихся для их обозначения в этот период. Возьмем хотя бы один пример – в названиях географических карт Москвы и Петербурга, составленных как русскими, так и иностранными картографами, используются одинаковые слова для обозначения их роли как местопребывания двора и столиц. Санкт-Петербург именуется *la Capitale* (Николя де Фер, 1717 г.), *Haupt-residenz* (Иоганн Хоманн, 1720 г.), *Residenz Stadt* и *Столичный город* (Жозеф де Лиль, 1737 г., и Джон Траскотт, 1753 г.) – последнее выражение применялось также к Москве (Иван Мичурин, 1739 г.), наряду с его вариантом *Царствующий град* (1763 г.). Затем эти карты воспроизводились в той или иной форме в европейских странах⁷⁰. Их заголовки важны, ведь в них Санкт-Петербург признавался равным другим столицам Европы, потому что именовался теми же терминами, а кроме того, в них подтверждался действующий статус Москвы, «старой» столицы.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ГЛАВ

Первая глава содержит обзор создания Санкт-Петербурга и составляющих его пространств. Планировка и облик города отражают один из аспектов связи между Россией и остальной Европой в рассматриваемый период. Но все эти планы – от расположения городских районов до проектов его главных зданий – должны были учитывать природные и практические ограничения, налагаемые местными особенностями. В Петербурге возникло нескольких новых искусственных пространств, служивших форумом для соответствующих преобразований. В главе рассматривается создание и развитие в городе общественных, интеллектуальных и церемониальных пространств, чтобы создать контекст для более детального их обсуждения в последующих главах. В главе второй исследуется еще один аспект соотношения между Россией и остальной Европой путем обсуждения полицейского законодательства, введенного в ряде европейских стран ради установления «доброго порядка» («благочиния») среди их жителей. В главе рассмотрено учреждение первого в России полицейского органа в Петербурге в 1718 г. Главная полицмейстерская канцелярия была создана Петром I для надзора над несколькими ключевыми сферами жизни нового города, ради физического, экономического и нравственного благополучия его населения. На примере изучения нескольких конкретных проблем – пьянства, азартных игр и непристойного поведения – делается вывод, что Россия подходила к решению этих проблем теми же методами, что и другие европейские страны, хотя и с весьма неоднозначными результатами.

Третья глава посвящена русскому двору и его ежегодным праздникам. Русский двор XVIII в. был как институт родственным своему московскому предшественнику, но отличался от него новыми чинами и должностями, которые имели европейские названия и функции. Так было и с придворным календарем – новые праздники прибавились к существовавшим религиозным датам московского двора. Последним придавали новую форму, чтобы возвеличить роль государства и правящей династии, как при Петре, так и, в особенности, при

68 Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Architecture. Chicago, IL, 1988. P. 111–131.

69 Dixon S. Modernisation. P. 170.

70 Postnikov A.V. Russia in Maps: A History of the Geographical Study and Cartography of the Country. Moscow, 1996. P. 42–49.

его преемниках. В главе рассматривается несколько примеров крупномасштабных публичных торжеств в Санкт-Петербурге, посвященных конкретным важным событиям – царским въездам, свадьбам, похоронам, – в ходе которых устанавливалась крепкая связь между династией и городом. Планирование, организация и символическая образная система, относящаяся к этим событиям, выражали стремление русского двора занять прочное положение на придворной карте Европы. Четвертая глава переходит к вопросу о влиянии двора на светскую жизнь петербургского общества. Анализ направлен на взаимосвязанные светские мероприятия, участие в которых активно поощрялось правителями в этот период, причем такая практика продолжалась и в дальнейшем – при Екатерине II и после нее. Наконец, в Петербурге проходили многие традиционные народные виды развлечений – ледяные горы и иные сезонные увеселения. В главе идет речь об их постоянном присутствии, чтобы подчеркнуть тему преемственности, наряду с нововведениями в различных сферах социальной и культурной жизни Петербурга.

Наконец, в пятой главе фокус внимания перемещается с пространств города на людей – предполагаемых участников происходящих там событий. «Европеизированные» события жизни петербургского общества, например ассамблеи, были новшеством, а потому их предполагаемые участники не были изначально подготовлены к такому испытанию. В главе рассматриваются некоторые аспекты их адаптации. Решающим способом овладеть умениями, которые считались необходимыми, чтобы правильно вести себя в обществе, было их изучение. Новые образовательные учреждения для элиты, например Кадетский корпус, наряду с все более широким привлечением иностранных домашних наставников ведущими знатными фамилиями, облегчали этот процесс. Советы по уместному поведению можно было получить также из иностранной литературы по этикету, встречавшейся уже в русском переводе. Танцы сделались важной частью образования в этот период, так как они учили двигаться, держаться и вести себя в свете. Глава заканчивается рассмотрением перемен в платье и уходе за внешностью как наиболее зримого символа преобразований в российском обществе того времени. Европейские моды становятся обязательными среди элиты и избранных групп горожан, причем доступ на некоторые мероприятия и площадки в Петербурге нередко регулировался требованиями к виду платья, и тем самым отсекались низшие социальные группы. Эти реформы помогали свести к минимуму физические и, до некоторой степени, культурные различия между русскими и их современниками в других странах Европы.

Возвращаясь к описанию города, оставленному Альгаротти, отметим, что он выделил ряд особенностей постройки Петербурга: «Тут господствует какой-то смешанный архитектурный стиль, средний между итальянским, французским и голландским...» и «...кто-то даже сказал: в других местах руины образуются сами по себе, а здесь их строят»⁷¹. Эти наблюдения, типичные для литературного стиля Альгаротти, затрагивают, Тем не менее две важные темы, влиявшие на мнение о Петербурге всю его историю. Первая касается природы взаимоотношений России с Европой, характеризуя их как неразборчивое подражание разным стилям, а вторая подчеркивает характер фундаментальных основ города, которые предстают плохо продуманными и неустойчивыми. В нижеследующих главах изучаются вопросы, вытекающие из этих двух положений, и оспариваются их выводы.

Глава 1

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ: РАЗМЕЩЕНИЕ ГОРОДА

Как основатель Санкт-Петербурга Петр I сознательно, а возможно, и подсознательно стремился управлять пространством города и его населением с определенными целями. Эти цели отчасти имели отношение к общему замыслу его реформ – превратить Россию в более могущественное государство на внутреннем и на международном уровне, – но также

⁷¹ *Algarotti F. Letters from Count Algarotti. P. 76–77.*

говорили о желании использовать город как испытательный полигон для некоторых конкретных начинаний. Если Петербург начинал свое существование как укрепленный порт на балтийском берегу, то Петр I и его преемники совершили немало усилий, чтобы сделать его облик, институты и функции гораздо более подходящими для царской резиденции или столицы. Города, которые Петр посетил во время Великого посольства 1697–1698 гг., естественным образом натолкнули его на ряд вдохновляющих идей для нового проекта. Список этих городов включает в себя как столицы, так и не столь крупные, но все же значительные города Центральной Европы: Рига, Митава, Кенигсберг, Амстердам (и особенно Заандам), Лондон, Лейпциг, Дрезден, Прага, Вена, Рава-Русская. Эти города стали источником богатейших впечатлений и примеров, которые в той или иной степени оказались важными для планов Петра. Международные порты, центры коммерции, средоточия наук или очаги придворной культуры – эти города позволили молодому царю ощутить явственный аромат возможностей, доступных ему.

В этой главе мы рассмотрим, как в Санкт-Петербурге создавались разнообразные пространства, здания, учреждения и как они в дальнейшем влияли на развитие города. Петербург, только что основанный город, давал отличную возможность планировать и регламентировать его существование. Размещение в новом городе главных органов государственного управления России, естественно, также требовало усиленного внимания властей. Пожалуй, важнейшему из институтов, привлекавших такое внимание, – царскому двору, – будет специально посвящена третья глава этой книги. От разметки улиц на плане до облика важнейших зданий, от вопроса о том, как заселить город людьми, до задачи добиться их «упорядоченного» повседневного поведения Санкт-Петербург представлял собой заранее задуманный проект, пусть и не всегда хорошо скоординированный и последовательный. И одной из главных помех в процессе планирования являлось природное местоположение города. Центральное место в топографии Петербурга занимала Нева: река разделяла город на отдельные районы, не всегда надежно связанные друг с другом и неудобные для сообщения. Поэтому (и, в сущности, по необходимости) река стала важнейшим элементом и повседневной, и праздничной жизни города. Еще одно природное пространство в Петербурге представляли собой царские сады, которые символически воплощали использование природы для благих целей, отражая стремление Петра I представить новый город как земной рай, «парадиз». Кроме того, сады являлись одним из важных социальных пространств внутри города, что будет рассмотрено подробнее в четвертой главе.

Перемещение в Петербург повлияло на социальную жизнь высшего общества, особенно с появлением нескольких новых видов общественных собраний как при дворе, так и в домах знатных семейств. В усвоении этих новшеств в рассматриваемый период заметен переход от принуждения к регулированию, а затем к принятию нового социального контекста русской элитой. Далее, в городе разместились вновь образованная Санкт-Петербургская Академия наук, призванная на протяжении XVIII в. способствовать утверждению Петербурга в роли крупного центра научных исследований. А между тем Академия наук служила еще и образцом для петербуржцев, показывая пример поведения образованных, воспитанных (не говоря уже – цивилизованных) людей, а ее публичные мероприятия позволяли демонстрировать это российской и иностранной публике. Наконец, в силу присутствия в городе царской семьи, а также военной, гражданской и придворной верхушки здесь, естественно, отмечалось большинство государственных праздников. Если календарь придворных празднований будет рассмотрен в деталях в третьей главе, то здесь важно дать некоторое представление о тех пространствах, в которых проходили эти торжества. Хотя явление на свет Петербурга было абсолютным новшеством в хронологическом смысле, форма и содержание упомянутых выше аспектов его жизни говорят о более сложном соотношении между традиционным и новым.

«РЕГУЛЯРНЫЙ» ГОРОД?

Пример Европы часто выдвигают на первый план как источник влияний на представления Петра о его новом городе. Архитектурный облик Петербурга и различные учреждения также, в той или иной форме, опирались на существующие образцы. Санкт-Петербург часто сравнивали с другими европейскими городами, несмотря на отсутствие сколько-нибудь ясно различимого их влияния на Петра или на кого-либо из его ближайших советников. Так, итальянцы, приезжавшие в Петербург в XVIII столетии, не разделяли мнение некоторых тогдашних комментаторов, сравнивавших его с Венецией только по причине наличия водных артерий и каналов⁷². По словам ряда наблюдателей, любимой моделью Петра был Амстердам – морской порт, выросший на международной торговле⁷³. Однако и Венеция, и Амстердам формировались на протяжении столетий, в то время как Петербург был новым проектом – он давал возможность сразу разрабатывать единый замысел, а не переделывать готовую городскую среду⁷⁴. Другим источником вдохновения для Петра служили многочисленные трактаты по архитектуре и фортификации из библиотеки Кремля⁷⁵. Петр пополнял свою личную библиотеку во время Великого посольства, покупая множество трудов по архитектуре. Затем некоторые из этих книг были переведены на русский язык, благодаря чему в нем появился новый набор архитектурных терминов. Например знаменитое сочинение Джакомо ди Виньола «Regola delli cinque ordini d'architettura» («Канон пяти ордеров архитектуры», впервые изданный в 1562 г.) было напечатано в русском переводе в 1709 г. и дважды переиздано в царствование Петра, в 1712 и 1722 гг.⁷⁶

Следующим шагом было дать ход этим замыслам, к чему царь и приступил с самого начала существования города. Не успели закончиться земляные работы для строительства укреплений, как Петр уже заказывал своим военным инженерам планы для будущей Петропавловской крепости. Планированию в более широких масштабах мешала война, пока позиции России на Балтике не укрепились в результате ряда успешных кампаний и осад под командованием фельдмаршала Б.П. Шереметева. В 1706 г. Петр I учредил Канцелярию городских дел (в 1723 г. переименованную в Канцелярию от строений) под началом У.А. Сеньявина и с итальянцем Доменико Трезини в качестве главного архитектора, призванную координировать разнообразные работы при строительстве Петербурга⁷⁷. Канцелярия, в лице своих архитекторов, не только ведала проектами планировки и застройки города, но также распоряжалась массами рабочей силы и строительными материалами. Поэтому она имела, для гражданского учреждения, довольно большой бюджет, составлявший около пяти процентов государственного дохода в начале 1720-х гг.⁷⁸

Победа в Полтавском сражении в конце июня 1709 г. стала поворотным пунктом Северной войны, когда сам Петр уверился в том, что город надежно защищен и что можно приступать к разработке его генерального плана⁷⁹. Начиная с этого момента появилась

72 Одно из таких мнений см.: *Weber F.Ch. The Present State of Russia. London, 1968.* Более скептические взгляды рассмотрены в статье Марии ди Сальво: *Salvo M. di. A Venice of the North? Italian Views of St. Petersburg // Cross A. (ed.). St. Petersburg, 1703–1825. Basingstoke, 2004. P. 71–79.*

73 См., например: *Whitworth Ch. An Account of Russia as it was in the year 1710. London, 1758. P. 126.*

74 *Egorov Iu. A. The Architectural Planning of St. Petersburg. Transl. Eric Dluhosch. Athens, GA, 1969. P. 23–25.*

75 *Hughes L. Western European Graphic Material as a Source for Moscow Baroque Architecture // SEER. 1977. Vol. 55/4. P. 433–443.*

76 *Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Architecture. Chicago, IL, 1988. P. 150–152.*

77 *Луннов С.П. История строительства Петербурга. М., 1957. С. 62–66.*

78 *Cracraft J. The Petrine Revolution. P. 175. Fn. 77.*

79 Петр I – Ф.М. Апраксину. 27 июня 1709 г. ПИБПВ. Т. 9. Ч. 1. С. 231.

тенденция заказывать единые проекты для целых районов – таких, как Адмиралтейская часть, или даже для города в целом, – которые бы точно следовали пожеланиям Петра и, что немаловажно, учитывали бы возможности казны. Желаемые черты регулярного барочного города воплотились в известном плане, представленном французским архитектором Ж.Б.А. Леблонем в 1716 г. Основой плана была, прежде всего, застройка Васильевского острова (в этом отразилась еще одна из отправных идей Петра по поводу центра его нового города) с геометрической сеткой улиц и каналов, обнесенных обширными укреплениями в тогдашнем французском стиле Вобана. Особенности географического положения города, в частности сложности, связанные с болотистой местностью и шириной Невы, а также громадные расходы, которых требовало выполнение такого плана, делали его неосуществимым в полном масштабе, особенно потому, что строительные работы в городе уже шли полным ходом к тому моменту, когда Леблон приехал в Россию. Тем не менее некоторые элементы плана Леблona были сохранены, как показывает сетка улиц и каналов, которая к середине XVIII в. сложилась на Васильевском острове⁸⁰.

В законодательстве того времени также отразилось намерение придать регулярный облик новому городу. С 1714 г. закон регламентировал, какие виды домов надлежало строить для разных групп общества и из каких материалов. Типовые проекты образцовых домов для «подлых» и «именитых» людей были заказаны Доменико Трезини⁸¹. С апреля 1714 г. в Петербурге по этим проектам начали строить дома. Указы о строительстве свидетельствуют также о постоянном европейском влиянии на этот процесс. Так, в одном из указов по поводу возведения мазанковых домов специально отмечалось, что это делается «прускою манерой»⁸². Была также попытка регламентировать, где именно в городе должны размещаться дома, в зависимости от положения в обществе их хозяев. Указ от июня 1712 г. гласил, что знать должна строить дома вверх по Неве от Первого Зимнего дворца Петра, а купцам и ремесленникам предписывалось строиться на другом берегу Невы, на Васильевском острове⁸³. Впрочем, эти предписания, как и заказанные архитекторам планы Петербурга, тогда было затруднительно осуществить на деле. В конце следующего года вышло официальное напоминание о переезде, адресованное перечисленным в нем группам населения. Такие напоминания стали обычным явлением в рассматриваемый период⁸⁴.

Непросто обстояло дело и с образцовыми проектами домов, разработанными Трезини? – они годились только для тех, кто мог себе позволить постройку таких домов, и фактически применялись лишь для фасадов зданий в наиболее заметных местах города, например по берегам основных водных артерий. Указ о возведении домов в местах, отведенных под заселение, был повторно издан в марте 1720 г., но по-прежнему было очень трудно заставить людей переезжать в некоторые районы города, особенно на Васильевский остров⁸⁵. Приезжавшие в Петербург иностранцы отмечали, что этот район находится в довольно заброшенном состоянии. Член голштинского посольства Фридрих-Вильгельм фон Берхгольц, побывав на Васильевском острове в марте 1725 г., записал, что множество каменных домов стоят пустыми, так как их знатные владельцы «имеют дома и в других

80 *Cracraft J.* The Petrine Revolution. P. 158–159.

81 Изображения этих домов приведены в кн.: *Лисаевич И.И.* Первый архитектор Петербурга. Л., 1971. С. 48.

82 ПСЗ. Т. 5. 2850. 12 октября 1714 г.. С. 126–127.

83 Там же. Т. 4. 2540. 6 июня 1712 г.. С. 840–841.

84 Там же. Т. 5. 2748. 4 декабря 1713 г.. С. 74.

85 *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, CT, 1998. P. 215–217.

местах города»⁸⁶. Сэр Фрэнсис Дэшвуд, прибывший в Петербург в составе английской торговой миссии в начале 1730-х гг., также сообщал в 1733 г. об этих красивых, но пустующих домах, как и о том, что, хотя Васильевский остров считается коммерческим центром города, многие купцы здесь не живут. По его мнению, это объяснялось сооружением понтонного моста, позволявшего купцам с легкостью добираться на остров с Адмиралтейской стороны, чтобы вести свои дела на Бирже⁸⁷.

Из-за того, что Петербург рос очень быстро, требования Петра исполнялись, в лучшем случае, бессистемно, чему способствовали и неблагоприятный климат, и упрямство жителей города. Основательную реконструкцию здесь смогли начать лишь после того, как крупные пожары, случившиеся летом 1736 и 1737 гг., уничтожили большинство деревянных строений – эти обиталища городских низов теснились позади регулярных каменных зданий, стоявших по берегам главных рек. В середине 1737 г. в Петербурге была учреждена Комиссия о Санкт-Петербургском строении, призванная регулировать проектирование и застройку улиц и площадей, дабы придать центральным районам города более единообразный облик⁸⁸. Одним из ведущих архитекторов в этой комиссии был П.М. Еропкин, которого Петр I в 1716–1724 гг. посылал за границу учиться художествам в Амстердаме и в ряде городов Италии. По возвращении оттуда Еропкин проявил себя как плодовитый архитектор, работая над проектами зданий по всему городу, а также в царских резиденциях в его окрестностях, включая Петергоф и Ораниенбаум⁸⁹. Он составил рукописный трактат по архитектуре, «Должность архитектурной экспедиции», часть разделов которого отмечена влиянием знаменитого сочинения Андреа Палладио «Четыре книги по архитектуре» («I quattro libri dell'architettura», 1570)⁹⁰. В связи с арестом и казнью Еропкина в 1740 г. за участие в политическом заговоре работа Комиссии о Санкт-Петербургском строении понесла ущерб, но она успела под его руководством выработать принцип деления города на пять отдельных административных частей – Адмиралтейскую, Васильевскую, Петербургскую, Выборгскую и Московскую – и утвердить в качестве центральной осевой основы Петербурга трехлучевую структуру проспектов, расходящихся от Адмиралтейской крепости⁹¹.

Новая череда пожаров в конце 1740-х гг. привела к дальнейшей расчистке ветхой застройки в центре Петербурга, что создало возможности для последующего его развития. В частности этот период стал временем становления Невского проспекта, как он назывался с 1738 г., в роли главной внутригородской артерии (за исключением Невы). Проспект тянулся от Адмиралтейства до городской заставы прямо за Фонтанкой и продолжался дальше до Александро-Невской лавры. Если берега Невы и водных путей меньшего масштаба, таких как Мойка и Фонтанка, оставались предпочтительным местом реализации крупных строительных проектов, то к середине столетия и на Невском проспекте стало появляться все больше солидных построек. Несколько больших дворцов, существующих в настоящее время,

86 Берхгольц Ф.В. фон. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725 (гл. 3 и 4) // Наумов В.П. (ред.). Юность державы. М., 2000. С. 272.

87 Dashwood F. Sir Francis Dashwood's Diary of his Visit to St. Petersburg in 1733 / Ed. Betty Kemp // SEER. 1959. Vol. 38. P. 202, 206.

88 ПСЗ. Т. 10. 7323. 10 июля 1737 г. С. 216–217.

89 Калязина Н. В., Калязин Е. А. Петр Еропкин // Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век. СПб., 1997. С. 156–190.

90 Несмотря на то что это сочинение пользовалось признанием после смерти Еропкина (труд завершили его коллеги, Михаил Земцов и Иван Коробов, продвигавшие его в царствование Елизаветы), оно оставалось неопубликованным, пока не вышло в сборнике «Архитектурный архив» (М., 1946. №1. С. 21–100).

91 Обзор этих планов см.: Семенцов С.В. и др. Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII века. СПб., 2004. С. 186–187.

были построены в этот период. Например Аничков дворец был заказан для фаворита Елизаветы, графа А.Г. Разумовского, вскоре после того, как она захватила престол в конце 1741 г. Архитектором этого проекта стал М.Г. Земцов, ученик Д. Трезини, коллега Еропкина по Комиссии о Санкт-Петербургском строении и автор ряда проектов каменных домов по Невскому проспекту. Возведение Аничкова дворца продолжалось 12 лет, а надзирал за ним архитектор Бартоломео Растрелли, уроженец Франции, которого Петр I пригласил в Россию. На него же возлагалась ответственность за проект и строительство Строгановского дворца по воле барона С.Г. Строганова, заказавшего его в 1753 г.⁹² Влияние искусно разработанного стиля Растрелли прослеживается в целом ряде построек елизаветинского времени по всему городу, в особенности в его работах над царскими резиденциями, которые рассматриваются ниже.

Единству общего архитектурного облика Петербурга естественным образом препятствовало смешение стилей в городе, что неудивительно, если учесть пестрое происхождение многих его архитекторов – французов, немцев, итальянцев, русских. Впрочем, к началу 1760-х гг. отчетливо проявились наиболее характерные черты городского облика, благодаря планам, разработанным Комиссией о Санкт-Петербургском строении для города в целом и его отдельных частей, а также благодаря конкретным проектам архитекторов – членов Комиссии о Санкт-Петербургском строении. Все это нашло отражение на знаменитой карте Петербурга 1753 г.⁹³ Эти перемены также сказались на жизни населения города, а как жилось людям в Петербурге в его ранние годы, мы рассмотрим в нижеследующем разделе.

НАСЕЛЕННЫЙ ГОРОД

Процесс заселения нового города тоже подлежал официальному регулированию и проводился способом, напоминавшим рекрутские наборы. Первые строительные работы здесь были начаты войсками и местным населением, но их численности не хватало на осуществление обширных планов нетерпеливого Петра. Начиная с 40 тыс. работных людей по указу от марта 1704 г. на строительство нового города направлялись десятки тысяч работников, и в 1705 г. установилась ежегодная практика двух трехмесячных смен, с апреля по октябрь. В 1707 г. число работных увеличилось, но нужды войны против Швеции, а также усилившееся бегство, невзирая на то что работных сопровождала в Петербург вооруженная охрана, приводили к тому, что назначенное указами число работников в город не доставлялось⁹⁴. У.А. Сенявин раз за разом писал царю, а позднее в Сенат, что нужно больше работных для восполнения убыли⁹⁵. Однако из-за тяжелых условий труда и жизни людей, из-за оторванности их от дома, из-за самого характера набора было трудно выполнять эти требования. Считалось также, что множество работных умирало на строительстве из-за тяжелых условий, – это мнение часто звучало в иностранных описаниях города⁹⁶. Между тем

92 Малиновский К.В. Санкт-Петербург XVIII века. СПб., 2008. С. 310–316.

93 Семенцов С.В. и др. Санкт-Петербург. С. 190–191.

94 Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях (1703–1782). СПб., 1884. С. 57–61.

95 Ключков М.В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. СПб., 1911. С. 141–149.

96 О многочисленных описаниях Санкт-Петербурга иностранцами в царствование Петра I и о приводимом ими количестве смертей при строительстве города см. ценный обзор в примечаниях к русскому переводу дневника сэра Фрэнсиса Дэшвуда: *Беспятых Ю.Н. (ред.). Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях*. СПб., 1997. С. 73–74. Например во время визита Дэшвуда в 1733 г. эта цифра, по слухам, достигла 300 тыс. человек (!). См.: *Dashwood F. Sir Francis Dashwood's Diary*. P. 203.

убедителен вывод С.П. Луппова о том, что цифры, приводимые иностранцами, несомненно преувеличены⁹⁷. Точное число смертей, вызванных болезнями и невыносимыми условиями труда, было довольно сложно установить, и не в последнюю очередь – из-за отсутствия точной информации⁹⁸. Однако чрезмерно высокий уровень смертности кажется маловероятным в свете того, что в ранние годы постоянное население Петербурга было малочисленно (всего лишь около 8 тыс. в 1710 г.), дважды в год увеличиваясь из-за притока рабочих, а к 1725 г. численность населения резко возросла почти до 40 тыс.⁹⁹

Ожидалось, что, помимо этих мобилизованных рабочих людей, новый город Петра станут заселять дворяне и купцы, чтобы выполнять там свои новые полезные функции. Так, английский посол в России Чарльз Уитворт отметил в мае 1712 г. выход указа, предписывавшего строить дома в Петербурге тысяче из лучших дворянских фамилий, такому же числу купцов и 2 тысячам ремесленников¹⁰⁰. Другим указом, в 1714 г., снова предписывалось тысяче богатейших дворянских семей переезжать из Москвы в Петербург и строить там дома¹⁰¹. Долгосрочные планы Петра относительно переселения жителей в Петербург отразились в представленном в Сенат в августе 1712 г. списке 1212 военных и гражданских чинов, купцов и ремесленников, получивших приказ перебираться сюда после завершения войны со Швецией. На заключительном этапе войны эти планы начали осуществляться, причем на Сенат возлагалась обязанность контролировать процесс переселения¹⁰². Петр допускал очень мало исключений из этих предписаний, и лишь беременным женщинам на сносях и тяжело больным людям разрешали повременить с отъездом (но не избежать его совсем). Последующий указ гласил, что дворы жителей, не переехавших на Васильевский остров с материковой части города до 1725 г., будут разрушены, а их владельцы поселены в «черные избы» на Васильевском острове¹⁰³. Однако тот факт, что указы о переселении в новый город издавались вновь и вновь до самой смерти Петра, а в Сенат потоком шли прошения дворян, желавших вернуться в свои имения, говорит о том, что переезд в Петербург продолжал встречать сопротивление¹⁰⁴.

Такое упрямство со стороны будущих обитателей нового города имело серьезные основания. Даже если не брать в расчет трудности, связанные с собственно переездом, как и те испытания, которые сулил людям непривычный местный климат, переселение влекло за собой серьезные финансовые последствия. Перевозка домохозяйства в Петербург, а сверх того, расходы на строительство нового дома и дороговизна жизни на новом месте были способны поставить в тяжелое положение даже богатейших представителей элиты. Фридрих Христиан Вебер, ганноверец, входивший в состав английского посольства в Петербурге в 1714–1719 гг., писал, что, по оценке некоторых знатных семей, в результате переезда они лишились почти двух третей своего состояния¹⁰⁵. Одно из объяснений подобных затрат может

97 Луппов С.П. История строительства Петербурга. С. 94.

98 Подробное рассмотрение этого вопроса см.: Агеева О.Г. «Величайший и славнейший всех градов в свете» – град Святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб., 1999. С. 78–81; Анисимов Е.В. Юный град: С. 105–111.

99 Луппов С.П. История строительства Петербурга. С. 23.

100 СИРИО. Т. 61. С. 205–206. Уитворт – Ст. Джону. Санкт-Петербург, 26 мая 1712 г.

101 Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. P. 215.

102 Луппов С.П. История строительства Петербурга. С. 25–26.

103 ПСЗ. Т. 7. № 4405. 5 января 1724 г. С. 196–197.

104 Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. P. 175–176.

105 Weber F.Ch. The Present State of Russia. Vol. 1. P. 191.

заключаться в том, что по своему географическому положению Петербург отстоял гораздо дальше от дворянских имений, чем Москва, что затрудняло получение дворянами денег и оброков из своих поместий. Ф. Дэшвуд в начале 1730-х гг. приводил пример Ф.А. Лопухина, который получал ежегодно 30 тыс. рублей дохода со своих сибирских владений, но мог использовать в Петербурге меньше половины¹⁰⁶, т.е. остальная часть доходов Лопухина, несомненно включавшая в себя какую-то форму натурального платежа: провизии, дров и т.п., к нему не доходила. Пока дворянин жил в Москве, было сравнительно просто посылать ему продукты из имения и тем самым сокращать расходы, но переселение в Петербург делало дворянство более зависимым от денежного дохода¹⁰⁷.

Эта проблема была отчасти признана властями в 1719 г., когда дворяне, владевшие менее чем сотней дворов, а также купцы среднего достатка были освобождены от принудительного переезда в Петербург¹⁰⁸. Тем не менее переселение оставалось под контролем властей весь рассматриваемый период. В 1717 г. произвели перепись всех домов Петербурга и их обитателей, хотя в растущем городе с большой текучестью населения в некоторых районах трудно было собрать данные, фиксирующие число жителей на конкретный момент¹⁰⁹. О.Г. Агеева приводит сенатский доклад, в котором перечисляются дворяне, не сумевшие перебраться в Петербург к 1723 г., и предлагается расследовать причины их отсутствия, включая заявления о болезни, поданные через Медицинскую канцелярию¹¹⁰. С отъездом двора ненадолго в Москву в 1724 г. по случаю коронации Екатерины I, а также на более длительный срок в краткое царствование юного Петра II, это переселение прерывалось. Однако триумфальный въезд Анны Ивановны в Санкт-Петербург в 1732 г. (он рассматривается в третьей главе) недвусмысленно продемонстрировал намерения властей и обозначил решительный сдвиг в этом процессе. Присутствие в городе двора и главных государственных учреждений убеждало в том, что дворянству необходимо переселяться в Петербург, несмотря на недовольство расходами и неудобствами. Это отразилось в начавшемся здесь в 1730-х гг. активном строительстве, которое мы рассмотрим ниже.

Если говорить о процессе заселения Петербурга, то в этом смысле город рос очень быстро, учитывая его скромное начало. Согласно сведениям, собранным Святейшим синодом, город разросся с 40 тыс. жителей в 1725 г. до 70 тыс. в 1737 г.¹¹¹ Сбор такой информации возлагался в этот период также на Полицмейстерскую канцелярию. Канцлер А.П. Бестужев-Рюмин приказал этому учреждению составлять сводки о городском населении, включая в них не только сведения о русском населении (постоянном или пришлом) и о военнослужащих, но также об иностранцах – неважно, дипломаты они, купцы или моряки. В своем ответе генерал-полицмейстер А.Д. Татищев сослался на многочисленные трудности в исполнении этого задания¹¹². Затем он написал

106 *Dashwood F.* Sir Francis Dashwood's Diary. P. 205.

107 *Jones R.E.* Getting the Goods to St. Petersburg: Water Transport from the Interior, 1703–1811 // *SR*. 1984. Vol. 43. P. 413–417.

108 ПСЗ. Т. 5. № 3339. 23 марта 1719. С. 686–687.

109 *Долгова С.Р.* «...ехать и переписать имянно без медления»: Первые жители Петербурга. 1717 г. // *Исторический архив*. 2003. Т. 2. С. 7–20.

110 *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший всех градов в свете». С. 113–115.

111 *Семенова Л.Н.* Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998. С. 6–7.

112 РГАДА. Ф. 16. Д. 459. Л. 1–4. (О числе жителей в Петербурге). 6 июля 1750 г.

кабинет-секретарю Елизаветы, И.А. Черкасову, просьбу, чтобы Коллегия иностранных дел напрямую запросила необходимую информацию у иностранных дипломатических представителей¹¹³. В итоговом докладе приведена официальная численность жителей: 74 283 чел. (хотя к точности и достоверности подобных сведений за рассматриваемый период следует подходить с осторожностью)¹¹⁴. Для сравнения упомянем, что Иоганн Георги в своем знаменитом труде о Санкт-Петербурге, написанном в 1790-е гг., приводит цифру численности населения в 1750 г., равную 74 273 чел. (не считая детей)¹¹⁵. С тех пор население города, по-видимому, держалось примерно на том же уровне (хотя многие официальные отчеты сообщали о 120 тыс. жителей к началу царствования Екатерины II), так как в годы Семилетней войны в Петербурге сократилась численность военнослужащих¹¹⁶.

Для того чтобы представить себе масштаб роста Санкт-Петербурга на фоне других городов того времени, сравним его с некоторыми из них по состоянию на 1750 г. Несмотря на то, что крупнейшие европейские столицы все еще намного превосходили его (так, Лондон насчитывал 675 тыс. жителей, Париж – 576 тыс., Вена – 175 тыс.), он уже сравнялся со столицами соседних государств, в том числе со Стокгольмом (60 тыс. чел.), Копенгагеном (93 тыс.), Берлином (90 тыс.), Дрезденом (52 тыс.) и заметно перерос малые города-резиденции германских княжеств, например Брауншвейг (21 тыс.), Кассель (19 тыс.), Мангейм (20 тыс.), Бюрцбург (15 тыс.)¹¹⁷. Последние примеры важны в том отношении, что эти города формировались и развивались как резиденции правителей примерно в такой же краткий отрезок времени, как Санкт-Петербург. Настоящего расцвета в качестве крупного европейского города ему предстояло достичь уже в царствование Екатерины II, и в немалой степени – благодаря ее политике. Но важно подчеркнуть, что именно рассматриваемый нами период оказался решающим для становления Петербурга, причем не только потому, что в это время город формировался, но также и потому, что с окончательным перемещением сюда правительственных учреждений и их персонала была обеспечена преемственность его развития после смерти Петра I.

ПРИРОДНАЯ СРЕДА И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Главной географической характеристикой Петербурга была Нева. Влияние Невы на его развитие и на жизнь петербуржцев определялось, во многом, уже самим фактом присутствия реки в сердце города. В отличие от более узкой Москвы-реки, протекающей в старой столице, через могучую Неву, впадающую прямо в городе в Балтийское море, было очень трудно строить мосты. К тому же суровый климат делал переправу через реку в весенние и осенние месяцы опасной затеей. Положение еще больше осложнялось из-за желания Петра сделать жителей нового города умелыми, если не завзятыми, мореплавателями. Была разработана система штрафов, чтобы заставить офицеров в ветреную погоду ходить на своих судах под парусом, а не на веслах¹¹⁸. Что касалось остальных, то апрельским указом 1718 г. людям «всякого звания» предоставлялись малые суда, чтобы они могли ходить под парусами

113 Там же. Л. 5–5 об. 18 июля 1750 г.

114 Там же. Л. 11. Б.д.

115 *Георги И.Г.* Описание российско-императорского столичного града Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. Т. 1. С. 168.

116 *Munro G.* The Most Intentional City: St. Petersburg in the Reign of Catherine the Great. Madison Cranbury, NJ, 2008. P. 49–51.

117 Все цифры взяты из кн.: *Vries J. de.* European Urbanisation, 1500–1800. Cambridge, MA, 1984. P. 270–278.

118 *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 265.

каждое воскресенье. Тех, кто пропускал эти выходы больше двух раз в месяц, наказывали¹¹⁹. Даже высокопоставленных жителей города от хождения под парусом не освобождали. Для участия в петровских «водяных ассамблеях» членам элиты полагалось иметь собственные суда, в том числе яхту и два катера. Неявка на эти мероприятия каралась в типично петровском стиле. После того как на празднование в честь возвращения царя в город в конце июля 1723 г. явилось мало участников, Петр велел генерал-полицмейстеру А.М. Девьеру в дальнейшем штрафовать отсутствующих без уважительной причины на 50 руб.¹²⁰

Активное нежелание Петра строить мосты в Петербурге было еще одним средством «поощрения» жителей к плаванию на судах. В результате в его царствование были сооружены только мосты через второстепенные водные пути, например деревянный пешеходный мост, связавший Петропавловскую крепость с Петербургской стороной¹²¹. Первым пересек Неву понтонный мост, построенный в 1727 г. и возобновленный в 1734 г., пролежавший между храмом Воскресения Христова на Васильевском острове и церковью Святого Исаакия Далматского¹²². Но, несмотря на появление мостов, весь рассматриваемый период река оставалась главной коммуникацией города. В 1730-е гг. Дэшвуд писал, что «лодочные переправы» монополизированы государством, а городские купцы стараются держать собственные суда, отчасти из-за того, что им надо преодолевать водные преграды, чтобы попасть на Биржу на Васильевском острове. Любопытно, что «публичные дома» – под которыми Дэшвуд, вероятно, подразумевал трактиры или австери (другими словами, питейные заведения) – тоже, по его наблюдению, держали собственные суда¹²³. Это была обычная практика в других городах того времени, стоявших на речных берегах, – так, в Лондоне малые суда использовались для разнообразных целей, в том числе для доставки тех особ, которые желали ознакомиться с «удовольствиями» Саутуарка. В целом водный транспорт быстро стал неотъемлемой частью повседневной жизни Петербурга.

Петр, так увлекавшийся хождением под парусами, отводил Неве центральную роль во многих торжествах, как на праздновании крупной морской победы при Гангуте, которое состоялось в городе в сентябре 1714 г. Присутствовать на этом мероприятии было абсолютно обязательно, так как его программа была официально объявлена 8 сентября в виде печатного указа, оглашенного в церквях и обнародованного в газете «Ведомости». Празднование началось на следующий день, когда процессия кораблей вошла в Петербург. Их приветствовали пушечными залпами с обеих крепостей. Затем к зданию Сената, стоявшему тогда близ Петропавловской крепости, сквозь специально возведенные триумфальные ворота проследовало парадное шествие, в котором участвовали экипажи кораблей и вели пленных шведов¹²⁴. Петр был произведен в вице-адмиралы, а завершился праздник банкетом во дворце А.Д. Меншикова, во время которого произвели фейерверк¹²⁵. Петербург стал также и местом

119 ПСЗ. Т. 5. № 3193. 12 апреля 1712 г. С. 559–560.

120 Последующий доклад от 1 сентября гласил, что штрафы были взяты с адмирала Ф.М. Апраксина, Якова Брюса и Корнелиуса Крюйса: Указы, письма, бумаги и резолюции императора Петра I // СИРИО. Т. 11. С. 519–521.

121 Бунин М.С. Мосты Ленинграда: очерки истории и архитектуры мостов Петербурга – Петрограда – Ленинграда. Л., 1986. С. 10–11.

122 Богданов А.И. Описание Санктпетербурга, 1749–1751. СПб., 1997. С. 259.

123 *Dashwood F.* Sir Francis Dashwood's Diary. P. 203. Об этих заведениях речь пойдет в главе 3.

124 Объявление нынешнего триумфального входа Его царского величества в Санкт Питербурх. СПб., 1714. Это событие было также увековечено на гравюре Алексея Зубова, выпущенной в следующем году.

125 ПоЖ. 1714. 9 сентября. С. 47. Краткое описание этих событий приведено также у Вебера: *Weber F.Ch.* The Present State of Russia. London, 1968. In 2 vols. Vol. 1. P. 35–40.

празднования другой важной морской победы в Северной войне – в сражении при Гренгаме в 1720 г. В честь ее 8 сентября состоялась похожая процессия захваченных кораблей и шествие победоносных войск, после чего три дня устраивались фейерверки¹²⁶. Морская тема была представлена даже на нескольких петровских праздниках по случаю побед, одержанных на суше. Например в рамках празднований Ништадтского мира в Петербурге в феврале 1722 г. проходило карнавальное шествие с использованием платформ в виде кораблей. Еще несколько раз Петр или его ближайшие сподвижники являлись на придворных маскарадах в матросских костюмах¹²⁷. И даже после смерти Петра река участвовала в его похоронной церемонии (что рассмотрено подробно в третьей главе), когда по льду был проложен «прешпект» для движения процессии из Зимнего дворца в Петропавловскую крепость.

Преемники Петра на троне гораздо меньше увлекались мореплаванием. Они не строили корабли своими руками, не затевали экспромтом «водяные ассамблеи», но спуск новых кораблей продолжали отмечать всякий раз, как и при Петре. Так, в июне 1736 г. Анна Ивановна присутствовала при спуске корабля, названного в ее честь. Затем, на следующей неделе, на этом корабле состоялся придворный банкет и бал, на котором присутствовали персидский посол и другие иностранные дипломаты¹²⁸. Из более крупных событий можно упомянуть торжественное открытие в Кронштадте, в конце июля 1752 г., канала Петра Великого, которое символически обозначило важность сохранения петровского морского наследия для его дочери, императрицы Елизаветы. Открытие канала стало центром многодневного празднества с участием российских и иностранных сановников¹²⁹. Как и остальные горожане, сами царствующие особы и члены царской семьи регулярно плавали по реке, чтобы добраться из одной части города в другую или попасть из Петербурга в царские резиденции Петергофа и Ораниенбаума¹³⁰.

Еще одним символом связи города с миром природы служил Летний сад. Еще в марте 1704 г. Петр обращался в письме к Т.Н. Стрешневу – главе Разрядного приказа и одному из своих доверенных сподвижников – с просьбой прислать разные кустарники, деревья и растения, чтобы развести в своем новом городе сад, расположенный на южном берегу Невы, напротив крепости¹³¹. Следующие десять лет Петр продолжал выписывать растения из более теплых краев в своей империи, а также ввозил из-за границы экзотические экземпляры, а вместе с ними и садовников, призванных уберечь их в суровом климате. Особенно сильно повлияли на первоначальное развитие петербургских садов или парков голландские садовники, такие как Ян Роозен, работавший здесь с 1712 г. Однако в 1716 г. Петр задумал разбить регулярный сад во французском стиле и остановился на проекте, представленном ему архитектором Леблонном. Этот план состоял в прокладке от Невы к Мойке центральной аллеи, обрамленной античными бюстами и статуями, параллельно Лебяжьей канавке, которая разделяла Летний сад и Царицын луг. В остальном сад симметрично располагался по обе

126 Там же. 1720. 8 сентября. С. 50. Zubov также запечатлел это событие на гравюре, но позднее, в 1720-е гг. (точная дата не установлена). Она выполнена гораздо детальнее той, что посвящена Гангуту, с изображением триумфальной процессии, следующей от реки к Петропавловской крепости. Оба изображения воспроизведены в кн.: Лебедецкий М.С. Гравёр петровской эпохи Алексей Zubov. М., 1973.

127 Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. P. 255.

128 КфЖ. 1737. С. 23–25. 13 и 21 июня.

129 Dixon S. 30 July 1752: The Opening of the Peter the Great Canal // Cross A. (ed.). Days from the Reigns of Eighteenth-Century Russian Rulers. Cambridge, 2007. Vol. 1. P. 93–108.

130 См., например следующие записи в придворных журналах 1745 г. с упоминанием об использовании водного транспорта: КфЖ. 1745. С. 37 (24 июля); С. 43 (26 июля); С. 84–92 (30 августа); С. 155 (26 мая); С. 158–159 (1 и 3 июня).

131 ПиБВП. Т. 3. С. 42. 24–25 марта 1704 г. Петр I – Т.Н. Стрешневу.

стороны от главной аллеи, украшенный фонтанами, павильонами и засаженный разнообразными кустарниками и деревьями¹³².

Поперечный канал делил сад на две части, соединенные маленьким мостиком. Между этим каналом и Невой размещался Первый Летний сад, начатый Иваном Матвеевым в 1707 г. В нем находился петровский каменный Летний дворец и Грот – обычное украшение тогдашних европейских садов¹³³. Эта часть Летнего сада часто становилась местом проведения придворных праздников на открытом воздухе, о которых речь пойдет в четвертой главе. Другая половина сада, от Поперечного канала до Мойки, была разбита в 1716 г. как Второй Летний сад. Третий Летний сад, известный также как Царицын сад, потому что изначально он был подарком Петра Екатерине, лежал по другую сторону Мойки и был впоследствии связан с Первым и Вторым Летними садами крытым пешеходным мостом. В этом саду помещалась оранжерея, снабжавшая дворцовые кухни, а позже, в 1742 г., здесь появился новый деревянный Летний дворец Елизаветы, спроектированный и построенный Растрелли. Наконец, последний большой царский сад лежал на противоположном берегу Фонтанки и назывался Итальянским садом, по названию маленького Итальянского дворца, построенного там в 1712 г. для царевны Анны Петровны¹³⁴.

Эти сады играли две важные роли в жизни города в целом. Во-первых, их использовал двор для проведения светских мероприятий и иных праздников, несмотря на то что переменчивая погода нередко омрачала ход событий¹³⁵. В летние месяцы, если двор находился в городе, а не в Царском Селе или Петергофе, императрица и царская семья обычно размещались в двух Летних дворцах, и потому было удобно использовать окружающие их сады для банкетов, иллюминаций и даже для театральных представлений. Во-вторых, эти сады можно связывать с более широкой проблемой регулирования и контроля городских пространств, поскольку в регулярной планировке садов косвенным образом воплощалась идея покорения природы. Влияние голландцев на раннем этапе существования Летнего сада – в работе садовых мастеров, в композиции парков – можно связывать с этой идеей¹³⁶. Это начинание Петра охватывало и окрестности Петербурга, где царь участвовал в планировании и сооружении резиденций Петергофа, Екатерингофа и Стрельны¹³⁷.

Тема обуздания природы отразилась и на первых изображениях Петербурга. Новый город на них представал как пример покорения природы, которая служит человеку, создающему нечто значительное. Этот подход, может быть, яснее всего выразился в работе еще одного гравера того времени, А.Ф. Зубова, чья «Панорама Санкт-Петербурга» (1716 г.) изображает Петра с Екатериной на одном из судов на Неве. По убедительному мнению Г. Каганова, это изображение города следует рассматривать в свете образной системы Феофана Прокоповича. Феофан уподоблял Санкт-Петербург ладье Святого Петра, в рамках более обширного замысла представить город и как сакральное пространство, и как оазис спокойствия посреди необузданной (т.е. неконтролируемой) природы¹³⁸. В составе этого же

132 Анисимов Е.В. Юный град. С. 242.

133 Подробности относительно проекта и сооружения грота см.: Дубяго Т.Б. Русские регулярные сады и парки. Л., 1963. С. 71.

134 Семенова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга. С. 145–147.

135 См., например: Берхгольц Ф.В. фон. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725. (Гл. 1 и 2) // Наумов В.П. (ред.). Неистовый реформатор. М., 2000. С. 135–142.

136 Jong E. Nature and Art: Dutch Garden and Landscape Architecture, 1650–1740. Philadelphia, PA, 2000. P. 18.

137 Hughes L. Russia. P. 218.

138 Kaganov G. „As in the Ship of Peter“ // SR. 1991. Vol. 50. P. 762–764.

собрания гравюр Зубова находится изображение современного ему вида Летнего сада, простирающегося от невского берега до горизонта. Облик сада, разбитого на аккуратные части, с правильным геометрическим рисунком аллей, может быть, несколько идеализирован, но в нем отчетливо воплощена идея порядка, что очень хорошо согласуется с более поздними образами города.

Развитие взаимодействия города с природой тоже передано на его ранних изображениях. Голландский художник Питер Пикарт на гравюре 1704 г., т.е. времен зарождения Санкт-Петербурга, противопоставил обширное пустое пространство реки самому городу, который виднеется на горизонте в виде тонкой линии из нескольких отдельно стоящих домиков. Этот образ города, подавляемого своим природным окружением, сохранялся и далее, хотя Петербург заметно вырос в рассматриваемый период. В 1725 г. Кристофер Марселлис показал Петербург на своей гравюре глазами наблюдателя из Кронштадта – город выглядит всего лишь береговой линией, зажатой между водой и небом¹³⁹. В отличие от этой работы знаменитые гравюры Михаила Махаева, созданные в середине столетия, показывают главные виды города, подчеркивая его упорядоченный, соразмерный характер. Река, разумеется, находится на своем месте, но она уже не доминирует, а обрамлена каменными набережными и пристанями¹⁴⁰. В середине XVIII в. Петербург уже изображали прочно укорененным в своем природном окружении и контролирующим его.

НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА

С переездом в Петербург прежняя социальная жизнь новопоселенцев разрушилась. Знакомая московская среда, с ее сложившимся соседством и многочисленными палатами знатных родов, сменилась чуждым, навязанным петербургским окружением. Однако указ, относящийся к переезду и поселению дворянства и других социальных групп в новом городе, составлял лишь часть общей картины. По замыслу царя Петербург должен был принять в себя нескольких новых (в основном, для элиты) видов социального окружения, что способствовало бы развитию европейских форм общественного взаимодействия. Европейцы, приезжавшие тогда в город, были знакомы с подобными формами коммуникативного взаимодействия и оставили об этом комментарии в своих описаниях жизни в Петербурге. Резиденциям двора и дворцам высшей знати предстояло служить площадками для таких мероприятий, что повлияло на их дальнейшее развитие.

Зимний и Летний дворцы являлись важными средоточиями жизни двора в Петербурге, хотя в петровские времена это были скромные постройки по сравнению с дворцами, сменившими их впоследствии. С 1711 до 1762 г. Зимний дворец пережил пять реинкарнаций. Четыре из них представляли собой каменные строения на месте современного Зимнего дворца на берегу Невы, начиная с маленького дворца Петра, построенного в 1711 г. Это здание было перестроено и расширено в 1732–1735 гг., причем поглотило соседние дворцы Апраксиных, Кикиных и Ягужинских, а затем Растрелли в конце елизаветинского царствования перестроил его заново. Еще один Зимний дворец представлял собой временную деревянную постройку, возведенную на Мойке в феврале–ноябре 1755 г. для императрицы Елизаветы архитектором Растрелли, пока строился новый каменный, ныне существующий Зимний дворец¹⁴¹. Летний дворец Петра был построен в 1712 г. на территории Летнего сада на берегу Фонтанки и продолжал служить царственным обитателям весь рассматриваемый период. При этом в 1741–1743 гг. Растрелли возвел второй Летний дворец,

139 Казанов Г. Санкт-Петербург: Образы пространства. М., 1995. С. 22–25.

140 Эти гравюры прекрасно воспроизведены в кн.: Комелова Г.Н. Виды Петербурга и его окрестностей середины XVIII века. Гравюры по рисункам М. Махаева. Л., 1968.

141 Столпянский П.М. Петербург: как возник, основался и рос Санкт-Петербург. СПб., 1995. С. 173–174.

гораздо больше первого, на другом конце сада, при слиянии Мойки с Фонтанкой¹⁴². Хотя заказала его Анна Леопольдовна, но завершили и активно использовали его уже при Елизавете.

Кроме индивидуальных предпочтений всех названных правителей, была и другая причина для неоднократных перестроек царских дворцов – их владельцы желали выразить величие русского двора, а также активизировать его общественную жизнь. Если Петр для проведения больших праздников, вроде свадьбы его племянницы Анны Ивановны с герцогом Курляндским в 1710 г., использовал дворец Меншикова, то дальнейшее развитие двора как института и связанных с этим общественных мероприятий, таких как балы, маскарады и театральные зрелища, требовало более величественного антуража от царских резиденций. В то же время близость царских дворцов к домам знати – особенность Петербурга, не имевшая прецедента в Москве – существенно влияла на формирование новых общественных пространств¹⁴³. В Московской Руси знать не привыкла открывать свои дома многочисленным гостям и даже «гостевание» проходило в формальной манере. Например составленный в XVI в. знаменитый «Домострой» содержит, в частности указания, как принимать гостей и как вести себя в гостях¹⁴⁴. Но с появлением новых форм светских собраний, начиная с 1698 г., когда Петр вернулся из Великого посольства, положение изменилось.

Эти новшества отразились в указе об ассамблеях, изданном 26 ноября 1718 г., хотя он, возможно, просто закрепил уже существовавшую петровскую практику¹⁴⁵. Указ этот, скорее всего, явился результатом второго заграничного путешествия Петра в 1717 г., когда он присмотрелся к светским обычаям при других европейских дворах. Об иноземном влиянии прямо говорилось в тексте самого указа, где разъяснялось, что пришлось употребить французское слово «ассамблея» для встреч общества в частных домах за неимением русского соответствия¹⁴⁶. Наверное, не случайно первая ассамблея состоялась 27 ноября 1718 г. в петербургском доме князь-папы Всеппянейшего собора П.И. Бутурлина – не слишком чопорного хозяина для организации такой вечеринки¹⁴⁷. Обычно ассамблеи проводились два-три раза в неделю как неформальные встречи в одном из знатных домов, где и мужчины, и женщины разного социального положения (Петр следил, чтобы там присутствовали и корабельные мастера, и видные купцы) могли поговорить, заняться настольными играми, потанцевать словом, пообщаться без привычных социальных барьеров¹⁴⁸. Неформальный характер этих вечеров выражался в некоторых принятых там обычаях, например любому кавалеру позволялось пригласить на танец любую из дам (не исключая императрицу). Указ об ассамблеях объявил А.М. Девьер в новом качестве генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга, о чем будет рассказано в следующей главе, так что элемент надзора все же присутствовал даже на этих, по идее, неофициальных собраниях. Каждый дом, где

142 Семенова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга. С. 141–142.

143 Агеева О.Г. «Величайший и славнейший всех градов в свете». С. 113–115.

144 Pouncy C. The „Domostroi“: Rules for Russian Households in the Time of Ivan the Terrible. Ithaca, NY, 1994. P. 84–85, 138–139.

145 Агеева О.Г. Ассамблеи петровского времени в русской дореволюционной историографии // Пушкарев Л.Н. и др. (ред.). Историографические и исторические проблемы русской культуры: Сборник статей. М., 1983. С. 47–48.

146 О происхождении этого термина см.: Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Culture. Cambridge, MA, 2004. P. 433.

147 Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России: первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 200.

148 ПСЗ. Т. 5. № 3246. 26 ноября 1718 г. С. 597–598.

предполагалось устроить ассамблею, тщательно проверялся полицией заранее, чтобы установить, отвечает ли он соответствующим требованиям, и, как не раз случалось на собраниях в обществе в петровские времена, участников «приглашали» остаться подольше вооруженные гвардейцы¹⁴⁹.

Тем не менее ассамблеи были важным шагом вперед, так как являлись успешной попыткой распространить учтивые и открытые формы общения на закрытое прежде пространство частного дома. Ассамблеи были доступнее былых собраний высшего общества уже в силу того, что проходили в домах знати, а не в парадных царских палатах, а также и потому, что в число участников сознательно включили некоторые социальные группы незнатного происхождения. Кроме того, ассамблеи служили площадкой для усвоения европейских светских приемов, связанных с такими занятиями, как вежливая беседа или развлечения разного рода – танцы, салонные игры. Берхгольц приводит в своем дневнике подробнейшие описания таких мероприятий, удачным примером которых может служить вечер 18 февраля 1722 г. Ассамблея в этот день происходила в доме графа А.А. Матвеева, на ней собралось множество гостей обоего пола, хотя государь отсутствовал. Берхгольц хвалит дочь хозяина, М.А. Румянцеву, за образованность и светское обхождение, но не столь снисходителен к юной невесте придворного врача Лаврентия Блюментроста, которую называет «кокеткой». Интересно, что он отмечает и недостатки ассамблей, сетуя на то, что мужчины и женщины в зале по старинке рассаживаются врозь, а когда не танцуют, то не хотят, да и не могут поддерживать разговор¹⁵⁰. Тем не менее подобное светское времяпровождение, а особенно присутствие женщин делали ассамблеи важным фактором формирования у их участников новых стандартов поведения, что мы обсудим подробно в главе четвертой.

Хотя процесс перемен в жизни общества в России продолжался и после смерти Петра, состав присутствующих на таких мероприятиях сузился – из него исключили всех, кроме дворянства, прежде всего кроме придворной верхушки. 11 января 1727 г. Екатерина I издала указ, по которому вместо ассамблей вводились регулярные вечерние приемы при дворе, называемые «курдахи» (позднее – куртаги), или «съезды» – эти два термина употребляются равнозначно в официальных документах того времени¹⁵¹. Идея этих приемов, возможно, проистекала из опыта посещения императрицей дворов Германии и Франции вместе с Петром, так как термин «куртаг» происходит от франко-немецкого словесного гибрида, которым обозначались придворные приемы¹⁵². Между ассамблеями и пришедшими им на смену куртагами было несколько важных различий: во-первых, куртаги проводились только в царских резиденциях; во-вторых, их устраивали еженедельно в определенные дни (по четвергам); и, в-третьих, доступ разрешался только высоким гостям: вельможам и другим особам, носящим высокие чины¹⁵³. В других отношениях, впрочем, тон светской жизни при дворе не изменился со времен Петра, и здесь по-прежнему иногда очень много пили, к большому огорчению иностранных наблюдателей, таких как саксонский посланник граф Иоганн Лефорт¹⁵⁴.

Эта модель регулярного доступа ко двору для высшей знати сохранялась до конца рассматриваемого нами периода. Например Анна Ивановна, вдовствующая герцогиня

149 Hughes L. Russia. P. 268–269.

150 Берхгольц Ф.В. фон. Дневник // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 337–339.

151 Павленко Н.И. Екатерина I. М., 2004. С. 64.

152 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 2. С. 429.

153 Буганов В.И. Екатерина I // Вопросы истории. № 11. 1994. С. 48.

154 СИРИО. Т. 3. С. 439. Лефорт – Августу II. 25 мая 1726 г., СПб.

Курляндская, еженедельно давала придворные приемы в своем дворце в Митаве по воскресеньям и средам, как писал Берхгольц в сентябре 1724 г.¹⁵⁵ Леди Рондо, жена британского посланника в России в 1730-е гг., отметила, что Анна Ивановна продолжала эту практику, уже став императрицей. В своих «Письмах» леди Рондо приводит краткое описание непринужденной атмосферы придворных вечеров, когда весь двор играл в карты или предавался свободному общению, но подчеркивает, что Анна всегда соблюдала свое монаршее достоинство¹⁵⁶. Карл Берх, швед, посетивший Петербург в то время, описывал, как вышли из употребления после смерти Петра его непринужденные ассамблеи и этот вид общения сохранился только среди пребывавших в городе иностранных дипломатов. Он также отмечал контраст между этими собраниями и более формальными куртагами, происходившими за закрытыми дверями¹⁵⁷. Эта тенденция продолжалась при дворе Елизаветы, где приемы проводились регулярно по воскресеньям как часть обширного светского календаря императрицы. В ее царствование обозначилась разница между «куртагом» и «съездом»: съезды проводились по утрам, а куртаг был вечерним приемом. Эти мероприятия предназначались для увеселения императрицы, как ясно говорилось в указах, изданных в 1732 и 1752 гг. и гласивших, что на них к государыне нельзя обращаться с прошениями¹⁵⁸.

Доступ на такие мероприятия, по-видимому, зависел от нескольких факторов, причем чин, несомненно, играл важную роль. Официальные документы не вполне проясняют этот вопрос – часто посетители куртагов называются просто «знатными особами». Этот термин прежде применялся для обозначения определенной группы в составе дворянства на торжественных церемониях, например на коронации Екатерины I в 1724 г.¹⁵⁹ Затем он употреблялся в течение всего послепетровского периода¹⁶⁰. Вероятный состав этой группы «знатных особ» подсказывает нам приказ, направленный бароном Черкасовым в Полицмейстерскую канцелярию в январе 1748 г.: составить список всех членов первых пяти классов Табели о рангах вместе с женами и детьми¹⁶¹. Так как Полицмейстерская канцелярия была тем самым органом, который отвечал за оповещение постоянных посетителей куртагов, то кажется разумным заключить, что этот список охватывает по крайней мере часть группы «знатных особ»¹⁶². Напротив, низшие чины к этим мероприятиям и близко не подпускали, а возле дворца стояла охрана, следившая, чтобы прохожие и проезжие не мешали прибытию гостей¹⁶³.

155 Берхгольц Ф.В. фон. Дневник // Юность державы. С. 251.

156 Vigor J. Letters from a Lady, Who Resided Some Years in Russia, to Her Friend in England. London, 1775. С. 71–75.

157 Берх К.Р. Путевые заметки о России // Беспярых Ю.Н. (ред.). Петербург Анны Иоанновны. С. 166.

158 ПСЗ. Т. 8. № 5963. 18 февраля 1732 г. С. 632; Т. 13. № 9951. 3 марта 1752 г. С. 611.

159 Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton, NJ, 1995. Vol. 1. P. 70 (см. русский перевод: Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. Том 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002).

160 Словарь русского языка XVIII века. СПб., 1984 –. Т. 8. С. 212.

161 РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 40. Л. 42 (Указ из Кабинета императрицы в Полицейскую канцелярию).

162 См., например список приглашенных на куртаг 10 марта 1756 г. в придворном журнале (КФЖ. 1756. С. 24–25) и пример типичного уведомления, направленного в Полицейскую канцелярию в следующем месяце: РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 48. Л. 12 (Указ, посланный камер-фурьером Иваном Скобелевым в Полицейскую канцелярию 15 апреля 1756 г.).

163 См., например приказ, записанный в караульном журнале за 4 июня 1750 г.: ЖДГА. С. 205.

Хотя элемент принуждения, несомненно, сопутствовал созданию новых социальных пространств и привлечению в них новоиспеченных петербуржцев, ассамблеи и куртаги все же играли важную роль в преобразовании жизни высшего общества и различных форм взаимодействия внутри него. Важен и тот факт, что эти собрания были изначально, в петровское время, открыты для других социальных групп, в попытке расширить круг светского общества внутри городского социума, хотя это и не всегда выходило так, как предполагалось. То, что эта открытость в дальнейшем была ограничена, в немалой степени было вызвано растущим доминированием двора в общественной жизни города и, возможно, символизировало желание знати добиться того, чтобы ключевые пространства власти и влияния рядом с монархом оставались исключительно их сферой. Однако на последующих этапах рассматриваемого периода такие мероприятия снова будут сделаны доступными для групп, не входящих в традиционную придворную верхушку, состоящую из богатой, высородной знати, хотя, как и раньше, с существенными ограничениями. Дальнейшие вопросы, связанные с доступом в такие пространства и участием в проводимых там мероприятиях, будут рассмотрены подробно в главе четвертой.

СРЕДА ОБУЧЕНИЯ

Обучение занимало важное место в мировоззрении Петра с его острой заинтересованностью в приобретении навыков, полезных для государства, а потому пространство Петербурга находилось под воздействием различных образовательных институтов, рассеянных по всему городу. Такой разброс этих учреждений – Морская академия размещалась в бывшем дворце Кикина на Адмиралтейской стороне, школа при Артиллерийской лаборатории на Литейной стороне, а семинария при Александро-Невской Лавре за пределами города – показывает, что вначале Петербург не имел единого «академического» пространства. Но когда в 1729 г. Академия наук поместилась в бывшем дворце царицы Прасковьи Федоровны рядом с Кунсткамерой и ее библиотекой на Стрелке Васильевского острова, был сделан важный шаг к созданию научного центра города. В дальнейшем этому процессу способствовало основание Кадетского корпуса, который в 1731 г. занял Меншиковский дворец, опустевший после ссылки в Сибирь его хозяина в 1727 г.¹⁶⁴

Академия наук служила предметом обсуждения в переписке между Петром и немецким философом Готфридом Лейбницем, начиная с последних лет XVII в.¹⁶⁵ Задуманная царем модель опиралась на авторитетные европейские образцы, такие как лондонское Королевское общество, Королевская Академия наук в Париже и в особенности Академия наук в Берлине¹⁶⁶. Историки широко обсуждали роль, предназначенную для Академии наук в России, отталкиваясь от состояния страны и личного стремления Петра модернизировать ее.¹⁶⁷ Но, как убедительно показано в одном сравнительно недавнем исследовании, целью создания Академии было не только утвердить Россию на академической карте Европы (хотя она, несомненно, стала важным исследовательским учреждением), но и способствовать

164 Петрухинцев Н.Н. Становление Кадетского корпуса при Анне Иоанновне. 1731–1741 гг. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXVII. Первый Кадетский корпус во дворце Меншикова. К 275-летию основания. СПб., 2007. С. 132–144.

165 Эту переписку см.: Герье В. (ред.). Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. СПб., 1873.

166 McClellan J.E. Science Reorganized: Scientific Societies in the Eighteenth Century. N.Y., 1985.

167 См., например точки зрения: Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. xvii–xxxi; Vucinich A. Science in Russian Culture. London, 1965. Vol. 1. P. 65–74.

«цивилизации» русской элиты¹⁶⁸. Согласно проекту об учреждении Академии, подписанному 22 января 1724 г., в ее задачи как образовательного учреждения в широком смысле, а также всех ее членов входила обязанность служить «образцом» для России¹⁶⁹. Опыт посещения подобных научных учреждений во время Великого посольства показал Петру, что в них культивируется именно такой тип цивилизованного дискурса и внутреннего порядка, развитие которого он желал видеть в российском обществе¹⁷⁰.

Роль Академии в широком смысле отражена в ее деятельности, описанной в «Проекте». В дополнение к еженедельным собраниям, на которых должны были присутствовать академики и сам государь, чтобы обсуждать ход исследований и оценивать их результаты, академикам полагалось участвовать в открытых заседаниях (именовавшихся «академическими ассамблеями») трижды в год, а также читать публичные лекции¹⁷¹. Хотя в «Проекте» не был детально разработан состав будущей аудитории таких собраний и лекций, по самому штату Академии было понятно, что слушатели будут составлять маленькую и хорошо образованную группу элиты. Тот факт, что в составе Академии на раннем этапе преобладали иностранные ученые, означал, что языками академического общения будут латынь или немецкий, что ограничивало доступность заседаний для публики¹⁷². Нехватка русских, обладающих необходимыми знаниями или интересами, чтобы участвовать в занятиях Академии, еще сильнее сокращала будущую аудиторию. Впрочем, «Проект» предусматривал создание школы (гимназии) и университета при Академии с тем, чтобы в итоге воспитать образованных русских студентов¹⁷³. Указ об учреждении Академии был издан Петром 28 января 1724 г., но официальное открытие ее состоялось 2 ноября 1725 г., через десять с небольшим месяцев после смерти Петра¹⁷⁴.

Первая публичная ассамблея Академии прошла вскоре, 27 декабря 1725 г., в бывшем доме П.П. Шафирова. Ее посетили царица Анна Петровна (старшая дочь Петра), ее муж, герцог Голштинский, и еще около 400 высокопоставленных особ¹⁷⁵. Разнообразный состав слушателей ясно показывает, что не все они присутствовали по причинам чисто интеллектуальным. Если образованность архиепископа Феофана Прокоповича была безупречна, то А.Д. Меншиков, хотя он и состоял членом Королевского общества, может быть отнесен к числу тех представителей придворной верхушки, кто явился из политических или светских соображений¹⁷⁶. Протокол этой ассамблеи был напечатан в Кенигсберге в конце

168 Werrett S. *Fireworks: Pyrotechnic Arts and Sciences in European History*. Chicago, IL, 2010. P. 109–110.

169 ПСЗ. Т. 7. № 4443. 28 января 1724 г. С. 220–224.

170 Gordin M. The Importance of Being Earnest: The Early St. Petersburg Academy of Sciences // *Isis*. 91 (2000). P. 15–16.

171 ПСЗ. Т. 7. № 4443. 28 января 1724 г. С. 220–224.

172 Marker G. *Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia. 1700–1800*. Princeton, NJ, 1985. P. 46.

173 О достижениях и неудачах этих двух вспомогательных учреждений см.: Schulze L. The Russification of the St Petersburg Academy of Sciences and Art in the Eighteenth Century // *British Journal for the History of Science*. 18. 1985. P. 310–311.

174 Невская Н.И. (ред.). *Летопись Российской Академии наук*. Т. I. 1724–1802. СПб., 2000. С. 43.

175 Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год. СПб., 1897. Т. 1. С. 1–2.

176 Подробности его избрания можно найти в работе: Appleby J. James Spilman, F.R.S. (1680–1763), and Anglo-Russian Commerce // *Notes and Records of the Royal Society of London*. 1994. Vol. 48. P. 17–29.

того же года. В речах, открывавших заседание, подчеркивалась полезная природа подобных собраний. Неудивительно, что профессор физики Георг Бернхард Бильфингер отметил благотворное наследие Петра во внедрении порядка и дисциплины в России, чему в пример привел Академию, а Якоб Херманн, профессор математики, подчеркнул, что следует устраивать цивилизованные научные дискуссии на публичной арене, прежде чем переходить к более конкретным академическим делам¹⁷⁷. Отчет о второй публичной ассамблее Академии, состоявшейся также в доме Шафирова 1 августа 1726 г., строился по тому же шаблону – высокопоставленная аудитория (на этот раз присутствовала императрица), восхваление покойного государя, а затем доклады по научным вопросам¹⁷⁸. Несмотря на то что эти публичные собрания заставляли Академию представлять в качестве образцового института, по убедительному мнению С. Уэрретта, они едва ли находили положительный отклик в неакадемических кругах Санкт-Петербурга, ибо целевая аудитория академических ассамблей в основном не интересовалась научными открытиями¹⁷⁹. В итоге их забросили и не проводили с февраля 1732 по ноябрь 1749 г., когда снова начались регулярные академические публичные собрания как правило ежегодные (с небольшим пропуском в 1753–1754 гг.)¹⁸⁰. Возобновленная академическая ассамблея, приуроченная к празднованию годовщины восшествия на престол императрицы Елизаветы, состояла из знакомых частей. Георг Вильгельм Рихман произнес речь о законах испарения, С.П. Крашенинников выступил с отзывом на нее, а М.В. Ломоносов – с восхвалением императрицы. Эти речи были затем опубликованы, вместе с описанием фейерверков, данных в честь праздника¹⁸¹. Остальные академические ассамблеи в 1750-е гг. происходили обычно в начале сентября и приходились на именины императрицы. Издание специальных отчетов об этих ассамблеях и других торжествах прекратилось в 1751 г., но описание деятельности Академии наук продолжалось в официальной газете «Санктпетербургские ведомости» до конца рассматриваемого периода¹⁸². Академия наук также была широко представлена на европейском уровне, установив связи с научными учреждениями в Париже, Берлине и Упсале и публикуя с 1728 г. свои научные труды в ежегодном журнале, называвшемся «*Commentarii academiae scientiarum imperialis Petropolitanae*» (и переименованном в «*Novi commentarii academiae scientiarum imperialis Petropolitanae*» в 1747 г.)¹⁸³.

Вопрос о доступности Академии для публики напрямую касался еще одной сферы – вспомогательных подразделений Академии, прежде всего библиотеки и музея. Оба этих учреждения выросли из частных собраний Петра, которые перевезли из Москвы в Летний дворец в первое десятилетие существования Петербурга. Царские коллекции постепенно росли, по мере того как закупалось все больше экспонатов, и в 1718 г. их переместили в только что построенные палаты А.В. Кикина, которого раньше, в том же году, арестовали и казнили за измену. Наконец, в 1729 г., они нашли постоянное пристанище в новом здании

177 Эти речи были напечатаны в издании: *Sermones in primo solenni Academiae scientiarum imperialis conventu die XXVII decembris anni 1725 publice recitati*. SPb., 1725.

178 Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук. Т. 1. С. 5.

179 Werrett S. *Fireworks: Pyrotechnic Arts*. P. 111.

180 Невская Н.И. (ред.). *Летопись*. С. 111, 137.

181 Было отпечатано 500 экземпляров. СК. Т. 3. С. 231.

182 СК. Т. 3. С. 232. Пример освещения публичных ассамблей Академии в газете см.: СПб. 1755. № 73. 12 сентября. С. 5.

183 МИИАН. Т. 6. С. 105–108, 155.

Академии наук¹⁸⁴. Академический музей начинался как петровское собрание дикувинок, или Кунсткамера. Подобные коллекции служили для демонстрации богатства монарха, его величия и просвещенности, поэтому весь период раннего Нового времени правители больших и малых дворов по всей Европе тратили крупные суммы на их создание¹⁸⁵. Одним из самых обширных и прославленных в то время было собрание императора Рудольфа II, изначально находившееся в Праге, откуда преемники перевезли его в Вену после Тридцатилетней войны¹⁸⁶.

Петра познакомил с этими знаменитыми собраниями саксонский курфюрст и польский король Август II, который во время своих путешествий в 1680-е гг. осматривал обширные коллекции Габсбургов в Вене, а также собрания Людовика XIV в Версале и Медичи во Флоренции. Дрезденский двор уже обладал внушительной коллекцией, основанной курфюрстом Августом I в 1560 г., и Август II с большим увлечением продолжал ее пополнять¹⁸⁷. В России тоже имелись подобные собрания редкостей, в частности коллекция царя Алексея Михайловича, отца Петра¹⁸⁸. Интерес к собирательству у самого Петра обострился с посещением ряда европейских собраний во время его Великого посольства в 1697 г. Анатомическая коллекция Фредерика Рюйша, которую он увидел в Амстердаме, особенно заворожала Петра, так что впоследствии, в 1717 г., он купил ее за 30 тыс. дукатов¹⁸⁹. Кунсткамера постепенно расширялась с приобретением готовых коллекций, подобных собранию Рюйша, за счет подарков иностранных дипломатов, например знаменитого Готторпского глобуса (установленного в Кунсткамере в 1717 г.), и благодаря энтузиазму и любознательности самого Петра¹⁹⁰. Так, в 1718 г. он издал указ о «монстрах» («монстры, то есть уроды»), гласивший, что о любых существах, включая и человеческие, отмеченных уродством или другими необычными чертами, должно сообщать местным властям, за что полагалось денежное вознаграждение в зависимости от их ценности. Затем дикувины забирали и отправляли в Санкт-Петербург для изучения¹⁹¹.

При этом Кунсткамера имела две характерные особенности, важные для настоящего рассмотрения роли Академии наук в Санкт-Петербурге. Во-первых, собрание Кунсткамеры служит иллюстрацией распространенного в Европе начала Нового времени интереса к взаимосвязи между наукой и природой, о чем говорят и впечатления самого Петра в Нидерландах от вызывающей неоднозначную оценку коллекции Рюйша. Русская православная традиция запрещала вскрытие трупов и сохранение органов из страха, как бы тело не восстало и не потребовало назад свои части, а потому в литературе высказывалось мнение, что Кунсткамера символизирует желание Петра продемонстрировать власть науки

184 Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 46–58.

185 Kaufmann Th. D. Court, Cloister, and City: The Art and Culture of Central Europe, 1450–1800. Chicago, IL, 1995. P. 167–183.

186 Bukovinska B. The Kunstkammer of Rudolph II // Eliška Fučíková (ed.). Rudolph II and Prague: The Court and the City. London, 1997. P. 199–208.

187 Watanabe-O’Kelly H. Court Culture in Dresden: From Renaissance to Baroque. Basingstoke, 2002. P. 212–220.

188 Neverov O. „His Majesty’s Cabinet“ and Peter I’s Kunstkammer // Impey O., McGregor A. (eds.). The Origins of Museums: The Cabinet of Curiosities in Sixteenth- and Seventeenth-Century Europe. Oxford, 1985. P. 54–61.

189 Anemone A. The Monsters of Peter the Great: The Culture of the St. Petersburg *Kunstkamera* in the Eighteenth Century // Slavic and East European Journal. 2000. Vol. 44. P. 586.

190 Глобус царю подарил Карл-Фридрих, герцог Гольштейн-Готторпский. О трудном путешествии глобуса в Россию см.: Берхгольц Ф.В. Дневник / Неистовый реформатор. С. 207–208.

191 ПСЗ. Т. 5. № 3159. 13 февраля 1718 г.

над природой (и ее промахами)¹⁹². Во-вторых (и в тесной связи с предыдущим пунктом), Кунсткамера традиционно считалась первым российским публичным музеем, в противоположность преимущественно частным собраниям московских царей, упомянутым выше. Коллекция Кунсткамеры была открыта для посетителей, и что немаловажно – без входной платы, хотя П.И. Ягужинский, член ближнего круга Петра, а позднее генерал-прокурор Сената, настаивал на обратном. В качестве приманки посетителям бесплатно предлагали кофе, вино или водку, впрочем, учитывая характер коллекции, последнюю, может быть, держали для успокоения нервов¹⁹³. Экспозиция Кунсткамеры, наглядно показывавшая внутренности, была, вероятно, понятнее более широкому кругу людей, чем лекции или печатная продукция Академии наук, хотя по недостатку сведений, опять-таки, трудно уверено судить о количестве посетителей музея.

Академическая библиотека поначалу основывалась на собственном книжном собрании Петра и библиотеке герцога Курляндского, присланной из Митавы в Петербург в 1716 г.¹⁹⁴ Это собрание также пополнялось покупками за рубежом и расширялось за счет книг, отходивших по завещаниям ученых и других государственных деятелей, как, например обширная личная библиотека придворного врача Роберта Эрскина¹⁹⁵. Как и Кунсткамера, библиотека была специально открыта для посетителей, и архивы Академии содержат имена первых ее читателей, таких как Феофан Прокопович и Яков Брюс¹⁹⁶. И библиотека, и Кунсткамера получили широкую рекламу в 1741 г. с выходом в свет брошюры с их описанием. В этой краткой работе описывалась история Академии наук и двух ее коллекций, с приложением их краткого каталога и гравированных изображений здания Кунсткамеры¹⁹⁷. Важность каталогов заключалась как в информации об объемах и лучших экспонатах академических собраний, так и в сведениях об их научном значении и организации¹⁹⁸.

В каждом из приведенных выше примеров эти учреждения представляли Санкт-Петербург для более широкой сферы, чем внутренняя российская аудитория. Безразличие к научным занятиям Академии со стороны среднего горожанина несколько уравнивается тем, что академические учреждения существенно способствовали привлечению интереса извне к происходящему в этой части Европы, ранее довольно захолустной. В рассматриваемый период иностранцы посещали научные учреждения Петербурга и, как правило, благоприятно отзывались об их оснащении и занятиях¹⁹⁹. Академия же, в стремлении обеспечить постоянную финансовую поддержку со стороны

192 *Anemone A. The Monsters of Peter the Great. P. 588–590.*

193 *Stählin J. von. Original Anecdotes of Peter the Great. L., 1788. P. 94–97.*

194 *Луппов С.П., Филиппов М.С. (ред.). История библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964. Л., 1964. С. 15–16.*

195 *Лебедева И.Н. Лейб-медик Петра I Роберт Арескин и его библиотека // Луппов С.П., Пиотровский Б.Б. (ред.). Русские библиотеки и их читатель. Л., 1983. С. 98–105.*

196 *Луппов С.П., Филиппов М.С. (ред.). История библиотеки Академии наук. С. 31.*

197 *Шумахер И.Д. Палаты Санктпетербургской императорской Академии наук, библиотеки и кунсткамеры. СПб., 1741.*

198 Исчерпывающее исследование этих каталогов и их значения содержатся в работе: *Balsiger B. The Kunst- und Wunderkammern: a catalogue raisonnée of collecting in Germany, France and England, 1565–1750. Unpublished PhD thesis. Pittsburg, PA, 1970.*

199 См., например: *Mottraye A. de la. Travels through Europe, Asia and into Part of Africa. London, 1732. Vol. 3. P. 174–176; Хавен П. фон. Путешествие в Россию // Беспятовых Ю.Н. (ред.). Петербург Анны Иоанновны. С. 356; Dashwood F. Sir Francis Dashwood's Diary. P. 205; Берх К.Р. Путевые заметки. С. 177–197.*

царственных покровителей, активно прославляла правителя и его двор различными способами, о которых мы поговорим в главе третьей.

ГОРОД ЦЕРЕМОНИАЛА

Так как двор и верхушка общества пребывали в Петербурге, город, естественно, стал важным пространством, в котором регулярно проводились церемонии и праздники, связанные с особой монархией. Однако церемониальное пространство города представляет собой сложную систему связей, которые не поддаются простому определению. Процесс создания города и влияние иностранцев на его планирование привели некоторых историков к выводу о том, что Петербург надо рассматривать как модернизационный проект, о чем говорилось во Введении к этой книге. Кроме того, можно было предполагать, что обнаружатся противоречия между «спущенной сверху» регулярностью Санкт-Петербурга и традиционно спонтанным характером народных праздников, в нем происходивших. Но, напротив, недавнее исследование показало важность религии как составной части новых государственных праздников, а не как мишени якобы секуляризационных реформ Петра²⁰⁰. С другой стороны, элементы разгульного веселья, присущего народным празднествам, присутствовали в некоторых придворных мероприятиях этого периода, в особенности в петровское время, хотя за видимой хаотичностью в них скрывалась сложная система ритуалов и символических связей²⁰¹. Как и многие города – современники Петербурга по всей Европе, он оказался одновременно и продолжением, и нововведением по отношению к тому, что ему предшествовало в российском контексте.

Для попыток дифференцировать официальные и народные праздники ранее привлекались определенные параметры, но в среде Петербурга они лишь показывают степень их совпадения друг с другом. Так, одна интерпретация, предложенная А.И. Мазаевым, противопоставляет типично круговую организацию народных праздников (стихийное движение вокруг некоего центра) линейному характеру государственных праздников (сознательно направляемое движение к намеченной цели)²⁰². Однако в обоих случаях характер праздничных пространств, описываемых этой моделью, не настолько очевиден, как она предполагает. В то время как указанное различие, несомненно, присутствовало в Петербурге, явственно просматриваясь в ряде триумфальных шествий и процессий, происходивших в городе с использованием главных магистралей, существует также аспект, в котором эти два типа движения смешиваются под воздействием характера самого города. Иными словами, центр Петербурга успешно служил также центром его праздничного пространства, хотя круговое движение в этом центре регламентировалось строже, чем народные праздники, описанные Мазаевым. Это не относилось к (линейным) военным торжествам, когда существовала определенная цель движения, например собор Святой Троицы и большая площадь вокруг него, где в первые годы отмечались в Петербурге многие победы. Но можно также указать на военные учения, проводившиеся на Троицкой площади и Царицыном Лугу, как на пример организованного кругового движения, что снова оспаривает формулировку Мазаева.

Архитектура Петербурга уже обсуждалась в связи с предназначенной ему ролью идеального регулярного города раннего Нового времени, но она также влияла и на его церемониальную и праздничную жизнь. Е.Э. Келлер, рассматривая праздничную жизнь

200 Dixon S. Religious Ritual at the Eighteenth-Century Russian Court // Michael Schach (ed.). *Monarchy and Religion: The Transformation of Royal Culture on Eighteenth-Century Europe*. Oxford, 2007. P. 217–248.

201 Zitser E. *The Transfigured Kingdom*. P. 12–15 (см. русский перевод: *Зицер Э. Царство Преображения*. М., 2008).

202 Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление: опыт историко-теоретического исследования. М., 1978. С. 106.

города, сравнивает улицы, здания и набережные Петербурга с оригинальным убранством бальной залы, потому что они создавали великолепный фон для многочисленных городских празднеств²⁰³. Регулярность построек, а следовательно, и пространств между ними не могла не влиять на события, происходившие в этих пространствах, независимо от того, были это государственные торжества или традиционные праздники²⁰⁴. При этом конкретные мероприятия также играли важную роль в формировании тех пространств, где они проводились. Примером тому служат триумфальные арки – их строили в подражание классическим образцам, чтобы увековечить победу, а затем использовали как элемент празднования этой победы. Триумфальные арки зачастую были временными сооружениями, но постепенно к середине XVII столетия появилась тенденция использовать их как постоянные памятники воинской доблести²⁰⁵. Именно так обстояло дело в России, где в конце XVII в. строили временные арки для празднования крупных побед. Эта практика укрепилась во время Северной войны, когда их возводили и в Москве, и в Петербурге, например в честь упоминавшихся выше побед при Гангуте и Гренгаме. Однако к середине XVIII в. были сооружены двое постоянных триумфальных ворот на Невском проспекте, который стал в это время официальным маршрутом главных церемониальных шествий в честь больших торжеств. В дальнейшем триумфальные ворота служили постоянным напоминанием жителям города о достижениях государства²⁰⁶.

Контролируемая и регулярная сущность Петербурга, упорядоченного строже других русских городов того времени, заставляет задаться вопросом о традиционно открытом характере народных праздников, связанном с проблемой свободы передвижения. Несмотря на то что в Петербурге народные праздники проводились в основном в пространствах такого же типа, что и в других городах, – т.е. на главных площадях, – существует мнение, что пространство нового регулярного города само по себе налагало на них определенные ограничения, либо по физико-географическим причинам, либо в результате пристального надзора городских властей²⁰⁷. Однако прямых свидетельств того, что какой-нибудь из этих факторов действительно влиял на проведение таких праздников в Петербурге, не обнаруживается. Пространства, используемые для праздников, – главные площади (включая в эту категорию и Царицын Луг) и магистрали (прежде всего Нева и Невский проспект), – доминировали в центре города, и с европейской точки зрения не было ничего необычного в том, что эти территории могли трансформироваться для конкретного праздника²⁰⁸. Например горожане воспринимали Неву в повседневной жизни не так, как во время государственных праздников, когда ее озаряли фейерверки или когда на ее льду в зимние месяцы разворачивались народные гулянья. В этом смысле, как и в большинстве других городов, повседневное и праздничное пространства Петербурга тесно переплетались. Проблема регулирования, в особенности со стороны городской полиции, как и отношение последней к определенным сторонам поведения в общественных местах, будет рассмотрена в следующей главе.

Один особый аспект развития Санкт-Петербурга, который обычно упускают из виду, состоит в том, что, как и в других русских городах, церкви являлись здесь ключевым

203 Келлер Е.Э. Праздничная культура Петербурга: очерки истории. СПб., 2001. С. 41, 51–52.

204 Каганов Г. Санкт-Петербург. С. 34–35.

205 Pollak M. *Cities at War in Early Modern Europe*. Cambridge, 2010. P. 244–265.

206 Зелов Д.Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века. М., 2002. С. 132–133, 259–264.

207 Келлер Е.Э. Праздничная культура Петербурга. С. 58.

208 Burke P. *Popular Culture in Early Modern Europe*. 3rd ed. Farnham, 2009. P. 261.

элементом в формировании городских пространств, а также в ритуальной и повседневной жизни²⁰⁹. Рассматривая то, что она назвала «слуховым ландшафтом» Петербурга, И.А. Чудинова выделяет пушечную стрельбу с двух городских крепостей как светский способ оповещения о времени, но также подчеркивает, что церковные колокола оставались здесь важной частью повседневной жизни, как в других русских городах. В колокола звонили не только для того, чтобы созывать прихожан на ежедневные и воскресные богослужения, но и в некоторые моменты в ходе самой церковной службы, а кроме того, колокола оставались непременной частью праздничных богослужений и вообще публичных торжеств. Да и центр города изначально фокусировался в пространстве Петербургской стороны, где находился собор Святой Троицы с прилегающей площадью. Храм был основан в 1703 г. и играл центральную роль во многих важных городских церемониях на раннем этапе истории города²¹⁰. Так, в 1721 г. Петру был пожалован императорский титул после богослужения в Троицком соборе во время празднования Ништадтского мира²¹¹.

Однако при преемниках Петра центр тяжести постепенно сместился на Адмиралтейскую сторону, где размещались Зимний дворец и многие из виднейших дворцов города и пролегал главный проспект. Церковь Рождества Богородицы на Невском проспекте была освящена в 1737 г. и вскоре сделалась центром церковной жизни двора. В начале 1740-х гг. она стала обладательницей иконы Казанской Божьей Матери, связанной с родом Романовых, и с тех пор известна под этим именем²¹². Здесь проводились царские свадьбы, годовщины коронаций, молебны в честь именин и дней рождения. Эта церковь играла важную роль и в других крупных религиозных праздниках, отмечавшихся двором в Петербурге: так, отсюда отправлялась в путь ежегодная процессия в Александро-Невскую лавру в день святого, давшего имя монастырю²¹³. Благодаря своему расположению на Невском проспекте Казанская церковь включалась и в другие важные празднования, такие как торжественный въезд Анны Ивановны, а затем Елизаветы, после коронации в Москве (которые мы рассмотрим далее, в главе третьей). Важнейшие пункты по всему городу – царские дворцы, Летний сад, главные церкви – ярко свидетельствуют о том, что различные пространства внутри Петербурга – официальные, праздничные, религиозные – в значительной степени совпадали.

За петровский и послепетровский периоды Санкт-Петербург и образующие его пространства значительно преобразились, хотя перемены и не были бесспорными по своим результатам. Город был правильно организован и как материальный объект, и с точки зрения его заселения, но строился и заселялся он в таком ускоренном темпе, который негативно сказался на ожидаемой регулярности. Некоторые районы города, особенно на окраинах, оставались неразвитыми или застроенными как попало. Природа, пусть и укрощенная до некоторой степени в фазе строительства города, все еще оставалась здесь неотвратимой и нередко опасной силой. Впрочем, в других отношениях Санкт-Петербург оказался удачным опытом создания новых пространств в российском контексте, в частности он стал местом проведения первых официальных ассамблей и пребывания Академии наук. Он также, что особенно важно, стал средоточием праздничного календаря русского двора, так как именно здесь проводилось большинство его главных церемоний. Как и в случае с резиденциями

209 Подробно о различных церквях города см.: Богданов А.И. Описание Санктпетербурга. С. 292–308 (православные), с. 315–316 (инославные).

210 Чудинова И.А. Пение, звоны, ритуал. СПб., 1994. С. 27–36.

211 «Реляция о заключении мира со Швецией... 30 октября 1721 года» // Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 157–162.

212 Богданов А.И. Описание Санктпетербурга. С. 302.

213 Dixon S. Religious Ritual. P. 222–223.

других европейских дворов, эти характеристики Петербурга служили решающей основой для его признания на международной арене и, в конечном счете, для достижения известного престижа. В итоге, хотя первоначальные результаты были неоднозначными, они явственно показывали, в каком направлении будет двигаться Россия до конца столетия и далее.

Глава 2

РЕГУЛИРОВАНИЕ: ОХРАНА ПРАВОПОРЯДКА В ГОРОДЕ

Многочисленные реформы, проведенные Петром I, были связаны с представлением о *Polizeistaat* раннего Нового времени, т.е. об упорядоченном, или хорошо организованном, полицейском государстве. В данном случае слово «полицейское» подразумевает «институциональные методы и процедуры, необходимые для обеспечения безопасного и организованного существования населения»²¹⁴. Впрочем, как заметил один из ведущих историков России XVIII в., полиция здесь была не просто институтом, но также образом мыслей о власти и роли государства²¹⁵. Эту интерпретацию можно связывать с концепцией социального дисциплинирования, в той мере, в которой сильная центральная власть – ядро полицейского государства – была способна эффективно контролировать общественное поведение. Санкт-Петербург представлял собой удобный полигон для внедрения такой системы контроля, так как он был первым городом в России, в котором появился специальный институт – полиция, орган, предназначенный для проведения в жизнь дисциплинирующих указов. Однако необходимость в подобной системе контроля, особенно последовательного ее применения, зачастую означала, что реальная повседневная жизнь Петербурга была далека от идеала.

В настоящей главе рассматриваются сначала общие вопросы, касающиеся полицейских органов управления и связанных с ними понятий, таких как социальное дисциплинирование и надзор, а затем – роль Главной полицмейстерской канцелярии в Петербурге, которая оказывала влияние на ряд сфер повседневной жизни города, тем самым помогая их регулировать. В частности понятия «регулярности» и «доброго порядка», или «благочиния», рассмотренные в предыдущей главе в связи с планированием при строительстве Петербурга, лежали в основе деятельности Полицмейстерской канцелярии. Попытку регулировать таким способом жизнь общества можно рассматривать сквозь призму указов о полиции, изданных в этот период. «Благочиние» в петербургском обществе зависело от здоровья и безопасности населения, а значит, на полицию возлагалась борьба против всех вероятных угроз, включая пожары, болезни и преступления. В данной главе выделены три аспекта публичной жизни, которые власть неоднократно пыталась отрегулировать в этот период – пьянство, азартные игры и распутное поведение. Меры, принимавшиеся российскими властями, сопоставимы с тогдашними усилиями подобного рода во всех странах Европы, как по целям, так и по результатам. Реакция населения Петербурга на указы такого рода в этой главе не рассматривается, потому что существует отличное современное исследование, посвященное населению города в петровское время и его практике обращения в суды, чтобы отстаивать свои позиции по разнообразным делам²¹⁶.

ПОЛИЦЕЙСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ДИСЦИПЛИНИРОВАНИЕ

214 *Raeff M.* The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800. New Haven, CT, 1983. P. 5.

215 *Anisimov E.V.* The Reforms of Peter the Great: Progress through Coercion in Russia / Transl. John Alexander. Armonk, NY, 1993. P. 217.

216 *Кошелева О.Е.* Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени. М., 2004.

Движущие мотивы петровских реформ вызывали немало дебатов, прежде всего по поводу потребности государства в более действенных способах получения средств на финансирование военных действий во время Северной войны²¹⁷. Но каковы бы ни были эти мотивы, ясно, что для достижения своих целей Петр опирался на образцы уже существующих полицейских уставов (*Polizeiordnungen*) других европейских государств. Такие уставы начали вводить в Священной Римской империи германской нации в ответ на потрясения, вызванные событиями Реформации. Пример действенности этих указов, введенных на высшем имперском уровне, стал толчком к внедрению во второй половине XVI в. более детально разработанного законодательства на подвластных империи территориях²¹⁸. Позднее, на протяжении XVII в., в таких государствах, как, например Швеция и Пруссия, тоже появились свои регламенты, в которых отразилось стремление укрепить центральную власть правителей над их владениями, а также наделить общество более рациональной и упорядоченной системой защиты от определенных злоупотреблений, направленных против собственности, личности или нравственности²¹⁹. Для некоторых государств, особенно для Пруссии, этот процесс был крайне важен в связи с необходимостью оправиться после разрухи, принесенной Тридцатилетней войной, и уверенно претендовать на более заметное положение как в составе Священной Римской империи, так и в Европе в целом²²⁰. Другие страны в тот же период становления военно-фискального государства подталкивала к введению таких регламентов необходимость повысить внутренние поступления на покрытие растущих расходов и на военные нужды²²¹.

Хотя российское общество раннего Нового времени не претерпело точно таких же перемен, но ситуация в России начиная с середины XVII в. изменялась под влиянием двух важных факторов. Первым из них оказался церковный раскол, который подорвал позиции церкви как главного средоточия нравственного и культурного авторитета в русском обществе. Вторым фактором было постепенное осознание высшими слоями русского общества необходимости взаимодействия с остальной Европой. Это осознание выразилось в расширении торговли с Западной Европой, в росте числа иностранцев, приезжавших в Московию, в появлении некоторых европейских элементов в культуре русской элиты. Оба этих фактора до некоторой степени способствовали утрате культурной идентичности, что можно связывать с общей атмосферой кризиса в 1670–1680-х гг. Кризис проявлялся в народных бунтах против системы налогообложения, в волнениях среди военной верхушки, в конфликте из-за престолонаследия после смерти царя Федора Алексеевича в 1682 г. и в провале Крымских походов 1687 и 1689 гг. Как полагает М. Раев, перед лицом этого кризиса оказалось, что Московское государство не располагает средствами, чтобы успешно справиться с этой ситуацией²²².

217 Классическое изложение этой дискуссии см.: *Kliuchevskii V.O. Peter the Great / Transl. Liliana Archibald. London, 1968. P. 57, 84, 157* (см. на русском: *Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1990*).

218 *Whaley J. Germany and the Holy Roman Empire. Oxford, 2012. Vol. I. P. 386, 493.*

219 *Munk Th. Seventeenth Century Europe: State, Conflict and the Social Order in Europe, 1598–1700. Basingstoke, 1990. P. 349–350.*

220 *Clark Ch. Iron Kingdom. P. 38–66.*

221 *Raeff M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // American Historical Review. 1975. Vol. 80. P. 1223–1224* (см. на русском: *Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара, 2000. С. 48–79*). О военно-фискальном государстве см.: *Storrs Ch. (ed.). The Fiscal-Military State in Eighteenth-Century Europe: Essays in honor of P. G.M. Dickson. Farnham, 2000.*

222 *Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change. P. 188–194.*

В то же время кризис позднемосковской культурной идентичности, в особенности вызов главенству православной церкви, обострил связанную с ним проблему социального дисциплинирования. При этом следует проводить различие между социальным дисциплинированием и социальным контролем, хотя они, разумеется, взаимосвязаны и нередко дополняют друг друга. Социальное дисциплинирование определяют в литературе как осознанные попытки центральной власти изменить взгляды общества и его поведение. Социальный контроль, напротив, имеет отношение к закреплению традиционных правил и практик того или иного общества²²³. Реформация потрясла европейское общество. Ей сопутствовали перемены, которые усиливали это потрясение, являясь одновременно его следствием. Так, быстрое развитие книгопечатания, подъем гуманистического образования и вместе с тем вызов авторитету церкви в нравственной сфере изменили как отношения внутри общества, так и отношения между государством и обществом. Стремление внести ясность в эти отношения и урегулировать их как раз и можно усматривать в государственных мерах, подобных *Polizeiordnungen*, а позднее в появлении камерализма. Этот ход рассуждений критиковали по нескольким причинам – например за акцент на регламентацию, а не на общественную реакцию на нее, – и действительно, на практике эти меры не были лишены недостатков. Однако столь же важно усматривать в этом законодательстве свидетельство готовности властей взяться за решение осознанных ими проблем в сфере экономики и морали²²⁴.

Что касается России, то церковь на протяжении раннего Нового времени была сильнейшим фактором, влиявшим на социальную дисциплину, но ее моральный авторитет был подорван расколом и внедрением, согласно Соборному Уложению 1649 г., светских наказаний за преступления, ранее находившиеся в юрисдикции церкви²²⁵. В царствование Петра I, а особенно после смерти патриарха Адриана в 1700 г. государство неуклонно сужало автономию церкви, и, в то время как она еще сохраняла огромное влияние на русское общество, церковная политика, похоже, все больше определялась интересами государства. Этот процесс окончательно оформился с учреждением Святейшего синода в 1721 г. и с выходом «Духовного регламента», в результате чего церковь оказалась в подчинении государству²²⁶. В самом деле, с точки зрения Петра и его ведущих советников, церковь должна была служить средством распространения власти царя и государства и в рамках «осознанного усилия» направлять русское общество, а в некоторых случаях изменять его взгляды и поведение²²⁷. При Петре особая роль «доброго порядка», воплощенного в полицейской администрации, была неотъемлемой частью программы реформ в целом. Тогдашняя практика других стран, например Швеции, давала ценные примеры того, как жизнь общества может регулироваться «добрым правлением», чтобы сделать усилия государства и общества более эффективными²²⁸. Ранние авторы-камералисты выдвинули

223 *Behrisch L. Social Discipline in Early Modern Russia, Seventeenth to Nineteenth Centuries* // Heinz Schilling (ed.). *Institutionen, Instrumente und Akteure sozialer Kontrolle und Disziplinierung im frühneuzeitlichen Europa*. Frankfurt am Main, 1999. P. 325.

224 *Wilson P. Absolutism in Central Europe*. London, 2000. P. 100–105. Более сдержанное мнение о намерениях камералистов см.: *Wakefield A. The Disordered Police State: German Cameralism as Science and Practice*. Chicago, IL, 2009. P. 1–25.

225 *Behrisch L. Social Discipline*. P. 338–339.

226 *Cracraft J. The Church Reform of Peter the Great*. London, 1971.

227 *Anisimov E.V. Reforms*. P. 217.

228 Например шведская модель оказала влияние на реформы центрального управления. См.: *Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception*. Stockholm, 1979. P. 67–76.

иную модель – максимальное увеличение экономического потенциала государства путем эффективного управления, – но такая тенденция в России заметно обозначилась позднее, в реформах Екатерины II в 1770–1780 гг.²²⁹

Попытки Петра создать современное европейское полицейское государство неизбежно ограничивались характером российского контекста и нежеланием содействовать ему со стороны тех социальных групп, на которые ему приходилось опираться для успешного осуществления своего замысла. Ряд мер, введенных Петром, ярко свидетельствует о стремлении к усилению регулярности. Например ревизия переписных сказок в 1719–1724 гг. имела две важные функции: способствовать успеху сбора новой подушной подати с 1724 г. и предотвратить незаконную миграцию крестьян, для чего в апреле 1722 г. были введены паспорта²³⁰. Сбор нового налога был возложен на армию, что и правильно, так как именно армия была главным получателем этих поступлений. Впрочем, вскоре в системе обнаружились неполадки, начались протесты из-за размеров платежей и негибкости системы при учете региональных различий и разницы в уровне доходов. В итоге, скоро наросли недоимки, достигшие почти 2 млн руб. в конце 1737 г. и 2,5 миллиона к 1746 г. Невзирая на то что неплательщикам грозили суровые наказания и ссылка в Сибирь, государство было неспособно найти действенный способ решения проблемы недоимок, которые отягощали казну на протяжении всего рассматриваемого периода²³¹.

Стремление к порядку выразилось также в административных реформах, которые Петр проводил во второй половине своего царствования. Так, центральная администрация была реорганизована в девять коллегий, которые охватывали основные функции правительства – оборону, иностранные дела, финансы и т.д. Эту модель разработал Петр со своими советниками по современным ему германским и скандинавским образцам, дабы четко определить сферы ответственности коллегий и круг их обязанностей²³². Этим учреждениям требовались также детальные инструкции. Учитывая, что время было военное, Петр, естественно, решил начать с «Устава воинского» (1716) и «Морского устава» (1720)²³³. Впрочем, по тем же принципам он упорядочивал и гражданскую сферу в «Генеральном регламенте» (1720), содержащем набор процедур, которым надлежало следовать чиновникам государственного аппарата. Эти регламенты касались не только официальных процедур, но также организации пространства учреждений и деятельности их сотрудников²³⁴. Хотя «Генеральный регламент», на современный взгляд, кажется излишне подробным, его авторы стремились исключить вероятность влияния личных интересов на успешное функционирование государства. Этот принцип присутствовал также в Табели о рангах, введенной в январе 1722 г. Этот документ установил унифицированную рациональную систему оценки положения служащего в социальной иерархии, при которой образование и компетентность становились главными факторами определения ранга человека по Табели²³⁵.

229 Tribe K. Cameralism and the Science of Government // Journal of Modern History. 1984. Vol. 56. P. 263–284; Raeff M. The Well-Ordered Police State. Social and Institutional Change. P. 222–246.

230 Anisimov E.V. Reforms. P. 225–226.

231 Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 114–144.

232 Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Culture. Cambridge, MA, 2004. P. 157–163.

233 ПСЗ. Т. 5. № 3006. 30 марта 1716 г. С. 203–453; Т. 6. № 3485. 13 января 1720. С. 2–116.

234 ПСЗ. Т. 6. № 3534. 28 февраля 1720 г. С. 141–160.

235 Там же. № 3890. 24 января 1722 г. С. 486–493. О разработке и проведении этой реформы см.: Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М., 1974. С. 47–140.

Система опиралась на примеры тогдашних шведских, прусских и датских образцов, которые проанализировал А.И. Остерман. Были изучены также английские и французские образцы, но сочтены неподходящими для России²³⁶.

Табель о рангах была в нескольких отношениях отступлением от прежней практики. Прежде всего, в ней устанавливалась связь между государственной службой и достижением дворянского статуса, в частности для всех офицеров и для гражданских чиновников, дослужившихся до восьмого класса. Должностные лица ниже восьмого класса возводились в личное дворянство, не являвшееся наследственным. Табель вводила также формальное разделение между военной и гражданской службой и устанавливала отдельную иерархию придворных чинов (они рассматриваются в главе 3). Однако Табель о рангах не являлась попыткой внедрить меритократическую систему в российской администрации, поскольку, по замыслу, единственным бенефициаром здесь выступало государство²³⁷. Несмотря на то что на нижних уровнях гражданской администрации способности и образование могли, благодаря конкуренции, сыграть известную роль в служебном продвижении, в пояснительных пунктах указа, которым учреждалась Табель о рангах, явно прослеживалось признание важной роли происхождения²³⁸. Так, знатные члены княжеских и других титулованных родов во время официальных торжеств имели преимущество перед обладателями тех же рангов согласно Табели²³⁹. Кроме того, хотя Петр продвигал таких простолюдинов, как Меншиков, исследование состава «генералитета» (чинов с первого по четвертый класс военной и гражданской администрации) на 1730 г. показывает, что на высших уровнях петровской администрации было относительно мало «новых людей» и что их число постепенно шло на убыль в период после 1725 г.²⁴⁰ Еще больше действенность введения Табели о рангах ограничивалась существованием патронажных сетей, сохранившихся со времен Московского царства, при которых многие члены военной и гражданской иерархии, связанные брачными, родовыми или имущественными узами, были вполне способны и дальше служить своим собственным интересам в рамках новой системы²⁴¹.

Руководящие принципы, воплощенные в подобном законодательстве, сталкивались в России того времени с серьезными препятствиями. Существующую систему традиционной патримониальной власти, при которой на вершине иерархии находился царь, было очень трудно преодолеть. Новые институты и совокупность правил не всегда оказывались эффективнее прежних, а их роль (не говоря уже о терминологии) не всегда была хорошо понятна служилым или его подданным. Впрочем, Россия, пожалуй, не выделялась в этом отношении – сходные проблемы личного авторитета, некомпетентности, nepotизма в то время наносили ущерб также и другим государствам Европы²⁴². Но зато эти новые институты

236 Hughes L. *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven, CT, 1998. P. 181.

237 Hassel J. *Implementation of the Russian Table of Ranks during the Eighteenth Century* // SR. 1970. Vol. 29/2. P. 283.

238 Raeff M. *The Well-Ordered Police State and the Development*. P. 1231–1233 (см. на русском: Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма // Американская русистика: Вехи историографии. Самара, 2000. С. 48–79).

239 ПСЗ. Т. 6. № 3890. 24 января 1722 г. С. 490.

240 Meehan-Waters B. *Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730*. New Brunswick, NJ, 1982. P. 37–48.

241 LeDonne J. *Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700–1825*. Oxford, 1991. P. 19–21.

242 См., например: Behrens C. B.A. *Society, Government and the Enlightenment: The Experiences of Eighteenth-Century France and Prussia*. London, 1985. P. 47–67.

и правила следует рассматривать как свидетельство готовности государства взять на себя инициативу социального дисциплинирования. Начиная с петровского периода, раз за разом, под влиянием новых потребностей государства и примера его соседей, повторялись попытки подтолкнуть российскую администрацию и общество в новом направлении. Но такие реформы имели лишь частичный успех, так как влияние устоявшейся системы отношений было очень сильным. Воздействие реформ на отдельные регионы и группы населения (например на крестьянство) весь рассматриваемый период ослаблялось удаленностью от центра, несвоевременностью, недостаточным финансированием и постоянной нехваткой в провинции обученного персонала. Но получить результат от этих реформ в Петербурге было гораздо реальнее, так как Полицмейстерская канцелярия, благодаря столичному статусу города и присутствию двора в его резиденции, играла в петербургском обществе ясно очерченную и прочно обоснованную роль²⁴³. Она также получила четкое разъяснение своих обязанностей, которые рассматриваются в следующем разделе.

ПОЛИЦИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Полицейские законы, введенные в Петербурге, касались таких вопросов, которые издавна заботили повелителей Московского государства и многих их современников в Европе. Так, отец Петра, царь Алексей Михайлович, издал «Наказ о градском благочинии», затрагивавший ряд проблем, характерных для города раннего Нового времени, из которых для Москвы актуальны были пожары, кражи, эпидемии. Ослушников ожидали наказания, от колодок до смертной казни²⁴⁴. Проблемам грабежей и насилия на улицах посвящался указ времен регентства Софьи Алексеевны²⁴⁵. Однако эти меры были частичными, а ответственность за их исполнение возлагалась на несколько разных приказов, в зависимости от того, какие дела или группы населения были им подведомственны. Лишь в 1718 г., одновременно с внедрением новой системы коллегий (о чем упоминалось выше), был впервые учрежден единый официальный орган полицейской администрации.

О создании нового учреждения объявили в конце мая 1718 г., когда вновь назначенному генерал-полицмейстеру А.М. Девьеру был дан указ с перечнем функций полиции «для лучших порядков в сем городе». Эти функции следовало также довести до сведения всех жителей, чтобы никто не прикрывался их незнанием²⁴⁶. На новое учреждение возлагалась ответственность за большинство сторон общественной жизни города, включая санитарное состояние (своевременную уборку мусора), безопасность (предотвращение пожаров и борьбу с преступностью), деловую жизнь (обеспечение порядка на городских рынках, контроль над ценами, стандартизацию весов). Сверх того, полиции вменили в обязанность надзор за обликом самого города – ей предстояло согласовывать и контролировать все новые строительные работы, обеспечивать должное содержание городских набережных и улиц, держать в чистоте водные пути²⁴⁷. Далее, новый институт контролировал все виды передвижения внутри города, а также въезд и выезд из него. В особенности это касалось иностранцев, которым полагалось регистрироваться в Полицмейстерской канцелярии²⁴⁸. Этот

243 Raeff M. The Well-Ordered Police State and the Development. P. 1238 (см. на русском: Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма // Американская русистика: Вехи историографии. Самара, 2000. С. 48–79).

244 ПСЗ. Т. 1. 6 апреля 1649 г. С. 164–166.

245 Там же. Т. 3. № 1181. 19 марта 1686 г. С. 760–766.

246 Там же. Т. 5. № 3203. 25 мая 1718 г. С. 569–570.

247 Там же. 25 мая 1718. С. 570–571.

248 ПСЗ. Т. 5. № 3420. 31 августа 1719 г. С. 732.

список обязанностей включал в себя многие из тех сфер регулирования, которые рассматривались в более ранних европейских полицейских уставах (*Polizeiordnung*). Впрочем, еще одна идея, вдохновившая создание нового института, исходила не из Германии, а из Франции. Незадолго до этого, в 1717 г., Петр побывал в Париже и своими глазами видел, как работает служба начальника всей французской полиции (*lieutenant-général de la police*). Николя де ля Мар, назначенный на этот пост Людовиком XIV еще в 1667 г., был автором одного из основополагающих трактатов по этому предмету – четырехтомного «*La traité de la police*», вышедшего в свет в 1705–1738 гг.²⁴⁹

Новую службу возглавил Антон Девьер (Антонио де Виейра), португальский моряк, который приехал вместе с Петром из Амстердама после Великого посольства и дослужился до высоких чинов в русской армии. Он очень серьезно отнесся к новому назначению, не в последнюю очередь из опасения, что царь сочтет его прямым виновником всех недостатков системы. Однако с самого начала ему мешало то, что при огромном объеме обязанностей полиции средства на нее выделили весьма ограниченные. А. Девьер сохранил свой пост и после смерти Петра, но в 1727 г. был сослан в Сибирь за противодействие росту политического влияния А.Д. Меншикова, на сестре которого он был женат. Девьера помиловала, придя к власти, императрица Елизавета, и в 1744 г. он снова стал генерал-полицмейстером, однако болезни сломили его, и в следующем году он умер²⁵⁰. Два видных преемника А. Девьера на посту генерал-полицмейстера состояли в родстве с императорской фамилией и, благодаря своему положению, обладали значительным влиянием. Василий Федорович Салтыков служил с 1732 г. при Анне Ивановне и участвовал в ряде крупных начинаний, в том числе в работе Комиссии от строений, рассмотренной нами в предыдущей главе. В 1745–1760 гг. этот пост занимал Алексей Данилович Татищев, царедворец Анны Ивановны, впоследствии выдвинувшийся и при Елизавете. Пока Татищев находился в должности генерал-полицмейстера, ее статус повысился и она поднялась с пятой на третью ступень Табели о рангах, что приравнивало ее к чину генерал-лейтенанта или вице-адмирала и дало ее носителю право личного доклада императрице²⁵¹. Но чем больше власти, тем больше ответственность, пост генерал-полицмейстера был нелегким, и в 1760 г. Татищев умер при исполнении своих служебных обязанностей.

Одной из проблем Полицмейстерской канцелярии была малочисленность ее служащих. В 1723 г. штат Канцелярии насчитывал 88 человек вместе с начальством²⁵². К 1727 г. это число достигло 122 человек, из которых 94 составляли солдаты²⁵³. Поскольку в обязанности полиции входила охрана общественного порядка, т.е. не только пресечение драк и прочих бесчинств, но и поимка воров и разбойников, удалось усилить ее благодаря подключению к полицейской службе еще двух групп. Во-первых, дополнительные силы (в том числе драгунов для конных патрулей) выделили квартировавшие в городе гарнизонные полки²⁵⁴. Во-вторых, сами жители Петербурга издавна привыкли нести ночной караул: часовые и ночные дозоры расставлялись в разных местах по всему городу. На эти посты (называвшиеся

249 Подробнее см.: Williams A. The Police of Paris, 1718–1789. Baton Rouge, LA, 1979.

250 Roughton W. Antonio Manuel de Vieira and the Russian Court, 1697–1745 // Roger Bartlett, Anthony Cross and Karen Rasmussen (eds.). Russia and the World of the Eighteenth Century. Bloomington, IN, 1988. P. 577–590.

251 ПСЗ. Т. 12. № 9219. 21 октября 1745 г. С. 472; ПСЗ. Т. 12. № 9283. 1 мая 1746 г. С. 545.

252 Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени. М., 2004. С. 45.

253 Кирилов И.К. Цветущее состояние всероссийского государства / Ред. Б.А. Рыбаков, Л.А. Гольденберг, С.М. Троицкий. М., 1977. С. 44.

254 ПСЗ. Т. 8. № 6190. 22 сентября 1732 г. С. 930.

немецким словом «шлагбаум») ставили по очереди выборных представителей горожан. Им полагалось пропускать только людей, имевших паспорта и снабженных фонарями, а также доносить о подозрительном поведении жителей²⁵⁵. Эта система не была идеальной, так как караульным из выборных горожан не всегда хватало опыта, но в целом она действовала вполне эффективно²⁵⁶. Охранять порядок по ночам помогало еще одно нововведение – впервые в России на основных площадях Петербурга, возле нескольких важных зданий и вдоль некоторых главных улиц были установлены фонари²⁵⁷.

Антиобщественные элементы, главным образом бродяги и нищие, являлись еще одной заботой полиции. Эти категории населения не выполняли никаких полезных функций внутри городского сообщества и, в сущности, совсем не способствовали установлению «благочиния». Вопрос о том, как поступать с такими людьми в городах, не терял актуальность с начала 1690-х гг., когда Петр I издал несколько указов, предписывавших выдворять их из Москвы и других городов, а при попытке возвращения бить кнутом и ссылать в Сибирь²⁵⁸. Существовало несколько причин для такого к ним отношения. Бродяги и нищие не имели постоянного жительства и необходимых документов для пребывания в городе, так что с них невозможно было взимать налоги, а значит, они не приносили пользы государству. Кроме того, они часто имели отношение к преступности, а нищенствующие подделывали увечья ради сбора подаяния. То и другое шло вразрез с твердо установившейся петровской трудовой этикой, так что в его царствование подобные люди стали объектом целой серии репрессивных указов²⁵⁹. В начале 1720-х гг. нищим, а также празднующимся молодым людям запретили просить подаяния на улицах, что приравнивалось к краже, а каждый, пойманный на том, что давал им деньги, подлежал штрафу в пять рублей. Власти советовали лицам, склонным к благотворительности, отдавать эти деньги в достойные учреждения, например в городские госпитали²⁶⁰. Тема фальшивых инвалидов затрагивалась в «Духовном регламенте», гласившем, что всякий подающий милостыню лжеинвалиду, становится соучастником мошенничества, а потому понесет наказание²⁶¹. Однако значительная часть населения Петербурга состояла из пришлых рабочих людей, в нем, как в любом городе раннего Нового времени, хватало проблем, так что вопрос об уличных бродягах не терял остроту весь рассматриваемый период, и правители и правительницы, один за другим, пытались его решить. При Елизавете таких нарушителей наказывали, отсылая к прежним владельцам (если это были крепостные), или записывали, в зависимости от физического состояния, в армию или на фабричные работы²⁶².

Как и в целом попытка наладить управление и контролировать население России, учреждение Полицмейстерской канцелярии в Петербурге имело лишь относительный успех. Впрочем, эта организация в рассматриваемый период получила несколько положительных отзывов со стороны приезжих иностранцев, таких как Вебер, который, отметив сначала, что

255 Там же. Т. 6. № 3494. 24 января 1720 г. С. 121.

256 Кошелева О.Е. Люди. С. 44–45.

257 ПСЗ. Т. 6. № 3777. 29 апреля 1721 г. С. 381.

258 См., например: ПСЗ. Т. 3. № 1420. 22 ноября 1691 г. С. 116–117.

259 Hughes L. Russia. P. 164.

260 ПСЗ. Т. 6. № 3676. 16 ноября 1720 г. С. 264.

261 Prokopovich F. The Spiritual Regulation of Peter the Great / Ed. and transl. Alexander Muller. Seattle, WA, 1972. P. 54–55.

262 ПСЗ. Т. 13. № 10095. 29 апреля 1753 г. С. 828–829.

улицы по ночам опасны, хвалит учреждение ночных дозоров в Петербурге, устроенных по примеру гамбургских²⁶³. В других сферах дело обстояло хуже. Периодически повторявшиеся призывы властей извещать Канцелярию о начале строительства или о вновь прибывших в город людях наводят на мысль о том, что новые правила не исполнялись. Угроза пожаров и общественных беспорядков сохранялась весь рассматриваемый период, в связи с чем над Полицмейстерской канцелярией постоянно тяготела необходимость быть готовой ко всему. И все же ее существование и стойкая приверженность властей к регулированию через законодательство помещали Санкт-Петербург непосредственно в европейский контекст начала XVIII в.²⁶⁴ В поле зрения властей находилось также повседневное поведение жителей, и ниже рассматривается, как вырабатывался официальный подход к нескольким важным его аспектам, которые в этот период стали бросаться в глаза.

ПЬЯНСТВО

Издавна считается, что русский народ предрасположен к пьянству, и даже в «Повести временных лет» оно представлено как одна из причин, по которым князь Владимир решил обратиться в православие, а не в ислам²⁶⁵. Конечно, ранние иностранные наблюдатели, такие как Адам Олеарий, не преминули отметить пьянство на Руси на Масленицу, накануне Великого поста²⁶⁶. В этом можно усматривать черты негативного стереотипного восприятия русских как «варварского» народа, но едва ли стоит сомневаться в том, что алкоголь был в России частью повседневности, как и во всей Европе раннего Нового времени. Алкоголь служил важным компонентом обычного рациона. Употреблять его было безопаснее, чем воду, так как процесс его варки (или перегонки) устранял многие загрязнения. Кроме того, он был важным источником калорий и для молодых, и для стариков²⁶⁷. Производство спиртного зависело от нескольких факторов, не в последнюю очередь от излишков зерна и от дров, необходимых для перегонки, а следовательно, происходило большей частью в сельской местности, где были сосредоточены эти ресурсы. Впрочем, некоторые виды спиртных напитков, особенно пиво и мед, делали также в городах, чему было несколько причин, в том числе экономическая выгода, а также ограниченный срок хранения этих напитков в открытых сосудах в сравнении с их аналогами, разлитыми по бутылкам²⁶⁸.

Таким образом, и в городе, и в деревне спиртное было в целом легкодоступно, кроме неурожайных годов, а потому государство не замедлило оценить его экономический потенциал. Производство алкоголя жестко контролировалось государственной монополией на его продажу, при которой производители платили акциз на весь алкоголь, производимый для продажи в различных заведениях, рассматриваемых ниже²⁶⁹. Эта система была урегулирована в 1753 г., когда изготовление и поставка алкоголя на рынок стали исключительной монополией дворянства, от которой почти полностью отстранили

263 Weber F.Ch. The Present State of Russia. London, 1968. Vol. 1. P. 128, 277–278.

264 Whaley J. Germany and the Holy Roman Empire. Vol. 2. P. 260–261.

265 The Russian Primary Chronicle. New York, 1953. P. 97 (см. на русском: Повесть временных лет. СПб., 1996).

266 Olearius A. The Travels of Olearius in Seventeenth-Century Russia. Stanford, CA, 1967. P. 143–145, 270 (см. на русском: Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906).

267 Burnett J. Liquid Pleasures: A Social History of Drinks in Modern Britain. London, 1999. P. 114.

268 Smith R., Christian D. Bread and Salt: A Social and Economic History of Food and Drink in Russia. Cambridge, 1984 г. P. 200–201.

269 Типичный пример указа о налоге на алкоголь см.: ПСЗ. Т. 8. № 5706. 19 февраля 1731. С. 387.

купечество²⁷⁰. В том, что производством алкоголя распорядились подобным образом, не было ничего удивительного, так как оно было выгодно государству в финансовом отношении, принося доходы от акцизов, и удобно с точки зрения использования богатых сырьевых ресурсов, т.е. зерна. Однако в других странах производство алкоголя разделялось между ремесленными цехами и частными лицами, а не было полем деятельности какой-либо одной социальной группы²⁷¹. В свете названных предпосылок мы и рассмотрим перемены, происходившие в первой половине XVIII в. в подходе властей к употреблению спиртного и к пьянству вообще. С одной стороны, алкоголь был важным традиционным элементом как повседневной жизни, так и, в особенности, праздничных обычаев большинства простого народа и даже придворной элиты, особенно в петровское правление. Однако в то же самое время эволюция петербургского двора под влиянием понятий о приличном поведении и более утонченных форм развлечений, наряду со стремлением властей обуздать чрезмерное пьянство, убеждала в необходимости регулирования и этой грани жизни нового города.

Сам Петр пристрастился к безудержному пьянству в компанейской атмосфере московской Немецкой слободы, расположенной вблизи царского дворца в Преображенском, где он провел почти всю свою юность. Пожалуй, неудивительно, что в тамошнем окружении он свел знакомство с виноторговцем Монсом (отцом Анны и Виллема, которые впоследствии были оба интимно связаны с императорской семьей) и с двумя много пьющими военными – швейцарцем Францем Лефортом и шотландцем Патриком Гордоном. В частности благодаря тесной дружбе Петра с Лефортом дворец последнего использовался для приемов, банкетов и иных празднеств, на которых происходило «пьянство так великое, что невозможно описать», по словам одного современника²⁷². Впрочем, тогда подобное времяпровождение было далеко не чуждо и европейским дворам. Стоит лишь вспомнить грубые выходки *Tabakskollegium* («Табачной коллегии») Фридриха Вильгельма I при прусском дворе, в которых существенную роль играл алкоголь²⁷³. Хотя увлечение Петра алкоголем могло приводить в замешательство, а иногда и пугать, все же сетования, содержащиеся в описаниях Корба, Берхгольца и других иностранных наблюдателей, следует соотносить с распространенным за границей представлением о русских как о закоренелых пьяницах²⁷⁴. Петр, несомненно, был способен сдерживать себя при необходимости. Например во время Великого посольства принцесса София Ганноверская отметила после встречи с Петром в Коппенбрюгге, что «он не напился допьяна в нашем присутствии, но как только мы уехали, лица его свиты вполне удовлетворились»²⁷⁵.

Печально известный Всепьянейший собор, который издавна ассоциируется с гедонистическими наклонностями Петра, зародился в начале 1690-х гг., когда Петр был еще сравнительно волен предаваться своим наклонностям вдали от непрерывной череды церемониальных обязанностей, которые выполнял его брат и соправитель, царь Иван V.

270 Kahan A. *The Plough, the Hammer and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia*. Chicago, IL, 1985. P. 322–324.

271 См., например: Unger R. *Beer in the Middle Ages and the Renaissance*. Philadelphia, PA, 2007. P. 207–230.

272 Куракин Б.И. Гистория о Петре I и ближних к нему людях, 1682–1695 // *Русская старина*. 1890. Т. 68. № 10. С. 249.

273 Clark Ch. *Iron Kingdom*. P. 79–80. Характерный убийственный вердикт пьянству при нескольких германских дворах содержится в кн.: Fauchier-Magnan A. *The Small German Courts of the Eighteenth Century*. London, 1958. P. 81–83.

274 Poe M. *A People Born to Slavery: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748*. Ithaca, NY, 2000. P. 149–150.

275 Цит. по: Schuyler E. *Peter the Great, Emperor of Russia: a Study of Historical Biography*. NY, 1967. Vol. 1. P. 286.

Недавнее исследование Всепьянейшего собора отступает от традиционной интерпретации этого института как вакханалии или пародии на религию. Оно сосредоточено на роли Собора в жизни двора, ибо многие его члены занимали ключевые посты в петровской гражданской и военной администрации²⁷⁶. Э. Зитцер также убедительно доказывает, что Всепьянейший собор и другие пародийные развлечения Петра, вроде военных игр или потешных свадеб, были далеко не простыми проявлениями гедонизма или безбожия, а служили сплочению компании его «птенцов» и демонстрации их роли в «добывании порядка из хаоса»²⁷⁷.

Выдержка из мемуаров датского посла при петровском дворе, Юста Юля, предлагает еще одну возможную мотивировку этих буйных попоек. «Но (при этом) сам царь редко выпивает более одной, или, в крайнем (случае), двух бутылок вина, так что на столь многочисленных попойках я редко видал его совершенно – что называется как стелька – пьяным. Между тем (остальных) гостей заставляют напиваться до того, что они ничего не видят и не слышат, и тут царь принимается с ними болтать, стараясь выведать, что у каждого (на уме). Ссоры и брань между пьяными тоже по сердцу царю, так как из (их) взаимных укоров ему (открываются) их воровство, мошенничество и хитрости, и он пользуется случаем, чтобы наказать виновных»²⁷⁸. Е.В. Анисимов связывает этот комментарий со своим общим наблюдением о роли надзора и доносов в петровской России. В том же ключе он позже приводит пример графа П.А. Толстого, которого Петр обвинил в том, что он притворяется пьяным, чтобы наблюдать за своими товарищами в компрометирующей ситуации себе в пользу²⁷⁹. Петр внимательно следил за тем, чтобы его собутыльники не отставали от него (а то и превосходили, как в случае, отмеченном Юстом Юлем) по внушительному количеству выпитого. Берхгольц записал замечание царя во время пира по случаю военно-морского парада в Петербурге 11 августа 1723 г. о том, что «тот бездельник, кто в этот день не напьется с ним пьян». Он заставил всех присутствующих продолжать попойку до утра²⁸⁰. Можно предложить несколько объяснений этому принуждению к пьянству. Некоторые из них находят дополнительные подтверждения в контексте петровского царствования. Испытания, которым подвергались царские гости, можно рассматривать как форму жестокого (чтобы не сказать, мучительского) развлечения царя. В частности от принудительного питья тостов по какому-либо случаю гости не могли отказаться в присутствии царя²⁸¹. Эти испытания применялись одинаково к мужчинам и женщинам. Берхгольц не без ужаса повествует о примерном наказании жены гофмаршала князя В.Д. Олсуфьева, немки по имени Ева (и с ней еще 29 женщин), за то, что она не была на маскараде в ноябре 1721 г. Ей пришлось выпить штрафной кубок, хотя она была беременна на последнем сроке. В результате наутро она родила мертвого ребенка^{282 283}.

276 Hughes L. Russia. P. 250–257.

277 Zitzer E. The Transfigured Kingdom. P. 12 (см. русский перевод: *Зитцер Э.* Царство Преображения. М., 2008).

278 Юль Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Наумов В.П. (ред.). Лавры Полтавы. СПб., 2001. С. 211.

279 Анисимов Е.В. Реформы. С. 208.

280 Берхгольц Ф.В. фон. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца, 1721–1725 (гл. 3 и 4) // Наумов В.П. (ред.). Юность державы. М., 2000. С. 124–125.

281 См., например про опыт Кампредона на приеме в доме А. Румянцева в марте 1721 г.: СИРИО. Т. 40. С. 166–168. Де Кампредон – архиепископу Камбрэ. Санкт-Петербург, 14 марта 1721 г.

282 Берхгольц Ф.В. фон. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца, 1721–1725 (гл. 1 и 2) // В.П. Наумов (ред.). Неистовый реформатор. М., 2000. С. 238.

Словом, употребление алкоголя – чтобы развязать языки царских подданных или иностранных дипломатов, чтобы укрепить чувство единения и общей цели в царском окружении, или просто, чтобы доставить царю грубое развлечение – несомненно, играло центральную роль в жизни двора при Петре. Не случайно Петр, предостерегая адмирала Ф.М. Апраксина от слишком усердного винопития, говорил, что потерял по той же причине двух своих адмиралов – Франца Лефорта и Ф.А. Головина²⁸⁴.

Зато некоторые другие аспекты культуры питья при Петре менялись и затем на протяжении XVIII столетия постепенно становились утонченнее. Вина из Франции и Германии ввозили в Россию с конца XVII в. Петру они очень нравились, о чем говорит одно его раннее письмо, в котором он заказывает бутылки «сека и ренского» вина губернатору Архангельска в 1694 г.²⁸⁵ Крепкое венгерское вино служило для тостов (или для испытаний) на многих пирах. Таким образом, в рассматриваемый период вино прочно вошло в обиход двора, причем особенно ценилось за то, что пить его было в обычае у элиты в остальной Европе²⁸⁶. Наряду с другими привозными напитками, в частности с коньяком, вино занимало положение своего рода предмета роскоши, о чем говорит тот факт, что количество импорта оставалось сравнительно незначительным на протяжении всего XVIII в.²⁸⁷ И при дворе, и в домах высшей знати на приемах всячески стремились похвастаться этим лакомым напитком, особенно перед иностранными гостями. Берхгольц не раз описывал разнообразие и качество вин, подававшихся ему и герцогу Голштинскому, в том числе шампанское, бургундское и кларет (Haut-Brion; по-русски было принято его английское название, «Понтак»)²⁸⁸.

Информативные данные об употреблении спиртного за пределами двора найти труднее. Тяготы Северной войны и неурожаи (например в 1708 г.) имели прямое влияние на производство алкоголя, но, как и другие элементы традиционной культуры в петровское царствование, в целом привычки в этой сфере попросту остались неизменными, особенно в сельской местности. Кроме того, несмотря на введение при Петре новых регулярных календарных праздников, таких как годовщины больших побед и коронации правителей (о чем пойдет речь в следующей главе), многие черты народных праздников оставались, по сути, прежними, и питье спиртного не составляло исключения. Поэтому места, где можно было выпить в Петербурге, сначала устраивались по традиционному образцу. Так, хотя появились новомодные термины – «австерия», «фартина», но публичные питейные заведения привычно назывались по старинке, как в XVI–XVII вв.: питейный дом, корчма, кабак²⁸⁹.

Хотя эти слова употреблялись и в начале XVIII в., есть основания предполагать, что постепенно вводились также новые термины. Так, указ, изданный в апреле 1734 г., касается

283 Автор не совсем точен. Жену В.Д. Олсуфьева, Еву, и других дам должны были в здании Сената примерно напоить в наказание за неявку на маскарад. Маршальша была беременна на позднем сроке, но государь, несмотря на просьбу императрицы, не желал сделать для нее снисхождение, из-за чего несчастная накануне экзекуции «так терзалась всю ночь, что на другое утро разрешилась мертвым младенцем, которого, говорят, прислала ко двору в спирту». А остальных дам в тот же день напоили так, что они «потом не могли стоять более на ногах и в этом виде были отосланы домой» (Берхгольц Ф.В. фон. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца // В.П. Наумов (ред.). Неистовый реформатор. С. 237–238). – Примеч. научн. ред. перевода.

284 Hughes L. Russia. P. 419.

285 Петр – Ф.М. Апраксину. ПиБПВ. Т. 1. С. 26–27.

286 Pinkard S. A Revolution in Taste: The Rise of French Cuisine, 1650–1800. Cambridge, 2010. P. 222–235.

287 Smith R., Christian D. Bread and Salt. P. 176.

288 См., например: Берхгольц Ф.В. Дневник // Неистовый реформатор. С. 188, 381, 484.

289 Smith R., Christian D. Bread and Salt. P. 215.

содержания трактиров и сбора алкогольного акциза. В нем используется иной термин – «вольные дома»²⁹⁰. Разница между этими заведениями не вполне ясна из документов того времени, но понятно, что какие-то различия существовали, что и отразилось в терминах, их обозначающих. Например бывший кабак, известный как «Петровский» и расположенный на углу Невского проспекта на Адмиралтейской стороне, был в апреле 1737 г. куплен Камер-конторой с целью постройки на этом месте каменного трактира для приезжих купцов и иностранцев²⁹¹. Термин «кабак» был, как считается, заменен в официальном языке на термин «питейный дом» указом 1746 г., хотя мало оснований полагать, что этому новому правилу следовали в официальном или повседневном обиходе. Последующие указы на этот предмет, от 1765 и 1779 гг., показывают, что термин «кабак» и дальше использовался от случая к случаю²⁹².

Озабоченность социальными и финансовыми последствиями чрезмерного употребления алкоголя можно видеть в законодательстве послепетровской эпохи. В августе 1735 г. указ Сената поставил вне закона прием одежды, домашней утвари или иных предметов в залог вместо платы в питейных заведениях. Вебер отмечал это обыкновение при описании городских «публичных распивочных» еще в 1716 г.²⁹³ Подобные заклады не только способствовали чрезмерному пьянству, но также провоцировали воровство, потому что вещи были выставлены открыто до тех пор, пока владелец их не выкупал. Поэтому Камер-конторе предписывалось выпустить прейскуранты на водку, пиво и мед, согласно которым хозяева и штат питейных заведений были впредь обязаны рассчитывать клиентов²⁹⁴. Затем последовало более серьезное ограничение: в октябре 1740 г. в Петропавловской крепости убили часового и похитили несколько сотен рублей, за чем последовал очередной манифест о запрете шума и драк по ночам. В результате вышел указ, которым питейным заведениям позволили торговать спиртным только с 9 часов утра до 7 вечера. О нарушителях этого запрета следовало доносить в Полицмейстерскую канцелярию²⁹⁵. В этом указе насильственные преступления напрямую увязывались с алкоголем, и подчеркивалось, что их предупреждение является обязанностью Полицмейстерской канцелярии.

В массе народа было принято пить спиртное на гуляньях по случаю праздников, и власти беспокоило буйство, воцарявшееся в эти дни. В июле 1743 г. Сенат по совету Святейшего Синода обратился к вопросу о трактирах, открытых для продажи спиртного во время богослужений и крестных ходов, совершавшихся в монастырях и крупных церковных приходах по церковным праздникам. В указе, изданном по этому поводу, упоминались и другие неуместные действия, происходившие в то же самое время, – кулачные бои, лихая езда на лошадях, пляски и прочие «безчинные» занятия. В нем также отмечено, что этот вопрос впервые обсуждался в Синоде в сентябре 1722 г. по постановлению Сената. Надо понимать, что результатов это обсуждение не дало. В конце указа говорилось, что 3 июля императрица также наложила запрет на кулачные бои в Петербурге и Москве²⁹⁶. Указ начала 1747 г., запрещающий устройство питейных заведений близ церквей и кладбищ, был, скорее

290 ПСЗ. Т. 9. № 6566. 5 апреля 1734 г. С. 301–303.

291 Там же. Т. 10. № 7233. 19 апреля 1737 г. С. 130.

292 Smith R., Christian D. Bread and Salt. P. 216.

293 Weber F.Ch. Present State. Vol. 1. P. 179–180.

294 ПСЗ. Т. 9. № 6786. 12 августа 1735 г. С. 558–559.

295 Там же. Т. 10. № 8260. 17 октября 1740 г. С. 275.

296 Там же. Т. 11. № 8759. 11 июля 1743 г. С. 847.

всего, мотивирован желанием внушить почтение к освященной земле, но он, конечно, согласуется и с прочими указами того же периода, касающимися борьбы с пьянством²⁹⁷.

Существуют и другие примеры, свидетельствующие о том, что Елизавета серьезно относилась к проблеме публичного пьянства в Петербурге. В декабре 1742 г. она издала указ, касавшийся внешнего облика петербургских улиц, в котором выразила неудовольствие наличием кабаков и харчевен на «знатных» улицах города, имея в виду, вероятно, главные проспекты, на которых стояли дома знатных семейств. Что касается кабаков, то она распорядилась вынести их подальше от мест проживания городской верхушки, а харчевни велела держать только на рыночных площадях²⁹⁸. Но в 1746 г. Елизавета повторила указ, гласивший, что никаких кабаков на «знатных» улицах быть не должно, что их нужно размещать только в боковых улицах, а те заведения, что уже занимают такие места, должны быть перенесены²⁹⁹. В следующем указе, от октября 1752 г., опять говорилось о необходимости убрать заведения обоих видов прочь со «знатных» улиц. Тот факт, что в указе специально упоминался кабак на Миллионной улице, рядом со старым Зимним дворцом и несколькими резиденциями знатнейших дворян, наводит на мысль, что неуспех предыдущего указа был совершенно очевиден императрице³⁰⁰.

Ситуация назрела в декабре 1758 г., когда генерал-фельдмаршал и генерал-прокурор князь Никита Юрьевич Трубецкой подал доклад в Сенат об акции, предпринятой им против кабаков, которые он считал противозаконными. По следам доноса о кабаке купца Ивана Чуркина, находившемся в доме камер-фурьера Василия Рубановского на Миллионной улице, он учинил расследование, чтобы выяснить, в каких домах на главных улицах города размещаются кабаки или подобные им заведения. В частности в районе Луговой Миллионной же улицы обнаружили еще два кабака – в домах купца Прохора Гневышева, напротив Адмиралтейства, и московского вице-губернатора Н.Г. Жеребцова на Мойке. Закрывать эти заведения власти не намеревались, а хотели добиться их перемещения на более подходящее место в ближайших, но не столь заметных улицах. Поэтому кабак из дома Гневышева переехал во владение княгини Марии Черкасской на Малой Морской улице, а кабак Чиркина разместился в каменном здании на пустыре возле Конюшенного моста³⁰¹. Последствия этой акции князя Трубецкого усматриваются из донесения Камер-конторы Сенату, гласившего, что доходы от продажи спиртного упали в городе на 24,5 тыс. руб.³⁰² Вопрос внешнего вида улиц также был затронут в одном из последующих указов: он посвящался сокращению числа будок при шлагбаумах на главных улицах города, причем особо упоминались будки на Миллионной, торговавшие едой и напитками, которые надлежало убрать с передней линии улиц³⁰³.

Питье спиртного в рассматриваемый период по-прежнему занимало центральное место как в повседневной жизни, так и на праздниках высшего общества. Хотя некоторые эксцессы времен Петра при его преемниках ушли в прошлое, пьянство осталось существенной частью придворной жизни, что проявлялось в регулярных тостах в честь различных годовщин и в стремлении блеснуть богатством двора в выборе вин и других напитков во время застолий.

297 Там же. Т. 12. № 9365. 26 января 1747 г. С. 642–645.

298 ПСЗ. Т. 11. № 8674. 1 декабря 1742 г. С. 728.

299 Там же. Т. 12. № 9278. 11 апреля 1746 г. С. 543.

300 Там же. Т. 13. № 10030. 14 октября 1752 г. С. 707–708.

301 ПСЗ. Т. 15. № 10904. 11 декабря 1758 г. С. 288–289.

302 Smith R., Christian D. Bread and Salt. P. 216.

303 ПСЗ. Т. 15. № 11050. 16 апреля 1760 г. С. 466.

Часто встречающуюся характеристику русских как народа, склонного к пьянству, не следует рассматривать вне контекста, ведь многие страны были тогда столь же близко знакомы с зеленым змием. Например в России в этот период не случилось чего-то подобного «джиномании» (Gin Craze) в Англии^{304 305}. Неослабная озабоченность властей в связи с чрезмерным пьянством, непристойным поведением и размещением пунктов торговли спиртным мотивировалась стремлением сохранять в городе благочиние – эти вопросы решали тогда и в других государствах, причем, как и в России, с переменным успехом³⁰⁶.

АЗАРТНЫЕ ИГРЫ³⁰⁷

Азартные игры издавна были признаны важной частью общественной жизни Европы раннего Нового времени, хотя власти в основном их не одобряли³⁰⁸. Возражения против азартных игр звучали отовсюду – тут было и возмущение чрезмерной страстью к азарту, и озабоченность судьбою жертв немилости фортуны³⁰⁹. Мода на азартные игры в обществе отчасти объяснялась их процветанием при ведущих дворах Европы. Этим, в первую очередь, отличался французский двор Людовика XIV, и принятые там карточные игры, например кадриль, приобрели особенно широкую популярность³¹⁰. Впрочем, подобные игры в то время были столь же распространены в тавернах, кофейнях и в частных домах, и участвовали в них игроки из всех социальных слоев³¹¹. Кроме того, азартные развлечения не ограничивались лишь теми или иными играми – любые события могли послужить предметом для пари, от спортивных состязаний до сроков кончины знакомых³¹². В России некоторые игры, например шахматы и различные виды игры в кости, имели давнюю традицию благодаря культурным связям с азиатскими державами, например с империей Великих Моголов³¹³. Однако развитие контактов Московии с остальной Европой начиная с XVI в. привело к тому, что в России появились другие игры и азартные развлечения, в том числе различные карточные игры, шашки и прочие настольные игры³¹⁴.

304 White J. London in the Eighteenth Century: A Great and Monstrous Thing. London, 2012. P. 327–332.

305 В первой половине XVIII в. резко возросло производство и потребление джина в Великобритании, а особенно в Лондоне. Город охватила сущая эпидемия пьянства. Власти, озабоченные состоянием общества, провели в это время пять парламентских актов о контроле над потреблением джина. – *Примеч. научн. ред. перевода.*

306 См. о двух примерах таких попыток: *Thüly B.A.* Bacchus and Civic Order: The Culture of Drink in Early Modern Germany. London, 2001. P. 80–101; *Brennan Th.* Social Drinking in Paris // *Susanna Barrows, Robin Room (eds.). Drinking: Behaviour and Belief in Modern History.* Berkeley, CA, 1991. P. 68–77.

307 Расширенную версию этого раздела см.: *Card-Playing and Gambling in Eighteenth-Century Russia // European History Quarterly.* Vol. 42/3 (2012). P. 385–402.

308 *Parlett D.S.* A History of Card Games. Oxford, 1991. P. 45–60.

309 *Miers D.* Regulating Commercial Gambling: Past, Present, and Future. Oxford, 2004. P. 19–38.

310 См., например: *Grussi O.* La vie quotidienne des joueurs sous l'Ancien Régime à Paris et à la cour. Paris, 1985.

311 *Malcolmson R.* Popular Recreations in English Society, 1700–1850. Cambridge, 1973. P. 5–14, 34–51.

312 *Porter R.* English Society in the Eighteenth Century. London, 1991. P. 237–239.

313 *Линдер И.М.* Шахматы на Руси. 2-е изд. М., 1975.

314 *Пыляев М.И.* Старое житье: Очерки и рассказы. М., 1990. С. 23.

Изучение азартных игр XVIII столетия нередко фокусируется на их символическом значении и культурной роли. Одна из таких областей исследования касается связи между азартными играми и литературой. Так, желание некоторых игроков бросить вызов судьбе, отринув всякую осторожность и делая высокие ставки, было распространенной темой европейской литературы рассматриваемого времени³¹⁵. В России тоже изучалась история азартных игр, правда, преимущественно в период конца XVIII – первой половины XIX в.³¹⁶ Интерес к литературному отображению азартной игры в рассматриваемый нами период также присутствует в русском контексте³¹⁷. Но даже более поздний отрезок XVIII в. лишь бегло освещается во введениях к этим исследованиям, тогда как контекст бытования азартных игр в начале и середине этого столетия отражен чаще всего только в собраниях русских и иностранных старинных анекдотов³¹⁸. Большинство их посвящено карточной игре, но в основном речь идет о том, с каким невиданным размахом играли при императорском дворе³¹⁹. Поэтому если во всех упомянутых выше работах можно найти некоторые интересные подробности о нашем периоде, то настоящий раздел посвящен истории становления в России в начале XVIII в. азартных игр как общественного времяпровождения, в рамках культурных преобразований в целом.

Как и в других странах Европы, официальное отношение к подобным занятиям в России было тогда преимущественно неодобрительным – православная церковь с подозрением относилась к вещам и занятиям чужеземного происхождения, а биться об заклад считалось грехом. При Иване IV азартные игры были осуждены в Москве церковным Собором 1551 г., свод решений которого известен как «Стоглав»³²⁰. В Соборном Уложении 1649 г. ясно изложена точка зрения государства на игру в карты и кости: она имеет прямое отношение к преступности и подлежит такому же наказанию, как воровство – бить кнутом, урезать левое ухо, два года тюрьмы, а затем каторга³²¹. И тем не менее из тогдашних иностранных описаний явствует, что азартные игры в России практиковались, хотя это и грозило неприятностями. Патрик Гордон описывает, как один русский офицер, А.К. Спиридонов, застиг за карточной игрой нескольких солдат, расквартированных в Москве, в Немецкой слободе, и конфисковал деньги, поставленные на кон, и сверх того отобрал еще 60 руб.³²² В конце XVII в. несколько факторов способствовали постепенному распространению игр, всяческих ставок и биться об заклад. Молодые дворяне, обучавшиеся за границей в петровскую эпоху, сталкивались с повсеместной практикой азартных игр в Европе. Петр

315 На эту тему см.: *Kavanagh Th. Dice, Cards, Wheels: a Different History of French Culture. Philadelphia, PN, 2005.*

316 См., например: *Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XX века). СПб., 2002. С. 136–163; Парчевский Г.Ф. Карты и картежники. СПб., 1998.*

317 *Helfant I. The High Stakes of Identity: Gambling in the Life and Literature of Nineteen-Century Russia. Evanston, IL, 2002.*

318 См., например: *Пыляев И.М. Старое житье. С. 22–59.*

319 *Михневич В.О. История карточной игры на Руси // Исторический вестник. Т. 83. № 1. 1901. С. 141–161; Там же. № 2. 1901. С. 559–587.*

320 Стоглав / Ред. Кожанчиков Д.Е. СПб., 1863. Гл. 92. С. 263.

321 *The Muscovite Law Code (Ulozhenie) of 1649 / Ed. and transl. R. Hellie. Irvine, CA, 1988. P. 197 (см. на русском: Соборное уложение 1649 года. Л., 1987).*

322 *Gordon P. Diary of General Patrick Gordon of Auchleuchries, 1635–1699. Vol. II (1659–1667). Aberdeen, 2010. P. 143 (см. на русском: Гордон П. Дневник. 1677–1678 / Перев. с англ., статья, примеч. Д.Г. Федосова. М., 2005. С. 143).*

Толстой, побывавший в Венеции в 1698 г., посетил там один из бесчисленных игорных домов и описал как те карточные игры, в которые там играли, так и суммы денег, ставившиеся на карту³²³.

К началу XVIII в. Россия была уже явно знакома с такими играми, появились здесь и собственные карточные игры. Например Берхгольц подробно записал, как играть в одну такую игру, которой научился у своих квартирных хозяев, – она называлась «игра в короли» и заключалась в особо ловком и сложном обмене картами³²⁴. Кроме того, все очевиднее становилось, что эти игры составляют неотъемлемую часть жизни общества. Это, прежде всего, относилось к такому городу, как Санкт-Петербург, где всегда хватало иностранных путешественников, купцов и моряков. В указе 1750 г. об учреждении нескольких гостиниц («гербергов») для приезжих иностранцев в Петербурге и Кронштадте особо упомянуто о необходимости оснастить их бильярдами³²⁵. С учреждением ассамблей, рассмотренных нами в первой главе, появилось социальное пространство, в котором можно было играть в эти игры. Вебер, описывая эти светские собрания, указывает, что полагалось отводить отдельную комнату для игры в шахматы и шашки и другую комнату для «салонных игр», вроде фантов или игры в вопросы и ответы³²⁶. Хотя и в исходном указе о заведении ассамблей, и в описании Вебера главное место отводилось светскому общению, другие современники замечали, что на ассамблеях не всегда удавалось побеседовать, в основном из-за тесноты, когда курение, игры, танцы мешали разговорам. Сам Петр не был любителем азартных игр, на придворных раутах предпочитал картам шахматы и шашки, а потому на ассамблеях карты тоже не разрешались³²⁷. Однако члены ближайшего окружения Петра, например А.Д. Меншиков, были завзятыми картежниками, хотя большинство свидетельств о подобном их времяпровождении относится уже к периоду после смерти Петра в 1725 г.³²⁸

С развитием социальной жизни двора в 1730–1740-е гг. игра, а особенно карты, занимает важное место среди вечерних развлечений на куртагах или маскарадах. Тесный кружок игроков вокруг карточного стола давал избранным привилегированный доступ к императрице³²⁹. Кроме того, предполагалось, что игру в карты, как занятие по природе своей статичное, предпочитают наиболее зрелые, а следовательно, наименее подвижные придворные³³⁰. Это, несомненно, подтверждается тем фактом, что и Анна Ивановна, и Елизавета с годами все чаще выбирали на придворных раутах карты вместо танцев. Хотя все императрицы в рассматриваемый период были любительницами карт, их энтузиазм не всегда

323 Tolstoi P. The Travel Diary of Peter Tolstoi: A Muscovite in Early Modern Europe / Ed. and transl. S.H. Baron. DeKalb, IL, 1987. P. 155–157 (см. на русском: Толстой П.А. Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе (1697–1699). М., 1992).

324 Берхгольц Ф.В. Дневник // Неистовый реформатор. С. 284–285.

325 ПСЗ. Т. 13. № 9737. 13 апреля 1750 г. С. 253.

326 Weber F.Ch. Present State. Vol. 1. P. 188.

327 Берхгольц Ф.В. Дневник // Неистовый реформатор. С. 338–339.

328 См., например упоминания об азартных играх в 1726 г. в рабочем дневнике Меншикова (Труды и дни Александра Даниловича Меншикова: повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова, 1716–1720, 1726–1727 гг. / Ред. С.Р. Долгова, Т.А. Лаптева. М., 2004. С. 398) и в анонимном польском дневнике того же времени (Петербург Петра I в иностранных описаниях / Ред. Ю.Н. Беспярых. Л., 1991. С. 199).

329 См., например про особое обхождение с французским и австрийским послами в годы Семилетней войны: КфЖ. 1758. С. 148 (23 ноября); КфЖ. 1761. С. 116 (26 августа).

330 Писаренко К.А. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 159–160.

сочетался с искусством за карточным столом. Кристоф фон Манштейн, который служил в русской армии в 1730-е гг. и бывал при дворе Анны Ивановны, отмечал, что когда там шла игра, императрица обычно довольно скоро проигрывала, а потому держала банк³³¹. Как и при других европейских дворах, тот факт, что сам государь (или государыня) играет в эти игры, означал, что его придворные, как правило, обязаны в них участвовать, независимо от своей финансовой состоятельности. Так, на вечерах при дворе Людовика XV господствовало увлечение монаршей четы карточными играми (в частности такими, как ландскнехт и каваньоль), но вскоре после того, как король с королевой удалялись, игра прекращалась³³². Впрочем, как явствует из нескольких современных описаний, карты были обычным и почти неизбежным занятием для придворных, независимо от их возраста и способностей, и входили в повседневный цикл жизни двора.

Указ 1761 г., посвященный регулированию азартной игры в дворянской среде, который будет подробнее рассмотрен ниже, содержит сжатый обзор многих популярных в России карточных игр того времени. Перечисленные в нем игры включали в себя фаро, квинтич, ломбер, кадриль, пикет и памфил³³³. Некоторые из этих игр предназначались для небольшого числа игроков, и искусство игры в них было важнее простого везения. Такой игрой была кадриль, в которой участвовало лишь четыре игрока³³⁴. Однако в других карточных играх элемент риска был куда выше, в особенности в фаро, в котором банкомет имел большое преимущество³³⁵. Сама природа таких игр подразумевала, что это занятие могло стать весьма разорительным развлечением, даже для высшей знати³³⁶. Карточные расходы грозили в долгосрочной перспективе большой бедой фамильному состоянию, так как обычно выигрыш бывал невелик, а потерять можно было много. И все равно подобные случаи были нередки в тогдашней Европе. Так, увлечение картами при версальском дворе приводило к серьезным проигрышам. К наиболее ярким примерам относится история мадам де Монтеспан, проигравшей, будто бы 400 тыс. пистолей за одну ночь, и случай с министром финансов, господином Орри де Фюльви, который в один вечер проиграл 20 тыс. луидоров, но таинственным образом расплатился на следующий же день³³⁷. Точно так же ведущие политические и светские фигуры георгианского Лондона, играя в таких заведениях, как «Уайтс» и «Брукс», имели обыкновение делать огромные карточные долги, достигавшие тысяч фунтов стерлингов³³⁸. Возможные катастрофические последствия игры – когда на карту ставились все средства к существованию или, у дворян, все семейное состояние – в рассматриваемый период вызвали к жизни серию законов об азартных играх.

331 *Manstein Ch. von. Contemporary Memoirs of Russia, from the Year 1727 to 1744. London, 1968. P. 257.*

332 *Dunkley J. Gambling: A Social and Moral Problem in France, 1685–1792. Oxford, 1985. P. 22.*

333 ПСЗ. Т. 15. № 11275. 16 июня 1761 г. С. 731.

334 *Miers D. Regulating. P. 25–26.*

335 Банкомет мог оказывать сильное влияние на ход подобных игр, чем и может объясняться склонность Анны Ивановны выступать в этой роли, как отмечал К. Манштейн. О фаро и его разновидностях см.: *Parlett D.S. A History. P. 75–78.*

336 Так, Манштейн утверждал, что видел при дворе двадцатитысячные проигрыши в один присест «за квинтичем или за банком»: *Manstein Ch. Contemporary Memoirs. P. 257.* Екатерина II тоже вспоминала, как в 1740-е гг. при дворе проигрывали ставки по 40–50 тыс. руб.: *Екатерина II. Mémoires I // Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей / Ред. А.Н. Пыпин. СПб., 1901–1907. С. 52.*

337 *Dunkley J. Gambling. P. 21, 25.*

338 *White J. London in the Eighteenth Century: A Great and Monstrous Thing. London, 2012. P. 339–342.*

Указ, изданный Анной Ивановной в январе 1733 г., касался игры с высокими ставками, причем важность этой проблемы особо подчеркивалась тем, что было предписано огласить указ для всеобщего сведения. Вначале в нем упоминался прежний запрет игры на деньги, изданный Петром I в 1717 г., согласно которому игроков штрафовали на поставленную на кон сумму в тройном размере. Однако, говорилось в указе, несмотря на этот запрет, азартные игры продолжались как в публичных местах (возможно, даже в светском обществе), так и в частных домах. Еще хуже, с точки зрения властей, было то, что играть в карты, в кости и в другие игры, где правит случай, начали не только на деньги и домашнюю утварь, но и на деревни с крестьянами. В указе было ясно обозначено, что такая игра не только ведет к финансовому краху, но и является «тягчайшим грехом», как гласит Закон Божий. Азартные игры описаны как занятия «богомерзкия и вредительныя», что не оставляет сомнений в отношении к ним властей. Поэтому все игры на деньги, пожитки, деревни, крепостных запрещались как в частных домах, так и в общественных местах (в «вольных домах»). В законе также были перечислены наказания для его нарушителей. При первом нарушении указа действовал прецедент 1717 г., причем две трети штрафа передавались на содержание какого-нибудь госпиталя (без конкретного указания). Второе нарушение каралось месяцем в тюрьме для офицеров и других «знатных» людей, а «подлые» подлежали нещадному битью батогами. В третий раз денежный штраф удваивался, а дальнейшие наказания передавались на усмотрение Полицмейстерской канцелярии, местного губернатора или начальствующего офицера³³⁹.

Запрет на азартные игры распространялся не только на простых подданных. Карточной игре и бильярду посвящался специальный указ от марта 1735 г. В нем запрещалось пажам и камер-пажам императорского двора посещать кабаки и прочие питейные заведения, где они могли играть в бильярд, в карты и тому подобные игры. Нарушители подлежали аресту (в указе приведено в пример наказание пажа Ивана Волкова), а владельцу заведения тоже грозило суровое наказание, включая штраф³⁴⁰. И все-таки, как было и с другими полицейскими законами, несмотря на все запреты, азартные игры, судя по всему, и в дальнейшем оставались проблемой. Указ 1717/1733 г. был издан снова в 1743 г. и еще раз в марте 1747 г., с добавлением, что «всякого чина люди» продолжают, невзирая на подтверждение штрафов и наказаний, играть в азартные игры в публичных местах³⁴¹.

Впрочем, осознавалось также различие между азартными играми, особенно картами, как греховным делом и как великосветским развлечением. Указом, изданным в середине 1761 г., ни при каких обстоятельствах не дозволялось играть в карты, а именно в фаро, квинтич и подобные игры на деньги и имущество – нигде, кроме покоев императрицы. При этом важно, что делалось исключение для ряда других карточных игр, включая ломбер, кадриль, пикет и памфил, в которые разрешалось играть на очень маленькие суммы «в знатных дворянских домах». Причем такое исключение делалось лишь «ради провождения времени», а не ради выигрыша. Всякого, кто станет играть на более крупные суммы, следовало оштрафовать на его двойной годовой оклад и на весь выигрыш (или на стоимость любого имущества, предоставленного в залог на покрытие долга), в то время как хозяин помещения, где играли, тоже подлежал штрафу. Этот штраф делился на четыре части – одна часть передавалась «на гошпиталь», вторая на содержание полиции, а остальные две на вознаграждение доносчиков, которые могли представить убедительные письменные доказательства противозаконной деятельности³⁴². Всякая попытка использовать вместо денег

339 ПСЗ. Т. 9. № 6313. 23 января 1733 г. С. 20.

340 Там же. № 6703. 5 марта 1735 г. С. 489.

341 Там же. Т. 12. № 9380. 11 марта 1747 г. С. 670–671.

342 ПСЗ. Т. 15. № 11275. 16 июня 1761 г. С. 731.

векселя, заемные крепости или какое-либо залоговое имущество вела к их конфискации в казну и к штрафу со всех причастных к нарушению. Хотя ответственность за соблюдение этого запрета возлагалась на Полицмейстерскую канцелярию или на местные власти, в последнем пункте указа содержалось требование, чтобы обо всех штрафах сообщали в Сенат, а также в Военную коллегия, в Адмиралтейство или в гвардейские полковые канцелярии, так как это могло влиять на чин и продвижение по службе³⁴³.

Этот закон позволяет сделать некоторые важные наблюдения, иллюстрирующие подход властей к азартным играм на протяжении рассматриваемого периода. Во-первых, карточная игра явно воспринималась как светское времяпровождение, которое считалось уместным лишь в определенных местах, а именно при дворе, в покоях императрицы и в домах знати. Во-вторых, оказывалось очевидное предпочтение играм в дружелюбной атмосфере, с участием немногочисленных или очень опытных игроков (например кадрили), перед играми, где дело решала удача, как в фаро, и существовал риск больших проигрышей и долгов. В-третьих, в указе ясно говорилось, что нечестная игра могла скверно сказаться на карьере игрока, помимо финансовых последствий в виде всяческих штрафов. Законодательное установление подобного рода вообще типично для данного периода. Например французское законодательство об азартных играх отмечено изданным в конце 1717 г. ордонансом, в котором запрещалась игра в кости, в разные карточные игры, а затем обобщенно упоминалось и про другие азартные игры. Затем последовали аналогичные ордонансы в 1757, 1759 и 1765 гг., в которых лишь менялся перечень запрещенных карточных игр³⁴⁴. Похожий набор мер предприняли и в георгианской Англии, где в реакции властей усматривается попытка одновременно защитить пострадавших и стремление покарать алчное поведение за карточным столом³⁴⁵.

И все же в подходе к азартным играм имелись некоторые различия между Россией и остальной Европой. В рассматриваемый период здесь не делалось никаких попыток лицензировать игорные дома, как в землях австрийской короны. Там государство (не говоря уже о придворном чиновнике, который этим ведал) могло извлекать выгоду из азартных игр, уже признанных распространенной, а потому почти неизбежной практикой³⁴⁶. Родственное начинание – лотереи, оказавшиеся очень полезными для сбора средств в ряде государств в раннее Новое время, не имели такого успеха в России³⁴⁷. Первая государственная лотерея была организована в 1760 г. в поддержку офицеров – инвалидов Семилетней войны, но впоследствии, в 1764 г., от нее отказались по причине скудных финансовых поступлений из-за плохой организации³⁴⁸. Зато в российском контексте значение рассматриваемого периода заключалось в становлении азартных и прочих игр как вида социальной активности. Они ценились как новая сфера социального взаимодействия, пусть и с заранее определенными ролями и правилами приемлемого поведения. В таком качестве практика азартных игр, хоть она и была введена сравнительно недавно, к концу рассматриваемого периода быстро заняла центральное место в придворной жизни и сохраняла его в дальнейшем.

343 Там же. С. 732.

344 Dunkley J. Gambling. P. 38–39.

345 Miers D. Regulating. P. 27–34.

346 Spielman J. Status as Commodity: The Habsburg Economy of Privilege // Charles Ingrao (ed.). State and Society in early Modern Austria. West Lafayette, IN, 1994. P. 116–117.

347 Munting R. An Economic and Social History of Gambling in Britain and the USA. Manchester, 1996. P. 14.

348 ПСЗ. Т. 15. № 11083. 15 июля 1760 г. С. 489–493; ПСЗ. Т. 16. № 12098. 20 марта 1764 г. С. 656–657.

«НЕПОТРЕБНОЕ» ПОВЕДЕНИЕ

Последняя сфера полицейского регулирования повседневной жизни в Санкт-Петербурге, рассматриваемая в этой главе, касается двух нравственных аспектов поведения его жителей. Подобно предметам предыдущих разделов, эта сфера была в рассматриваемый период объектом пристального надзора властей, и к ней же относится меняющаяся модель поведения при дворе. При многих дворах раннего Нового времени респектабельный фасад нередко скрывал бездну сексуальных интриг и мимолетных связей³⁴⁹. Однако из-за неодобрения церкви и влияния традиционных институтов – от семьи до общины – подход к этим вопросам сильно отдавал представлениями моральной экономики³⁵⁰. Практические последствия безнравственного поведения, в особенности распространение венерических болезней, также привлекали внимание государства. Бордели, которые разрешались в крупных и мелких городах в период Средневековья, были закрыты в XVI в., когда под влиянием церкви власти дали обратный ход в своей политике. Эти меры, однако, не снизили уровень проституции в городах в начале Нового времени, а попросту сделали ее незаконной³⁵¹. Как и в случае с азартными играми, из-за трудностей контроля над подобной деятельностью некоторые государства избрали политику регулирования, в рамках которой они могли лицензировать, и тем самым извлекать выгоду из проституции, как было во Флоренции³⁵². Независимо от того, имели они официальное разрешение или нет, проститутки были обычным элементом повседневной жизни города, и в крупнейших городах того времени они насчитывались тысячами³⁵³.

Изучение истории проституции в России сосредоточено в основном на XIX столетии, когда властью предпринимались согласованные усилия разрешить проблемы, связанные с проституцией, при помощи новой системы ее регулирования в крупных городах³⁵⁴. Более же ранний период не исследован столь всесторонне, хотя уже была проделана определенная работа с судебными архивами³⁵⁵. Как и в других европейских государствах, в пропаганде сексуальной нравственности большую роль играл религиозный компонент. Последний московский патриарх Адриан посвятил этому несколько разделов в своих наставлениях 1697 г., хотя и не упоминал проституцию прямо³⁵⁶. Дидактическая религиозная литература

349 См., например: *Rickman J.* Love, Lust, and Licence in Early Modern England: Illicit Sex and the Nobility. Aldershot, 2008. P. 27–29, 69–73; *Jones J.* Sexing La Mode: Gender, Fashion, and Commercial Culture in Old Regime France. London, 2004. P. 54–59.

350 См., например позднейшие слухи про Людовика XVI: *Blanning T.C.W.* The Culture of Power and the Power of Culture: Old Regime Europe, 1660–1789. Oxford, 2002. P. 410–414.

351 *Wiesner M.E.* Women and Gender in Early Modern Europe. 2nd ed. Cambridge, 2000. P. 122–123.

352 *Brckett J.K.* The Florentine *Onesta* and the Control of Prostitution, 1403–1680 // *Sixteenth-Century Journal*. 24/2 (1993). P. 273–300.

353 Оценки колеблются из-за ненадежности данных, но считалось, что в Лондоне имелось от 3 до 7 тыс. проституток, а в Париже в тот же период их насчитывалось 20 тыс.: *Jones C.* Paris: the Biography of a City. London, 2006. P. 206.

354 Лучшим из этих исследований остается: *Bernstein L.* Sonia's Daughters: Prostitutes and their Regulation in Imperial Russia. Berkeley, CA, 1995.

355 Классическое исследование этой темы см.: *Кузнецов М.* Проституция и сифилис в России: историко-статистические исследования. СПб., 1871. Пример нового подхода см.: *Muravyeva M.* Forms and Methods of Violence against Women in Eighteenth-Century Russia: Law against Morality // *SGECRN*. Vol. 26 (2008). P. 15–19.

356 ПСЗ. Т. 3. № 1612. 26 декабря 1697 г. С. 418.

также поднимала этот вопрос, ведь подобные явления в рамках общины и молчаливое потворство им считались серьезной угрозой для ее членов. Этот аспект присутствовал в многочисленных нравоучительных повествованиях XVII столетия, наподобие рассказа о жителях деревни, смотревших сквозь пальцы на присутствие блудницы, за что Бог покарал их протухшим колодцем³⁵⁷. Впрочем, конкретные упоминания о проститутках в документах того времени довольно трудно обнаружить. Законы, в частности Соборное уложение 1649 г., вместо этого упоминают лишь о «распутном» поведении, за которое, Тем не менее следует строго наказывать³⁵⁸.

В иностранных описаниях, конечно, отмечаются картины распущенности на московских улицах, особенно в дни праздников, но сообщения эти носят общий характер, не останавливаясь специально на случаях проституции³⁵⁹. Эти свидетельства, скорее, можно назвать косвенными. Например Иоганн-Георг Корб сообщает о казни офицера в сентябре 1698 г. за «беззаконную связь» с восьмилетней девочкой³⁶⁰. Далее, рассуждая о нравах москвитян, Корб приводит замечание одного воеводы, удивлявшегося, отчего, когда кругом такое множество «непотребниц и развратниц», этому офицеру понадобилось кого-то принуждать силой³⁶¹. В царствование Петра власти, заботясь о благочинии и в государстве, и в обществе, не ограничивались неодобрением проституции с религиозных позиций, а осознавали необходимость решать практические проблемы, ею создаваемые. К таким проблемам относились болезни, передаваемые половым путем, как самими проститутками, так и их постоянными клиентами, что создавало серьезную угрозу здоровью населения городских общин. При высоком запросе на живую силу в течение Северной войны, неудивительно, что Петр и его военное командование принимали меры для защиты войск от таких болезней, обращаясь к законодательному решению вопроса проституции.

Наказания за ряд сексуальных преступлений, в том числе за изнасилования и гомосексуальные связи, содержались в различных правилах и уставах, изданных для вооруженных сил во второй половине петровского царствования. Карались эти преступления всегда вполне определенным образом – каторжными работами или, в тяжких случаях, отсечением головы. Статья 175 «Устава Воинского» специально посвящена блудницам, которых надлежало выгонять из военного лагеря немедленно по их обнаружении³⁶². «Морской устав» содержит аналогичные предписания³⁶³. Связь между существованием борделей в Петербурге и большим числом холостых военных отмечалась в 1730 г. в докладе о проституции, представленном в главный городской административный орган – Магистрат. Для того чтобы предотвратить распространение болезней, предлагалось закрыть «блудные дома», проституткам бить батогами, а каждую женщину, заразившую троих, отправлять в исправительный дом³⁶⁴. Позднее, в царствование Анны Ивановны, были приняты дальнейшие

357 Levin E. *Sex and Society in the World of Orthodox Slavs, 900–1700*. Ithaca, NY, 1989. P. 74–76.

358 ПСЗ. Т. 1. Ч. 1. (Соборное уложение 1649 г. Гл. 22). С. 156.

359 См., например: *Olearius A. The Travels*. P. 142–143. Другие примеры см.: *Poe M. The Sexual Life of Muscovites: Evidence from the Foreign Accounts // Russian History / Histoire Russe*. 2008. Vol. 35. P. 408–427.

360 *Korb J.-G. Diary of an Austrian Secretary of Legation at the Court of Tzar Peter the Great / Transl. Count MacDonnell*. London, 1968. Vol. I. P. 152.

361 *Korb J.-G. Diary*. Vol. 2. P. 200.

362 ПСЗ. Т. 5. № 3006. 30 марта 1716 г. С. 370–373.

363 Там же. Т. 6. № 3485. 13 января 1720 г. С. 78.

364 *Семенова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век)*. СПб., 1998. С. 128–129.

меры против проституток, занимавшихся своим ремеслом в городских кабаках. Сенат распорядился забирать оттуда этих женщин, сечь и передавать властям, так как они часто были беглыми крепостными крестьянками. Всякого, кто их укрывал, ожидал суровый штраф и последующее наказание³⁶⁵.

Самая заметная кампания против организованной проституции в этот период проводилась при Елизавете, предположительно по совету ее влиятельного духовника, Федора Дубянского³⁶⁶. Эта акция состоялась в июне 1750 г., когда императрица приказала действительному статскому советнику В.И. Демидову взять под контроль следствие по делу немецкой «мадам» Анны-Кунигунды Фелькер, известной также как Дрезденша (по родному городу)³⁶⁷. Полицмейстерская канцелярия также получила приказ разыскивать проституток и арестовывать их³⁶⁸. Канцелярия Демидова, расположенная в Калинкином доме, принялась за дело – не прошло и недели, как Фелькер была арестована в квартире, которую нанимала в доме генерал-майора Ивана Головина на Васильевском острове. Полиция изловила свыше 50 девиц, в большинстве своем происходивших из портовых городов Северной Германии, и Демидов отмечал, какая тишина воцарилась теперь по ночам на улицах³⁶⁹. Допрос Фелькер в Полицмейстерской канцелярии дал множество сведений о предприятии, которым она руководила, и кто именно был клиентами. Она снимала в городе несколько домов, в которых проводила «вечеринки» на протяжении 1740-х гг. Вечера устраивались для платной клиентуры (брали по рублю с человека) и сопровождались увеселениями в виде музыки и танцев. Это позволяло клиентам рассматривать и выбирать женщин. Девушки были частью русские, а частью иностранки (главным образом, немки), которых Фелькер набирала для этих целей³⁷⁰.

Одна история 1748 г. хорошо демонстрирует методы Дрезденши. Она на месяц сняла покои в доме князя М.А. Белосельского и провела в них три «вечеринки», обратившись за положенным разрешением в Полицмейстерскую канцелярию, где подкупила чиновника. Билеты разослали людям, знавшим об этих мероприятиях, – она составила список участников, включавший дворян, гвардейских офицеров и даже двух придворных пажей³⁷¹. Хотя «мадам» утверждала, что такие вечера устраивались не ради разврата, в других частях ее показаний есть список постоянных клиентов, обращавшихся специально в поисках женщин легкого поведения. В списке значатся русские и иностранные сановники, например австрийский посол граф фон Бреттлах, саксонский посланник граф фон Витцхульм, граф Ф.А. Апраксин и князь Б.В. Голицын³⁷². Эти сведения способствовали успеху уже идущей по всему городу полицейской операции, которую в августе распространили и на Кронштадт³⁷³. К ноябрю было арестовано уже 250 человек, причем по ходу следствия ожидалось новые

365 ПСЗ. Т. 9. № 6947. 6 мая 1736 г. С. 805.

366 Пыляев М.И. Старый Петербург: рассказы из былой жизни столицы. СПб., 1899. С. 155–156.

367 РГАДА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2. Л. 1. Письмо из Кабинета В.И. Демидову. 28 июня 1750 г.

368 Там же. Л. 2. Письмо из Кабинета полицейскому асессору Бекетову. 29 июня 1750 г.

369 РГАДА. Ф. 8. Л. 8. Рапорт В.И. Демидова. 5 июля 1750 г.

370 Там же. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–3о б. (Ответы Анны Фелкер на допросе 11–13 июля 1750 г.).

371 Там же. Д. 10. Л. 22–23. (Показания Анны Дрезденши о содержании ее вечеров, 25 сентября 1750 г.).

372 Там же. Ф. 8. Д. 12. Л. 6.

373 ПСЗ. Т. 13. № 9789. 1 августа 1750 г. С. 340–341.

аресты³⁷⁴. Наступило время суда, и в результате признанных виновными в непристойном поведении приговаривали к тем или иным наказаниям – сводней били кнутом, а проституток публично секли. Иностранок из их числа затем депортировали через Ригу морем, а русских сослали в Оренбург³⁷⁵. Меры против проституции также значились в проектах законодательных уложений в конце царствования Елизаветы: бордели закрыть, владельцев высечь, проституток послать на фабрики³⁷⁶.

Другую сферу, связанную с нарушением благопристойности в обществе и доступную для платной клиентуры, представляли собой городские торговые бани (в отличие от частных бань). Они были рассеяны по всему Петербургу. Согласно описанию А.И. Богданова, составленному в 1751 г., в городе и его ближайших пригородах имелось по крайней мере девять таких заведений. Обычно бани либо размещались по окраинам, например возле Галерного двора на Мойке, у Обухова моста или на Васильевском острове, либо принадлежали крупным институциям, таким как Александро-Невский монастырь или гарнизоны Преображенского и Семеновского гвардейских полков³⁷⁷. Происхождение русских бань неясно, но они появляются в описаниях путешественников начиная с XVI в. Эти описания, главным образом, сообщают о развратном поведении моющихся и о других сомнительных аспектах русской бани. В частности склонность обоих полов смешиваться в тесной близости возле входов в отдельные мыльни казалась наблюдателям, таким как Олеарий или Корб, слишком большим соблазном к безнравственным поступкам³⁷⁸. С другой стороны, они отмечали, что русские в целом спокойно относились к совместному мытью на протяжении XVI–XVII вв., однако на рубеже XVIII в. положение стало меняться, отчасти под влиянием западных взглядов и развития представлений о благопристойности. Из описаний путешественников следует также, что бани часто служили местом встречи проституток с их клиентами³⁷⁹.

В итоге два указа в правление Елизаветы были направлены против совместного мытья в банях: первый, в 1742 г., касался Петербурга, а второй, в 1760 г., относился уже ко всей империи. Первое установление возникло в результате обсуждения в Сенате по вопросу о том, что в городских торговых банях мужчины и женщины моются вместе, что «весьма противно». Был призван прокурор Батюшкин из Полицмейстерской канцелярии, чтобы пояснить, производилась ли инспекция, и он подтвердил, что в одной из бань так и происходит. Полицейская канцелярия издала распоряжение, касающееся владельцев торговых бань, в адрес Придворной конторы, в ведении которой и находилось управление торговыми банями. Сенат утвердил это распоряжение указом и рекомендовал на будущее строго штрафовать нарушителей³⁸⁰. Второй указ был издан Сенатом в августе 1760 г. В нем отмечалось, что, несмотря на законодательные запреты, совместное мытье в банях продолжается. И Полицмейстерская канцелярия, и Придворная контора получили указание удвоить усилия, а сам запрет распространился на все города империи³⁸¹.

374 РГАДА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2. Л. 133. Рапорт В.И. Демидова. 19 ноября 1750 г.

375 Семенова Л.Н. Быт и население. С. 125–127.

376 Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов / Ред. А.А. Востоков. СПб., 1882. С. 169–170.

377 Богданов А.И. Описание Санктпетербурга, 1749–1751. СПб., 1997. С. 201–202.

378 Olearius A. The Travels. P. 142, 161; Korb J.-G. Diary. Vol. 2. P. 199–200.

379 Cross A. The Russian Bania in the Descriptions of Foreign Travellers and in the Depictions of Foreign and Russian Artists // Oxford Slavonic Papers. Vol. 24 (1991). P. 35–39.

380 ПСЗ. Т. 11. № 8842. 21 декабря 1743 г. С. 984.

381 Там же. Т. 15. № 11094. 31 августа 1760 г. С. 499.

И все же оба этих аспекта публичного поведения – проституция и бани – оставались головной болью для властей и после рассматриваемого периода. Указ 1771 г. потребовал отправлять на фабричные работы всех проституток, задержанных властями, что в точности воспроизводило подход к подобным женщинам в других странах в то время³⁸². Наконец, Екатерина рассмотрела оба вопроса в своем «Уставе благочиния» 1782 г. В Статье 71 оговаривалось, что бани должны размещаться отдельно от прочих строений и иметь четко обозначенные раздельные входы для мужчин и для женщин. Проституции же посвящался ряд статей, в частности с запретом на постройку или использование готовых домов под бордели. В «Уставе благочиния» устанавливались четкие наказания для нарушителей этих правил, от штрафов до длительного заключения в исправительном доме³⁸³. В целом и проституция, и совместное мытье в банях ярко свидетельствуют о неподобающих и непристойных практиках, к которым имели доступ члены всех социальных групп Петербурга. Социальные, нравственные и медицинские последствия этих практик привлекали значительное внимание властей в этот период, отчасти под влиянием гнева государынь. Размах этих явлений в Петербурге и громкая молва о них в середине 1750-х гг. заставили разные органы власти прилагать совместные усилия к их запрету, но масштаб проблемы говорил о том, что она неизбежно останется вечной заботой для правителей России.

Итак, учреждение Полицейстерской канцелярии имело важное влияние на общественную жизнь Петербурга. В нем воплотилось стремление государства регулировать многие аспекты повседневной жизни, главным образом ради охраны здоровья и безопасности населения, чтобы сохранять «благочиние» в обществе. Однако, как показывает рассмотрение проблем пьянства и азартных игр, власть не прекращала попытки ограничить возможности для злоупотреблений со стороны простого народа и одновременно терпимо воспринимала те же пороки как часть общественной жизни дворянства. Такое отношение связано отчасти с пониманием того, что утонченная атмосфера двора и дворянских домов налагала собственные правила, когда стимулом пристойного поведения служила угроза штрафов и потери расположения влиятельных кругов. Что до сексуального поведения, то контролировать его оказывалось сложнее, и государство старалось выработать разумный практический подход к этой распространенной проблеме. Она осложнялась моральным аспектом, ибо светские нравы элиты оказывались куда более вольными, чем допускалось властями в отношении прочего населения. Постепенное совершенствование нравов дворянства путем правильного воспитания (см. об этом в главе 5), с его акцентом на самоограничение и благопристойность, нужно было соотносить с реалиями повседневной жизни Санкт-Петербурга.

Глава 3

ОРГАНИЗАЦИЯ: ДВОР И ПРИДВОРНЫЕ ПРАЗДНИКИ

Королевский двор являлся центром государства раннего Нового времени как в политическом, так и в культурном отношении. Двор как институт вырос из традиционного дома позднесредневекового правителя, а в период конца XV–XVI вв. развился в более обширный и сложный организм. Значение двора, а, следовательно, и его изучения как института заключается в масштабе его активности. В большинстве государств этого периода правитель оставался главным лицом, принимавшим политические решения. Государственная администрация образовалась из управления делами правителя и расширялась с усилением централизации государства. Верная служба и близость к государю были важными факторами влияния на принятие решений, поэтому присутствие при дворе становилось все важнее для

382 Там же. Т. 17. № 13664. 30 сентября 1771 г. С. 318–319.

383 Там же. Т. 21. № 15379. 8 апреля 1782 г. С. 468.

честолюбивых дворян. С созданием новых постов и должностей складывалась специфическая придворная иерархия с перспективами служебного продвижения, аналогичными традиционной военной карьере. К концу XVII в. все эти процессы олицетворял собою версальский двор Людовика XIV с его детально разработанным штатом, где дворянство служило королю на многочисленных придворных должностях, а придворные праздники возвеличивали его образ³⁸⁴.

Но за этой картиной скрывалась реальность, гораздо более богатая оттенками. С развитием исследований сложных придворных практик, существовавших в разных странах Европы в рассматриваемое время, традиционная интерпретация двора раннего Нового времени как воплощения и утверждения абсолютной власти правителя над элитой постоянно ставится под сомнение³⁸⁵. Таким образом, двор раннего Нового времени предстает клубком запутанных и, порой, напряженных взаимосвязей между интересами государя и аристократических родов; между религиозным авторитетом церкви и светским авторитетом правительства; между идеологией абсолютной власти правителя и политической реальностью. Благополучные дворы в этот период были результатом умения договариваться, принимая во внимание эти сложные взаимосвязи. Зато правители, пытавшиеся от них отмахнуться, рисковали получить серьезную оппозицию или даже лишиться престола. Под влиянием новаторских исследований двора и его функционирования возникает мысль поближе присмотреться к публичной репрезентации двора, особенно к тому действу, который представляли собой его большие торжественные церемонии и празднества. Культура репрезентации являлась важным средством продемонстрировать достижения и статус двора, в частности соперникам по всей Европе³⁸⁶.

Подобно ряду других второстепенных или периферийных дворов Европы, русский двор в это время активно стремился расширить и укрепить свои позиции на международной арене. В настоящей главе русский двор рассматривается как развивающийся институт и как центр церемониальной жизни Петербурга первой половины XVIII в. Двор тогда претерпел серьезные изменения, так как его перемещение в Петербург отразилось на его структуре, размерах и облике. Поэтому глава начинается с описания этих перемен, в сравнении с прежним московским двором и с другими тогдашними европейскими дворами, что позволяет поместить русский двор начала XVIII в. в исторический контекст. Затем в главе рассматривается один из аспектов культуры репрезентации в публичных придворных праздниках, проводившихся в Санкт-Петербурге. В рассматриваемый период Петербург стал главной сценой для крупных придворных церемоний и праздников, которые оказывали влияние на общественную жизнь города. Эти мероприятия тщательно планировались, и решения по поводу их формы и содержания говорят о том, что двор использовался как площадка для трансляции конкретного образа или послания. Жители города, независимо от их принадлежности к элите, включались в орбиту таких церемоний либо как активные участники, либо как зрители.

На характере праздников сказывалось то обстоятельство, что Петербург все еще строился. Возможности организации детально разработанных и широкомасштабных праздников в первое десятилетие существования города ограничивались отсутствием достаточно благоустроенных мест для их проведения. Поэтому многие события главных праздников в молодом Санкт-Петербурге были сосредоточены в нескольких конкретных

384 Чрезвычайно ценное исследование тех трудностей, которые сопровождали этот процесс, см. в работе: *Burke P. The Fabrication of Louis XIV. New Haven, CT, 1992.*

385 См., например ряд таких работ, посвященных конкретным примерам европейских дворов, в изд.: *Dickens A. (ed.). The Courts of Europe: Politics, Patronage and Royalty, 1400–1800. London, 1977; Adamson J. (ed.). The Princely Courts of Europe: Ritual, Politics and Culture under the Ancien Régime. 1500–1750. London, 1999.*

386 Примеры Франции и Германии рассмотрены в работе: *Blanning T.C.W. The Culture of Power and the Power of Culture. Oxford, 2002. P. 29–77.*

местах, в частности при Петре I на Троицкой площади, а с конца 1730-х гг. – на Невском проспекте. В настоящей главе рассматриваются придворные праздники, которые либо происходили непосредственно на открытых площадках в центре города, либо в какой-то другой форме доводились до широкой аудитории. О праздниках, проходивших в закрытых пространствах с ограниченным доступом для публики, таких как Летний сад или дворцы Петербурга, речь пойдет в следующей главе. Крупные придворные праздники в Санкт-Петербурге сознательно планировались как публичные действия и часто включали в себя большие процессии и иллюминации. Подробные описания этих праздников затем публиковались в роскошных памятных изданиях, а для тех, кто не принадлежал к придворной верхушке, их освещали «Санктпетербургские ведомости». Эти печатные издания доносили сведения о церемониальной жизни русского двора также до зарубежной аудитории, подкрепляя его серьезные притязания на престиж в глазах других европейских дворов.

ДВОР КАК ИНСТИТУТ

Делать обобщения по поводу типичного королевского двора раннего Нового времени – занятие рискованное, так как в Европе существовало множество вариаций на эту тему, с внушительным диапазоном придворного персонала и должностей. Тем не менее к началу XVIII в. при многих дворах можно выделить общие для них сферы – от обязанностей придворного штата до административных органов, ведавших его финансами и функционированием. Королевский двор выступал не только как крупнейший заказчик и потребитель различных товаров, но и как наниматель многочисленного служебного персонала. Дворцовые служители нередко находились физически рядом с государем, но их роль и влияние сильно отличались от положения придворных. Это различие можно рассматривать в категориях внутреннего и внешнего двора. Внутренний двор состоял из самого правителя, его семьи и высших придворных должностных лиц обоих полов, которые являлись компаньонами членов августейшего семейства и выполняли придворные функции в их покоях, на пирах и во время различных церемоний. Внешний двор был гораздо шире по составу и включал в себя низшие категории придворной администрации и множество слуг, ремесленников, музыкантов, садовников и прочих служителей, необходимых в ходе повседневной жизни двора³⁸⁷. Общая численность штата крупнейших европейских дворов – французского, двора Священной Римской империи – измерялась тысячами людей³⁸⁸.

В России времен Московского царства дворцовым хозяйством управлял, главным образом, Приказ Большого дворца, занимавшийся повседневными делами, вроде продовольственного снабжения, в то время как отдельные приказы ведали одеждой, регалиями и другими сокровищами двора, вели записи в дворцовых разрядах (придворные летописи), послужные списки придворных. Издавна существовали также ведомства по организации царских охот – любимого развлечения московских царей, и по управлению личными царскими земельными владениями, включая сбор денежных доходов с них³⁸⁹. В первые годы петровского царствования эта общая структура двора изменилась незначительно. Но со смертью матери Петра, с кончиной в 1696 г. его брата Ивана V, а с 1700 г. также в связи с обстоятельствами Северной войны административное устройство

387 *Duindam J. Versailles, Vienna and beyond: Changing Views of Household and Government in Early Modern Europe / J. Duindam, T. Artan, M. Kunt (eds.). Royal Courts in Dynastic States and Empires: A Global Perspective. Boston, MA, 2011. P. 401–431.*

388 Подробнее об этих двух примерах см.: *Duindam J. Vienna and Versailles: the Courts of Europe's Major Dynastic Rivals, 1550–1780. Cambridge, 2003. P. 45–89.*

389 Полезный обзор всех канцелярий, ведавших отдельными отраслями, приведен в работе: *Brown P. Bureaucratic Administration in Seventeenth-Century Russia / J. Kotilaine, M. Poe (eds.). Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia. London, 2005 (особенно с. 2–65).*

двора стало меняться, приспособляясь к частым отлучкам царя и к его предпочтению практической, а не церемониальной, деятельности. В октябре 1704 г. Петр учредил Кабинет Его царского (позже – императорского) величества, ведавший организационной стороной его постоянных поездок, но вскоре на Кабинет легла обязанность обслуживания и, что еще важнее, финансирования его разнообразных запросов и интересов, к которым относились такие проекты, как Кунсткамера. В новые обязанности Кабинета вошли и некоторые аспекты жизни двора – он оплачивал гардероб и прислугу Екатерины I, обеспечивал денежные пожалования придворным, нанимал персонал и т.д.³⁹⁰ Должности денщиков и придворных курьеров вскоре приобрели те же функции, что при традиционном московском дворе возлагались на стольников³⁹¹.

Но подобная смесь традиционного с целесообразным едва ли могла служить долгосрочным решением, особенно для государя, столь склонного к реформированию и регулированию. Петр познакомился с атмосферой нескольких европейских дворов во время Великого посольства (1697–1698) и последующих своих визитов в Западную Европу (1711–1712, 1716–1717), когда наблюдал впечатляющие примеры при дворах Дрездена, Вены и Версаля. Хотя Петр никогда не чувствовал себя особенно комфортно в формальной придворной обстановке – что в Москве, что в Европе, – он сознавал при этом важность двора как политического форума внутреннего и международного значения. Обновленная структура и облик двора создавали бы более привычную обстановку для иностранных дипломатов, облегчая общение с ними, а также служили бы достойной сценой для репрезентации честолюбивых замыслов и достижений России – династических, военных и иных. Важный шаг в разработке новой структуры двора был сделан в марте 1711 г., когда Петр публично объявил Екатерину настоящей, «истинной государыней». Учитывая ее простое происхождение и тот факт, что царь еще не обвенчался с ней, это было знаменательное заявление³⁹². На следующий день в личное окружение Екатерины был назначен С.Г. Нарышкин в новом звании камергера, хотя эта новая должность еще не имела официально определенных обязанностей³⁹³.

Как отметил Дж. Александер, после заключения в октябре 1711 г. брака царевича Алексея и принцессы Шарлотты Брауншвейг-Люнебургской, золовки австрийского императора Карла VI, вместе с принцессой в Россию прибыла ее германская свита³⁹⁴. Позже Герхард-Иоганн фон Левенвольде был назначен обер-гофмейстером принцессы Шарлотты, став первым в России носителем этого чина. В окружении Екатерины I продолжали постепенно появляться новые должности, такие как камер-юнкер (этот пост занимал с 1716 г. ее фаворит Виллем Монс)³⁹⁵. Обновленной структурой двора ведал новый административный орган – Главная дворцовая канцелярия, персонал которой постепенно перенимал функции еще существующего Приказа Большого дворца и нескольких других московских приказов³⁹⁶. К 1724 г. Главная дворцовая канцелярия окончательно заняла центральное место в дворцовой

390 Hughes L. *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven, CT, 1998. P. 112–113; Агеева О.Г. Императорский двор России, 1700–1796 гг. М., 2008. С. 45–46.

391 Агеева О.Г. Императорский двор России, 1700–1796 гг. С. 52–53.

392 ПоЖ. 1711. 7 марта. С. 4.

393 Волков Н.Ф. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. В 4-х частях. СПб., 1900. С. 159.

394 Alexander J. *Catherine I, Her Court and Courtiers* / Hughes L. (ed.). Peter the Great. Basingstoke, 2001. P. 234.

395 Семевский М.И. Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллем Монс (1692–1724). Л., 1990. С. 91–93.

396 Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб., 1997. С. 144.

администрации. Е. руководил М.Д. Олсуфьев, друг детства Петра, который в 1723 г. стал обер-гофмейстером. Это преобразование, как и упразднение Кабинета Е.и.в. в 1727 г., было предпринято затем, чтобы предотвратить дублирование сфер полномочий³⁹⁷.

В тот же период по приказу Петра был составлен список новых придворных должностей, названия которых говорили о явном германском влиянии. Список этот стал плодом усилий русских дипломатов, собравших обширную информацию о структуре и чинах многих ведущих европейских дворов, в т.ч. и тех, которые посещал сам царь³⁹⁸. Эти должности вошли в новую служебную иерархию, представленную в Табели о рангах и относящуюся к трем главным ветвям государственной службы – военной, гражданской и придворной. При этом потребовались консультации с военными и сенаторами относительно статуса должностей каждого класса³⁹⁹. Впрочем, на этом этапе придворная иерархия существовала лишь в Табели о рангах в виде перечня наименований должностей и соответствующих им рангов. На деле многие должности так и не были никем замещены ни при Петре, ни при Екатерине I, несмотря на старания А.Д. Меншикова составить в 1726 г. «правильный» придворный штат, а должностные обязанности оставались неопределенными⁴⁰⁰. Еще несколько придворных постов в новой иерархии были замещены в царствование Петра II (правда, занимался этим не царь, а его обер-гофмейстер Генрих Остерман, который ранее составил проект структуры двора, включенной затем в Табель о рангах), но все равно это был очень маленький двор, состоявший всего из 19 придворных чинов⁴⁰¹. Тем не менее двор Петра II стал главным образцом, которому следовали все остальные правители рассматриваемого периода, в частности определяя количество камергеров и камер-юнкеров.

Царствование Анны Ивановны возвестило несколько важных новшеств в организации двора как института. В начале ее правления были приняты официальные инструкции для двух высших чинов придворной иерархии – обер-гофмейстера и обер-гофмаршала⁴⁰². Обер-гофмейстер играл особенно важную роль, так как он возглавлял Главную дворцовую канцелярию, а следовательно, ведал финансами двора. Он также занимался приемом иностранных послов. Впрочем, на практике повседневное управление двором опиралось больше на фигуры обер-гофмаршала и его заместителя, гофмаршала. Обер-гофмаршал руководил Придворной конторой, управлявшей различной прислугой и придворными служителями, за исключением придворных женщин, состоявших под началом обер-гофмейстерины. Уже сами масштабы дворцовых владений – резиденции, сады, конюшни, многочисленные имения, причем каждое со своим собственным штатом – говорят о том, что при дворе состояло внушительное число людей, помимо правителя и его придворных⁴⁰³. При Анне впервые осуществилось назначение на многие придворные должности и общая численность двора постоянно возрастала⁴⁰⁴.

397 Агеева О.Г. Императорский двор. С. 48.

398 Агеева О.Г. Европеизация русского двора (1700–1796 гг.). М., 2006. С. 68–74.

399 Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 83–104.

400 Агеева О.Г. Императорский двор. С. 83–84.

401 Волков Н.Ф. Двор русских императоров. С. 19–21.

402 Эти инструкции опубликованы в кн.: Волков Н.Ф. Двор русских императоров. С. 52–58 и 58–64 соответственно.

403 Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XIX в. СПб., 1999. С. 403–404.

404 Волков Н.Ф. Двор русских императоров. С. 22–23.

Было несколько способов поступить на придворную службу. На ранних этапах существования двора в его штат попадало много военных, ведь служба офицера в одном из гвардейских полков давала возможность отличиться в глазах государя или государыни. Например Д.А. Шепелев, которого Елизавета назначила обер-гофмаршалом в июле 1744 г., начал службу в гвардии, затем был причислен ко двору Екатерины I, где в 1721 г. стал камер-юнкером, а в 1726 г. гофмаршалом⁴⁰⁵. Получить придворный ранг также можно было либо через повышение из придворных вспомогательных служб, либо отправившись в армию или, начиная с 1730-х гг., закончив курс в Кадетском корпусе⁴⁰⁶. Армейские чины, связанные по Табели с этими придворными должностями, в течение данного периода пересматривались с повышением. Так, при Петре I камер-юнкеры считались равными капитанам, а камергеры – полковникам. В 1737 г. Анна Ивановна повысила ранг обеих должностей, и первые теперь приравнивались к полковникам, а вторые – к генерал-майорам. Затем Елизавета в 1743 г. повысила камер-юнкеров до чина бригадира⁴⁰⁷. Тем не менее военные продолжали занимать в высшем обществе привилегированное положение, которое установилось в петровское царствование. Указ, изданный в ноябре 1731 г., гласил, что при равенстве в чине по Табели о рангах офицер при всех обстоятельствах имеет преимущество перед гражданским чиновником и придворным⁴⁰⁸.

При этом огромную роль в придворной карьере играло покровительство монарха, а значит, можно было взлететь по придворной служебной лестнице, обладая нужными способностями или обаянием. В это время подобные возвышения обычно ассоциируются с фаворитами властителей, чему выдающимися примерами служат А.Д. Меншиков, Эрнст фон Бирон и И.И. Шувалов, которые занимают видное место в историографии рассматриваемого периода⁴⁰⁹. Случалось такое и на других уровнях придворной структуры. Так, В.И. Чулков начал карьеру лакеем при дворе Анны Ивановны, но его деловитость (или привлекательную внешность) оценила Елизавета, которая в сентябре 1731 г. поставила его заведовать своим гардеробом в должности камердинера. Затем в феврале 1742 г. она придумала для него новый чин – «метр-де-гардероб», или гардеробмейстер, приравненный к камер-юнкеру. Это повышение было, несомненно, признанием способности Чулкова угождать государыне на очень ответственном посту, ведь страсть императрицы к роскошным и дорогим нарядам общеизвестна. В 1751 г. Чулков, имевший, в связи с его особыми обязанностями, привилегированный доступ к императрице, стал камергером. Все это, при его низком происхождении, могло кое-кого и возмущать⁴¹⁰. Существует немало данных, позволяющих заключить, что даже незнатные дворянские семьи могли утвердиться при дворе, в кругу более богатых и знатных родов, если правильно понимали важность влиятельных патронажных сетей и приобретали нужные связи посредством удачных браков⁴¹¹.

405 Там же. С. 150.

406 Писаренко К.А. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 48.

407 Волков Н.Ф. Двор русских императоров. С. 25–26.

408 ПСЗ. Т. 8. № 5877. 13 ноября 1731 г. С. 555–556.

409 Взвешенная оценка роли фаворитов в этот период приведена в работе: Alexander J. Favourites, Favouritism and Female Rule in Russia, 1725–1796 / Bartlett R., Hartley J. (eds.). Russia in the Age of Enlightenment: Essays for Isabel de Madariaga. London, 1990. P. 106–124.

410 Писаренко К.А. Повседневная жизнь. С. 49–50; Волков Н.Ф. Двор русских императоров. С. 172.

411 См., например: LeDonne J. Ruling Families in the Russian Political Order, 1689–1825 / Cahiers du Monde russe et soviétique (1987). P. 233–322.

Получить опыт службы и положение при дворе также можно было, поступив в пажи. Эта новая должность была создана примерно в то же время, что и другие чины в обновленной структуре двора, составленного для Екатерины I в 1711 г. Позднее пажи появились и у других членов императорской семьи и даже у некоторых вельмож, вроде А.Д. Меншикова. Подобно другим придворным должностям, первоначально пажи не имели четко определенных обязанностей, но, по-видимому, их использовали таким же образом, как и их собратьев при других европейских дворах⁴¹². Роль пажей была как повседневной, так и церемониальной. Они участвовали в придворных праздниках, наряду с другими придворными, но также выступали в роли личных служителей на придворных пирах, сопровождали гостей, прибывавших на приемы в императорских резиденциях, а при необходимости исполняли особые поручения⁴¹³. Эта роль давала пажам привилегированный доступ на придворные мероприятия. К тому же пажей охотнее, чем других придворных служителей, привлекали к службе во время вечерних увеселений, таких как куртаги и балы⁴¹⁴. Это был ценный опыт, так как многие пажи впоследствии делали карьеру при дворе. Хотя в число придворных пажей никогда не входила только элита (так, в первые десятилетия обновленного двора среди пажей преобладали иностранцы и дворяне средней руки), с 1740-х гг. в пажах все шире представлены ведущие семейства – Нарышкины, князья Голицыны и Мещерские, графы Воронцовы⁴¹⁵. Ценность этой должности как прелюдии к дальнейшей службе при дворе или в других местах была формально закреплена с основанием Пажеского корпуса под началом директора-француза Луи Теодора де Чуди в 1759 г.⁴¹⁶

Изменения в сердце придворной структуры воспроизводились при малых дворах, состоявших при наследнике престола и при других членах правящей фамилии. Такие «сателлиты» были типичной чертой других тогдашних европейских дворов, хотя и различались по размерам, затратам на них и по их влиятельности⁴¹⁷. Члены царской семьи традиционно держали небольшой личный двор в своих частных владениях, например таким был двор царицы Прасковьи Федоровны в Измайлове при Петре⁴¹⁸. Состав этих персональных дворов определялся вкусом их хозяев, так как не было необходимости в их организации по единому образцу, и нередко в них входило больше всяких приживальщиков – знахарок, шутов, старых слуг, – чем официальных должностных лиц. В сущности, можно утверждать, что у самого Петра в 1680-е гг. был именно такой двор в царском имении Преображенское, при котором он собрал свой ближний круг и занимался тем, что его интересовало⁴¹⁹. Однако с постепенным развитием обновленного двора к 1720-м гг. состав малых дворов стал меняться. В конце 1727 г. Петр II назначил придворный штат на жалованье к своей сестре Наталье Алексеевне, включавший камергера, четырех камер-юнкеров и двух гоф-юнкеров⁴²⁰. О масштабе этих личных дворов можно судить по

412 О роли пажей при тогдашнем дворе Габсбургов см.: *Duindam J. Vienna and Versailles*. P. 157, 176.

413 *Милорадович Г.А. Материалы для истории пажеского Его Императорского Величества корпуса (1711–1875)*. Киев, 1876. С. 10–11.

414 РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 87. Л. 44–45 об. (приказ Придворной канцелярии от 28 февраля 1752 г.).

415 *Фрейманн О. фон (сост.)*. Пажи за 183 года (1711–1894). Биографии бывших пажей, с портретами. *Fredrikshavn*, 1894. P. 1–33.

416 *Милорадович Г.А. Материалы*. С. 23–30.

417 См., например: *Duindam J. Vienna and Versailles*. P. 48–49.

418 *Семевский М.И.* Царица Прасковья (1664–1723). Л., 1991. С. 27–28.

419 *Богословский М.М.* Петр Великий. Материалы для биографии. М., 2005. Т. 1. С. 49–52.

420 *Волков Н.Е.* Двор русских императоров. С. 22.

примеру двора царевны Елизаветы в правление Анны Ивановны. У нее был большой штат – около двухсот человек, в том числе придворные, служанки, ливрейные лакеи, егеря, – который требовал собственного органа управления⁴²¹.

В 1743 г. Елизавета не замедлила заместить руководящие должности при молодом дворе своего наследника, великого князя Петра. Эти должности она доверила членам своего ближнего окружения и родственникам, в частности С.К. Нарышкину, занявшему пост гофмаршала. С приездом в 1744 г. в Россию невесты великого князя, Екатерины Алексеевны, по тому же принципу было произведено назначение к ней придворных дам, например М.С. Чоглоковой, состоявшей обер-гофмейстериной великой княгини с 1746 г. Канцлер А.П. Бестужев-Рюмин составил ряд инструкций для других членов ее свиты⁴²². Подобный надзор имел немалый смысл, ибо молодые дворы нередко делались оплотами скрытой критики в адрес главного двора, о чем свидетельствуют напряженные отношения при других дворах того времени⁴²³. Русский двор пережил это в связи с делом сына и наследника Петра I, царевича Алексея Петровича, чей ближний круг Петр считал средоточием недовольных консерваторов из русской элиты⁴²⁴. И хотя размах всякого конкретного заговора в России был ограниченным, можно не сомневаться, что к этой ситуации подошли очень серьезно, что привело в 1718 г. к созданию Тайной канцелярии. Ее расследования стали причиной злополучной гибели царевича в том же году⁴²⁵. Позднее в рассматриваемый период несколько молодых дворов также проявляли определенное недовольство, хотя и с менее трагическими последствиями. Так, восхищение великого князя Петра Федоровича прусским королем Фридрихом II, вероятно, шло вразрез с личным мнением Елизаветы и с ее внешней политикой в 1750-е гг., но все же престолонаследия его не лишили⁴²⁶.

Так постепенно формировался более организованный и европеизированный двор, составлявший резкий контраст со своим старомосковским предшественником. Учреждение новых придворных чинов и званий при Петре I получило затем развитие при Анне Ивановне и Елизавете. Уделялось внимание также организации двора, для чего в начале 1730-х гг. были изданы инструкции высшим придворным чинам, а в конце 1740-х гг. – членам малого двора наследника. Если во многих характерных чертах русского двора по-прежнему отражалась личность и персональные склонности государя, и не в последнюю очередь – в назначении персонала и в определении его обязанностей, то это было обычным делом в Европе XVIII в. Однако в начале 1760-х гг. явно обозначились проблемы. Прежде всего, русскому двору пришлось бороться с ростом расходов, связанных с его расширением. Ежегодные траты на выплату жалованья придворным чинам и служителям выросли с 23 тыс. руб. в 1725 г. до 168 тыс. руб. в 1742 г. С учетом прочих расходов двора – на продовольствие, мебель, одежду,

421 Агеева О.Г. Императорский двор. С. 126–127.

422 АКВ. Т. 2. С. 98–111.

423 См., например о группировке, возникшей во Франции вокруг юного герцога Бургундского на последнем этапе царствования Людовика XIV: *LeRoy Ladurie E. Saint-Simon and the Court of Louis XIV*. Chicago, IL, 2001 (глава 4, особенно с. 144–148). У прусского короля Фридриха-Вильгельма I тоже были очень напряженные отношения с принцем Фридрихом: *Schieder Th. Frederick the Great / Ed. and transl. S. Berkeley and H. Scott*. London, 2000. P. 10–12.

424 Лучший анализ этого дела см.: *Bushkovich P. Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725*. Cambridge, 2001. P. 339–425.

425 О Тайной канцелярии см.: *Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке*. М., 1999.

426 См., например: *Екатерина II. Мемуары*. Т. IV (2) // Сочинения. С. 385.

подарки общий годовой итог был разорительно велик⁴²⁷. Другие дворы также жили на широкую ногу, не жалея средств ради демонстрации своего престижа, как было во Франции и при крупнейших дворах Германии (исключая Пруссию после смерти Фридриха I). Именно так подходил в рассматриваемый период и русский двор к своим крупномасштабным празднествам, не считаясь с тем, что затраты на них тяжким бременем ложились на слабо развитую экономику страны.

ПРИДВОРНЫЕ ПРАЗДНИКИ КАЛЕНДАРЬ ПРАЗДНИКОВ

Придворный календарь Московского царства сложился на протяжении XVI в. и был, прежде всего, связан с православным литургическим годовым циклом, причем достойное место отводилось тезоименитствам государей и их родственников, а также другим важным событиям, наподобие крупных ежегодных паломничеств в монастыри⁴²⁸. Так, заметным примером был обряд шествия на осляти в Вербное воскресенье, составлявший важную часть московского придворного календаря и описанный несколькими иностранными путешественниками XVII в.⁴²⁹ В процессии, следовавшей из Кремля к храму Василия Блаженного, отражалась иерархия подобных церемониальных мероприятий. Впереди шли придворные низших рангов, за ними следовала повозка, на которой везли вербное дерево с плодами, привязанными к ветвям, воплощавшее собой плодородие. За платформой шло приходское духовенство, придворные высшего ранга, царь и патриарх, высшее духовенство и, наконец, видное московское купечество⁴³⁰. Во многих старомосковских праздниках участвовали лишь члены социальной и церковной элиты, но наряду с ними существовали и публичные церемонии, такие как Водосвятие на праздник Богоявления (6 января). Оно представляло собой одновременно крупный государственный праздник и пышное религиозное торжество, отмечавшееся у символической «иордани» – проруби во льду Москвы-реки возле Кремля. Ядром происходящего был двор, участвовавший в несении креста, но праздник привлекал также огромные толпы верующих из простонародья, которые смотрели на церемонию, а после нее набирали освященную воду⁴³¹. В этих празднествах присутствовал и назидательный элемент, ибо участие царя выражало его приверженность православной вере и смирение перед Господом.

Петр I, преобразуя календарь официальных праздников, стремился использовать публичную, репрезентативную сторону подобных ритуалов, но их символическое содержание было уже несколько иным. Если церковный ритуал и религиозная образная система по-прежнему составляли важную часть этих мероприятий, то сутью их теперь становилась земная военная мощь монарха и государство как главная действующая сила Божественного провидения⁴³². В петровское царствование церемонию Водосвятия на

427 Агеева О.Г. Императорский двор. С. 76, 134–135.

428 Классический очерк московского придворного календаря приведен в кн.: Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. 3-е изд. М., 1895. Ч. 1. С. 376–435.

429 См., например: Olearius A. The Travels of Olearius in Seventeenth-Century Russia / Transl. S.H. Baron. Stanford, CA, 1967. P. 99–100.

430 Crumme R. Court Spectacles in Seventeenth-Century Russia: Illusion and Reality / D. Clarke Waugh (ed.). Essays in Honor of A.A. Zimin. Columbus, OH, 1985. P. 132, 136.

431 Bushkovitch P. The Epiphany Ceremony of the Russian Court in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Russian Review. 1990. Vol. 49/1. P. 1–18.

432 Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. P. 274–275.

Богоявление 6 января предвещало военный парад, а празднование Светлого Христова Воскресения сопровождалось подъемом российского штандарта и пушечным салютом⁴³³. Празднования побед также представляли собой явную смесь религиозных элементов со светскими военными чертами. Хотя в России XVII в. были приняты триумфальные шествия, например два вступления в Москву войск князя В.В. Голицына по возвращении из Крымских походов, но со времени победы Петра под Азовом в 1696 г. характер празднований начал меняться, и успех оружия теперь в такой же мере приписывался достижениям царя и армии, как и милости Божьей. Широкое использование классической образной системы в этих празднованиях – например уподобление победителя Геркулесу и Марсу – ярко свидетельствовало об изменении символического контекста⁴³⁴.

Это слияние двух начал наглядно демонстрируют празднования в Петербурге крупнейших побед Северной войны, например торжественная церемония в честь победы над Карлом XII под Полтавой. Хотя это событие уже отмечали в Москве в декабре 1709 г., дальнейшие празднования проходили в Петербурге в июне 1710 г. Праздничный день начался с церковного богослужения, сопровождавшегося пушечным салютом с обеих крепостей и с кораблей, стоявших на Неве. Затем состоялись парусные и гребные гонки этих кораблей и фейерверк, за которым последовал вечерний пир⁴³⁵. С тех пор ежегодно 27 июня праздновали Полтавскую победу. Пышные празднования в честь побед русского флота в Северной войне при Гангуте (1714) и Гренгаме (1720) описаны выше, в первой главе этой книги. Подписание Ништадтского мира со Швецией в августе 1721 г. вызвало в Петербурге импровизированные торжества. Богослужение в Петропавловском соборе сменилось пушечным салютом, а потом для угощения жителей города выставили пиво и вино⁴³⁶. Официальные празднования окончания Северной войны, начавшиеся 22 октября, хорошо документированы современниками и описаны историками, в связи с принятием Петром императорского титула. После богослужения в Петропавловском соборе был дан салют из крепостных пушек и со 125 кораблей на Неве, а также ружейные залпы выстроенных полков. Вечером в здании Сената состоялся банкет для тысячи гостей, затем пышный фейерверк, а ночью город был иллюминирован⁴³⁷.

Наряду с учреждением регулярных праздников по случаю годовщин крупных побед появилось сознательное стремление чествовать персону правителя и династию в целом в более торжественной манере. Начиная с петровского царствования именины, дни рождения и важные годовщины, например дни коронации августейших особ, становятся постоянными элементами придворного календаря. Религиозная сердцевина старомосковских придворных праздников сохранялась, особенно когда отмечались тезоименитства членов царской семьи, но теперь ее дополнял целый набор новых элементов. Например свой день рождения 30 мая 1723 г. Петр начал с посещения заутрени в Александро-Невском монастыре, откуда отплыл на корабле в собор Святой Троицы на богослужение. Ему троекратно салютовали пушки обеих крепостей, прогремели ружейные залпы гвардейских полков на Троицкой площади. Затем царь обедал в Сенате, после чего на реке был устроен фейерверк⁴³⁸. На следующий год

433 Чудинова И.А. Пение, звоны, ритуал. Топография церковно-музыкальной культуры Петербурга. СПб., 1994. С. 39–40.

434 Погосян Е. Петр I – архитектор российской истории. СПб., 2001. С. 29–41.

435 Юль Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом / В.П. Наумов (ред.). Лавры Полтавы. СПб., 2001. С. 188–189.

436 Hughes L. Russia... P. 273.

437 Подробное описание см.: Ф.В. фон Берхгольц. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца, 1721–1725. (Гл. 1, 2) // Наумов В.П. (ред.). Неистовый реформатор. М., 2000. С. 225–232.

438 ПоЖ. 1723. 30 мая. С. 15.

подобным же образом праздновалась годовщина его коронации (25 июня) и тезоименитство (29 июня) – после богослужения в Троицком соборе был пушечный и ружейный салют, затем прием в Летнем дворце и Летнем саду, во время которого давали фейерверк⁴³⁹.

Праздники по случаю вышеназванных событий сохраняли главное место в официальном придворном календаре в царствования преемников Петра, которые были связаны с его династическим и имперским наследием. В рассматриваемый период, который характеризуют как эпоху чередования на троне правителей и правительниц, чьи претензии на престол были небесспорны (и часто оспаривались), акцент на преемственности и легитимности их власти, заключенный в этих регулярных празднованиях, имел огромное значение. В 1730-е гг. именины Петра I – 29 июня – становятся регулярным придворным праздником в честь ордена св. Андрея Первозванного, первого русского рыцарского ордена, учрежденного Петром в 1699 г.⁴⁴⁰ Преемственность власти подчеркивалась также празднованиями дней рождения и тезоименитств официальных наследников престола. В царствование Елизаветы орденский праздник Св. Андрея был также днем тезоименитства великого князя Петра Федоровича, так что эти празднования можно было объединять^{441 442}. Законность правления государей и государынь постоянно подтверждалась ежегодными торжествами в честь их вступления на престол, как и годовщинами их коронации⁴⁴³. И если точные даты и детали менялись в зависимости от того или иного правления, то организовывались такие праздники по единой модели. День обычно начинался с богослужения, затем приглашенные гости поздравляли виновника торжества, будь то императрица или кто-то из членов императорской фамилии. Позже давали банкет в одном из императорских дворцов, на котором провозглашались тосты за здоровье императрицы и виновника торжества, а затем обычно следовали бал и фейерверк или иллюминация.

В то же время православный праздничный цикл оставался важной составной частью придворного календаря. Хотя Петр сократил общее число религиозных праздников по сравнению с праздничным циклом середины XVII в., бытовавшим при дворе его отца, главные православные праздники продолжали публично отмечать при дворе⁴⁴⁴. К их числу относились Богоявление (6 января), Сретение (2 февраля), Благовещение (25 марта), подвижные праздники, связанные с Пасхой (в том числе Вознесение), Успение (15 августа) и Рождество Богородицы (8 сентября)⁴⁴⁵. За пределами двора продолжали, по традиции, отмечать также и другие православные праздники. Указ Анны Ивановны, изданный в 1735 г., служил напоминанием о важности празднования в церквях и приходах по всей России главных годовщин государя и двора, в том числе дней поминовения почивших членов династии⁴⁴⁶. Кроме того, на характере официального календаря заметно сказывалась степень

439 Там же. 1724. 25 и 29 июня. С. 9–10.

440 См., например: КФЖ. 1734. 29 июня. С. 4.

441 См., например, описание его празднования: КФЖ. 1744. 29 июня. С. 59–67.

442 Это объединение праздников было произведено еще Петром в 1720 г. – *Примеч. научн. ред. перевода*.

443 При Анне Ивановне эту годовщину отмечали 19 января, а при Елизавете 25 ноября.

444 Hughes L. Russia. P. 275.

445 Придворный журнал за 1750 г. содержит типичные примеры таких празднований: КФЖ. 1750. С. 5–6 (6 января), с. 13–15 (2 февраля), с. 34 (25 марта), с. 37–40 (8–15 апреля), с. 60 (24 мая), с. 88 (15 августа), с. 103 (8 сентября).

446 ПСЗ. Т. 9. №. 6832. 29 октября 1735 г. С. 598–600.

религиозности каждого правителя. Так, Елизавета требовала, чтобы ее двор соблюдал постные дни православного календаря и держал посты в течение года⁴⁴⁷.

В начале 1760-х гг. русский придворный календарь представлял собой гибрид традиционных и новых элементов. В нем, несомненно, прослеживался заметный акцент на даты государственной важности как наследия петровской эпохи, но при этом регулярные празднования династических дат оставались в русле традиционно персонифицированной природы власти в России. Обширный религиозный календарь московского двора несколько сжался, но религиозные праздники и образная система по-прежнему оставались очень важной частью придворных торжеств в России. Хотя при Петре в репертуар регулярных придворных праздников были включены такие новые элементы, как классическая символика и крупномасштабные иллюминации, основа его оставалась православной. В последующих разделах внимание будет перенесено с регулярных придворных годовщин на подготовку и проведение отдельных конкретных торжеств, привлекавших большое внимание как внутри страны, так и за рубежом. Такие праздники, хотя они и проводились от случая к случаю, сами по себе являлись крупными мероприятиями, требовавшими серьезной подготовки и финансирования со стороны дворцового ведомства. Эти впечатляющие действия, которые разворачивались в центре Петербурга, привлекали к себе участников из социальной элиты города и зрителей из простонародья. Мы выбрали три вида конкретных событий такого плана, чтобы проиллюстрировать связь двора с городом, воплощенную в праздновании триумфального возвращения из Москвы после коронации, в династических свадебных торжествах и в ритуалах погребения усопших монархов⁴⁴⁸.

ТРИУМФАЛЬНЫЕ ВЪЕЗДЫ

Коронация правителя – может быть, самая важная церемония его царствования, потому что символика ее празднования фокусирует внимание на качествах и стремлениях нового монарха⁴⁴⁹. В России коронации императоров традиционно происходили в Москве, и эта практика сохранялась до падения династии Романовых в 1917 г.⁴⁵⁰ Однако в первом десятилетии XVIII в. двор и социальная элита переместились в Санкт-Петербург как в основную свою резиденцию, что вызвало к жизни новый ритуал, ведь теперь правителю после коронации нужно было возвращаться в Северную столицу, а не оставаться в Москве. Россия была не единственным государством, где коронация происходила не в том городе, который являлся резиденцией двора. Так, французские короли по традиции короновались в Реймском соборе, а правили из Парижа (или, позднее, из Версаля), в то время как прусский электор (затем король) короновался в Кенигсберге, а правил из Берлина. В таких случаях государь и двор отмечали свое возвращение в резиденцию церемониальным въездом. Это торжество было, в сущности, разновидностью триумфального шествия, восходящего к Античности торжества по случаю победы на поле брани. В XV–XVI вв. эти церемонии снова вошли в обычай, причем их использовали и в военном контексте, и в целом для демонстрации могущества властителя⁴⁵¹.

447 Dixon S. Religious Ritual at the Eighteenth-Century Russian Court // M. Schaich (ed.). *Monarchy and Religion: the Transformation of Royal Culture in Eighteenth-Century Europe*. Oxford, 2007. P. 245–247.

448 Еще один праздник, касающийся будущего династии, – рождение детей в царской семье – описан в работе: Агеева О.Г. Церемониалы рождения царских детей в век европеизации. От Петра I до Екатерины II // Прутскова О.А. (ред.). *Российская реальность конца XVII – первой половины XIX в.: Сборник статей к 80-летию Ю.А. Тихонова*. М., 2007. С. 210–239.

449 См., например: Bak J. (ed.). *Coronations: Medieval and Early Modern Monarchic Ritual*. Berkeley, CA, 1990.

450 Wortman R. The Russian Coronation: Rite and Representation // *The Court Historian*. 2004. Vol. 9/1. P. 15–32.

451 Strong R. *Art and Power: Renaissance Festivals, 1450–1650*. Woodbridge, 1984. P. 44–50.

Торжественное шествие, вступающее в город после коронации нового государя, символизировало установление его власти над столицей, а подданные, встречая его, проявляли покорность и преданность⁴⁵². Но если крупномасштабные королевские въезды являлись традиционной частью европейского церемониала на протяжении почти всего периода раннего Нового времени, то во второй половине XVII в. при ведущих дворах от них постепенно стали отвыкать. Так, эта практика вышла из употребления в Англии в правление Карла I, после того как он отменил свое торжественное вступление в Лондон в 1625 г.⁴⁵³ Также и въезд в Париж Людовика XIV в 1660 г. стал последним на сто с лишним лет⁴⁵⁴. Существовало несколько причин для отказа от церемонии въезда, и не в последнюю очередь – внушительные расходы, которые перевешивали символическую ценность этого, довольно старомодного, представления. Но отказ не был окончательным, и, в определенном контексте, вступление в город нового короля все еще могло прозвучать важной заявкой о намерениях. Пышные празднования по случаю коронации Фридриха I в качестве прусского короля в 1701 г. тщательно готовились, причем придворный церемониймейстер Иоганн фон Бессер использовал целый ряд европейских образцов для каждого элемента церемонии. Общая ее стоимость оценивалась в 6 млн талеров⁴⁵⁵. Триумфальное возвращение двора в Берлин было составной частью коронационных торжеств и планировалось с такой же тщательностью⁴⁵⁶.

В России тоже устраивали триумфальные шествия после крупных военных побед, особенно начиная с царствования Ивана IV, а при Петре II церемониальное вступление в Москву стало частью празднования его коронации⁴⁵⁷. Впрочем, когда все внимание организаторов сосредоточивалось на праздновании коронации в Москве, вопрос о возвращении двора в Петербург нередко ускользал из поля зрения. На первый взгляд, нетрудно понять, отчего это происходило. Церемониальные въезды в Петербург не проводились ни для Екатерины I, коронованной в мае 1724 г., ни для Петра II, который короновался в феврале 1728 г.⁴⁵⁸ В царствование последнего затянувшееся пребывание государя и двора в Москве породило у некоторых современников сомнения относительно будущего Петербурга⁴⁵⁹. Однако со смертью Петра II и вступлением Анны Ивановны на престол в Москве в 1730 г. двор стал планировать возвращение в Петербург, о котором и

452 Muir E. *Ritual in Early Modern Europe*. 2nd ed. Cambridge, 2005. P. 265–271.

453 Smuts R.M. *Public Ceremony and Royal Charisma: The English Royal Entry in London, 1485–1621* // A. Lee Beier, D. Cannadine, J. M. Rosenheim (eds.). *The First Modern Society: Essays in English History in Honor of Lawrence Stone*. Cambridge, 1989. P. 83–85.

454 Bryant L. *The King and the City in the Parisian Royal Entry Ceremony: Politics, Ritual and Art in the Renaissance*. Geneva, 1986. P. 208–212.

455 Clark Ch. *Iron Kingdom: The Rise and Downfall of Prussia, 1600–1947*. London, 2007. P. 68.

456 Подробности планов торжественных въездов см.: Friedrich K., Smart K., Smart S. (eds.). *The Cultivation of Monarchy and the Rise of Berlin: Brandenburg-Prussia, 1700*. Farnham, 2010. P. 247–260.

457 Wortman R. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Princeton, NJ, 1995. Vol. 1. P. 90 (см. русский перевод: Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002).

458 Петра I отвлекали приближавшиеся маневры Балтийского флота и непрерывные болезни, и потому не было церемонии в честь его возвращения в Санкт-Петербург после коронации Екатерины I в 1724 г., а Петр II так и не вернулся в Петербург до своей смерти в 1730 г.

459 См., например точку зрения Джеймса Фитцджерейса Стюарта, испанского посла в России, в 1728 г.: Записки герцога Де-Лирия-Бервика, бывшего испанским послом при российском дворе, с 1727 по 1731 год // Сын отечества. Т. 7/2. 1839. С. 144–145.

возвестил торжественный въезд императрицы в январе 1732 г. Фельдмаршал Бурхард Христофор фон Миних, губернатор Петербурга с 1727 г. и генерал-фельдцейхмейстер с 1729 г., устроил в городе невиданный фейерверк в дни коронации Анны, а ее предстоящее возвращение в город в начале 1732 г. дало ему еще одну возможность отличиться в ее глазах⁴⁶⁰. Миних разработал порядок следования процессии и все этапы торжественного вступления⁴⁶¹. Описание этого действия затем опубликовали в приложении к выходившей раз в две недели городской газете «Санктпетербургские ведомости»⁴⁶². Эта церемония десятью годами позже в известной степени повлияла на планирование и проведение торжественного въезда в столицу императрицы Елизаветы, судя по некоторым его деталям.

Утром 16 января 1732 г. участники процессии выстроились вдоль Большой Артиллерийской улицы верхом и в экипажах, согласно порядку, указанному в планах устроителей. Затем, в час пополудни, процессия тронулась от триумфальных ворот у Аничкова моста, возглавляемая петербургским почт-директором и его подчиненными, которые возвещали о приближении шествия, трубя в почтовые рожки. В шествии участвовали представители разных групп населения, символизируя их возвращение в город. Купцы «всех наций» двигались в голове процессии, за ними в экипажах следовали иностранные министры и члены генералитета, причем их группы перемежались конными драгунами и военными музыкантами. Близость к карете императрицы свидетельствовала о привилегированном статусе; это право принадлежало членам ее семьи и придворным чинам. Фаворит императрицы Эрнст фон Бирон (официально – ее обер-камергер) и обер-гофмаршал двора Карл фон Левенвольде ехали верхом по бокам ее кареты, а за ней следовали родственники и придворные дамы императрицы⁴⁶³.

Путь следования процессии пролегал по Невскому проспекту, под вторыми триумфальными воротами у Адмиралтейства, а затем сворачивал к церкви Св. Исаакия Далматского. Там императрица была встречена членами Синода и присутствовала на богослужении, после чего продолжила путь к Зимнему дворцу. В трех точках маршрута (в начале пути, у Адмиралтейства и на подъезде к Зимнему дворцу) должны были сигнализировать ракетами о начале салюта из пушек с обеих крепостей. Четвертая ракета дала сигнал к ружейному салюту войскам, стоявшим вдоль Невского проспекта, после чего солдаты бросали вверх свои треуголки с традиционным возгласом «Виват!». Войска стояли вдоль всего пути шпалерами. Салютовать начали от Зимнего дворца, где выстроились четыре гвардейских полка во главе с Преображенским, за ними гардемарины из Морского корпуса и гренадеры морской пехоты и, наконец, солдаты других линейных полков, таких как Ингерманландский. Очевидно, что в такой день требовалось охранять порядок, так что четыре городских гарнизонных полка держали в резерве на всякий случай. Кроме того, за несколько дней до самого события было приказано построить каждый полк на отведенном ему месте на пути следования процессии, чтобы заранее его выровнять и наметить дистанцию для построения⁴⁶⁴. В увековечение этого торжества надписи, начертанные на триумфальных воротах, в том же году опубликовали в «Примечаниях» к «Санктпетбургским ведомостям»⁴⁶⁵.

460 Werrett S. Fireworks: Pyrotechnic Arts and Sciences in European History. Chicago, IL, 2010. P. 112–114.

461 Миних Б.Х. фон. Диспозиция и церемониал торжественного въезда императрицы Анны Ивановны в С.-Петербург 16 генваря 1732 / Сост. М.Д. Хмыров // Русский архив. 1867. Вып. 2. С. 332–341.

462 Прибавления к Ведомостям. № 6. 18 января 1732 г. С. 27–28.

463 Миних Б.Х. Диспозиция. С. 339–340.

464 Миних Б.Х. Диспозиция. С. 333–337.

465 Примечания на Ведомости. № 21. 6 марта 1732 г. С. 81–88.

Составленный Минихом подробный проект торжественной процессии 1732 г. послужил важным прецедентом для тех, кто планировал такое же вступление через десять лет. В частности порядок шествия, путь его следования, использование как военных, так и сакральных элементов для создания аудиовизуального эффекта свидетельствуют о связи этих двух событий. Однако в 1742 г. вступление в город Елизаветы было более масштабным и включало в себя ряд новых элементов. Его подготовка началась с проекта и сооружения триумфальных ворот на пути процессии, а также с подготовки иллюминаций на вечер торжественного дня⁴⁶⁶. Приготовления начались в сентябре 1742 г., когда Елизавета выразила желание, чтобы к ее возвращению выстроили двое новых ворот. Проектом должна была руководить специальная комиссия с привлечением сотрудников Канцелярии от строений, хотя творческую сторону доверили в основном специалистам из Академии наук. Среди них видное место занимали архитектор Пьетро Трезини и гравёр Иоганн Штенглин, отвечавшие соответственно за общий стиль проекта ворот и за внушительные панели с аллегорическими изображениями. В этом деле, как и в разработке церемонии и процессии, они могли использовать опыт предшественников; новые ворота предназначались на замену тех, что были сооружены для торжественного въезда 1732 г. О важности этих проектов говорит крупная сумма денег, которую на них выделили, – 10 тыс. руб.⁴⁶⁷

Планирование самого торжественного шествия началось гораздо ближе к этой дате. Порядок процессии был сначала письменно изложен по-французски, а затем переведен на русский язык, чтобы разослать его основным группам участников⁴⁶⁸. Автором этого плана был указан адмирал граф Н.Ф. Головин, состоявший обер-шталмейстером с ноября 1740 г. Придворные конюшни обеспечивали шествие лошадьми, так что выбор этот был закономерен. Другой видной фигурой в планировании торжества стал князь Н.Ю. Трубецкой, генерал-прокурор Сената. Он, конечно, был хорошо знаком с придворным церемониалом, так как с 1726 г. состоял при дворе камер-юнкером, а затем, в 1730-е гг., служил в армии в звании обер-офицера. Поэтому выбор князя Трубецкого был также удачен, ведь в планировании триумфального шествия соединялись церемониальные и военные элементы. Архивные материалы о торжественном въезде Елизаветы Петровны в Санкт-Петербург представляют собой комплекс документов в составе переплетенного тома, который завершается кратким реестром, или перечнем, этих документов, датированным 23 декабря 1742 г. В перечне обозначено, что разработка диспозиции (т.е. порядка следования процессии) принадлежит князю Н.Ю. Трубецкому, хотя в самом документе об этом не сказано⁴⁶⁹. Впрочем, еще удивительнее то, что с придворным обер-церемониймейстером Францем Санти проконсультировались лишь вечером 21 декабря, когда его вызвали в резиденцию князя Трубецкого.

Процессия была организована, в основном так же, как в 1732 г., но оказалась многочисленнее благодаря возросшему числу придворных чинов и дворцовых служителей. Путь ее также совпадал с прежним – по Невскому проспекту от Фонтанки до Зимнего дворца. Однако принципиальная разница между обеими процессиями заключалась в более выраженном характере остановок на пути кортежа Елизаветы, где представители военных,

466 Воронихина А.Н. Триумфальные ворота 1742 г. в Санкт-Петербурге // Т.В. Алексеева (ред.). Русское искусство барокко: материалы и исследования. М., 1977. С. 159–172; Зелов Д.Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века. М., 2002.

467 МИИАН. Т. 5. С. 346–347.

468 РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 246. Л. 74–75 об. Disposition de l'entrée de S.M.I. Elizabeth Petrovna à St. Petersbourg. 21 декабря 1742 г.; Там же. Л. 81–86 об. Диспозиция во время шествия Ея Имп. Вел. всеимл. гдрни императрицы Елизаветы Петровны в Санкт Питербурх, декабрь 1742 г.

469 Там же. Л. 87. О торжественном въезде Ея Императорского величества в Санкт Питерсбург, 23 декабря 1742 г.

чиновников, духовенства и купечества приветствовали императрицу. Первая остановка намечалась возле триумфальных ворот, возведенных у Аничкова моста, где императрицу встречали штаб- и обер-офицеры полков, расквартированных в Петербурге, в первую очередь гвардейских. Вторая остановка была у нового Гостиного двора, где в две линии стояло городское купечество: русские купцы по правую, а иностранные по левую сторону проспекта. Третья остановка предполагалась у церкви Казанской Божьей Матери, где собрались члены Священного синода, а двадцать семинаристов на помостах по обе стороны проспекта пели специально сочиненный хвалебный гимн в честь императрицы⁴⁷⁰. Четвертая остановка находилась у вторых триумфальных ворот возле Зеленого моста через Мойку, где были собраны чины гражданского управления с шестого по восьмой класс. Наконец, высшие шесть рангов администрации и остальные придворные чины встречали государыню перед Зимним дворцом⁴⁷¹.

Как и в 1732 г., аудиовизуальные элементы были неотъемлемой частью празднований 1742 г. Музыканты каждого из полков начинали играть с приближением кортежа императрицы и не умолкали до тех пор, пока он их не миновал. Как отметила И.А. Чудинова, это создавало волну музыки, катившуюся вдоль пути следования кортежа по городу. Всем церквям Петербурга было предписано во время процессии непрерывно звонить в колокола. Это музыкальное сопровождение дополнялось во время трех главных остановок пушечными салютами, которые давали полковые пушки и тяжелые орудия крепостной артиллерии, предупрежденные ракетными сигналами. По финальному сигналу, когда карета императрицы прибыла к Зимнему дворцу, войска, стоявшие вдоль пути процессии, дали ружейный залп⁴⁷². Визуальный эффект общей картины дополняли костюмы, в которые были одеты встречающие на каждой из остановок кортежа, – всем им было положено облачиться в полную парадную униформу. Например семинаристы, певшие перед Казанским собором, были в белом, что составляло эффектный контраст с рясами членов Священного синода и остального духовенства. Городское купечество, не имевшее официальной униформы, получило указание одеться в коричневое, но между русскими и английскими, а также остальными иностранными купцами существовало различие: подкладка их кафтанов отличалась по цвету – голубая у русских купцов и красная у иностранных, причем каждой группе позволялось украсить костюм отделкой из парчи, шитьем или иными декоративными материалами. Если говорить о картине в целом, то, помимо фейерверков, город и триумфальные ворота иллюминировались еще восемь ночей подряд⁴⁷³.

Церемония въезда Елизаветы, определенно, задумывалась как публичное празднование возвращения государыни в столицу. Непрестанная пальба в течение дня, как и ночная иллюминация города, способствовала тому, чтобы все население было в курсе происходящего события. Однако свидетельств о реакции современников на него немного. Камер-фурьерские журналы в основном молчат об этом событии. В них лишь отмечается, что императрица прибыла в город 20 декабря и вечером остановилась в своем старом дворце в Смольном⁴⁷⁴. Иностранные наблюдатели тоже не приводят никаких других деталей. Сирил Уич, английский резидент при русском дворе, вернулся в Петербург только 28 декабря, а до этого сетовал в письмах на болезнь и трудности с транспортом, так что и вовсе пропустил это событие⁴⁷⁵. Его французский коллега Д'Алион тоже во время въезда императрицы еще находился в Москве. В донесении министру иностранных дел Жан-Жаку Амело де Шайю от

470 Огаркова Н.А. Церемонии, празднества, музыка русского двора. СПб., 2004. С. 45, 264.

471 РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 246. Л. 81–85 об.

472 Чудинова И.А. Пение, звоны, ритуал. С. 21–24.

473 РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 246. Л. 82 об. – 83.

474 ТЖРЕП. Т. 2. Ч. 2. С. 250.

27 декабря он объясняет, что попадет в Петербург только «через пять-шесть дней»⁴⁷⁶. Его соотечественник Лесток вернулся из Москвы 20 декабря, но в его донесении от 28 декабря не упоминаются празднования по случаю въезда императрицы⁴⁷⁷. К тому же это событие не было описано и в «Санктпетербургских ведомостях», в противоположность торжественному въезду в Петербург императрицы Анны в 1732 г., отчет о котором вышел в «Прибавлениях» к газете⁴⁷⁸.

Обер-церемониймейстер Санти составил доклад, в котором изложил вопросы, обсуждавшиеся на заседании 21 декабря, а также перечислил некоторые затруднения, приключившиеся впоследствии в день самой процессии⁴⁷⁹. Сначала Санти отметил, что посоветовал князю Н.Ю. Трубецкому связаться с другими высшими придворными чинами, чтобы убедиться, что различные экипажи и лошади для процессии готовы. Князь Трубецкой отвечал, что приказы были отданы и участники должны их исполнять. Затем Санти высказал свои замечания по поводу проекта порядка следования, составленного Н.Ф. Головиным, который тот, видимо, уже прислал Трубецкому в письме. Санти был озабочен тем, чтобы на каждом этапе церемония шла по плану. Поэтому на заседании он подчеркнул, что придворные кавалеры не получили инструкций о том, когда им нужно прибыть к Казанской церкви и как себя вести. В распорядке процессии также не уточнялось, как императрица будет выходить из кареты, когда подъедет к церкви. На первый пункт Трубецкой ответил, что члены двора должны знать свои обязанности, а второй пункт вообще проигнорировал⁴⁸⁰.

Затем в докладе Санти описывались путаница и крайний беспорядок, наступившие в результате пренебрежения его советами. Главным образом, это происходило перед Казанской церковью, где не оказалось никого из придворных сановников, чтобы сопровождать императрицу, когда она вышла из кареты. Эту роль пришлось выполнять самому Санти, пока его не спас граф М.И. Воронцов. Дальнейшее замешательство произошло, когда не был вовремя дан сигнал ракеты об отбытии государыни из церкви. В итоге Санти не успел сесть в свою карету, когда процессия тронулась, а потому должен был «бежать полверсты», чтобы ее догнать. В заключение доклада приведено колкое замечание Жана Армана де Лестока, поддержанное несколькими неназванными русскими чиновниками, о том, что если уж при дворе имеется «un grand maître des ceremonies», – обер-церемониймейстер, – то надо дать ему возможность выполнять свои обязанности⁴⁸¹. Это описание хода церемонии, пусть оно едва ли объективно, все же позволяет увидеть под иным углом зрения идеальную версию торжества, представленную в планах и проектах. В частности в нем сообщаются детали практических затруднений, вроде несвоевременной подачи сигналов или путаницы с конкретными поручениями, которые возникали в ходе реальных событий и не зафиксированы больше нигде.

475 СИРИО. Т. 99. С. 195–197. Уич – Картерету. Москва, 20 декабря 1742 г.; Там же. С. 200. Уич – Картерету. СПб., 28 декабря 1742 г.

476 СИРИО Т. 100. С. 465. Д'Алион – Амело. Москва, 27 декабря 1742 г.

477 Там же. Лесток – де ла Шетарди. Москва, 28 декабря 1742 г.

478 Зато припасы, необходимые для фейерверков и иллюминаций, упоминаются. См.: СПВ. №100. 13 декабря 1742 г. С. 813 (где идет речь о количестве сала, дегтя и «венедианского терпентина», затребованного Адмиралтейством); СПВ. № 101. 16 декабря 1742 г. С. 820 (здесь говорится о партии слюды для Артиллерийского приказа).

479 РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 246. Л. 77–78 об. (Отчет обер-церемониймейстера Франца Санти, б.д.).

480 Там же. Л. 77 об.

481 Там же. Л. 78–78 об.

Фактическим свидетельством того, что об этой торжественной церемонии было широко известно в городе, является одно из долговременных визуальных напоминаний о нем: триумфальные ворота. В описании Санкт-Петербурга, составленном десять лет спустя, А.И. Богданов сообщает о двух триумфальных воротах, связывая их не только с въездом императрицы, но и с заключением мира со Швецией на следующий год⁴⁸². Описание гравированных изображений на двух воротах, опубликованное Академией наук в январе 1743 г., было составлено Кристианом Крусиусом в период подготовки церемонии въезда⁴⁸³. Согласно протоколам Академии наук, было напечатано только 300 экземпляров этого описания. Тем не менее перед нами попытка донести до читателей содержание гравюр, публикуя текст подписей, помещенных на самих триумфальных воротах⁴⁸⁴. Присутствие на Невском проспекте этих ворот, а также использование его архитектурных сооружений в качестве вех на пути процессии наглядно демонстрировало роль проспекта как главной церемониальной магистрали Петербурга. Хотя Невский проспект использовался и для въезда 1732 г., но окончательно ведущая позиция в пространстве Петербурга закрепилась за ним уже после обширной перестройки конца 1730-х гг. и освящения в 1737 г. церкви Казанской Божьей Матери (впоследствии она служила одним из главных храмов города, в которых двор присутствовал на религиозных церемониях).

В возвращении императрицы Елизаветы в Петербург заключалось несколько иное символическое значение, чем в переезде сюда Анны Ивановны. В церемониальном вступлении Анны в 1732 г. воплощалась, по сути дела, идея возвращения в город двора и российской элиты после периода конца 1720-х гг. – времени неуверенности относительно его будущего. Елизавета же со своим двором уже и так жила в Петербурге, когда взяла власть в свои руки в конце 1741 г., так что для традиционной церемонии коронации она вернулась в Москву. То обстоятельство, что Елизавета была дочерью Петра I и при свержении Ивана VI она выступала как защитница отцовского наследия, подразумевало, что возвращение после коронации в город Петра имеет для нее как личное, так и политическое значение. Недавние победы русского оружия в войне со Швецией придавали торжественному въезду Елизаветы также и военный подтекст, что сближало его с традиционными триумфальными шествиями. Презентация Елизаветы как защитницы отцовского наследия и победоносной самодержавной государыни придавала ее образу такое величие, которого не было у Анны Ивановны в 1732 г.

Оба торжественных въезда в Санкт-Петербург, состоявшиеся в первой половине XVIII в., можно сравнивать с вступлением прусского двора в Берлин в 1701 г. Эти города недавно стали главными резиденциями дворов, и в обоих монархи стремились установить прочную связь между двором и его резиденцией. Размах планирования церемоний и внушительные финансовые вложения говорят о большой важности подобного действия на заре новых царствований. В случае России, сравнение въездов 1732 и 1742 гг. показывает, что за истекшее между ними десятилетие и двор, и город прошли известный путь развития, в частности выросло число участников процессии, въезд императрицы был осязаемо увековечен триумфальными воротами на Невском проспекте. Но еще одна параллель между этими процессиями в Берлине и Петербурге состояла в том, что в обоих городах они не сделались постоянной частью придворного церемониала. Преемники Фридриха I, начиная с его сына, Фридриха-Вильгельма I, отказались от пышных церемоний как от пустой траты денег, и торжественные въезды в Берлин пали одной из жертв этого решения⁴⁸⁵. Что касается русского двора, то Петр III не дожидаясь своей официальной коронации в Москве, а Екатерина

482 Богданов А.И. Описание Санктпетербурга (1749–1751). СПб., 1997. С. 343.

483 СК. Т. 2. С. 97.

484 Воронихина А.Н. Триумфальные ворота. С. 169.

485 Clark Ch. Iron Kingdom. P. 75.

II оказалась последней правительницей, совершившей триумфальный въезд в Санкт-Петербург после своей коронации в 1763 г.⁴⁸⁶ К концу же столетия двор так прочно осел в Петербурге, что больше не требовалось символического заявления о намерениях монарха, воплощенного в его торжественном въезде.

СВАДЬБЫ

Планирование королевской свадьбы было серьезным мероприятием для любого двора раннего Нового времени. Бракосочетание имело масштабные внутривластные и международные последствия, и выбор нового супруга для правящего лица обычно зависел от политических соображений, а не от того, являлись ли два человека подходящими или привлекательными друг для друга. Династические свадьбы представляли собой ценную возможность продемонстрировать богатство и статус принимающего двора в размахе и великолепии празднований. Объединение двух династий брачным союзом служило также общепринятым способом скреплять политические альянсы или добиваться признания на международной арене. Поэтому вероятные партии для таких браков тщательно изучались и планировались заранее, и обе стороны нередко могли договориться о желаемом исходе даже раньше, чем будущие супруги впервые увиделись. Заключенный таким образом брак не обязательно должен был стать счастливым, но должен был, как минимум, произвести подходящего наследника. Впрочем, что характерно для русского двора XVIII в., царских свадеб в этот период было сравнительно мало. Это объясняется обстоятельствами жизни тогдашних русских правителей. Из преемников Петра I после 1725 г. Екатерина I и Анна Ивановна были вдовами, Петр II умер до своей свадьбы, Иван VI был младенцем, а Елизавета официально оставалась незамужней.

Между тем в России существовали вполне определенные традиции заключения царских браков. Московский двор воспринял из византийского наследия смотрины невест, когда государь выбирал себе будущую жену из числа кандидаток, собранных со всего царства. Теоретически этот процесс выбора был свободным, но на него сильно влияли советники и родственники царя. Предпочтение отдавалось кандидаткам из русских дворянских родов, во избежание угрозы политическому равновесию при женитьбе на девице из боярской фамилии, или с вызывающими опасения иноземными связями (в случае брака с иностранкой)⁴⁸⁷. Московские свадебные торжества были по своей сути религиозными, и свадьба Петра I и его первой жены Евдокии в 1689 г. представляла собой типичный пример традиционной церемонии и связанного с ней образного ряда⁴⁸⁸. Поэтому в России не бывало крупных публичных свадебных церемоний, сравнимых со свадьбами Людовика XIV в 1660 г. или Леопольда I в 1666, 1673 и 1676 гг.⁴⁸⁹ В начале XVIII в. характер свадебных ритуалов начал меняться в двух важных аспектах. Петр стремился вытолкнуть Россию на европейскую сцену – он проводил преобразования и воевал со Швецией, понимая, что одним из плодотворных способов получить международную поддержку и влияние являются династические союзы. Одновременно перемещение двора в Санкт-Петербург означало, что новый город, скорее всего, станет теперь местом празднования царских свадеб. Сам царь был уже женат, а потому

⁴⁸⁶ Dixon S. Catherine the Great. London, 2009. P. 127.

⁴⁸⁷ Martin R. A Bride for the Tsar: Bride-Show and Marriage Politics in Early Modern Russia. DeKalb, IL, 2012. P. 43–56, 76–87.

⁴⁸⁸ Hughes L. Peter the Great's Two Weddings: Changing Images of Women in a Transitional Age / R. Marsh (ed.). Women in Russia and Ukraine. Cambridge, 1996. P. 32–35.

⁴⁸⁹ О бракосочетании Людовика XIV см.: Zanger A. Scenes from the Marriage of Louis XIV: Nuptial Fictions and the Making of Absolutist Power. Stanford, CA, 1997. О свадьбе Леопольда I см.: Golubeva M. The Glorification of Emperor Leopold I in Image, Spectacle and Text. Mainz, 2000. P. 103–120.

сыграть свадьбу на новом месте, вероятно, предстояло другим членам царской семьи, в частности наследнику престола.

Первой крупной придворной свадьбой в Санкт-Петербурге стало бракосочетание племянницы Петра, будущей императрицы Анны Ивановны, которая 11 ноября 1710 г. венчалась с Фридрихом-Вильгельмом, герцогом Курляндским. И сама церемония, и последующие празднования проходили во дворце Меншикова на Васильевском острове. Царь выступал распорядителем свадьбы, приглашены были все военные, до лейтенанта включительно, а также знатные особы. За церемонией венчания последовал банкет с тостами и салютами из пушек в честь новобрачных⁴⁹⁰. Датский посол Юст Юль тоже был гостем на этой свадьбе, и его описание раскрывает ряд интересных подробностей. Например богослужение шло по-русски, но обращения к жениху для архимандрита Феодосия Яновского заранее письменно перевел на латынь секретарь Юста Юля, Расмус Эребо. После банкета не было фейерверка, так как Меншиков плохо себя чувствовал⁴⁹¹. С точки зрения обстановки, состава участников и церемониала эта свадьба оценивается как существенное отступление от традиций предыдущего века⁴⁹². Новые элементы отразились затем в организации в феврале 1712 г. второго бракосочетания самого Петра, когда он женился на своей невенчанной супруге Екатерине. Празднование опять проводилось публично, на европейский манер, причем общая стилистика праздника скорее отражала личные склонности Петра, чем традицию: он был в форме контр-адмирала, а в списке гостей преобладали морские офицеры⁴⁹³. Краткая приватная церковная церемония сменилась банкетом в Зимнем дворце (хотя на знаменитой гравюре Алексея Зубова свадьба изображена во дворце Меншикова), причем Меншиков служил церемониймейстером. Позже вечером состоялись фейерверки и другие иллюминации⁴⁹⁴.

Эти два мероприятия до конца рассматриваемого периода служили образцом для свадеб в царском доме, которые теперь происходили в Петербурге, а не в Москве. Европейский облик нового города создавал более подходящий антураж для этих свадеб, так как русский двор стремился установить династические связи с другими дворами Северной Европы. Вслед за бракосочетанием Анны Ивановны с герцогом Курляндским, в 1716 г. ее сестра Екатерина Ивановна вышла замуж за герцога Мекленбургского, в 1725 г., вскоре после смерти своего отца, цесаревна Анна Петровна обвенчалась с герцогом Голштинским, а в 1737 г. Анна Леопольдовна вышла за герцога Брауншвейгского. Последние две свадьбы проходили в Петербурге⁴⁹⁵. В этот период особенно выделялась еще одна свадьба в царской семье – в 1745 г. великий князь Петр Федорович женился на принцессе Софии Ангальт-Цербстской, будущей Екатерине II. Императрица Елизавета выбрала Петра Федоровича своим

490 Точное известие о... крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кроншлот и их окрестностях... / Ю.Н. Беспятых (ред.). Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 72–75.

491 Юль Ю. Записки. С. 216, 219.

492 Агеева О.Г. Новые явления в общественной жизни и быту Петербурга первой четверти XVIII в. (на примере царских свадеб) / А.Н. Копылов, О.Г. Агеева, Л.Н. Пушкарев (ред.). Русская культура в переходный период от средневековья к новому времени: Сборник статей. М., 1992. С. 98.

493 Zitser E. The Transfigured Kingdom. P. 119–121 (см. русский перевод: Зицер Э. Царство Преображения. М., 2008).

494 Пож. 1712. С. 1–7. Анализ гравюры см.: Михайлов Г.В. Гравюра А. Зубова «Свадьба Петра I»: реальность и вымысел // Панорама искусств. 1988. Вып. 11 С. 25–38.

495 Описание свадебных торжеств см.: Описание о браке между Ея Высочеством Анною Петровною, Царевною Всероссийскою, и Его Королевским Высочеством Карлом Фридрихом, Герцогом Голштейнготторпским. СПб., 1725; Vigor J. Letters from a Lady, Who Resided Some Years in Russia, to her Friend in England. London, 1775. P. 189–207.

наследником в конце 1742 г. и очень хотела обеспечить будущее династии при помощи его брака и потомства от него, так что эта свадьба имела огромное значение для русского двора⁴⁹⁶. Те же соображения играли роль и при заключении браков королевских наследников некоторых ведущих дворов Европы того времени: в Пруссии в 1733 г., в Англии и Священной Римской империи в 1736 г., в Швеции в 1744 г., во Франции в 1744 и 1747 гг.⁴⁹⁷ Свадьба российского великого князя в 1745 г. демонстрирует некоторые важные признаки освоения русским двором европейского придворного церемониала. В частности записки Санти, обер-церемониймейстера двора, содержат ценные сведения о том, как планировалась свадьба, – таких материалов о предыдущих свадьбах при петербургском дворе не существует. Вероятно, подготовка свадьбы великого князя началась всерьез после обращения его невесты в православие в Москве 28 июня 1744 г., когда она приняла имя Екатерины Алексеевны и титул великой княгини. В своих «Записках» Екатерина писала, что еще с весны 1745 г. начались приготовления к ее свадьбе⁴⁹⁸. 26 февраля в шесть часов вечера обер-церемониймейстер граф Санти и его заместитель, церемониймейстер Ф.П. Веселовский, встречались по этому поводу с графом А.П. Бестужевым-Рюминым у него дома. Императрица распорядилась, чтобы организация свадьбы основывалась на примере бракосочетания великой герцогини Анны Петровны (сестры императрицы и матери великого князя Петра Федоровича) с герцогом Гольштейн-Готторпским в мае 1725 г. Санти написал гофмаршалу Д.А. Шепелеву, чтобы тот запросил в Придворной конторе документы, относящиеся к этому событию. Но Шепелев ответил, что в конторе не имеется документов, восходящих ко времени этого бракосочетания, а поэтому Санти пришлось прибегнуть к устным воспоминаниям («des traditions orales») и составлять новый план на неопровержимых основаниях⁴⁹⁹. Затем этот план должна была критически рассмотреть Коллегия иностранных дел⁵⁰⁰.

Получившийся проект, поданный на рассмотрение в марте 1745 г., повлек за собой 14 «пунктов», или вопросов, требовавших решения императрицы. Эти пункты касались не только практических затруднений, но также важных вопросов протокола. Пункты практического свойства, как правило, требовали разъяснения вещественных сторон плана, таких как характер дорожных приготовлений, порядок следования экипажей царского семейства и их места относительно кареты императрицы. Еще один пункт касался рассадки членов императорской семьи на свадебном пиру, в особенности вопрос о том, куда посадить мать Екатерины и ее дядюшку, принца Августа. Санти предложил поместить их за отдельным столом напротив трона либо слева от него, по примеру рассадки гостей на коронации Екатерины I, сославшись при этом на славной памяти отца Елизаветы. Что касалось прочих участников торжества, то в десятом пункте шла речь о том, в каких экипажах должны ехать в процессии чины разных классов. Возникли вопросы, для кого положено запрягать шестерку лошадей, а для кого четверку, украшать ли золотом и серебром экипажи и ливреи, и сколько слуг полагается иметь каждому участнику. Этот пункт заодно говорил о том, что необходимо заблаговременно информировать приглашенных, чтобы они успели подготовиться⁵⁰¹.

496 ПСЗ. Т. 11. № 8658. 7 ноября 1742 г. С. 712–713.

497 См., например, про озабоченность английского двора в 1730-е гг. в связи с выбором подходящих партий для детей Георга II: *Smith H. Georgian Monarchy: Politics and Culture, 1714–1760. Cambridge, 2006. P. 46–47.*

498 *Екатерина II. Мемуары I // Сочинения. Т. 12. С. 63.*

499 Такое решение выглядит странным, ведь существовало опубликованное описание свадьбы Анны Петровны (как отмечено выше).

500 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 15. Л. 2–2 об. (Notes du Comte de Santi, Grand-Maitre des Cérémonies sous le règne de l'Impératrice Elisabeth I, 1745).

Вопросные пункты, относящиеся к свадебному протоколу, в целом свидетельствуют о том, что их авторов беспокоило, как это торжество будет восприниматься со стороны, и, в частности, как будет выглядеть Россия на фоне других европейских дворов. В течение трех дней накануне свадьбы о ней должны были публично объявлять два герольда в сопровождении трубачей и барабанщиков. На полях документа приписано, что этот пункт широко обсуждался в Коллегии иностранных дел, и, хотя Санти не сумел привести прецедента подобного оповещения в России, его сочли необходимым из-за присутствия в Петербурге многих послов и иностранных посланников. Седьмой пункт относительно выбора церкви для церемонии имел приписку на полях о том, что при других европейских дворах подобные венчания обычно проводятся в одной из королевских церквей. На пункт девятый, о том, кому следует нести шлейфы императрицы и великой княгини, означено, что при главных дворах Европы эту роль выполняют придворные дамы⁵⁰². В заключительном пункте недвусмысленно сказано, что обычай, соблюдавшийся на свадьбе царевны Анны Петровны, когда невеста получала поздравления от гостей и подносила каждому бокал вина, сочтен неподходящим для этого случая. Как выразился Санти: «Этот обычай, хоть и древний, сохраняется большей частью у восточных и срединных народов Европы и весьма противен добрым обычаям при дворах Государей»⁵⁰³. Эта сторона подготовки к свадьбе показывает, что в России были знакомы с обычаями других европейских дворов и хотели поступать в согласии с ними. Сбор такого рода сведений со времен Петра I был возложен на Коллегию иностранных дел. И в целом привлечение этой Коллегии к оценке проекта Санти свидетельствовало о том, что двор стремился выглядеть за границей достойным образом.

Два указа от 16 марта 1745 г. относятся к процессу подготовки и планирования свадьбы и посвящаются внешнему виду знатных гостей и способу их прибытия на свадебные торжества. В первом указе императрицы Сенату сказано, что чинам первых четырех классов и придворным кавалерам будут пожалованы денежные дотации, чтобы они могли для такого случая обзавестись экипажами должного уровня⁵⁰⁴. Второй указ содержал требование, чтобы Сенат и высшие чины империи начинали приготовления к свадебной церемонии и празднованиям с самого начала июля. Первым четырем классам и придворным разрешалось, сообразно их средствам, украшать золотом и серебром как одежду, так и кареты. Кроме того, поскольку празднования должны были продолжаться в течение нескольких дней, каждому участнику следовало заказать себе хотя бы один новый наряд, а желающие могли сшить и больше. В ответе на вопросные пункты в связи с проектом Санти было предусмотрено, чтобы каждая персона ехала в собственной карете, а те, кто может это себе позволить, имели бы также отдельную карету для супруги. Кроме того, в плане было перечислено, сколько слуг могут держать при себе чины каждого класса. Наконец, указания относительно платья и экипажа охватывали также членов пятого и шестого классов, которые не должны были следовать в торжественной процессии, но участвовали в других праздничных мероприятиях⁵⁰⁵.

Озабоченность внешним видом участников свадебной процессии и празднования в целом, которая видна в вышеописанных документах, много говорит о богатстве и статусе российской элиты. В ответах императрицы явно игнорируется ее собственный указ о необходимости проявлять умеренность в нарядах, изданный лишь двумя годами раньше, хотя

501 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 15. Л. 3–5 об. (Points preambles qui demandaient la resolution de Sa Majesté Impériale à fin de pouvoir arranger le Cérémonial des Noces de Leurs Altesses Impériales, 4 марта 1745 г.).

502 Там же. Л. 3 об. – 4 об.

503 Там же. Л. 5 об. – 6.

504 ПСЗ. Т. 12. № 9123. 16 марта 1745 г. С. 346.

505 ПСЗ. Т. 12. № 9124. 16 марта 1745 г. С. 346–347.

вполне очевидно, что свадьба наследника – случай исключительный. О том, сколь важно как следует подготовиться к свадьбе, приглашенным напоминали не раз. 9 августа 1745 г. в «Санктпетербургских ведомостях» появилось напоминание всем участникам свадебных торжеств о том, что их приготовления к свадьбе великого князя должны быть закончены к 19 августа⁵⁰⁶. Кроме того, в последнюю неделю накануне свадьбы, точнее, 14 и 16 августа состоялись два бала-маскарада. На них репетировали кадрили, которые предстояло исполнять на свадьбе⁵⁰⁷. Как ни странно, несмотря на столь масштабную и тщательную подготовку, в некоторых документах, касавшихся планов и проектов свадебных торжеств, значилось, что церемония назначена на 18 августа⁵⁰⁸. Екатерина в своих «Записках» замечает, что день 21 августа был назначен после того, как приготовления почти закончились, однако никаких объяснений этому не дает⁵⁰⁹. Наиболее правдоподобное объяснение привел английский посол лорд Хиндфорд, записавший, что в дни, предшествующие свадьбе, стояла скверная погода, а потому ее отложили⁵¹⁰.

Готовясь к свадьбе, великий князь и его невеста, по желанию императрицы, 15 августа причащались в церкви Казанской Божьей Матери (где должно было состояться венчание), а 17 августа были у всенощной в Александро-Невской лавре⁵¹¹. В шесть часов утра 21 августа салют из пяти пушек с Петропавловской крепости возвестил членам первых четырех классов, или «генералитету», что пора собираться перед новым деревянным Зимним дворцом на Невском проспекте. В 11 часов салют из 21 пушки от Адмиралтейства дал сигнал к началу процессии экипажей к церкви Казанской Божьей Матери. В процессии следовали члены императорской фамилии со своими придворными, генералитет и иностранные послы с супругами. Порядок следования процессии представляет собой ценный список видных представителей петербургского высшего общества с обозначением чинов и указанием того, чем они связаны с императрицей. Неудивительно, что ближе всех к Елизавете (кроме Петра Федоровича с Екатериной, ехавших в ее карете) в процессии находились ее придворные дамы и кавалеры, а также личная стража – лейб-компанцы.

После венчания в церкви собравшиеся полки троекратно салютовали из ружей, одновременно с пушечным салютом с 24 галер, двух транспортов и двух яхт, стоявших на Неве. После этого процессия направилась в Зимний дворец на свадебный банкет, накрытый в галерее и еще в четырех залах. Звучали тосты в честь императрицы и новобрачных, сопровождаемые салютом с обеих крепостей (51 залп в честь счастливой пары, 101 залп в честь Елизаветы)⁵¹². После этого состоялся бал, продлившийся до 11:45 вечера, а затем новобрачных отвели в приготовленные для них новые покои, где они, как предполагалось, должны были осуществить свой брак (согласно «Запискам» Екатерины)⁵¹³. Праздник продолжался на следующий вечер, когда в 9 часов начался бал в галерее нового Зимнего

506 СПб. № 63. 9 августа 1745 г. С. 543.

507 КФЖ. 1745. 14 и 16 августа. С. 50.

508 Так, 18 августа названо датой бракосочетания в записках Санти („le mariage de les Altesses Impériales s’effectua le 18 août 1745“). РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 15. Л. 13. Кроме того, в одном из документов Растрелли, касавшихся планирования свадебных торжеств, имелась сноска с датой свадьбы – 18 августа. РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 14. Л. 2. (Description des bals et fêtes données au palais d’hiver au mariage de Pierre III, 1745).

509 Екатерина II. Мемуары I // Сочинения. Т. 12. С. 67.

510 СИРИО. Т. 102. С. 320 (Хиндфорд – Харрингтону. 20 августа 1745 г.).

511 Екатерина II. Мемуары I // Сочинения. Т. 12. С. 67; КФЖ. 1745. 17 августа. С. 51.

512 ЖДГА. 1745. 21 августа. С. 35.

513 Екатерина II. Мемуары I // Сочинения. Т. 12. С. 69.

дворца, на который были приглашены чины первых четырех классов и иностранные послы. Затем в час ночи в зале начался пир. Его участники сидели за огромным, специально изготовленным столом, в который были вмонтированы фонтаны, каскады и пирамиды свечей. Места за столом распределялись по билетам, всего ужинало 130 приглашенных гостей. Ужин сопровождался итальянской музыкой, которая играла на балконе над залом. Императрица сидела не за общим столом, а в отдельной зале, вместе с церковными иерархами и другими избранными (но не названными в источнике) гостями в числе 35 человек⁵¹⁴.

Следующим важным событием в череде свадебных празднеств было представление 25 августа оперы *seria* «Сципион» в Оперном доме возле Летнего дворца. Это было сочинение композитора Франческо Арайа на либретто поэта Джузеппе Бонекки. Куда более подходящий к случаю балет «Свадьба Психеи и Купидона» был представлен в интермедии. Присутствовали императрица, великий князь с великой княгиней, ее мать и дядя, принц Август Гессен-Гомбургский, наряду с другими видными гостями. Либретто для раздачи гостям было красиво издано в печатном виде на русском, французском и итальянском языках⁵¹⁵. Но все же центральное событие придворных торжеств состоялось 26 августа – это был тот самый маскарад с кадрилими, что репетировались ранее. Этот сложный танец был составной частью бала, открытого в новом Зимнем дворце в 7 часов вечера. Танец составляли четыре кадрили, каждая в 17 пар, всего 136 человек. Как и рассадка гостей на вышеописанном банкете, партнеры в танце определялись по билетам. Кадрили вели великий князь, великая княгиня, ее мать и принц Август. У каждой группы были свои цвета – у великого князя розовый с серебром, у его жены белый с золотом, у ее матери голубой с серебром и у принца Августа бледно-желтый с серебром. После бала был банкет с рассадкой по номерам, причем каждая кадрили сидела в ряд. Императрица же отправилась обедать с графом Алексеем Разумовским в его резиденцию близ старого Зимнего дворца в компании сорока гостей⁵¹⁶.

Это описание создает картину красочного и хорошо организованного танцевального действия, еще одного свидетельства великолепия и богатства двора. Однако, как ни странно, послы и иностранные посланники на бал приглашены не были. В официальном отчете о празднике не указано никаких причин этого упущения⁵¹⁷. Если судить по описанию этого события в «Записках» Екатерины, то вряд ли этот бал представлял собой восхитительное зрелище, но на ее памяти, очевидно, сказались либо несчастливые события начала этого брака, либо давность лет. Так, хотя Екатерина хорошо запомнила своего партнера по танцам, графа Петра Ласси, она жаловалась, что там не было ни одного танцующего кавалера, так как всем им было от 60 до 90 лет. Она прибавляет: «...во всей жизни не видала я более грустного и безвкусного удовольствия, как эти кадрили: было только сорок восемь пар, по большей части хромы, или подагрики, или расслабленные, в громадной зале, а все остальные были зрители, в обыкновенном платье, не смевшие вмешиваться в кадрили; но императрица нашла это настолько красивым, что велела повторить кадрили еще раз»⁵¹⁸. Это описание едва ли может польстить князю Н.Ю. Трубецкому (сорока восьми лет) или вице-канцлеру графу Михаилу Воронцову и П.И. Шувалову (обоим было по 35 лет) – это лишь некоторые из участников ее кадрили⁵¹⁹. Несомненно, описание Екатерины подходит некоторым из

514 КФЖ. 1745. 22 августа. С. 69–70.

515 Программа воспроизведена печатным способом в: ТЖРЕП. Т. 2. Ч. 1. С. 89–96.

516 КФЖ. 1745. 26 августа. С. 75–81.

517 Там же. С. 80.

518 *Екатерина II. Мемуары II // Сочинения*. Т. 12. С. 73–74.

519 РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 443. Л. 177, 178–178 об. (Ведомость обретающимся в Санкт-Петербурге от первого до пятого классу персонам женам их и детям. Ок. 1747 г.).

танцоров, учитывая их возраст и слабое здоровье, но ее воспоминания об этом празднестве, возможно, не совсем свободны от тех негативных чувств, которые она в дальнейшем испытывала по поводу своего брака.

В целом свадьбы в правящих домах были идеальной возможностью представить двор в выгодном свете, в виде зрелища, работавшего на нескольких разных уровнях. Подобный брак нередко олицетворял символический союз династийных интересов между двумя дворами, и если Россия как возможный партнер еще не вышла на уровень французского, английского или австрийского двора, то в конце рассматриваемого периода она, определенно, являлась уже авторитетной и надежной силой в Северной Европе⁵²⁰. Свадебные торжества позволяли с блеском демонстрировать богатство и утонченность двора, а Санкт-Петербург теперь сделался сценой, достойной как внутренней, так и зарубежной аудитории. Свадьба наследника престола, конечно, вызвала отклики со стороны иностранных послов в России, а также в иностранной прессе⁵²¹. Как явственно свидетельствуют заметки Санти, планирование свадьбы в 1745 г. охватывало многие аспекты ее проведения и внешней презентации, причем пример других европейских дворов оказал на него большое влияние. Таким образом, царские свадьбы воплощали в миниатюре растущее значение России и ее пригодность к роли потенциального союзника; кроме того, они показывали, что в подобных случаях в России придерживаются привычных в Европе цивилизованных обычаев.

ПОХОРОНЫ

Не менее важны для утверждения идеи династической преемственности и демонстрации великолепия династии были королевские похороны, которые в эмоциональном отношении, конечно, являлись противоположностью радостным праздникам королевских свадеб. Эти церемонии имели средневековое происхождение, но на протяжении раннего Нового времени их форма и содержание постепенно менялись, по мере того как в их символическом послании все большее место занимало прославление монархии и ее свершений. В итоге открытое публичное отправление ритуала королевских похорон превратилось в наглядную демонстрацию величия и могущества монархии, транслируя их широкой аудитории различными средствами (текстуальными, зрительными, звуковыми)⁵²². Хотя общие черты похоронных церемоний были сходными по всей Европе, между ними тогда существовали некоторые важные различия в оттенках. Например двор Габсбургов с середины XVII в. очень заботился о точном следовании официальному протоколу предыдущих императорских похорон, как видно на примере погребений Леопольда I, Иосифа I и Карла VI⁵²³. Напротив, британская монархия все больше стремилась ограничить публичный характер королевских похорон и на протяжении XVIII в. шла к церемонии более узкой и приватной. Тщательно разработанная и очень дорогостоящая церемония похорон

520 См., например громадные расходы на свадьбу Иосифа II и Изабеллы Пармской в конце 1760 г., соединившую династии Габсбургов и Бурбонов: *Beales D. Joseph II. Volume I: In the Shadow of Maria Theresa, 1741–1780. Cambridge, 1987. P. 69–72.*

521 Краткие отзывы о ее великолепии см.: СИРИО. Т. 102. С. 321 (Хиндфорд – Харрингтону, СПб., 24 августа 1745 г.); СИРИО. Т. 105. С. 546 (д'Аллион – д'Аржансону, СПб., 24 августа 1745 г.). Очерк в прессе см.: *Westminster Journal, or New Weekly Miscellany. No. 200. 28 September 1745. P. 2.*

522 *Schiach M. 'Introduction' / M. Schiach (ed.) Monarchy and Religion. The Transformation of Royal Culture in Eighteenth-Century Europe. Oxford, 2007. P. 33–34.* Недавнее исследование на общеевропейском материале см.: *Chroscicki J., Hengerer M., Sabather G. (eds.). Les funérailles princières en Europe, XVIe-XVIIe siècle. Versailles, 2012.*

523 *Hengerer M. The Funerals of the Habsburg Emperors in the Eighteenth Century // M. Schiach (ed.). Monarchy and Religion. P. 376–378.*

королевы Марии в 1695 г. не была повторена ни для ее мужа, короля Вильгельма III (оставившего специальное распоряжение на этот счет), и ни для кого из их преемников в XVIII в.⁵²⁴

Старомосковские царские похороны традиционно проходили от начала до конца в стенах Кремля, с погребением в соборе Архангела Михаила, недалеко от царского дворца. Погребальные процессии были чисто религиозными мероприятиями, проходили в замкнутом пространстве Кремля, и участвовали в них только члены царской семьи, церковные иерархи и придворная верхушка. Похоронная церемония обычно проводилась в течение двух дней после смерти, после чего группы придворных и представители духовенства, согласно православной традиции, сорок суток несли бдение («дневали и ночевали») возле гробницы покойного⁵²⁵. Похороны Петра I в марте 1725 г. составили резкий контраст с традиционными похоронами его отца и единокровных братьев, происходившими соответственно в январе 1676 г., в апреле 1682 г. и в январе 1696 г. Петра хоронили в Санкт-Петербурге, тело императора было погребено в Петропавловском соборе, а сама церемония, с точки зрения процедуры и символики, явно опиралась на европейские примеры⁵²⁶. Она стала образцом для будущих похорон русских царей и утвердила Петропавловский собор в Петербурге в качестве главной усыпальницы Романовых до падения династии в 1917 г.

Ранее Петр уже организовывал похороны некоторых своих близких сподвижников на европейский лад, прежде всего генерала Патрика Гордона и Франца Лефорта в конце 1690-х гг., а также адмирала Ф.А. Головина в 1707 г. Все эти церемонии проходили в Москве⁵²⁷. Однако с основанием Петербурга прочно установилась традиция погребения родственников императора и членов его ближнего круга в новом городе Петра. В церемониале похорон членов царской семьи, проходивших в Петербурге в последнее десятилетие петровского царствования, прослеживается европейское влияние. К таким примерам относятся похороны многочисленных детей Петра и Екатерины, умиравших в младенчестве, и пышные церемонии погребения единокровной сестры Петра, царевны Наталии Алексеевны, в ноябре 1717 г., а также его сына, царевича Алексея Петровича, в июне 1718 г.⁵²⁸ Масштаб этих событий привлекал внимание современников. Так, Вебер был свидетелем похоронных процессий невестки Петра, принцессы Шарлоты Брауншвейг-Люнебургской, в октябре 1715 г. и царицы Марфы Матвеевны, вдовы царя Федора Алексеевича, в январе 1716 г., которые следовали из «печальной залы» к Петропавловскому собору через замерзшую Неву, а вдоль всего пути стоял «двойной ряд факелов»⁵²⁹.

Петр посвящал значительное, чтобы не сказать ненормально большое количество времени планированию своих собственных похорон. В апреле 1723 г. он издал указ с распоряжением собрать информацию о погребальных обычаях при других европейских дворах, в результате чего поступили донесения из Берлина, Вены, Парижа и Стокгольма. О.Г. Агеева выделяет датированные февралем 1724 г. записки князя Сергея Долгорукого о церемонии погребения саксонского курфюрста, в которых, вероятно, речь идет о похоронах

524 Fritz P. The Trade in Death: The Royal Funerals in England // Eighteenth Century Studies. 1982. Vol. 15/3. P. 291–316.

525 Логунова М. Печальные ритуалы императорской России. М., 2011. С. 16–17, 22–26.

526 Hughes L. The Funerals of the Russian Emperors and Empresses // M. Schiach (ed.). Monarchy and Religion. P. 395–397.

527 Логунова М. Печальные ритуалы. С. 58–63.

528 Агеева О.Г. Петербургский траурный церемониал дома Романовых в начале XVIII века // Ю.Н. Беспярых (ред.). Феномен Петербурга. СПб., 2001. С. 491, 496–497.

529 Weber F.Ch. The Present state of Russia. London, 1968. Vol. 1. P. 110–111.

Иоганна Георга IV, умершего в 1694 г. В его записках особенное внимание уделяется *castrum doloris* и следованию процессии в церковь⁵³⁰. Окончательный план похорон Петра был составлен генералом Яковом Брюсом, причем в недавних исследованиях отмечается влияние шведских и германских образцов в таких элементах, как скульптурное оформление, окружавшее усопшего, а также публичная презентация тела царя⁵³¹. Смерть Петра от общего заражения, последовавшая в январе 1725 г., привела эти планы в действие. Его тело, прежде всего, подвергли бальзамированию, что являлось стандартной процедурой при других европейских дворах, однако противоречило традициям православной церкви. После этого тело было до похорон выставлено для торжественного прощания почти на шесть недель в специально оформленной «печальной камере» (для нее применялся латинский термин *castrum doloris* в русской транслитерации: «каструм долорис») в большом зале Зимнего дворца. Гроб окружали символы военной и имперской мощи, помещение украшала аллегорическая скульптура. Она изображала скорбящие классические фигуры и воплощения достоинств Петра. Это оформление тоже не понравилось церковным иерархам, считавшим такие символы языческими⁵³².

У гроба несли почетный караул группы сенаторов и солдат, в то время как священник читал псалмы и Евангелие. «Каструм долорис» был открыт для публики, и гроб стоял на возвышении, дабы к нему могли приблизиться большие толпы скорбящих людей⁵³³. Современный источник, повествующий о смерти Петра и принадлежащий перу архиепископа Феофана Прокоповича, описывает, хотя и не без риторических преувеличений, эту общую скорбь, когда люди всех чинов, от мала до велика, приходили поцеловать руку покойного царя и рыдать у его гроба⁵³⁴. Сами похороны состоялись 10 марта, через неделю после смерти младшей дочери Петра царевны Натальи, которую хоронили вместе с ним. Похоронная процессия, следовавшая от Зимнего дворца к Петропавловскому собору через замерзшую Неву по специально проложенному «проспекту» (деревянному настилу), была крупным публичным событием. О ней широко объявили за два дня, был составлен список участников из 166 различных групп. Наряду с членами царской семьи, с двором, высшими чинами военной и гражданской администрации в список входили представители ряда социальных слоев – купечества (русского и иностранного), делегатов от других крупных городов, от остзейского дворянства. Военная сторона петровского царствования была наглядно представлена в похоронной процессии, так как ее возглавлял оркестр полковых музыкантов, а вдоль пути выстроилось свыше 10 тыс. солдат из полков, расквартированных в городе⁵³⁵. Организация похорон, несомненно, оказалась удачной, так как на иностранных посланников в Петербурге произвело большое впечатление то, как хорошо двор справился с этой задачей⁵³⁶.

530 Агеева О.Г. Петербургский траурный церемониал. С. 503–504.

531 Wortman R. Scenarios of Power. Vol. 1. P. 75 (см. русский перевод: Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002).

532 Hughes L. The Funerals of the Russian Emperors. P. 400–402.

533 Подробное описание «каструм долорис» см.: «Описание погребения Его Императорского Величества и государыни цесаревны» // Прокопович Ф. Краткая повесть о смерти Петра Великого. СПб., 1831. С. 39–63. Издание представляет собой переиздание официального отчета, опубликованного в 1725 г.

534 Прокопович Ф. Краткая повесть. С. 12. Этот текст также перепечатан с оригинала 1726 г.

535 «Описание погребения...» С. 67–71.

536 Берхгольц Ф.В. фон. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца, 1721–1725. (Гл. 3, 4) // Наумов В.П. (ред.). Юность державы. М., 2000. С. 267.

О погребении Екатерины I в Санкт-Петербурге в мае 1727 г. сохранилось очень мало подробных сведений, в противоположность похоронам ее мужа. Нева в это время, поздней весной, уже очистилась ото льда, и поэтому похоронной процессии пришлось следовать по воде, в сопровождении пушечной пальбы с обеих крепостей и с кораблей, стоявших на якоре, под музыку и барабанный бой полковых оркестров петербургского гарнизона⁵³⁷. Так как юного Петра II похоронили в Москве, то следующими царскими похоронами в Петербурге стало погребение Анны Ивановны в декабре 1740 г. Вскоре после смерти императрицы, последовавшей 17 октября, была создана особая комиссия для согласования различных элементов подготовки похорон, с общим бюджетом в 65 тыс. руб.⁵³⁸ В итоге похороны Анны во многом следовали образцу похорон Петра. Организаторы даже дождались, пока лед на Неве достаточно окрепнет, чтобы шествие могло проследовать по нему в Петропавловскую крепость. Однако некоторые детали церемониала были изменены, особенно в том, что касалось публичной презентации тела императрицы для открытого прощания. В середине ноября его перенесли в малый зал «старого», т.е. петровского Летнего дворца, куда открыли доступ только придворным и церковным иерархам. Затем 16 декабря тело положили в гроб и выставили для торжественного прощания, рядом с российской императорской короной (которая была переделана в 1731 г. по указанию Анны) и другими царскими регалиями. В течение следующей недели людям из всех слоев общества разрешалось посещать этот зал с 9 до 11:30 часов утра и с 2 до 5 часов пополудни. И действительно, к гробу приходило так много народу, что черная завеса у входа обветшала и пришлось заменить ее новой⁵³⁹.

Последним царским погребением рассматриваемого периода стали похороны Елизаветы, и, хотя при жизни она чуралась всего, что связано со смертью, это была детально разработанная и дорогостоящая церемония. Когда Елизавета умерла после долгой болезни, на Рождество 1761 г., двор последовал прецеденту, возникшему со смертью Анны Ивановны двумя десятилетиями раньше. Петр III учредил похоронную комиссию с бюджетом, возросшим до 100 тыс. руб., а оформлением похорон руководил академик Якоб фон Штелин. 14 января 1762 г. камергеры перенесли тело со смертного одра в специально оборудованную траурную залу Зимнего дворца, куда придворные могли приходиться и оплакивать умершую⁵⁴⁰. Один современник, стоявший на часах у тела в Зимнем дворце, отметил, что холодная погода способствовала его сохранности, «кроме уст, и то только что почернели»⁵⁴¹. 25 января тело перенесли в «каструм долорис», где выставили для прощания, и публика допускалась туда дважды в день⁵⁴². Похороны состоялись 5 февраля, с уже знакомым всем шествием придворной элиты между двумя шеренгами солдат по невскому льду в Петропавловский собор. Гроб поставили на катафалк посреди собора и предали земле лишь 27 февраля⁵⁴³.

Царские похороны – еще один пример того, как русский двор в первой половине XVIII в. приобщался к современной ему европейской практике и включал ряд новых элементов в свой традиционный церемониал. При этом Россия была не одинока в стремлении

537 Hughes L. The Funerals of the Russian Emperors. P. 406–407.

538 Дальнейшие детали см.: Внутренний быт русского государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года. М., 1880. Т. 1. С. 432–440.

539 Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях: 1703–1782. СПб., 1884. С. 429–430.

540 Dixon S. Catherine the Great. P. 115–116.

541 Трубецкой П.Н. Заметки на календаре в 1762 году // Русская старина. Т. 73. Вып. 2. 1892. С. 444.

542 Екатерина II. Записка на русском языке I // Сочинения. Т. 12. С. 508.

543 Dixon S. Catherine the Great. P. 117.

изменить существующую традицию похорон. Так, похороны прусского короля Фридриха I в 1713 г. стали нарочито зрелищным мероприятием, размах и расходы на которое были совершенно несравнимы с похоронами предшественников, да и преемников короля⁵⁴⁴. Кардинальные изменения в России оказались гораздо долговечнее, а постановка похоронного действия придала царским похоронам, начиная с Петра I, гораздо более публичный характер, чем у их московских предшественников. Использование «каструм долорис», с акцентом на земные заслуги государя, позволяло множеству людей активно участвовать в прощании, наряду с традиционным религиозным поминовением. Символично, что с тех пор, как Петербург в этот период стал новым местом упокоения государей и ведущих членов императорской фамилии, они и после смерти навсегда оставались в городе.

ОСВЕЩЕНИЕ В ПЕЧАТИ СОБЫТИЙ ПРИ ДВОРЕ

Поскольку в каждом из вышеназванных случаев обязательно проводились придворные церемонии, то возникает вопрос об их аудитории. Целью больших придворных праздников было произвести впечатление на непосредственных свидетелей происходящего события. Однако существовало также понимание того, что посредством печатного слова можно охватить более широкую аудиторию⁵⁴⁵. Европейские дворы по случаю важнейших событий, например коронаций, заказывали специальные издания. В этих изданиях был представлен ряд тем: прославление героя или события празднования; пояснение с описанием символических образов, использованных в празднованиях; мемориальная тема, с презентацией события для потомков⁵⁴⁶. Такие издания предназначались не только для внутренней аудитории. Напротив, они служили для презентации придворных праздников русского двора другим дворам Европы с целью добиться признания и упрочить престиж⁵⁴⁷. Для амбициозных дворов, каким был прусский двор в 1701 г., такие альбомы служили не просто фиксацией событий, но выступали как заявка на высокий статус⁵⁴⁸. Эта тенденция характерна и для России того же периода, когда Академия наук готовила памятные альбомы в честь коронации Анны Ивановны и Елизаветы. Эти альбомы походили на такие же издания в других странах, с описанием празднований и гравюрами, изображающими шествия, иллюминации и прочие праздничные сцены⁵⁴⁹. Что касалось коронационного альбома Елизаветы, то его исходный тираж составлял 1200 экземпляров – 600 на русском языке, 300 на французском и 300 на немецком. Экземпляры альбома затем разослали во все Коллегии, а

544 *Eckhart H.* The Funerals of the Prussian Kings in the Eighteenth Century // *M. Schiach (ed.). Monarchy and Religion.* P. 453–456.

545 *Adamson J.* The Making of the Ancien-Règime Court 1500–1700 // *J. Adamson (ed.). The Princely Courts of Europe.* P. 32–33.

546 *Watanabe-O’Kelly H.* The Early Modern Festival Book: Function and Form // *Mulryne J., Watanabe-O’Kelly H., Shewring M. (eds.). Europa Triumphans: Court and Civic Festivals in Early Modern Europe.* Aldershot, 2004. Vol. 1. P. 6–12.

547 *Daniel U.* The Baroque Court Festival: the Example of German Courts round 1700 // *Mulryne J., Watanabe-O’Kelly H., Shewring M. (eds.). Europa Triumphans.* Vol. 1. P. 34–35.

548 О прусской Krönungs-Geschichte 1702 года см.: *Friedrich K., Smart K., Smart S. (eds.). The Cultivation of Monarchy.* P. 177–179.

549 Описание коронации Ея Величества Императрицы и самодержицы Всероссийской Анны Иоанновны торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 28 апреля, 1730 г. М., 1730; Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования ея Августейшего императорского величества... Елизаветы Петровны. СПб., 1744.

также к другим европейским дворам⁵⁵⁰. Представляя за границей важнейшую церемонию русского двора в идеализированной версии, эти альбомы полностью отвечали тогдашней придворной практике.

Дороговизна памятных изданий означала, что только самые богатые люди могли себе позволить такую покупку, а потому эти издания не годились для широкого распространения сведений о придворных праздниках. Вместо них информацию такого рода для широкой аудитории поставляли другие публикации. Описания иллюминаций и фейерверков впервые стали печатать в виде кратких брошюр в петровское царствование, а с тех пор как их составление и публикацию взяла на себя Академия наук, они регулярно выходили в свет на протяжении первой половины XVIII в.⁵⁵¹ Но и тогда эти описания не были бестселлерами – как правило, они имели тираж всего лишь 300 экземпляров и продавались только в академической книжной лавке на Васильевском острове⁵⁵². Помимо публикаций, выходивших по тому или иному случаю, существовали и более регулярные источники подобной информации. Придворные праздники в то время систематически освещались в газетах, чему особенно заметным примером служат придворные вести из Версаля, печатавшиеся в «*Mercur galant*» начиная с 1672 г.⁵⁵³ Хотя газетная информация могла быть более или менее подробной, а комментарии не всегда поощрялись, королевские дворы – средоточие власти и общественной жизни государств Европы – оставались важнейшей темой для европейской прессы в XVIII в.

Петербургская газета «Санктпетербургские ведомости» появилась на свет в конце 1702 г. как «Ведомости» – рукописный (а с 1710 г. печатный) информационный бюллетень для публикации военных и дипломатических известий во время Северной войны. По части освещения зарубежных новостей у нее был предшественник – «Вести-Куранты», выходившее в XVII в. издание для чиновников, представлявшее собой переводные сводки заграничных новостей из европейских газет⁵⁵⁴. В отличие от своего предшественника «Ведомости» предназначались для широкого распространения. После окончания Северной войны в 1721 г. «Ведомости» остались важным государственным каналом для сообщения официальной информации. В 1728 г. газета получила название «Санктпетербургские ведомости», а ее содержание стало меняться; важные объявления и новости из-за границы дополнились сведениями коммерческого характера, интересными для городского купечества. Газету издавала Академия наук, а первым ее редактором служил Герхард Фридрих Мюллер, тогда студент Академии⁵⁵⁵. «Санктпетербургские ведомости» выходили дважды в неделю в регулярные почтовые дни – по вторникам и пятницам. Как правило, газета печаталась на восьми страницах. Ее тиражи постепенно росли: с 300 экземпляров в конце 1720-х гг. до 600

550 СК. Т. 2. С. 330–332, 356–357. Подробное рассмотрение коронационного альбома Елизаветы см.: *Wortman R. Scenarios of Power. Vol. 1. P. 91–106* (см. русский перевод: *Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002).*

551 *Werrett S. Fireworks: Pyrotechnic Arts and Sciences. P. 118–119.*

552 Некоторые примеры см.: *Копанев Н.А. Репертуар произведений Ф.М. Вольтера в Петербургской академической книжной лавке в середине XVIII в. (1731–1761 гг.) // Г.В. Бахарева, С.П. Луппов (ред.). Книга и книготорговля в России в XVI–XVIII вв. Л., 1984. С. 87–93.*

553 *Burke P. The Fabrication of Louis XIV. P. 17.*

554 Подробнее см.: *Шамин С.М. Куранты XVII столетия: европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М., 2011.*

555 СК. Т. 4. С. 51–52. О назначении Мюллера см.: *Пекарский П.П. История Императорской Академии Наук в Петербурге. СПб., 1870–1873. Т. 1. С. 310–311.*

к концу 1760-х.⁵⁵⁶ Распространялась она по подписке, при ежегодной цене от 2,50 до 3,50 руб. в зависимости от качества бумаги⁵⁵⁷.

Списки подписчиков «Санктпетербургских ведомостей» за 1749–1751 и 1753 гг. говорят об их широком социальном спектре, хотя их число не полностью отражает состав и численность читательской аудитории, ведь газеты часто переходили из рук в руки среди членов семьи и близкого круга общения самих подписчиков⁵⁵⁸. В списках обозначено положение подписчиков на государственной службе согласно Табели о рангах. Если такие сведения отсутствовали, то вместо них в списках фиксировалось место службы, название полка или какие-то иные данные. В рассматриваемый период подписчиков из дворян и из недворян было примерно поровну. Среди дворян преобладали военные и государственные чины, а среди прочих подписчиков – «недворянская интеллигенция» (учителя, музыканты, доктора, переводчики, нижний административный и церковный штат, граверы и художники), а также купечество. Число подписчиков из купцов постоянно росло, и в 1753 г. оно превысило число подписчиков-дворян⁵⁵⁹. Эта тенденция объясняется тем, что с 1740-х гг. в газете печаталось все больше информации о товарах и услугах.

«Санктпетербургские ведомости» считались официальным изданием, пусть и пропущенным сквозь призму академического редактирования, и потому снабжали читателей новостями придворной жизни. В газетных отчетах о церемониях и праздниках двора обычно в подробностях сообщалось, что там происходило и кто при этом присутствовал, хотя эта картина была скорее идеализированной, чем реальной. В этих описаниях сообщались детали, касавшиеся отдельных персон или, чаще, целых групп участников придворных мероприятий (иностранные посланники, видные представители русского общества, такие как «генералитет» и другие высшие военные чины), причем особое внимание уделялось их рангу. Теперешнему читателю любопытнее другие детали – количество свечей в канделябрах, разновидности угощений, богатые наряды гостей. Все эти подробности, говорившие о социальном уровне мероприятий, наводят на мысль о том, что такие отчеты писали, подразумевая статусное потребление. Несмотря на то что в других странах Европы положение начинало меняться, в России XVIII в. двор играл определяющую роль в формировании вкусов элиты в одежде, аксессуарах и даже в домашней обстановке⁵⁶⁰. Обнародуя эти привлекательные подробности, «Санктпетербургские ведомости» способствовали продвижению в публику образа пышности и великолепия придворных мероприятий.

Газета выходила регулярно, и благодаря этому служила важным дополнительным источником сведений о календаре государственных праздников. Ее обзоры обычно опирались на официальные придворные записи, которые вели камер-фурьеры, но случалось, что эта информация оказывалась недоступной. Коронация Елизаветы 25 апреля 1742 г. служит хорошим примером такого случая. В начале года в «Санктпетербургских ведомостях» появилось объявление о планах предстоящей коронации, к сведению подданных «всех чинов

556 Там же. С. 63–66; *Marker G. Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700–1800.* Princeton, NJ, 1985. P. 48.

557 Тюличев Д.В. Социальный состав подписчиков «Санктпетербургских ведомостей» (середина XVIII в.) // А.А. Зайцева (ред.). Книга в России. XVI – середина XIX века: книгораспространение, библиотека, читатель. Л., 1987. С. 62.

558 *Marker G. Russian Journals and their Readers in the Late Eighteenth Century / Oxford Slavonic Papers.* 19. 1986. P. 89–90.

559 Тюличев Д.В. Социальный состав подписчиков. С. 64, 66.

560 По поводу дискуссии о потреблении см.: *Brewer J., Porter R. (eds.). Consumption and the World of Goods.* London, 1993. P. 1–4.

и званий», которых призывали участвовать в благодарственных молебнах по случаю вступления на престол новой государыни, молиться о ее здравии и о благополучном и мирном царствовании⁵⁶¹. 22 февраля двор отбыл из Петербурга в Москву с обычными церемониями, в том числе с пушечным салютом обеих крепостей⁵⁶². С отъездом двора центр внимания главных официальных источников на весь этот год, естественно, переместился в Москву⁵⁶³. Таким образом, «Санктпетербургские ведомости» остаются единственным источником сведений о праздниках по случаю коронации, происходивших в Петербурге, пока двор находился в отъезде. Сообщения о них печатались в отдельном «Прибавлении» к газете, а в тексте основного ее выпуска содержалась краткая отсылка для читателя на специальное описание этих событий⁵⁶⁴.

Празднования в Петербурге начались в 7 часов утра 25 апреля, когда десяти тысячное войско под командованием генерал-аншефа графа Ульриха фон Лёвендаля было построено перед Зимним дворцом. В этом параде участвовали гвардейские полки, конная гвардия и полевые полки, расквартированные в городе. Войска, размещенные на Васильевском острове, проводили отдельный парад под командованием генерал-майора И.С. Караулова, так как лед на реке сочли недостаточно прочным для их переправы. В 9 часов утра началось богослужение во всех церквях города. Оставшиеся в Петербурге представители элиты, включая командуящих двумя родами войск, адмирал граф Н.Ф. Головин и генерал-фельдмаршал граф Петр Ласси, присутствовали на службе в большой дворцовой церкви. К ним присоединились старшие офицеры гвардейских полков и флота, члены генералитета и дипломаты из Британии и Священной Римской империи – Эдвард Финч и Николаус-Себастьян фон Гогенхольцер. После чтения Евангелия был, по сигналу ракеты, дан салют из пушек обеих крепостей (всего 262 пушки), за ним три мушкетных залпа и пушечная пальба войск с Васильевского острова, а за ними – с Адмиралтейской стороны. Потом все войска подбросили в воздух шляпы и по традиции троекратно прокричали «Виват!».

В час дня 250 приглашенных гостей вместе с духовными, военными и гражданскими сановниками уселись обедать за специально накрытыми столами в Зимнем дворце, причем, как отмечалось в «Санктпетербургских ведомостях», они были по этому случаю сервированы дорогим столовым серебром и фарфором. Капитан А.И. Лопухин и капитан-лейтенант С.Г. Мячков из Преображенского полка отвечали за порядок в застолье. Они провозглашали обычные тосты за императрицу и ее будущее царствование, а пушки сопровождали залпами каждое «здравие». Тем временем за пределами дворца по традиции разворачивалось еще одно публичное действо, характерное для государственных праздников: народ угощали вином и пивом. Младшим офицерам и солдатам выдали вина, чтобы они тоже выпили за здоровье императрицы и снова прокричали «Виват!» вместе с более привычным «Ура!». В 5 часов вечера во дворце начался бал, продолжавшийся до полуночи. По условному сигналу Театр фейерверков рядом с Васильевским островом, Петропавловская крепость, Кадетский корпус и многие дворцы города зажгли приготовленную заранее иллюминацию, усиленную светом площадок на крышах обывательских домов, так что весь город был в тот вечер иллюминирован. Сверх того, в 10 часов вечера начался фейерверк на Царицыном Лугу, главным украшением которого стала центральная композиция с вензелем Елизаветы, с императорской короной, с эмблемами трех рыцарских орденов и аллегорическими фигурами, изображающими Мудрость и Отвагу. Наконец, в отчете упомянуто, что в городе повсеместно проходили народные празднования в честь этого события⁵⁶⁵.

561 СПб. № 3. 8 января 1742 г. С. 22–23. См. также: ПСЗ. Т. 11. № 8495. 1 января 1742 г. С. 557.

562 Там же. № 17. 26 февраля 1742 г. С. 134. См. также: ПридЖ. С. 14. 22 февраля 1742 г.

563 КФЖ. 1742. Passim; ПридЖ. С. 15–40. 28 февраля – 15 декабря 1742 г.

564 СПб. № 35. 29 апреля 1742 г. С. 278.

565 Прибавление к Ведомостям № 35. 29 апреля 1742 г. С. 281–284.

Празднества продолжались до конца апреля и отчасти захватили май, хотя освещались они уже далеко не столь подробно, как центральные события коронации. И Ласси, и Головин устраивали банкеты и балы в своих петербургских резиденциях, а затем, в течение двух недель после коронации, последовали такие же приемы у других вельмож. На этих банкетах присутствовали все члены генералитета и другие знатные персоны, там провозглашались обычные тосты под звуки барабанов, труб и многочисленных пушечных залпов, после чего следовали бал или подобное развлечение до полуночи⁵⁶⁶. Нет никаких указаний на то, почему эти представители элиты не поехали в Москву для участия в главной церемонии и дальнейших празднованиях, но ясно, что практические нужды управления были достаточной причиной для того, чтобы столицу покинули не все высокопоставленные чиновники. Все видные фигуры, упомянутые в газетных отчетах, особенно руководившие организацией праздничных церемоний, принадлежали к высшему командованию сухопутных и военно-морских сил. Россия тогда все еще воевала со Швецией, так что им, вместе с многочисленными войсками, важнее было находиться в Петербурге ради защиты города, чем присутствовать при дворе.

Большие публичные торжества в Петербурге воспроизводили многое из того, что происходило в это время в Москве, – пушечные и ружейные салюты, искусные фейерверки, традиционную раздачу еды и напитков народу. При этом было важно, что даже в отсутствие императрицы в Петербурге проводились большие публичные празднования в честь ее коронации. Это позволяло элите, не присутствовавшей в Москве, участвовать в мероприятиях, традиционно демонстрировавших лояльность новой государыне. Сообщения в «Санктпетбургских ведомостях», наряду с описаниями церемоний в Кремле, не только позволяли читателям сопереживать этим событиям, но и формировали идеальный образ происходящего. В этом смысле газета играла ту же роль, что и тексты подписей к гравюрам в коронационных альбомах Анны Ивановны и Елизаветы, которые поясняли их символику и внушали читателю должные чувства⁵⁶⁷. «Санктпетбургские ведомости», являясь официальным органом, не обладали той свободой, что заметна в редакционных статьях других европейских газет. Двор немедленно реагировал на всякую неточность, особенно в именовании чинов и титулов⁵⁶⁸. В результате в 1744 г. была учреждена «экспедиция» «Санктпетбургских ведомостей» для контроля над выпуском газеты⁵⁶⁹. Описания жизни императорской семьи требовали особого внимания, так что в 1751 г. Елизавета приказала представлять ей такие материалы на одобрение перед публикацией⁵⁷⁰. Освещение придворных событий в газете должно было демонстрировать величие государыни и ее двора, так что ее озабоченность вполне понятна.

Хотя «Санктпетбургские ведомости» имели сравнительно широкую аудиторию, она все же была не слишком велика. До 1750-х гг., когда, кроме этой газеты, появились «Московские ведомости», печатавшиеся в Москве, она оставалась единственной газетой на русском языке. Для сравнения только в Лондоне тогда выходила дюжина разных газет, а на обширных территориях Священной Римской империи издавалось около ста наименований периодики. Некоторые из этих газет были недолговечными, но те, что пользовались успехом, заметно превосходили по тиражам «Санктпетбургские ведомости» – так, в 1730 г. у газеты

566 СПб. № 38. 10 мая 1742 г. С. 306–307.

567 Wortman R. Scenarios of Power. Vol. 1. P. 90–91 (см. русский перевод: Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002).

568 ПСЗ. Т. 11. № 8529. 18 марта 1742 г. С. 588.

569 СК. Т. 4. С. 51.

570 ПСЗ. Т. 11. № 9903. 3 ноября 1751 г. С. 534–535.

«Hamburg Correspondent» было 1600 подписчиков⁵⁷¹. Быстрое распространение печатных средств массовой информации в других странах Европы в рассматриваемый период объяснялось привычкой и интересом публики к периодической печати, которая пока еще нетвердо привилась в России⁵⁷². Значение «Санктпетербургских ведомостей» состояло в том, что они регулярно снабжали читателей из среды городского населения информацией о придворных церемониях, печатали официальные объявления и зарубежные новости. Но из-за малых тиражей газеты, ее сосредоточенности на столичных новостях, а также по причине сравнительно низкого уровня грамотности в России, ее охват читательской аудитории был ограничен.

Рассматриваемый период был важен как эпоха, когда сменявшие друг друга правители и их советники осознанно стремились преобразовать русский двор как институт. Влияние тогдашней европейской практики выразилось в учреждении новых придворных должностей и в первых попытках официально закрепить в виде регламентов обязанности и сферы ответственности придворных чинов. Этому европеизирующемуся двору потребовалось время, чтобы утвердиться в своем новом качестве, – новые чины и их названия не всегда и не сразу порождали новое отношение общества к ним. Но в 1750-е гг. стало ясно, что двор в Санкт-Петербурге имеет больше общего с другими европейскими дворами того времени, чем со своим старомосковским предшественником, как физически, так и идеологически. Эволюция двора проявлялась также в календаре официальных праздников: вошедшие в него мероприятия представляли собой сложную смесь влияния традиций, религии и воли правителя, что было характерно и для других дворов. Проведение этих мероприятий в Петербурге играло решающую роль в установлении связей русского двора с городом. Теперь он стал сценой для многих важных династических событий, что ранее было прерогативой Москвы. Кроме того, для проведения этих церемоний использовались пространства и архитектурные доминанты Петербурга, особенно его проспекты, притягивавшие внимание публики. Замысел этих мероприятий состоял в создании сложного зрелища для многоуровневой аудитории. Участие гостей в церемониях и их привилегированный доступ ко двору были элементом открытой, но регламентированной придворной среды. Для населения Санкт-Петербурга зрелище больших праздников, с их крупномасштабными процессиями и иллюминациями, являлось наглядным утверждением о присутствии двора в самом сердце города. На международном уровне другие дворы того времени – опираясь на донесения своих дипломатов в России или на информацию из роскошных памятных изданий, которые им присылали в ответ на такие же подарки, – получали информацию о том, что российский двор претендует на принадлежность к европейскому мейнстриму.

Глава 4

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДА

К концу XVII в. при большинстве королевских дворов по всей Европе существовал устоявшийся официальный календарь ежедневных занятий и развлечений, как и годовой цикл крупных праздников и годовщин. Это повседневное или еженедельное расписание опиралось на разнообразные элементы распорядка жизни правителя: вставание (*lever*) и отход ко сну (*coucher*), молитва, обед, занятия государственными делами, прием гостей и различные удовольствия, такие как охота, карточная игра, посещение развлекательных мероприятий – театра, бала-маскарада. Отдельные дворы по-разному оценивали символическое значение этих действий и, соответственно, отводили на них разное количество времени, денег и усилий. Как обычно, особенно тщательно регламентированный

571 *Munk Th.* The Enlightenment: A Comparative Social History, 1721–1794. London, 2000. P. 112–114.

572 Выход в свет в 1759 г. журнала А.П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» стал показателем направления, которое впоследствии приняла эта сфера при Екатерине II. См.: СК. Т. 4. С. 196.

и наглядный пример представляет собой французский двор в Версале; двор Габсбургов во дворце Хофбург в центре Вены был менее обширным и существовал в ином контексте, но также строил свой распорядок вокруг ежедневных занятий правителя⁵⁷³. Аналогичный основной принцип организации придворного календаря прослеживается и на других европейских примерах на протяжении XVIII столетия, в частности при баварском дворе в Мюнхене⁵⁷⁴. Впрочем, неумеренные затраты на эти придворные удовольствия не везде встречали одобрение, и прежде всего при дворе Фридриха Вильгельма I в Берлине⁵⁷⁵. И все-таки даже при дворах, отличавшихся бережливостью, подобно ганноверскому двору в Лондоне, праздники считались важным способом сплотить активные силы двора, вовлеченность которых и была искомым результатом⁵⁷⁶.

В России новые социальные форумы в европейском стиле начали естественным образом возникать еще в Москве, особенно после возвращения Петра I из Великого посольства в конце 1690-х гг. В новом петербургском антураже этот процесс был уверенно продолжен и закреплен. Петр добился перемещения в город многих главных государственных учреждений и переселения ведущих дворянских и купеческих семей. Его преемники, за исключением юного Петра II, большую часть своих царствований пребывали в Петербурге или в его окрестностях, и это означало, что социальная элита в этот период в основном проживала здесь же. Из-за небольших размеров и особенностей планировки города пространство Петербурга сильно отличалось от традиционных для русской элиты сфер социальной жизни, иными словами, от обстановки в Москве и в их имениях. Теперь резиденции царской семьи и элиты находились ближе друг к другу и размещались рядом с главными городскими артериями – вдоль Невы и, позднее, Невского проспекта. При создании в Петербурге новых социальных форумов, таких как ассамблеи, эти новые черты способствовали созданию новой модели светского взаимодействия элиты, которое все больше напоминало обычаи ее современников в других европейских странах.

Естественно, что у этих светских мероприятий и у публичных государственных праздников, рассмотренных в предыдущей главе, существовали общие черты. Театральные и музыкальные представления, которые устраивались по случаю отдельных больших торжеств, включались как постоянный элемент в календарь жизни придворного общества. В настоящей главе мы сосредоточимся на изначально созданных в среде придворной элиты и доступных немногим социальным пространствам, которые, постепенно расширяясь, охватывали членов других групп российского общества. Театральные представления, музыкальные мероприятия и маскарады происходили как в царских дворцах Петербурга, так и в резиденциях высшей знати. Аналогичное пространство – Летний сад в рассматриваемый период использовался и для придворных праздников, и для обычного светского общения. Как таковые, эти мероприятия и развлечения демонстрируют влияние иностранных течений и вкусов на светскую жизнь русского двора и членов элиты. Такое времяпровождение вводилось изначально при покровительстве двора, и в результате участие в них поначалу ограничивалось его привилегированным кругом.

При этом, как и в других странах Европы, данный период отмечен тенденцией к расширению доступа к новым развлечениям для широких слоев городского общества, и не только дворян, но и других респектабельных социальных групп, например богатейшего

573 См. детальное сопоставление в работе: *Duindam J. Vienna and Versailles: the Courts of Europe's Major Dynastic Rivals, 1550–1780. Cambridge, 2003. P. 151–180.*

574 *Klingensmith S. The Utility of Splendor: Ceremony, Social Life and Architecture at the Court of Bavaria, 1600–1800. Chicago, IL, 1993. P. 145–176.*

575 *Volkel M. The Hohenzollern Court, 1535–1740 // John Adamson (ed.). The Princely Courts of Europe: Ritual, Politics, and Culture under the Ancien Régime, 1500–1750. London, 1999. P. 225–227.*

576 *Smith H. Georgian Monarchy: Politics and Culture, 1714–1760. Cambridge, 2006. P. 218–223.*

городского купечества. Этот доступ зависел от ряда условий, осуществлялся от случая к случаю и сопровождался рядом жестких ограничений, касавшихся статуса, состоятельности или подходящей одежды приглашенных. Иностранные театральные труппы, которые приглашал двор, в поисках дополнительного заработка нередко устраивали платные представления для публики, принадлежавшей к еще более широким слоям. Кроме того, как и многие города раннего Нового времени, Петербург был местом, где устраивались народные гулянья, открытые как для привилегированных, так и для простых горожан. Эти мероприятия, как правило, представляли собой смесь русских традиционных (нередко сезонных) форм увеселения с теми, что предлагали иностранные антрепренеры. Их популярность говорит о преемственности народных традиций в социальной жизни Петербурга, а также показывает, что в этом он не отличался от любого другого европейского города.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ АУДИТОРИИ

Покровительство театру со стороны королевских дворов Европы раннего Нового времени являлось логическим продолжением их заинтересованности в поддержании ритуала и репрезентации власти. Пьесы, оперы и другие представления использовали и для развлечения, и для информирования, применяя такие же символы, метафоры и сюжеты, как в тех красочных церемониях, что создавались для больших придворных торжеств⁵⁷⁷. К концу XVII в. посещение театра прочно вошло в круг регулярных придворных развлечений по всей Европе, несмотря на постоянную морализаторскую озабоченность его содержанием и формой. Но в то же время существовали различные подходы к проблеме открытого доступа публики в театры, патронируемые двором. В Англии благодаря покровительству со стороны королей и королев из сменявших друг друга династий утвердилась живая традиция театральной жизни, и в XVIII в. английский двор регулярно присутствовал на представлениях таких театров, как Друри Лэйн и Ковент Гарден. Здесь эти коммерческие театры предпочитали всяческим попыткам возродить дорогостоящие придворные театры, последний из которых погиб в огне пожара в Уайтхолле в 1698 г.⁵⁷⁸ В Париже двор опекал и субсидировал три королевских театра, главным из которых был Комеди Франсэз, но финансовая необходимость заставляла эти театры открывать двери и для платной зрительской аудитории⁵⁷⁹.

Напротив, многие германские дворы любовались представлениями в частных театрах, для которых нередко сооружались специальные пристройки к дворцам. Даже при относительно малых дворах придворные театры ценились как символ престижа и утонченной культуры⁵⁸⁰. Впечатляющие театральные здания были возведены для Августа II в Дрездене (в 1719 г.) и для Фридриха II в Берлине (в 1743 г.), причем оба театра предназначались исключительно для развлечения самих государей и их гостей⁵⁸¹. Однако начиная с 1740-х гг. в некоторые из этих закрытых придворных театров начали допускать зрителей за деньги, чтобы возместить финансовые затраты на их содержание⁵⁸². Разумеется,

⁵⁷⁷ Burke P. *The Fabrication of Louis XIV*. New Haven, CN and London, 1994.

⁵⁷⁸ Smith H. *Georgian Monarchy*. P. 68–69.

⁵⁷⁹ Ravel J. *The Contested Parterre: Public Theater and French Political Culture, 1680–1791*. Ithaca, NY, 1999. P. 13–14.

⁵⁸⁰ См., например о ряде таких дворов в издании: Owens S., Reul B., Stockigt J. (eds.). *Music at German Courts, 1715–1760: Changing Artistic Priorities*. Woodbridge, 2011.

⁵⁸¹ Blanning T.C.W. *The Culture of Power and the Power of Culture*. Oxford, 2002. P. 63–64, 93.

⁵⁸² Melton J. van H. *The Rise of the Public in Enlightenment Europe*. Cambridge, 2001. P. 187.

доступ в них не был неограниченным: из-за цен на билеты посещение театра было доступно лишь тем, кто располагал свободными средствами. Кроме того, платных зрителей могли размещать на специально отведенных местах; так, в придворном театре Мангейма в 1750-е гг. им разрешалось сидеть только в верхнем ярусе⁵⁸³. При русском дворе в этот период дело обстояло примерно так же. Хотя драматический театр, опера и балет были для России все еще сравнительно новым явлением, их быстро восприняли как часть повседневной жизни двора. Затем на представления стали пускать группы общества, не входившие в придворную верхушку, что способствовало расширению общественного интереса к этим формам развлечений.

Обычно считается, что истоки театра в России восходят к религиозным действиям, которые ставились в определенные праздничные дни православного церковного календаря. Их светские эквиваленты, сосредоточенные на гораздо более приземленных проблемах, православная церковь осуждала как безнравственные⁵⁸⁴. Поэтому театральные постановки в европейском стиле как форма развлечения появились в России только в царствование Алексея Михайловича, который в 1660 г. заинтересовался идеей нанять труппу из Англии через одного из своих агентов, Джона Хебдона⁵⁸⁵. В этот же период начались представления в частных домах в Москве, например в 1664 г. была представлена комедия в резиденции английского посла Чарлза Ховарда. В числе зрителей там были не только иностранцы, но и некоторые русские, среди которых следует выделить Артамона Сергеевича Матвеева (1625–1682), близкого сподвижника царя. В 1672 г. Алексей Михайлович поручил Матвееву организовать театральные представления при дворе. Первая из этих пьес, «Артаксерово действо», была поставлена в Преображенском в октябре того же года силами наемных иностранных актеров и музыкантов. Впрочем, так как на спектакле присутствовали только сам царь, его семья и другие члены придворной верхушки, эти представления были, в сущности, частными. Но это нововведение оказалось недолговечным; после смерти Алексея Михайловича в 1767 г. его преемник, царь Федор, закрыл театр, действуя, вероятно, под влиянием своих консервативных советников. Театральное имущество выбросили прочь, а представления прекратились до воцарения Петра I⁵⁸⁶.

Во время Великого посольства Петр посетил несколько театральных постановок. Поговаривали, что, находясь в Лондоне, он ближе познакомился с очарованием театра благодаря актрисе Летиции Кросс⁵⁸⁷. Опираясь на этот опыт, он основал в 1702 г. на Красной площади первый в России общедоступный театр, т.е. открытый для посещения за плату. Играть в нем пригласили немецкую труппу, нанятую за немалые деньги. Сначала ее возглавлял Иоганн-Христиан Кунст (Яган Куншт), а после его смерти в 1703 г. Отто Фюрст. Однако этот театр успеха не имел. Незнакомый немецкий репертуар и языковой барьер создавали затруднения для русских зрителей, да и расположение театра не способствовало его популярности, так как зрителям приходилось, помимо цены билета (от трех до десяти копеек), платить еще и сбор за вход в Кремль. По этим причинам посетителей было мало,

583 *Pelker B.* The Palatine Court in Mannheim // Owens S., Reul B., Stockigt J. (eds.). *Music at German Courts*. P. 148.

584 *Kelly C.* The Origins of Russian Theatre // Leach R., Borovsky V. (eds.). *A History of Russian Theatre*. Cambridge, 1999. P. 24–27.

585 *Jensen C.* *Musical Cultures in Seventeenth-Century Russia*. Bloomington, IN, 2009. P. 168–169.

586 *Ibid.* P. 180–210.

587 *Cross A.* *Peter the Great through British Eyes: Perceptions and Representations of the Tsar since 1698*. Cambridge, 2000. P. 22–24.

нередко не больше 50 человек, и в 1713 г. театр наконец закрылся⁵⁸⁸. Но в царской семье сохранялся интерес к театру – сестра Петра, царица Наталья Алексеевна, устроила собственный театр в Преображенском, который работал в 1707–1710 гг., а в 1711 г. переехал с ней в Петербург⁵⁸⁹. Сначала он располагался в ее дворце на Каменном острове, на северной окраине города, а потом получил собственное здание близ новой резиденции царицы на Литейном проспекте возле Невы⁵⁹⁰. Этот театр был открыт для публики – Вебер писал, что туда допускали всех, – чтобы обеспечить достаточно многочисленную аудиторию. При этом, в отличие от московского предшественника этого театра, зрители не должны были платить за свои места⁵⁹¹.

Театр не пережил царицу Наталью, скончавшуюся в 1716 г., но здание его продолжали использовать приезжие труппы, например в середине 1723 г. здесь выступали артисты Иоганна Манна, до того как позднее в том же году на Мойке построили новый «комедиальный дом»⁵⁹². Берхгольц побывал на представлении труппы Манна в августе 1723 г., причем оно ему страшно не понравилось. Он отметил, что смотревшие спектакль дочери Петра уехали рано и что «комедия была очень дурно снабжена актерами. Впрочем, к лучшим здесь и не привыкли. ...из русских никто не ходит смотреть их, а из иностранцев также бывают у них немногие»⁵⁹³. В этом, отчасти, могло отражаться отношение государя, так как, присутствуя на таких представлениях, Петр, казалось, бывал разочарован пассивным характером происходящего, ведь нужно было сидеть и слушать, вместо того чтобы присоединиться к действию⁵⁹⁴. Царь издал инструкцию для приезжих гастролеров относительно продолжительности и характера постановок⁵⁹⁵. Тем не менее в царствование Петра театр утвердился в качестве приемлемой формы развлечения для высшего общества, а с сооружением «комедиального дома» в Петербурге театр получил постоянное помещение, пусть оно и недостаточно использовалось до 1730-х гг. И все же, несмотря на общедоступный характер первых театров, они не смогли привлечь постоянную платную аудиторию ни в Москве, ни в Петербурге. Как красноречиво выразился Берхгольц, актеры труппы Манна «умерли бы с голоду», если бы представления не посещались двором⁵⁹⁶.

Вкусы двора, как и многие другие стороны жизни русского придворного общества в этот период, определялись личными вкусами правителя, и театр не был исключением. Живя в Митаве, Анна Ивановна с удовольствием смотрела представления иностранных комедиантов, а став императрицей, приказала приглашать подходящие труппы в Петербург, выступать при дворе. Первой приехала труппа немецких и итальянских комических артистов, которую прислал в январе 1731 г. Август II⁵⁹⁷. Не все ее участники надолго задержались в России, но с

588 Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, CT, 1998. P. 241–242.

589 Подробнее см.: Шляпкин И.С. Царица Наталья Алексеевна и театр ее времени. СПб., 1898.

590 Всеволодский-Гернгросс В.Н. Театральные здания в Санкт-Петербурге в XVIII столетии. СПб., 1910. С. 4.

591 Weber F.Ch. The Present State of Russia. London, 1968. Vol. I. P. 189.

592 Всеволодский-Гернгросс В.Н. Театральные здания. С. 5.

593 Берхгольц Ф.В. фон. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725. Ч. 3–4 // Наумов В. (ред.). Юность державы. М., 2000. С. 131.

594 Hughes L. Russia in the Age of Peter. P. 241.

595 Берхгольц Ф.В. Дневник // Юность державы. С. 199.

596 Там же. Дневник. С. 131.

597 Подробно об этой труппе см.: Всеволодский-Гернгросс В.Н. Театр в России при императрице Анне Иоанновне и императоре Иоанне Антоновиче. СПб., 1914. С. 3–15.

этих пор приток отдельных артистов и трупп не прекращался. Очередным важным новшеством стало прибытие в Россию оперной труппы Франческо Арайа в конце 1735 г., после весьма успешных гастролей по городам Италии. В январе 1736 г. Арайа поставил в Петербурге первый итальянский оперный спектакль, «La forza dell'amore e dell'odio» («Сила любви и ненависти») – произведение своего собственного сочинения. В его труппу входил Антонио Ринальди, знаменитый итальянский хореограф, который способствовал развитию этого искусства при русском дворе⁵⁹⁸. Балеты часто давали вместе с одноактными комическими интермеццо перед спектаклями или между актами основных драматических или оперных постановок. Увлечение Анны этими формами увеселений проявлялось в существенных суммах денег, потраченных на них в ее царствование. Подсчеты 1741 г. показали, что на поддержку театра, оперы и развитие музыки за предшествующее десятилетие было истрачено свыше 191 тыс. руб.⁵⁹⁹

В тот же период горячей поклонницей театра и музыки была также царица Елизавета, устраивавшая частные представления у себя во дворце в Смольном⁶⁰⁰. Когда она пришла к власти, ее коронационные торжества включали в себя представление оперы «La Clemenza di Tito» («Милосердие Титово») сочинения Адольфа Хассе на либретто Пьетро Метастазіо. Такие представления стали неотъемлемой частью ее придворного календаря⁶⁰¹. Елизавета явно стремилась добиться того, чтобы эти спектакли собирали солидную зрительскую аудиторию, и на протяжении своего царствования издала ряд соответствующих указов. Особенно раздражало государыню отсутствие в театре ее придворных. В сентябре 1752 г. на представлении французской комедии она заметила, что на обычном месте, в первом ряду партера, нет придворных дам, и послала придворного служителя узнать, не забыли ли они, что вечером назначено представление⁶⁰². Неудивительно, учитывая отношение православной церкви к театру, что члены Священного синода пользовались в этом смысле большей свободой – их отсутствие в театре всего неделей раньше было замечено, но никаких мер не последовало⁶⁰³. Вдобавок к моральному давлению, которое Елизавета, несомненно, могла оказывать на отсутствующих, она, по слухам, ввела также штраф в 50 руб. с придворных и других приглашенных гостей, не явившихся в театр без уважительной причины⁶⁰⁴. По мнению некоторых историков, в ее отношении к таким прогульщикам сказывалось влияние отцовского примера⁶⁰⁵.

Решить проблему малочисленности зрительской аудитории можно было также, распространив доступ на эти мероприятия за пределы круга придворной элиты. В придворном журнале в конце июня 1751 г. записано, что для императрицы в Оперном доме представляли французскую комедию. Однако в партере и бельэтаже было очень мало

598 Сведения о Ф. Арайа см.: МП. Т. 1. С. 49–61. Об А. Ринальди см.: МП. Т. 3. С. 15–19.

599 ТЖРАИ. С. 15–75.

600 МП. Т. 1. С. 335–336.

601 Список опер и балетов, исполнявшихся по случаю важных годовщин царствования Елизаветы, см.: Огаркова Н.А. Церемонии, празднества, музыка русского двора. СПб., 2004. С. 240–243.

602 КФЖ. 1752. С. 66. 15 сентября.

603 Там же. С. 65. 7 сентября.

604 См., например: Грот Я.К. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам, описанная Я.К. Гротом. М., 1880. Т. 1. С. 103.

605 См., например: Всеволодский-Гернгросс В.Н. История русского театра. М., 1929. Т. 1. С. 462.

зрителей, что и подвигло Елизавету приказать, чтобы «знатных» купцов с женами бесплатно пускали на трагедии, комедии и интермеццо, лишь бы одеты были «не гнусно»⁶⁰⁶. Через два дня Придворная контора издала указ императрицы на сей счет, в котором подтверждалось, что привилегированный доступ в театр распространяется на русских и иностранных купцов. Далее в указе разъяснялось, где им дозволено сидеть: на верхнем ярусе, в партере (если есть места), в задних ложах (если они пустуют). Подробное разъяснение указа было предписано направить в Полицмейстерскую канцелярию, на которую возлагалась ответственность за оповещение купечества об этих нововведениях⁶⁰⁷. В тогдашних официальных документах спектакли для такой расширенной аудитории обозначались термином «вольной»⁶⁰⁸. Эта практика сохранялась до конца рассматриваемого периода. Например Оперный дом в Летнем саду давал в середине января 1758 г. «вольную» комическую оперу, на которой присутствовала императрица⁶⁰⁹. В середине мая в том же году императрица посетила еще одно такое представление, на этот раз – не названной в источнике русской комедии в маленьком театре деревянного Зимнего дворца⁶¹⁰.

Эти представления проходили в таких местах, которые изначально предназначались лишь для немногих избранных, – ведь основные театральные площадки размещались в царских дворцах или рядом с ними. Главный придворный театр находился в новом Зимнем дворце, построенном Растрелли для Анны Ивановны в 1732–1737 гг. В 1749 г. по приказу Елизаветы к дворцу пристроили второй, малый театр. Растрелли проектировал также Оперный дом, возведенный для Елизаветы в Летнем саду, рядом со старым Летним дворцом, в 1750 г. Даже во временном деревянном Зимнем дворце на Невском проспекте, где размещался двор в период обновления и расширения Зимнего дворца в конце 1750-х гг., имелось два театра, причем больший из них (известный как «Новый оперный дом») занимал отдельное здание⁶¹¹. Помимо театров в царских дворцах, в Петербурге в этот период имелись и другие сценические площадки. «Комедийный дом» на Мойке к аннинскому царствованию обветшал и в 1733 г. был снесен, но в 1743 г. возле Лютеранской церкви на Невском проспекте построили другой на фундаменте бывшей конюшни. На протяжении 1740-х гг. в нем регулярно ставились представления для двора, в том числе опера «Scipio» («Сципион») по случаю свадьбы великого князя и великой княгини в 1745 г.⁶¹² Это здание сгорело в октябре 1749 г., а в 1750 г. Растрелли получил заказ построить новое на Царицыном лугу⁶¹³.

Представления иностранных трупп в придворных театрах приносили им основной заработок. Но предприимчивые личности старались пополнить эти доходы, давая дополнительные платные представления, хотя русские зрители явно были не в восторге и ходили мало. Пример труппы Дж.-Б. Локателли показывает, насколько иностранные

606 КФЖ. 1751. С. 67–68. 25 июня.

607 РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 84. Л. 76. Указ из Придворной конторы в Полицмейстерскую канцелярию 27 июня 1751 г.

608 Этот термин в рассматриваемый период имел несколько значений: Словарь. Т. 4. С. 53–55.

609 КФЖ. 1758. С. 13–14. 17 января.

610 Примечание публикаторов журнала в XIX в. объясняет «вольной» как «с платою для публики»: КФЖ. 1758. С. 72. 14 мая.

611 Всеволодский-Гернгросс В.Н. Театральные здания. С. 7–20.

612 МП. Т. 2. С. 297–298.

613 Всеволодский-Гернгросс В.Н. Театральные здания. С. 16–17.

импресарио продолжали зависеть от финансовой поддержки двора, даже после того, как его театр прочно вошел в расписание общественной жизни города⁶¹⁴. Впервые труппа Локателли упомянута в камер-фурьерском журнале в начале декабря 1757 г. В записи сообщается, что труппа репетировала оперу, которая должна была составить часть увеселений по случаю годовщины восшествия на престол императрицы Елизаветы, праздновавшейся 25 ноября. Репетиция проходила в Оперном доме и была открыта для всех желающих, о чем говорит отсутствие караула у входа. В журнале отмечено, что присутствовали имперский посол, несколько придворных дам Елизаветы и другие знатные особы⁶¹⁵.

Представление этой оперы, «Убежище богов», состоялось на следующий вечер в Оперном доме. В камер-фурьерском журнале приведено описание довольно серьезных мер безопасности для подобного случая. Обычно караульное подразделение, охранявшее театр снаружи, состояло из 60 солдат под началом старшего офицера, а еще один старший офицер с 40 солдатами находился внутри самого театра, чтобы принять меры в случае пожара. Кроме того, за допуск и рассадку зрителей отвечали дворцовые лакеи. Чины первых пяти классов занимали ложи первого яруса и скамьи в партере, на которых имелись отметки для рассадки по чинам («по надписям»). Офицеры гвардейских полков и Лейб-компания стояли вдоль стен в партере и на площадке перед оркестром, а их семьи (жены и старшие дети) сидели в ложах верхнего яруса, если не хватало мест на балконе и в партере. Купцов следовало впускать в зал, только если для них оставались свободные места. Впускать слишком много людей строго запрещалось во избежание толчеи и риска испортить императрице удовольствие от представления⁶¹⁶. Приказ, направленный в Полицмейстерскую канцелярию по поводу того же представления «Убежища богов», гласил, что чиновники гражданской службы могли рассаживаться или стоять в тех же местах, где военные, равные им по чину⁶¹⁷.

Стоит ли удивляться, что купечество первым оказывалось не допущенным в театр, когда на таких придворных увеселениях не хватало места. Впрочем, купцы могли посещать другие представления тех же спектаклей. Великий князь Петр Федорович 8 декабря побывал на очередном представлении «Убежища богов», которое труппа Локателли давала в Оперном доме, причем на этот раз оно предназначалось для платной аудитории («за деньги»)⁶¹⁸. Объявление о спектакле в «Санктпетербургских ведомостях» подтверждало, что его можно было посмотреть за деньги, и гласило, что 8 декабря будет дано представление комической оперы для публики в Большом театре возле Летнего дворца новопривывшим директором Локателли; будет представлена постановка на итальянском языке под названием «Убежище богов», текст которой продается непереплетенным в русском переводе в Академической лавке за 12 коп.; Локателли объявит о том, как купить билет, на отдельно напечатанном листке⁶¹⁹. 23 декабря это представление повторили снова⁶²⁰, и опять на нем присутствовал великий князь Петр Федорович, возможно в поисках передышки от семейной жизни после

614 Подробнее о Локателли и его театральной труппе см.: *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Театр в России при императрице Елизавете Петровне. СПб., 2003. С. 100–132.

615 КФЖ. 1757. С. 109. 2 декабря.

616 Там же. С. 109–110. 3 декабря.

617 РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 49. Л. 5 (Указ Придворной конторы в Полицмейстерскую канцелярию от 2 декабря 1757 г.).

618 КФЖ. 1757. С. 111. 8 декабря.

619 СПб. № 97. 5 декабря 1757 г. С. 7.

620 КФЖ. 1757. С. 122. 23 декабря.

рождения якобы его дочери, Анны, 9 декабря⁶²¹. И на этот раз несколькими днями раньше в «Санктпетербургских ведомостях» было напечатано объявление о спектакле⁶²². Однако трудно оценить, насколько популярными или, более того, привлекательными для платной аудитории были эти посещения театра, так как отсутствуют надежные сведения о численности зрителей.

27 мая 1758 г. императрица присутствовала на оперном спектакле труппы Локателли в Екатерингофе⁶²³. Екатерингоф очень редко упоминается как место подобных увеселений, так что это, наверное, был частный просмотр для императрицы во временном театре. Она еще дважды побывала на постановках оперы в Петербурге, два понедельника подряд⁶²⁴. Кроме того, два кастрата из труппы Локателли исполняли фрагменты из комической оперы перед Елизаветой и ее придворными дамами и кавалерами в павильоне Монплеизир в Петергофе⁶²⁵. Затем в 1759 г. Локателли переехал в Москву, где открыл свой собственный театр с помощью государственной субсидии. Но он постоянно страдал от финансовых проблем и несмотря на контракт с Московским университетом, группе студентов которого поручили переводить для театра современные европейские пьесы, в 1762 г. Локателли был вынужден объявить себя банкротом⁶²⁶. Эта неудача не была результатом отсутствия интереса публики к театру в тот период, а скорее свидетельствовала о зависимости от постоянной субсидии со стороны двора. И эту зависимость учли, когда в конце августа 1756 г. открылся «Русский для представления трагедий и комедий театр» под руководством драматурга А.П. Сумарокова⁶²⁷. Хотя бюджет театра был скромным и составлял 500 руб. в год, он был очень важен, так как предоставил сцену русским актерам и актрисам. В труппу входили артисты успешно работавшего в Ярославле театра Федора Волкова, которых вызвали в Петербург в 1752 г.⁶²⁸ Русскому театру предстояло стать одним из центров светской жизни Петербурга при Екатерине II.

Так как новые театральные развлечения появились тогда в России совсем недавно, русские зрители нуждались в разъяснении наиболее непривычных им элементов. На эту тему много писал Якоб фон Штелин в «Примечаниях к Санктпетербургским ведомостям» на протяжении 1730-х гг., особенно в своем обзоре оперы (в восемнадцати номерах газеты за 1738 г.)⁶²⁹. В том же русле лежала практика печатания оперных либретто для зрителей, внедренная одновременно с постановками опер в середине 1730-х г. Либретто издавались на языке оригинала и в русском переводе, обычно тиражом 100 экземпляров, и продавались в Академической книжной лавке с конца 40-х гг.⁶³⁰ Как правило, они содержали вступительный комментарий к произведению и краткое изложение каждого акта, чтобы помочь слушателям

621 Там же. С. 112. 9 декабря. Происхождение Анны Петровны, умершей в младенчестве, было предметом различных предположений, причем самым вероятным кандидатом в отцы считали Станислава-Августа Понятовского, секретаря английского посланника сэра Чарльза Хэнбери-Уильямса.

622 СПб. № 101. 19 декабря 1757 г. С. 8.

623 КФЖ. 1758. С. 75. 27 мая.

624 Там же. С. 77–78. 1 и 8 июня.

625 КФЖ. 1757. С. 106. 4 июля.

626 МП. Т. 2. С. 141–143.

627 ПСЗ. Т. 14. № 10599. 30 августа 1756 г. С. 613.

628 *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Театр в России при императрице Елизавете Петровне. С. 202–242.

629 Статьи Штелина собраны в издании: ТЖРАИ. С. 532–576.

630 *Луппов С.П.* Книга в России в послепетровское время: 1725–1740. Л., 1976. С. 82.

следить за сюжетом. Это было особенно важно, если опера имела аллегорический смысл, который зрители могли упустить, следя за действием на сцене или не разобрав слова. Такой же подход был избран и к программкам, создававшимся для других театральных постановок; пьесы Сумарокова «Хорев» (1747) и «Синав и Трувор» (1750) посвящались теме долга правителя перед народом и Богом. Нравственная атмосфера этих пьес, разоблачающих пороки и призывающих к гражданской ответственности и достойному поведению, была отражена во всех жанрах русской литературы XVIII в. и затрагивала проблемы, которые были близки преимущественно дворянской аудитории⁶³¹.

В целом в рассматриваемый период театр стал важным пространством как для развлечения, так и для общения. Посещение придворного театра было знаком социального отличия и могло служить молодым дворянам пропуском в общество. А.Р. Воронцов в автобиографических записках кратко упоминает о посещениях придворного театра в 1750-е гг.: его отец нанимал театральную ложу, и семья дважды в неделю смотрела французские комедии⁶³². Театр давал так же удобный повод продемонстрировать богатство, блистая нарядом и украшениями, а также статус, о котором судили по месту в театре – стоячему или сидячему. Театральное фойе, также как куртаг или прежние ассамблеи, предоставляло возможность и место для общения⁶³³. Между тем посещение театра было привилегией, которую в дальнейшем распространили также на другие заметные социальные группы Петербурга, прежде всего на офицерство и богатое купечество с семьями. Первоначально доступ в придворные театры осуществлялся по приглашению, но в 1750-е гг. привычной частью жизни петербургского общества становятся представления для платных зрителей. Двор оставался необходимым источником финансовой поддержки и для русских, и для иностранных театральных трупп, но уже, несомненно, сформировалась платная аудитория из тех зрителей, которые могли себе это позволить и стремились приобрести культурный капитал, посещая такие мероприятия.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ УВЕСЕЛЕНИЯ

На протяжении раннего Нового времени музыка постоянно присутствовала в придворной жизни. Большие придворные праздники, религиозные или светские, дополнялись комплексом акустических компонентов, от колокольного звона до специально написанных хоровых и инструментальных пьес⁶³⁴. Подобно другим видам искусства, которые в этот период вводили в обиход королевские дворы, музыка предназначалась для восхваления и прославления монарха. Музыкальные произведения создавались под двойным влиянием церкви и двора, а потому и композиторы, и их коронованные патроны воспринимали музыку, написанную во славу Господа, как средство прославления Его земного наместника. Поэтому многие дворы тратили значительные суммы на свой музыкальный штат, который, как правило, организовывался вокруг придворного института – королевской капеллы⁶³⁵. Музыка также сопровождала повседневную жизнь двора – она звучала во время богослужений в дворцовой церкви, во время трапез, как аккомпанемент различных увеселений, наподобие балов и маскарадов. Играя такую заметную роль в жизни двора, ведущие композиторы и

631 Kimerling Wirschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theatre. DeKalb, IL, 2003. P. 29–31.

632 АКВ. Т. 5. С. 12.

633 Blanning T.C.W. The Culture of Power. P. 120.

634 Fenlon I. Music and Festival // Mulryne J., Watanabe-O’Kelly H., Shewring M. (eds.). Europa triumphans: Court and Civic Festival in Early Modern Europe. Aldershot, 2004. Vol. 1. P. 47.

635 Owens S., Reul B. An Introduction to German Hofkapellen // Owens S., Reul B., Stockigt J. (eds.). Music at German Courts. P. 1–16.

музыканты очень высоко ценились и соответственно вознаграждались, подобно Жану-Батисту Люлли, главному инспектору инструментальной музыки при дворе Людовика XIV. Флейтист и композитор Иоганн Кванц служил у польского короля и саксонского курфюрста Августа II, прежде чем перебрался ко двору своего бывшего ученика Фридриха II⁶³⁶. Однако не все их коллеги пользовались такими привилегиями, а их свобода передвижения зависела от воли царственных покровителей, которые строго контролировали свой музыкальный персонал⁶³⁷.

В раннее Новое время на церемониях московского двора доминировала традиционная православная хоровая музыка. Ее истоки восходили к византийской традиции, а к указанному периоду в ней появились также некоторые общие черты с западноевропейской музыкой, особенно в развитии полифонических форм в XVI столетии. Впрочем, весь этот период православная церковная музыка сохраняла свою самобытность, в частности исполнение а capella⁶³⁸. В то же время обычным элементом народных праздников выступала тогдашняя фольклорная традиция. В частности носителями этой традиции народных увеселений выступали ватаги скоморохов, корни которых уходили в Средневековье. Их представления включали в себя элементы театра и пантомимы, нередко вульгарного свойства, но, прежде всего, скоморохи выступали как музыканты, и ядро их представлений составляли популярные народные песни⁶³⁹. Что касалось иноземной музыки, то путешественники, посетившие двор московских царей, с конца XVI в. отмечали там заметный интерес к музыкальным инструментам и их звучанию⁶⁴⁰. С ростом иностранной общины в Москве европейские музыканты и инструменты все регулярнее появлялись в России, особенно в царствование Алексея Михайловича⁶⁴¹. Тем не менее официально такая музыка, как и многие другие чужеземные формы культуры, не поощрялась, а потому до конца XVII в. она оставалась редкостью.

Как и с театральными представлениями, в том числе с оперой и балетом, широкая русская аудитория постепенно знакомилась с европейской музыкой благодаря тому, что царь и знатные особы привлекали иностранных музыкантов к выступлениям на придворных праздниках и других светских мероприятиях. Петровское нововведение, ассамблеи, обычно сопровождалось танцевальной музыкой, и царствование Петра стало важным периодом, когда при русском дворе утвердилось регулярное исполнение иностранной музыки. Сам Петр не был поклонником музыки, хотя очень любил петь, но его жена Екатерина держала внушительный оркестр немецких музыкантов, постоянно игравший на придворных праздниках в 1720-е гг.⁶⁴² Для таких современников Петра, как Меншиков, собственный оркестр и хор служили не только удовольствием для гостей, но и символом богатства и статуса⁶⁴³. При этом Берхгольц – меломан, по его собственному утверждению – отметил

636 Blanning T.C.W. *The Culture of Power*. P. 84–85, 97.

637 Blanning T.C.W. *The Triumph of Music*. London, 2008. P. 13–14.

638 Findeisen N.F. *History of Music in Russia from Antiquity to 1800* / Transl. Pring S.W.; Eds. Velimirovic M., Jensen C. Bloomington, IN, 2008. Vol. 1. P. 97–99, 188–189.

639 О скоморохах см.: Zguta R. *Russian Minstrels: a History of the Skomorokhi*. Philadelphia, PA, 1978.

640 См., например: Horsey J. *The Travels of Sir Jerome Horsey, Knt.* // Bond E. (ed.). *Russia at the Close of the Sixteenth Century*. London, 1856. P. 122.

641 Jensen C. *Musical Cultures*. P. 89–98.

642 Берхгольц Ф.В. *Дневник*. Гл. 3–4 // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 138, 177.

643 МП. Т. 2. С. 204–208.

большой интерес к музыке среди других членов петровской элиты, включая княгиню М.Ю. Черкасскую, у которой тоже был свой оркестр, и Павла Ягужинского, исправно посещавшего музыкальные вечера, которые устраивали в Петербурге иностранные дипломаты, и прежде всего герцог Голштинский⁶⁴⁴.

Такого рода покровительство музыке продолжалось и в десятилетия после смерти Петра. Двор и его ведущие фигуры щедро вкладывали средства в штат музыкантов, как иностранных, так и своих, для того чтобы обеспечить эффектным музыкальным сопровождением свои светские мероприятия и увеселения. В этот период некоторые иностранные певцы и музыканты придворной капеллы, подобно театральным артистам, пользовались случаем пополнить свое придворное жалованье, устраивая выступления для платной аудитории за пределами двора. К концу XVII в. концерты стали постоянным элементом музыкальной жизни Лондона, а в середине XVIII в. антрепренеры зарабатывали большие деньги, организуя их⁶⁴⁵. В тот же период публичные музыкальные выступления распространились в других европейских городах. В ряде городов Германии они выросли из регулярных собраний музыкантов в тавернах и кофейнях, известных как *collegium musicum*, в которых участвовали такие знаменитости, как Георг-Филипп Телеманн и Иоганн-Себастьян Бах⁶⁴⁶. В России до XVIII в. не было ни музыкантов, ни подходящей среды для того, чтобы подобные сообщества вырастали в существующем музыкальном контексте. Хотя термин «концерт» появился в царствование Петра I, им обычно обозначалось «согласие», т.е. международное соглашение. К исполнению музыки его стали применять при Анне Ивановне, да и то лишь к придворным музыкальным мероприятиям⁶⁴⁷.

Концерты для платной аудитории впервые появились в царствование Елизаветы. Первый пример публичного концерта зафиксирован в разделе объявлений «Санктпетербургских ведомостей» в начале июля 1746 г. Объявление гласило, что через два дня состоится выступление некоего иностранного баса с музыкальным аккомпанементом в 7 часов вечера в доме генерала А.Г. Загряжского на Большой Морской улице. Билеты продавались по тому же адресу по рублю с человека⁶⁴⁸. Перед импресарио, вознамерившимся выйти за рамки ближайшего придворного круга, а следовательно, остаться без ресурсов и поддержки со стороны двора, возникал целый ряд практических затруднений. Для концерта требовалось помещение – как правило, по такому случаю нанимали зал в частном доме. Устроитель должен был обратиться к владельцу такого обширного помещения и предложить провести публичный концерт в его (или ее) доме, иными словами, открыть дом для платной публики. Тот факт, что многие из этих ранних концертов проводились поблизости от крупных петербургских театров, но не в них самих, говорит о прагматике таких мероприятий: вдобавок к трудностям с получением разрешения устроителю нужно было заработать достаточно денег, чтобы оплатить помещение и выступление музыкантов, и чем меньше было помещение, тем меньше были расходы⁶⁴⁹.

Если владелец намеченного зала соглашался, то следующим шагом было получить разрешение на концерт в Полицейской канцелярии. Невыполнение этого условия могло привести к аресту и солидному штрафу. Так, по жалобе, поступившей из Кабинета Е.и.в.,

644 Берхгольц Ф.В. Дневник // Неистовый реформатор. С. 178, 499; Он же. Дневник // Юность державы. С. 136.

645 Blanning T.C.W. The Culture of Power. P. 163–164.

646 Wolff Ch. Bach: Essays on His Life and Music. Cambridge, MA, 1991. P. 226–227.

647 СПб. № 54. 8 июля 1746 г. С. 334.

648 Словарь. Т. 10. С. 155.

649 Столпянский П.Н. Музыка и музицирование в старом Петербурге. Л., 1989. С. 15.

Полицмейстерская канцелярия отчитала немецкого комедианта, названного попросту Панталон, за попытку организовать без разрешения концерты итальянского скрипача Джузеппе Пассерини в феврале 1748 г.⁶⁵⁰ Если же задуманное мероприятие одобряла полиция, то печатали и размещали в общественных местах – на главных площадях и рынках города – афишу, или «летучку», в которой сообщались подробности о будущем представлении и о месте его проведения. Важно заметить, что эти афиши содержали и сведения о том, какие группы людей могут посетить концерт и сколько им придется заплатить за билет. Важное исключение из тарифа составляли «знатные» зрители, которые могли заплатить не установленную цену, а сколько пожелают по своему усмотрению. Высокий социальный статус таких персон, конечно, был главным фактором, так как организаторы стремились привлечь элиту для придания блеска мероприятию. По этой причине знатные персоны вообще не предполагали, что им придется платить, – в сущности, потребовав с них плату, можно было их не только серьезно обидеть, но и подвергнуться побоям со стороны их слуг. С другой стороны, делая любое даяние чисто dobroхотным, организаторы могли сыграть на желании представителей элиты покрасоваться щедростью и утонченностью, а к тому же извлечь для себя пользу из чести их присутствия⁶⁵¹.

Два примера музыкальных мероприятий, проходивших вне театров, иллюстрируют многое из вышесказанного. Первый представляла собой серия концертов на итальянский, английский и голландский манер, которые должны были еженедельно проходить в 7 часов вечера по средам, с начала октября 1748 г., в доме князя С.В. Гагарина на Большой Морской. В объявлении упомянуто, что эти концерты устраиваются по просьбе нескольких любителей музыки. Билеты продавались по рублю с человека, приглашались все знатные особы, купцы и обыватели. Упомянулось также, что петь будут по-итальянски, по-русски, по-английски и по-немецки. С другой стороны, пьяных слуг и «бездельных» женщин (вероятно, проституток) впускать не будут⁶⁵². Вторым примером был концерт, состоявшийся в 9 часов вечера 28 июня 1750 г. в доме мадам Керн, напротив Адмиралтейского луга. Объявление гласило, что там же раньше проходили выступления Пассерини. Билет снова стоил рубль, а слуги не допускались⁶⁵³. Оба примера говорят о том, что в Петербурге для таких концертов имелаась публика, готовая платить, и даже охотно, а также ясно показывают, какие нежелательные элементы общества исключались из числа допущенных на эти вечера.

Музыка играла в этот период важную роль и в других событиях жизни петербургского общества, происходивших за пределами царского двора. В ходе длительного следствия по скандальному делу Дрезденши, рассмотренному нами во второй главе, Полицмейстерская канцелярия собирала сведения о видах платных увеселений, которые могли использоваться для прикрытия незаконной деятельности. В официальных рапортах они обычно именовались «вечеринками», но включали в себя разные виды развлечений, в том числе музыку, танцы, азартные игры. Как и прочие мероприятия подобного рода, эти вечеринки требовали разрешения Полицмейстерской канцелярии. Это требование было ужесточено после большой драки между офицерами, вышедшими с одной такой вечеринки на Миллионной улице в ноябре 1744 г.⁶⁵⁴ Подобные увеселения обычно устраивали иностранцы, иногда –

650 Письмо СПб. обер-полицеймейстера Татищева к кабинет-секретарю Бахиреву // Исторический вестник. № 5. 1881. С. 681.

651 Столянский П.Н. Музыка и музицирование. С. 22.

652 СПб. № 81. 4 октября 1748 г. С. 698. Это объявление было повторно опубликовано в конце месяца, в № 87.

653 Там же. № 51. 26 июня 1750 г. С. 406.

654 РГИА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 10. Л. 21–21 об. (Копия донесения генерал-полицеймейстера Антонио де Виейра от 29 января 1745 г.).

супружеские пары. По такому случаю хозяин (или хозяйка) нанимали подходящую по размеру комнату в дворянском или купеческом доме. Аккомпанировать танцам приглашали, как правило, музыкантов из стоявших в Петербурге полков. Хозяин, т.е. устроитель вечеринки, предоставлял платным посетителям угощение, в том числе чай и кофе, и некоторые другие удобства, например карточные столы.

Такие вечеринки в наемных помещениях устраивала некая Мария Винцлер с мужем: в 1746 г. в доме адмирала Головина на Адмиралтейской стороне и в 1747 г. в доме Веселовской на Васильевском острове. Они заплатили 1 руб. 50 коп. за караул солдат для охраны порядка и 3 руб. за оркестр полковых музыкантов для танцев. Их клиенты состояли из армейских офицеров, купцов, шкиперов и чиновников, каждый из которых платил рубль за посещение вечеринки – с женщин входная плата не взималась. Посетителей в течение вечера угощали напитками, как алкогольными, так и безалкогольными⁶⁵⁵. Некоторые устроители вечеринок, стремясь к голой прибыли, пытались избежать процедуры получения полицейского разрешения. Иоганн Форстер, трактирщик по профессии, с женой устроили танцевальный вечер в доме вице-адмирала Корсакова в июле 1750 г. Их посетители были из более низких слоев общества, чем гости на вечеринках у Винцлеров – прапорщики, отставные офицеры, лавочники, мелкие чиновники, вроде писарей, – и платили они за вход всего по 50 копеек. Как и у Винцлеров, с женщин денег не брали. Музыканты были флотские, им также заплатили три рубля⁶⁵⁶. Но на допросе Форстер признался, что подкупил полицейских чиновников, в частности секретаря Матвея Фадеева, чтобы те помогли ему с разрешением на вечеринку, и ему посоветовали настаивать на том, что он беден и что устраивает вечеринку, чтобы заработать⁶⁵⁷. Петербургские власти заботило, главным образом, поддержание благопристойности – музыкальные увеселения их интересовали только в том случае, если были связаны с незаконной деятельностью или с беспорядками.

К концу рассматриваемого периода музыка стала общепринятой частью жизни петербургского общества. Двор сыграл самую значительную роль в этом процессе, покровительствуя иностранным и российским музыкантам на протяжении всего времени. Как писал один современник, русский двор в качестве крупного покровителя музыки вошел в круг других европейских дворов своего времени – венского, дрезденского, берлинского, мангеймского⁶⁵⁸. Петербург стал целью для честолюбивых композиторов и музыкантов, искавших счастья не только при большом дворе, но и при дворе великого князя и княгини. Великий князь сам был скрипачом, правда скромных способностей, и в царствование Елизаветы регулярно устраивал концерты у себя в покоях⁶⁵⁹. Постоянный приток итальянских и немецких исполнителей, начавшись в 1730-х гг., не иссякал и на протяжении 1760-х, включая такие прославленные имена, как Бальдассаре Галуппи – он приехал в Петербург при Екатерине II⁶⁶⁰. Интерес к музыке у придворной элиты процветал по-прежнему. Например С.К. Нарышкин содержал большой роговой оркестр, набранный из его охотничьей свиты, и в начале 1750-х гг. нанял Иоганна Мареша, прославленного рогового музыканта из Богемии, руководить этим оркестром⁶⁶¹. Такие персональные начинания в будущем получают развитие с

655 РГИА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 10. Л. 7–7 об. (Показания Марии Винцлер от 30 августа 1750 г.).

656 Там же. Л. 1–2. (Показания Иоганна Форстера от 22 августа 1750 г.).

657 Там же. Л. 12–13. (Дальнейшие допросы организаторов вечеринок от 12 сентября 1750 г.).

658 Штелин Я. фон. Музыка и балет в России XVIII века. СПб., 2002. С. 148.

659 Екатерина II. Mémoires IV (1) // Сочинения. С. 239, 250; Штелин Я. фон. Музыка. С. 141–143.

660 МП. Т. 1. С. 226–232.

661 Штелин Я. фон. Музыка. С. 150–159; Findeisen N.F. History of Music. Vol. 2. P. 55–57.

появлением в 1770-х гг. крепостных оркестров и хоров в имениях знатных фамилий, например Шереметевых⁶⁶².

Интерес к исполнению музыки существовал также за пределами двора. Как и театром, сначала концертами увлеклась элита, способная их оплачивать и проводить в своих домах, но постепенно появлялась также и готовая платить публика, такая же, как посетители концертов в других европейских городах, что и поощряло различных импресарио организовывать для нее представления. Хотя частота концертов и количество слушателей были здесь скромнее, чем в Лондоне или даже чем в сравнительно небольших германских городах, например в Лейпциге, но с их появлением расширился доступ к развлечениям европейского типа и укоренялась привычка к светскому общению. В Петербурге второй половины XVIII в. концерты проходили все чаще, а значит, они оказались достаточно популярными, чтобы стоило заниматься их организацией. Но, как и другие аспекты общественной жизни Петербурга, эти мероприятия подлежали полицейскому контролю, если в них подозревали нарушение приличий, которым могло грозить взаимодействие смешанного общества. И хотя рассматриваемый период и был важным этапом в утверждении Петербурга как сцены для музыкальных талантов, все-таки этот процесс еще едва начался.

МАСКАРАДЫ

Как и ряд других элементов жизни придворного общества в первой половине XVIII в., маскарад был привнесен из-за границы. Он вырос из традиции пышных публичных церемоний Ренессанса, на которых костюмы, музыка и художественное оформление использовались для создания аллегорических картин. Эти празднества постепенно развивались в детально разработанные маскарады, которые представляли собой красочные символические зрелища, прославлявшие правителя. Маскарады, с их акцентом на абсолютной и божественной природе королевской власти, составляли в XVII в. важную часть придворных торжеств по всей Европе. Ярким их примером были маскарады при английском дворе времен Карла I, разработанные Иниго Джонсом и игравшие такую же репрезентационную роль, как версальский придворный балет – *ballet de cour* – при Людовике XIV, хотя и с менее успешным политическим результатом⁶⁶³. Дальнейшее развитие началось с появлением публичных маскарадов в Англии в начале XVIII в. Театральный антрепренер-швейцарец, Иоганн Якоб Хайдеггер, учредил в 1717 г. еженедельные маскарады для платных посетителей, воспользовавшись своим положением управляющего лондонским театром Хеймаркет, чтобы получить подходящее помещение⁶⁶⁴. Эти мероприятия оказались очень успешными и снискали поддержку со стороны первых королей Ганноверской династии – Георга I и Георга II, невзирая на шумное сопротивление церкви, юридических кругов и других недовольных, например Уильяма Хогарта, который выразил порицание в своей гравюре 1724 г. «Городское дурновкусие, или маскарады и оперы»⁶⁶⁵. Похожие увеселения устраивались и в других европейских городах, так, в Париже в тот же период появились публичные балы – *bals publics*⁶⁶⁶.

662 Stites R. *Serfdom, Society, and the Arts in Imperial Russia*. New Haven, CT and London, 2005. P. 71–79.

663 Strong R. *Art and Power: Renaissance Festivals, 1450–1650*. Woodbridge, 1984. P. 153–170; Cowart G. *The Triumph of Pleasure: Louis XIV and the Politics of Spectacle*. Chicago, IL, 2008. P. 5–6.

664 Castle T. *Masquerade and Civilisation: the Carnavalesque in Eighteenth-Century English Culture and Fiction*. Stanford, CA, 1986. P. 9–11.

665 Smith H. *Georgian Monarchy*. P. 237–238.

666 Semmens R. *The Bals Publics at the Paris Opéra in the Eighteenth Century*. Hillsdale, NY, 2004. P. 2–6, 10–21.

Светского прецедента для маскарадов при русском дворе не существовало, хотя использование костюмов и аллегорического оформления несколько напоминало циклы рождественских и пасхальных действ, влиявших также на другие театрализованные увеселения на Руси в допетровское время. Православная церковь не одобряла такие действия, что неудивительно при ее отношении к танцам и музыке; к тому же ношение масок в православной традиции ассоциировалось с одержимостью злыми духами⁶⁶⁷. Поэтому костюмированные увеселения были введены в России в рамках придворных праздников только в царствование Петра I. Эффектными публичными маскарадами были отмечены продолжавшиеся неделю празднования по случаю подписания Ништадтского мира в сентябре 1721 г. (в которые входила и свадьба третьего князь-папы Всеянейшего собора, П.И. Бутурлина), а также по случаю его годовщины в 1723 г.⁶⁶⁸ Впрочем, кроме самого Петра, ничье поведение с выходом за рамки дозволенного в этих случаях не поощрялось, в отличие от других европейских примеров⁶⁶⁹. Более того, эти торжества планировались под руководством Петра, причем оговаривались костюмы, состав присутствующих, порядок следования платформ в процессии и иные детали. Общий замысел этих увеселений сравнивают с некой формой театра, в котором участники (другими словами, члены петровской элиты) прославляли власть государя⁶⁷⁰. Такая интерпретация ставит эти ранние российские примеры в противоречие с карнавальным, бросающим вызов иерархическому порядку природой подобных празднеств в других культурных контекстах⁶⁷¹. Если разработанное Петром пародирование традиционных форм религиозного и культурного авторитета, например Всеянейший собор, часто напоминало обстановку и содержание маскарадов, то участие в нем ограничивалось лишь членами ближнего круга царя. «Перевернутый мир» оставался еще в очень большой степени под его контролем⁶⁷².

Хотя карнавальный аспект маскарада, пожалуй, едва ли приложим к русскому двору данного периода, но как форма развлечения маскарады, или балы-маскарады, стали постоянной частью календаря светских событий при дворе. Их устраивали при Анне Ивановне, хотя они не упоминаются регулярно в отчетах о ее придворных увеселениях (кроме двух маскарадов, состоявшихся перед отъездом из Петербурга персидского посольства в июле 1739 г.)⁶⁷³. Впрочем, в конце царствования Анны при дворе состоялся искусно подготовленный маскарад по случаю потешной свадьбы ее придворного, князя М.А. Голицына, и калмычки Авдотьи Бужениновой (которая была гораздо старше жениха) в феврале 1740 г.⁶⁷⁴ В Петербурге собрали представителей разных народов со всей империи для участия в свадебном шествии, а кульминацией празднества был великолепный ледяной дом, созданный архитектором П.М. Еропкиным, где «счастливая» чета должна была провести

667 Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб., 2002. С. 100.

668 Берхгольц Ф.В. Дневник // Неистовый реформатор. С. 208–216; Он же. Дневник // Юность державы. С. 136–145.

669 Castle T. Masquerade and Civilisation. P. 6.

670 Wortman R. Scenarios of Power. Vol. 1. P. 5 (см. русский перевод: Уортман Р.С. Сценарии власти. Т. 1).

671 Burke P. Popular Culture in Early Modern Europe. 3rd ed.. Farnham, 2009. P. 281–286.

672 Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, CT, 1998. P. 256–257.

673 КФЖ. 1739. 7 и 9 июля. С. 38.

674 Погосян Е. «И невозможное возможно»: Свадьба шутов в ледяном доме как факт официальной культуры // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Т. 4. 2001. С. 80–109.

брачную ночь под охраной вооруженных солдат⁶⁷⁵. Елизавета вскоре после прихода к власти использовала костюмы, оставшиеся от этого праздника, а также костюмы опального графа А.И. Остермана для постановки своих собственных маскарадов, пародировавших царствование Анны⁶⁷⁶.

Этот вид увеселений в весьма значительной степени оставался прерогативой государя и элиты, но при Елизавете сознательно делались попытки расширить доступ на придворные маскарады или балы-маскарады путем проведения их в форме «публичных», или «вольных», собраний. Эти термины применялись для описания таких увеселений как в официальных камер-фурьерских журналах, так и в личных воспоминаниях современников. Однако в ряде случаев эти термины кажутся взаимозаменяемыми, поэтому для рассмотрения вопроса о том, для кого предназначались «вольные» маскарады, мы должны изучить конкретные группы приглашенных гостей. Екатерина II отметила это новшество в своих мемуарах, сообщив, что в течение осени и зимы после ее свадьбы в 1745 г. еженедельно давали по два маскарада (или бала-маскарада), один при дворе, а другой в резиденции одной из знатных фамилий Петербурга. Она прибавила, что, хотя и казалось, будто участники веселятся, на этих собраниях было на самом деле довольно скучно из-за официальной атмосферы и малого числа гостей. Малочисленность участников создавала проблему пространства, так как дворцовые помещения, где проводились придворные маскарады, выглядели пустыми, а знатные дома, избранные для их проведения, оказывались недостаточно просторными⁶⁷⁷.

Хотя возможно, что память Екатерины особенно выпукло запечатлела недостатки, ее описание маскарадов, во всяком случае, подтверждает, что они были регулярной чертой жизни двора, пусть она и приводит очень мало подробностей о том, как их проводили и что на них происходило. В период, описываемый Екатериной, в камер-фурьерском журнале за 15 сентября 1745 г. содержится записка к камер-фурьеру Сергею Нестерову, в которой изложено еженедельное расписание придворных развлечений на ближайшие месяцы. Начинались они с куртага в воскресенье вечером, за ним в понедельник следовало итальянское «интермеццо» (вероятно, в придворном оперном театре). По вторникам намечались придворные маскарады, а по четвергам французские комедии⁶⁷⁸. Упоминаний о других маскарадах в течение недели нет. Та же информация повторяется в приказе, посланном из Дворцовой канцелярии в Полицмейстерскую канцелярию на следующий день⁶⁷⁹. В дальнейших записях журнала в качестве центра придворной светской жизни фигурирует Летний дворец, а сезонный переезд в Зимний дворец состоялся 30 сентября⁶⁸⁰.

В записи за 15 сентября перечислены дамы, приглашенные на придворные маскарады (что довольно необычно). Этот список, в сопоставлении с тогдашним реестром лиц первых пяти классов, проживающих в Петербурге, позволяет установить некоторые подробности, касающиеся этих гостей⁶⁸¹. В список включены: дочь обер-гофмейстерины княгини Татьяны

675 Обширную документацию о подготовке этого праздника см.: ТЖРАИ. С. 642–693.

676 Pogosian E. Masks and Masquerades at the Court of Elizaveta Petrovna (1741–1742) // Steven Usitalo, William Benton Whisenhurst (eds.). Russian and Soviet History: From the Time of Troubles to the Collapse of the Soviet Union. Landham, MD, 2008. P. 39–41.

677 Екатерина II. Mémoires II // Сочинения. С. 79.

678 КФЖ. 1745. С. 93. 15 сентября.

679 РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 39. Л. 15 (Указ императрицы Полицмейстерской канцелярии от 16 сентября 1745 г.).

680 КФЖ. 1745. С. 94–101. 17–30 сентября.

681 РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 443. Л. 176–184 об. (б.д.). NB: Судя по возрасту лиц, включенных в список, наиболее вероятный год его составления – 1747.

Борисовны Голицыной Екатерина Михайловна (19 лет); княгиня Александра Ивановна Куракина (35 лет) с дочерьми Анной (14 лет) и Татьяной (13 лет); Марья Александровна Нарышкина (15 лет) – дочь кузена императрицы, Александра Львовича Нарышкина, умершего в январе того же года; старшая дочь Марьи Андреевны Румянцевой Прасковья Александровна (15 лет); и княгиня Наталья Григорьевна Белосельская (35 лет)⁶⁸². Почему в списке перечислены именно эти дамы неизвестно. В целом состав двора был преимущественно мужским. Поэтому понятно желание обеспечить достаточное число приглашенных женщин на светских мероприятиях, существенную часть которых составляли танцы. Кроме того, двор был важной социальной площадкой, на которой молодые женщины по достижении должного возраста получали ценный опыт светского общения и этикета. Такой опыт был не менее важен для молодых людей, и потому учащихся Кадетского корпуса поощряли к посещению придворных маскарадов, о чем пойдет речь в следующей главе. Таким образом, эти мероприятия служили для дворянской молодежи важным местом встреч и общения.

Второй вид маскарадов, описанный Екатериной, появился в камер-фурьерских журналах только в начале следующего года. В начале января 1746 г. Елизавета приказала проводить маскарады в домах знатных особ по понедельникам, средам и четвергам, начиная с 13 января и до Масленицы⁶⁸³. Обязанность присутствовать на них распространялась на генералитет и другие персоны, проживающие в Петербурге, что, вероятно, подразумевало дворянство в целом. Гости должны были собираться в намеченном месте в 5 часов пополудни, хотя точных указаний относительно начала маскарада не последовало – на практике мероприятие разворачивалось полным ходом лишь по прибытии императрицы. В указе говорилось, что хозяева обязаны присутствовать, одетые в подходящие маскарадные костюмы, но от них не требовалось официально встречать и приветствовать гостей. Кроме того, там значилось, что хозяин обязан предоставить столы для игры в карты и музыку для танцев. Оба этих раздела напоминают список требований в петровском указе 1718 г. об ассамблеях, гласившем, что хозяин дома, в котором они проводятся, не обязан присутствовать на вечере, а просто должен обеспечить гостей угощением и развлечениями⁶⁸⁴.

12 января 1746 г. Полицмейстерская канцелярия издала соответствующее распоряжение с приложенным к нему списком знатных особ, избранных императрицей в качестве хозяев, принимающих у себя маскарады, и с датами их проведения. Открывали его чины первого класса – генерал-фельдмаршал князь И.Ю. Трубецкой (13 января) и канцлер А.П. Бестужев-Рюмин (16 января), за которыми следовали чины второго класса. В списке значились высшие придворные чины – обер-гофмаршал Д.А. Шепелев (6 февраля) и обер-егермейстер А.Г. Разумовский (4 февраля), высокопоставленные гражданские чиновники – генерал-прокурор Сената князь Н.Ю. Трубецкой (27 января) и президент Коммерц-коллегии князь Б.Г. Юсупов (8 февраля). Малозначительная роль хозяина приема (согласно новому указу) проявилась в том, что в список попал покойный А.Л. Нарышкин (29 января)⁶⁸⁵. Взгляд современника на эти маскарады выражен в письме канцлера Бестужева-Рюмина графу М.И. Воронцову от 23 января 1746 г. Он отмечает, что придворные маскарады устроены по примеру увеселений, установленных Петром I (т.е. ассамблей), поскольку по указу императрицы они проводятся в домах городской знати. Канцлер сообщал, что кроме самой императрицы, членов ее семьи и придворных, в число приглашенных

682 Подробнее об этих женщинах см.: *Пархоменко В.П. (сост.). Сиятельные жены: биографии и родословная статс-дам и фрейлин русского двора, по спискам П.Ф. Карабанова. СПб., 1992. С. 23, 52.*

683 РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 40. Л. 1 (Указ из Полицмейстерской канцелярии от 11 января 1740 г.).

684 ПСЗ. Т. 5. № 3241. 26 ноября 1718 г. С. 596. См. также выше, в главе 1.

685 РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 95. Л. 1–1 об. Указ о придворных маскарадах в Санкт-Петербурге от 12 января 1746 г.

входили генералитет и знатное дворянство, что составляло в общей сложности от 300 до 400 человек⁶⁸⁶. Так как хозяин должен был предоставить, по крайней мере три помещения – одно для танцев, другое для ужина и третье (возможно, меньшее по размерам) для игры в карты, то эти собрания требовали немало места, и тут приходит на ум замечание Екатерины о царившей на них тесноте.

Екатерина тоже упоминала о склонности двора к маскарадам далее в своих записках, рассуждая о придворном календаре светских мероприятий около 1750 г. Она пишет, что на маскарады отводилось два вечера в неделю. Один из этих вечеров был только для двора и специально приглашенных гостей императрицы, и присутствовало на нем всего около 150–200 человек. Второй маскарад предназначался для всех «сановных лиц», начиная от полковника (чин 6-го класса по Табели о рангах) и выше, а также офицеров гвардейских полков. Она добавила, что на эти мероприятия иногда допускали все дворянство и наиболее именитое купечество. По ее оценке, на публичных маскарадах собиралось до 800 масок⁶⁸⁷. В начале 1748 г. в камер-фурьерском журнале было отмечено, что несколько «вольных», или «публичных», маскарадов состоится в Оперном доме с одобрения императрицы. Эти мероприятия организовывал Шарль Серины, директор труппы французского театра, приглашенной в Петербург из Парижа в 1742 г.⁶⁸⁸ Серины, устраивая подобного рода увеселения в России, вероятно опирался на опыт парижских *bals publics* – между теми и другими явно наблюдается сходство.

Публичный маскарад был доступен любому, кто мог заплатить два рубля за билет и надеть маску, причем знатым дворянским семьям (именуемым «люди боярские»⁶⁸⁹) не приходилось заботиться о последнем требовании. Билеты можно было купить либо заранее у Серины, либо уже при входе на бал. Далее в журнале говорилось, что Серины обязан предоставить билеты и рекламные материалы на русском и французском языках за свой счет, а печатать их следовало в Академической типографии. Печатные афишки уже применялись для оповещения о театральных спектаклях, и из записи в журнале ясно, что они предназначались для рекламы мероприятия. Несмотря на то что для обозначения этих маскарадов использовалось слово «вольный», предполагавшее менее официальную обстановку, чем аналогичные придворные увеселения, на них действовало несколько ограничений социального свойства. Например в Оперном доме было два входа: один для «знатных» гостей и остального дворянства, а другой для всех прочих. Кроме того, во время маскарада членам двух этих социальных групп не разрешалось танцевать вместе^{690 691}.

Во избежание любых возможных ссор и «неучтивостей» принимались некоторые предосторожности. Отбирать билеты назначали двух старших придворных лакеев, а отряд гвардейцев во главе с сержантом, состоявший из 3 капралов и 30 солдат, обеспечивал порядок, в особенности возле двух входов⁶⁹². Для угощения посетителей Серины должен

686 АКВ. Т. 2. С. 142–143.

687 Екатерина II. *Mémoires* IV (I) // Сочинения. С. 296.

688 О Серины и его труппе см.: *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Театр в России при императрице Елизавете Петровне. С. 136–149.

689 В рассматриваемый период этот термин служил несколько старомодным наименованием семей верхушки русского дворянства: *Словарь*. Т. 2. С. 119.

690 КФЖ. 1748. С. 15. 11 февраля.

691 Обычно танцующие разных категорий не смешивались благодаря натянутой между ними веревке. – *Примеч. научн. ред. перевода.*

692 КФЖ. 1748. С. 15–16. 11 февраля.

был предоставить (опять же за свой счет) чай, кофе, лимонад, шоколад, оршад (молочный напиток с миндальным ароматом) и «конфеты». В приказе специально оговаривалось, что водку и вино подавать не следует – свидетельство известной озабоченности воздействием алкоголя на поведение и манеры гостей. В отличие от придворного маскарада, на котором за танцами, как правило, следовал банкет, официального ужина не подавали. Однако императрица, великий князь и великая княгиня могли поужинать у себя в ложах, так как ужин для них готовили на придворной кухне и привозили в Оперу⁶⁹³. Это мероприятие также фиксировалось в поденных караульных журналах, потому что к нему привлекались гвардейские караулы. Предварительные инструкции для гвардейцев были изданы гофмаршалом С.К. Нарышкиным; в этот вечер солдаты караула поступили под начало капитана И.А. Шубина из Измайловского гвардейского полка. Императрица покинула дворец, чтобы отправиться на маскарад, в 8 часов вечера, а вернулась в час по полуночи⁶⁹⁴.

Похоже, что вечер удался, так как императрица и великий князь с великой княгиней посетили еще один такой маскарад в Оперном доме 16 февраля, а потом, когда императрица ночевала в Царском Селе, великий князь с супругой еще два вечера подряд были на маскарадах, организованных Сериньи. Оба этих маскарада упоминаются как «вольные»⁶⁹⁵. Когда императрица вернулась из Царского Села, она приказала организовать еще один маскарад в Опере, в тот вечер, когда великий князь и княгиня обедали с канцлером Бестужевым-Рюминым. Разница между этим мероприятием и предшествующими маскарадами Сериньи понятна по составу приглашенных: знатные особы, старшие офицеры гвардии и полевых полков, стоявших в Петербурге, другие военные и гражданские чины (без упоминания класса) и все высокопоставленные дворяне. Маски этих гостей инспектировали на входе в оперу гоф-фурьер и офицер гвардии⁶⁹⁶. В программу вечера входил ужин, накрытый на сцене театра, а танцы происходили в зрительном зале. Стол был накрыт на сто персон, что позволяет приблизительно оценить число приглашенных⁶⁹⁷.

То, что такой ужин подавали именно на этом маскараде, а не на других, открытых для платной публики, снова подчеркивает ограниченность взаимодействия между двумя группами гостей. Легкие угощения на публичных маскарадах делали длительное общение между гостями из двух больших социальных групп гораздо менее вероятным, чем за настоящим ужином. Впрочем, на последнем маскараде присутствовали одни дворяне, так что ужин не мог стать потенциальным источником различий. Сцену использовали из-за практических трудностей с организацией ужина для многочисленных гостей в таком помещении, как оперный театр. К тому же размещение гостей на сцене подчеркивало театральные элементы маскарада, не только являвшегося развлечением для его участников, но и спектаклем, зрелищем. Такую интерпретацию подтверждает тот факт, что императрица и великий князь с великой княгиней на первом маскараде сидели в своих ложах и смотрели на происходящее, как на пьесу или оперу. Хотя это новшество просуществовало недолго и после 1748 г. больше не было упоминаний о маскарадах в Опере, проводимых Сериньи, на них впервые отмечается намерение ввести в Петербурге подобные развлечения для платной публики.

693 КФЖ. 1748. С. 15. 11 февраля.

694 РГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 2. Л. 24, 25 об. (Приказы, записанные в поденном караульном журнале 10 и 11 февраля 1748 г.).

695 КФЖ. 1748. С. 19. 16, 18 и 19 февраля.

696 Там же. С. 20. 20 февраля. В караульных журналах приписано, что среди гостей были иностранные посланники: РГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 2. Л. 32 (Указ, внесенный в поденный караульный журнал 20 февраля 1748 г.).

697 Там же. С. 19. 20 февраля.

Сходный процесс происходил и с маскарадами, которые в этот период давали при дворе. 1 января 1751 г. в камер-фурьерском журнале появилось сообщение об указе от 12 декабря, в котором императрица распорядилась включить публичный маскарад в празднования по случаю ее дня рождения, 18 декабря. Этот маскарад пришлось отложить до 2 января, в связи с чем указ и упоминается в журнале. На маскарад допускались весь двор и знатные особы, иностранные посланники, все дворянство с семьями (кроме самых маленьких детей), лишь бы они были в масках и должным образом одеты. Пускали по билетам, распространявшимся Дворцовой канцелярией, – офицеры, желавшие присутствовать, должны были обращаться за билетами через свои полки. Пропуском гостей занимались два штаб- и шесть обер-офицеров⁶⁹⁸. Маскарад начался в 8:30 вечера и продолжался до 7:30 утра. Во время маскарада пажи разносили гостям чай, кофе, лимонад и напитки из заманчивой категории «разные», а также «конфеты». В перерыве между танцами в час ночи подали холодный ужин, причем гостей разделили на две группы. «Генералитет» 1-го и 2-го класса, придворные дамы и кавалеры, а также иноземные гости присоединились к великому князю и великой княгине за двумя специально накрытыми столами в их столовой. Остальные гости ужинали за тремя столами во втором и третьем парадных залах от главного зала, в котором танцевали. Всего присутствующих в тот вечер было 665 человек⁶⁹⁹.

Указ, изданный Дворцовой канцелярией в 1751 г. по поводу еженедельных маскарадов при дворе, позволяет выделить три важных параметра для сравнения с описанным выше публичным маскарадом: день проведения, состав гостей, дресс-код. Придворные маскарады назначались каждую неделю по вторникам. Приглашения надлежало рассылать чинам первых двух классов с женами (но без детей), а также придворным обоего пола. В приписке оговаривалось, что жену саксонского посла нужно также включить в число приглашенных. В указе уточнялось, как гостям следовало одеваться, а именно – в маскарадное платье. За рассылку повесток накануне маскарада всем, кому полагалось, отвечали гоф-штаб-квартирмейстер и камер-фурьер. Затем обер-гофмаршал и его заместитель получали список гостей, с которым можно было свериться в ходе самого маскарада⁷⁰⁰. Позднее в том же месяце вышел еще один указ по поводу публичных маскарадов при дворе, которые должны были проводиться еженедельно, начиная с пятницы 18 января и до Великого поста⁷⁰¹. Прецедент маскарада, состоявшегося 2 января 1751 г., прямо упомянут в этом указе. Доступ на эти мероприятия разрешался всем дворянам, русским и иностранцам, вместе с семьями, за исключением маленьких детей. Простолюдины не допускались.

В камер-фурьерской журнальной записи о маскараде 18 января выделены две основные группы предполагаемых гостей: знатные персоны, в том числе иностранные посланники при русском дворе, и дворянство с семьями. Вход разрешался по билетам, которые надо было заказывать в Дворцовой канцелярии. Это условие имело две цели: оно позволяло двору точно узнать число будущих гостей из организационных соображений, а также составить их список, подобный спискам гостей на придворных маскарадах. Последнее особенно важно, так как в указе подчеркивалось, что те, кто заказал билеты, но затем ими не воспользовался, будут оштрафованы, согласно списку с отмеченными именами⁷⁰². Запись в камер-фурьерском журнале подтверждает этот пункт, так как гласит, что, хотя Дворцовая канцелярия выдала 867 билетов, на маскарад явилось только 637 человек⁷⁰³. Требования к нарядам на этом маскараде

698 ЖДГА. 1751. С. 225. 1 января.

699 КФЖ. 1751. С. 7–8. 2 января.

700 РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 84. Л. 3 (Указ Дворцовой канцелярии от 9 января 1751 г.).

701 Там же. Л. 6–7 (Указ Дворцовой канцелярии от 15 января 1751 г.).

702 РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 84. Л. 6–6 об.

703 КФЖ. 1751. С. 15. 18 января.

включали в себя «приличные» или «пристойные» маски, а являться в костюме паломника, арлекина или в «непристойных» сельских нарядах запрещалось особо. Запрещались также дешевые или мишурные побрякушки, стеклянные украшения, а тех кавалеров, кто явится с оружием (вероятно, со шпагой), ожидал штраф. Указ кончается инструкцией камер-фурьеру Нестерову внести поправки в список тех, кого следует допускать, и передать его гоф-фурьерам, стоявшим у входа и проверявшим по списку гостей и их костюмы. Эти поправки были основаны на указе, данном Нестерову императрицей 31 декабря и, вероятно, относившемся к маскараду 2 января⁷⁰⁴.

Следующий указ о публичном маскараде, назначенном на 8 февраля, содержит много таких же деталей, что и указ от 15 января, но отличается от него несколькими важными чертами. В список тех, кому разрешалось присутствовать, наряду с русскими и иностранными дворянами и их семьями, включались все классы «знатных». В этом контексте термин «знатные», по-видимому, относится к высшим чинам генералитета, упомянутым в указе о придворном маскараде 9 января и зафиксированным в описании этого события в камер-фурьерском журнале за 1751 г.⁷⁰⁵ Уточнялось, что наказание для недворян, пытающихся проникнуть на маскарад, налагается в форме штрафа. Наконец, появляется практическое объяснение необходимости заранее знать число гостей: после маскарада, в час ночи, подадут ужин. Если в предыдущем указе речь шла в основном о напитках и конфетах, то на этот раз надлежало подать мясное кушанье⁷⁰⁶. Различие, которое следовало проводить между двумя группами участников публичного маскарада, становится яснее из другого указа, изданного позднее в том же году по случаю празднования годовщины коронации Елизаветы. Маскарад должен был состояться в галерее и парадных залах Зимнего дворца, после чего намечался ужин. При этом знатные гости должны были ужинать в зале, а остальные гости – в недавно построенных помещениях, расположенных напротив залы⁷⁰⁷. Таким образом, между двумя группами гостей было проведено вещественное и наглядное различие, хотя все они происходили из дворян.

Эта форма публичных маскарадов оказалась при дворе Елизаветы весьма долговечной. Наряду с их более элитарным придворным эквивалентом они являлись постоянной частью календаря светских событий елизаветинской эпохи до тех пор, пока в конце 1750-х гг. здоровье императрицы не ухудшилось; с тех пор она предпочитала не столь подвижные виды развлечений. Как театр и музыка, увлечение маскарадами овладело также членами придворной элиты, такими как И.И. Шувалов и П.Б. Шереметев, которые в этот период устраивали у себя такие увеселения для императрицы и ее семьи⁷⁰⁸. Они продолжились и в царствования преемников Елизаветы. Несмотря на негативное мнение Екатерины о публичных маскарадах времен Елизаветы, она с восторгом участвовала в других маскированных увеселениях при дворе и оплатила зрелищный трехдневный маскарад «Торжествующая Минерва» на улицах Москвы в дни своей коронации в 1763 г.⁷⁰⁹ Примеры изучаемого периода ясно показывают, что русский двор усвоил маскарады разных видов как часть самопрезентации. В Петербурге проводились большие официальные маскарады в

704 РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 84. Л. 7.

705 КФЖ. 1751. С. 31. 8 февраля.

706 РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 84. Л. 14 (Указ придворной канцелярии от 5 февраля 1751 г.).

707 Там же. Л. 50 (Указ Дворцовой канцелярии от 23 апреля 1751 г.).

708 См., например: КФЖ. 1755. С. 23. 22 и 26 февраля.

709 Wortman R. Scenarios of Power. Vol. I. P. 119–120 (см. русский перевод: Уортман Р.С. Сценарии власти. Т. 1).

составе придворных празднований, сродни тем, что проходили тогда при европейских дворах. В 1750-е гг. они стали постоянным элементом светской жизни двора. История рассматриваемого периода дает еще один пример того, как развлечение, изначально ограниченное кругом придворной элиты, впоследствии распространилось и охватило широкие слои дворянства и других именитых представителей населения Петербурга. Доступ на маскарады все еще был ограничен, как явствует из инструкций, изданных Дворцовой канцелярией по поводу внешнего вида гостей. Появление маскарадов для платной публики, как и введение открытых театральных и музыкальных представлений, было важным, ибо воспроизводило подобные коммерческие начинания в других европейских странах, хотя в данный период они пользовались в России меньшим успехом.

ЛЕТНИЙ САД ⁷¹⁰

В конце XVII и начале XVIII в. королевские дворы всей Европы создавали и содержали обширные сады и парки в составе дворцовых владений. Создание парков с их характерными атрибутами – сооружениями парковой архитектуры, системами фонтанов и т.п. – требовало существенных материальных вложений, а потому являлось красноречивым символом богатства и статуса правителя. Эти парки имели также символическую важность для двора, так как олицетворяли первозданную природу, преобразованную на регулярный лад, что отражало власть правителя над его земными владениями⁷¹¹. Искусно разбитые сады Версаля служили блестящим выражением идеала регулярности, и их устройство вдохновляло как подражателей, так и соперников по всей Европе на протяжении рассматриваемого периода⁷¹². Так, Август II, польский король и курфюрст Саксонский, побывал в Версале в 1687 г. и до конца своего царствования, под влиянием увиденного, занимался устройством королевских садов Дрездена. С тех пор сады дворцового комплекса Цвингер и Гроссергартен служили сценой пышных придворных празднеств⁷¹³. Шведский архитектор Никодемус Тессин в 1680-е гг., прежде чем приступить к перепланировке дворцовых садов в Стокгольме и в королевском владении Дроттнингхольм, тоже посетил создателя садов Версаля, Андре Ле Нотра⁷¹⁴. По тому же пути шли и представители всех ведущих дворов Европы. Сады Бельведера, дворца принца Евгения Савойского, создавал один из учеников Ле Нотра, Доминик Жирар, и он же трудился над садами баварского двора в Нимфенбурге⁷¹⁵. Сады Бельведера были, по меньшей мере, столь же великолепны, как сады Шенбрунна, летней резиденции Габсбургов, которые Иоганн Бернхард Фишер фон Эрлах расширил в начале 1720-х гг.

Эти дворцовые сады представляли собой важное социальное и праздничное пространство для двора. Сады являлись удобной площадкой для куртуазного общения, например для учтивых бесед во время прогулок, которые к концу XVII в. все больше входили в Европе в обиход социального взаимодействия. Однако, создавая место для подобных

⁷¹⁰ Расширенная версия этого раздела издана как: *The Summer Gardens in the Social Life of St Petersburg*, 1725–61 // *SEER*. Vol. 88/1–2 (2010). P. 134–155.

⁷¹¹ *Mukerji Ch.* Territorial Ambitions and the Gardens of Versailles. Cambridge, 1997. P. 8–18, 248–272.

⁷¹² *Thompson I.* The Sun King's Garden: Louis XIV, André Le Notre and the Creation of the Gardens of Versailles. London, 2006. См. особенно с. 297–307.

⁷¹³ *Puppe R.* Saxon Baroque Gardens (1694–1733): Nature's Entertainment Palaces // Michel Conan (ed.). *Baroque Garden Cultures: Emulation, Sublimation, Subversion*. Washington DC, 2005. P. 215–218, 226–231.

⁷¹⁴ *Hendriksson L.* Landscape Gardening // Marten Snikare (ed.). *Nicodemus Tessin the Younger: Royal Architect and Visionary*. Stockholm, 2002. P. 151–165.

⁷¹⁵ *Baumgartner Th.* Vienna Gloriosa and the Prince's Garden // Agnes Husslein-Arco (ed.) *Prince Eugene: General-Philosopher and Art Lover*. Vienna, 2010. P. 120–123.

занятий, надо было принимать во внимание местоположение этих садов. Некоторые из перечисленных примеров размещались в королевских имениях на некотором расстоянии от столиц – Версаль недалеко от Парижа, Дроттнингхольм близ Стокгольма, да и в других местах были такие примеры, как Хэмптон Корт под Лондоном. Летний сад находился почти в центре Петербурга, поэтому по характеру использования он сравним с парками, помещавшимися в центре других европейских городов и принадлежавшими или королю, или ведущим знатым фамилиям, как, например дрезденские Пале Гартен и Гроссергартен, как сады Тюильри и Пале-Рояля в Париже или городские зеленые зоны Гайд-парка и Сент-Джеймс-парка в Лондоне⁷¹⁶. С точки зрения процессов, происходивших в Петербурге, было показательно, что в XVIII в. доступ в Летний сад разрешался либо в особых случаях, либо на регулярной основе, и в результате он сформировался как важное городское социальное пространство⁷¹⁷.

Как отмечалось в первой главе этой книги, Летний сад представлял собой значительной элемент городского ландшафта. Впрочем, в первые десятилетия своего существования он в основном предназначался для членов царской семьи и ее свиты. Другие лица или группы лиц посещали его по особому разрешению, особенно если в саду проводились праздники. Так, в конце июня 1721 г. Карл-Фридрих, герцог Голштинский, был на празднике в Летнем саду после парада двух гвардейских полков перед Петром на Царицыном Лугу. Берхгольц рассказывает о прогулке по аллеям сада, о любезных беседах с дамами у фонтанов. Он заметил, что другие гости, включая членов царской семьи, русскую знать и иностранных вельмож, проводили время подобным же образом, когда были застигнуты проливным дождем, который заставил всех забиться в одну из галерей сада⁷¹⁸. В конце мая 1725 г. в Летнем саду праздновали свадьбу царевны Анны Петровны и герцога Голштинского. Во время этого праздника участники свадьбы, а также другие знатные гости – русские и иностранцы – находились в Первом Летнем саду, а остальные части сада были отведены для представителей других слоев общества⁷¹⁹. Берхгольц, присутствовавший на свадьбе, не приводит никаких дополнительных подробностей и не упоминает о гостях из иных социальных групп⁷²⁰.

Летний сад продолжал играть роль и в придворной жизни времен Анны Ивановны. Несмотря на то что в целом он гораздо реже упоминается в камер-фурьерских журналах, чем при Петре или Елизавете, ограниченный круг источников аннинского времени не следует считать показателем того, что Летний сад вышел из употребления или к нему упал интерес. Императрица продолжала жить в Летнем дворце как в главной резиденции с начала мая до конца октября каждого года, и поэтому в Летнем саду отмечали несколько крупных праздников, приходившихся на эти месяцы. Например в конце июня 1734 г. в Первом Летнем саду состоялся пир под навесом близ здания Грота в честь взятия Данцига в Войне за польское наследство, описанный миссис Джейн Вигор, тогда – леди Рондо, женой английского резидента Клавдия Рондо⁷²¹. Подобный же пир был устроен в честь взятия

716 О Париже см.: Jones C. Paris: the Biography of a City. London, 2006. P. 142–143, 182–185. О Лондоне см.: Picard L. Dr. Johnson's London: Life in London, 1740–1770. London, 2000. P. 35–40.

717 Melton J. van H. The Rise of the Public. P. 169.

718 Берхгольц Ф.В. Дневник // Неистовый реформатор. С. 135–142.

719 Описание о браке между Ея Высочеством Анною Петровною, Цесаревною Всероссийскою, и Ею Королевским Высочеством Карлом Фридрихом, герцогом Гольштейнготторпским // Сын отечества. Т. 8/3. 1839. С. 268–269.

720 Берхгольц Ф.В. Дневник // Юность державы. С. 287–291.

721 Vigor J. Letters from a Lady, Who Resided Some Years in Russia, to Her Friend in England. London, 1775. P. 98–104.

османской крепости Очаков в конце августа 1737 г.⁷²² Одновременно сад продолжали использовать как место проведения регулярных мероприятий придворного календаря, например банкета, накрытого перед Гротом, для императрицы и ряда знатных гостей после придворного маскарада, проходившего в Летнем дворце в июле 1739 г.⁷²³

Такая модель использования Летнего сада сохранялась и при Елизавете, хотя в целом двор стал теперь проводить летом больше времени в царских владениях Петергофа, Царского Села и Ораниенбаума, а Летний сад уже не столь регулярно служил местом придворных праздников. Возможно, для того чтобы использовать сад по назначению, Елизавета издала ряд указов, разрешивших доступ в Летний сад представителям нескольких социальных групп петербуржцев. Эти законодательные документы дают еще один пример расширенного доступа населения в пространства социальной жизни двора, ранее доступные лишь узкому кругу элиты. Как и доступ в театр и на другие увеселения в царских дворцах, посещение садов зависело от целого ряда строгих критериев, отсекавших неподходящих или нежелательных посетителей от этого привилегированного пространства.

В мае 1750 г. в камер-фурьерском журнале записали, что в церемониальную часть Коллегии иностранных дел было направлено письменное извещение, гласившее, что имперского посла следует пускать на прогулки в сады императрицы (конкретный сад не назван), и прибавлено, что такое разрешение давалось и прежним послам⁷²⁴. Но запись в караульных журналах в июле того же года проливает любопытный свет на вопрос о доступе в Летний сад. Указ из Кабинета Е.и.в. майору лейб-гвардии Гурьеву гласил, что, как доложили императрице, иностранных посланников и членов генералитета не пускают в императорские сады. Поэтому императрица указала, что всякого иностранного посла, члена генералитета и других знатных персон, пожелавших гулять в Летнем саду, должно туда допускать, а простолюдинов («подлых людей») не пускать ни в коем случае⁷²⁵. Оба указа наводят на мысль о том, что определенные привилегированные группы раньше пускали гулять в Летний сад, но потом перестали – либо потому, что не было желающих, либо по недоразумению. Сопоставление дат этих двух записей и того факта, что вопрос об имперском после решался в письменном виде, говорит о том, что произошла какая-то ошибка, но, когда она обнаружилась, ее исправили. В свете дальнейших указов по поводу Летнего сада кажется существенным, что второе распоряжение вышло тогда, когда Елизавета с двором пребывала в Петергофе, а значит, не пользовалась постоянно Летним садом.

Доступ в сад был расширен еще больше в конце мая 1752 г., через месяц после того, как императрица совершила ежегодный переезд из Зимнего дворца в свой новый Летний дворец⁷²⁶. Придворная канцелярия направила указ в Полицмейстерскую канцелярию, гласивший, что избранные группы верноподданных императрицы вместе с семьями, а также знатных иностранцев следует пускать для прогулок в Первый и Второй Летние сады на Неве по воскресеньям и праздникам. Состав этих группы перечислялся достаточно подробно, начиная с младших офицеров, капралов и гренадеров лейб-компаний, затем шли штаб- и обер-офицеры лейб-гвардии и армейских полков, Кадетского корпуса, Артиллерийского и Инженерного корпусов и флота. Дальше в списке значились гражданские чины, приравненные к офицерским, а также все дворяне без исключения. После них в список были внесены социальные группы недворянского статуса, главным образом русские и иностранные купцы, а также – возможно, вследствие того опыта общения, который

722 КФЖ. 1737. С. 33–35. 28 августа.

723 Там же. С. 38. 9 июля.

724 КФЖ. 1750. С. 58–59. 22 мая.

725 ЖДГА. 1750. С. 208. 1 июля.

726 КФЖ. 1752. С. 34. 28 апреля.

приобрела Елизавета в царствование своего отца, – иностранные моряки. К ним относились шкиперы и другие старшие члены корабельных команд, но только не простые матросы, что специально оговаривалось.

Указ требовал, чтобы для доступа в Летний сад эти люди были пристойно одеты, сообразно чину или статусу. Женщины не допускались, если их наряды можно было счесть неподходящими для такого случая – в домашней одежде или в платьях без фижм или кринолинов (т.е. надлежало быть «в фижменных юпках»). Купцам не разрешались бороды или неприбранные волосы – последнее условие могло подразумевать отсутствие парика или аналогичной прически из собственных волос. Ни при каких обстоятельствах не допускались в сад ливрейные лакеи и крепостные крестьяне. Не могли они также сопровождать никого из членов упомянутых выше групп, допущенных в сад, под угрозой телесного наказания (а не штрафов, грозивших за незаконное проникновение на придворные мероприятия). Указ следовало обнародовать, а Полицмейстерской канцелярии надлежало уведомить те группы населения, о которых в нем шла речь⁷²⁷. Этот указ свидетельствует о стремлении увеличить число людей, допущенных в Летний сад, в сравнении с предыдущим периодом, когда доступ разрешался либо по особым случаям, либо по индивидуальному запросу, как было с имперским посланником. С 1752 г. Летний сад открывался еженедельно для посещения городской элитой – включая иностранных дипломатов, высшие чины администрации и высшее офицерство – а также для дворянства в целом, вместе с семьями, как и для избранных групп недворянского происхождения, например купечества.

После выхода этого указа вопрос о доступе в императорские сады больше не появляется ни в камер-фурьерских журналах, ни в указах Дворцовой канцелярии, хотя в караульный журнал продолжали вносить инструкции для караулов, когда императрица находилась в новом Летнем дворце и намечалось какое-то мероприятие. Однако в мае 1755 г., снова вскоре после переезда из Зимнего в новый Летний дворец, императрица приказала Дворцовой канцелярии оповестить капитанов гвардии, командовавших караульными, что еженедельно по четвергам иностранным министрам, а также находящемуся в Петербурге генералитету и другим персонам всякого чина дозволено гулять в Первом и Втором Летнем садах. Как и в вышеописанном указе, им полагалось быть одетыми чисто и опрятно. Затем в приказе разъясняется, что считать неопрятным, а значит, неподходящим внешним видом, – неубранные волосы, сапоги, сермяжные кафтаны у мужчин, а также «простое» и традиционное русское платье у женщин⁷²⁸. Ливрейным лакеям по-прежнему запрещалось являться в сад. Особо упоминался имперский посол, которому позволялось посещать оба сада, когда ему заблагорассудится. Эта привилегия была распространена и на его окружение, т.е. на господ из его свиты с сопровождающими их пажами, хотя и не относилась опять-таки к ливрейным слугам. Всем этим группам посетителей полагалось входить в сад по мосту через канал возле Оперного дома, где постоянно несли караул часовые⁷²⁹.

Это извещение было разослано всем придворным обою пола, в Полицмейстерскую канцелярию и церемониальную часть Коллегии иностранных дел; последнюю обязали информировать о приказе всех иностранных дипломатов, а особенно имперского посла⁷³⁰. Более конкретный приказ был направлен в тот же день капитану гвардии, командовавшему дворцовым караулом. Этот документ буквально совпадал с извещением для Придворной канцелярии, но включал в себя больше подробностей по поводу ограничений в костюме. Здесь содержалось упоминание о бородатых купцах, как в указе 1752 г., а запрещенные

727 РГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 10. Л. 13–13 об. (Приказ П.И. Шувалова Полицмейстерской канцелярии).

728 Там же. Л. 37 об. (Приказ, записанный в поденном караульном журнале 10 мая 1755 г.).

729 Там же. Л. 38. (Приказ капитану гвардии Федору Вадковскому от 10 мая 1755 г.).

730 КФЖ. 1755. С. 54–55. 10 мая 1755 г.

«простые» платья описывались как не имеющие ни фижм, ни кринолина⁷³¹. Купцы упоминались в данном документе (хотя и не упоминались в исходном указе), и это показывает, что их по-прежнему относили к общей группе людей «всякого звания». В следующем месяце вышел аналогичный приказ Придворной канцелярии, в котором тем же людям, при тех же условиях относительно костюма разрешался доступ в Первый, Второй и Третий Летние сады по четвергам и воскресеньям⁷³². Запись в камер-фурьерском журнале с перечислением деталей относительно допущенных групп посетителей и их внешнего вида опять легла в основу уведомлений, разосланных придворным дамам и кавалерам, в Полицмейстерскую канцелярию и в церемониальную часть, как было и 10 мая⁷³³. Включение в этот приказ Третьего императорского сада совпало с отъездом императрицы и двора в Петергоф на следующий день, когда великий князь с великой княгиней уже покинули Петербург и поселились в Ораниенбауме. Елизавета вернулась в столицу утром 3 августа, и гвардейскому капитану Ащерину, командовавшему караулами, был дан приказ, согласно которому посещения Третьего Летнего сада по четвергам и воскресеньям больше не разрешались (хотя Первый и Второй сады по-прежнему были открыты в эти дни)⁷³⁴. Закрытие Третьего Летнего сада по возвращении двора наводит на мысль, что они все равно оставались в основном местом прогулок императрицы и ее семьи. Зависимость допуска в Летний сад от присутствия или отсутствия Елизаветы в Петербурге четко обозначилась в 1756 г. Приказ из Придворной канцелярии в Полицмейстерскую канцелярию от мая 1756 г. гласил, что доступ в Первый и Второй императорские сады разрешается еженедельно по четвергам, когда императрица находится в Петербурге, и по четвергам и воскресеньям, когда она отсутствует. Указ касался групп знатных и простых горожан, упомянутых ранее в указе от мая 1752 г., а среди тех, кто не допускался, числились простые матросы, дворовые и «подлые». Требования к одежде были те же, что в 1755 г.⁷³⁵

Далее в приказе говорилось, что первые два класса генералитета, а также иностранные послы, в частности Священной Римской империи, Англии и Швеции, вместе со свитами могут пользоваться Первым и Вторым Летними садами в указанные дни, когда пожелают. Наконец, там говорилось, что придворные обоего пола будут и впредь иметь свой обычный привилегированный доступ в сады – эта деталь ранее не включалась в подобные указы⁷³⁶. Привилегированный характер этой узкой группы был подтвержден очередным указом в июне 1756 г., когда императрица распорядилась пускать иностранных послов и членов генералитета от бригадира и выше в Третий императорский сад по четвергам и воскресеньям⁷³⁷. Эти указы проводили различие между социальными группами, имевшими доступ в Первый и Второй Летний сады в зависимости от присутствия Елизаветы в Петербурге, и теми, кто мог посещать любой из трех садов в оба дня. Включение Третьего императорского сада, прежде открытого только для родных императрицы, когда они

731 РГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 10. Л. 38. 10 мая 1755 г.

732 Там же. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 47. Л. 29. (Приказ в поденном караульном журнале от 17 июня 1755 г.).

733 КФЖ. 1755. С. 66. 16 июня.

734 Там же. С. 73. 3 августа; РГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 10. Л. 64 об. (Приказ капитану гвардии Михаилу Ащерину от 3 августа 1755 г.).

735 РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 48. Л. 16–16 об. (Приказ А.Б. Бутурлина в Полицмейстерскую канцелярию от 24 мая 1756 г.).

736 ПСЗ. Т. 14. № 10560. 24 мая 1756 г. С. 573–574.

737 РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 48. Л. 19. (Приказ А.Б. Бутурлина в Полицмейстерскую канцелярию от 19 июня 1756 г.). См. также: ПСЗ. Т. 14. № 10573. 19 июня 1756 г. С. 588.

пребывали в Петербурге, стало важным шагом к формированию этой узкой избранной группы, состоявшей из тех же лиц, что посещали другие закрытые придворные мероприятия для узкого круга, такие как куртаги.

Очевидно, что наряду с вопросом о доступе в сад остро стояла проблема охраны такого открытого пространства. В мае 1748 г., накануне переезда двора в Летний дворец, капитан Семеновского гвардейского полка Шубин записал перечень постов и инструкцию караульным в поденном караульном журнале. Это были постоянные караульные посты при новом Летнем дворце постройки Растрелли, близ Мойки, и при старом петровском Летнем дворце, перекрывавшие доступ к апартаментам царской семьи и к службам, например на кухни. Гвардейцы стояли у входов в сад, в частности у прохода к Партикулярной верфи на Фонтанке, а также в нескольких местах внутри самого сада, например возле Грота, где императрица часто обедала с гостями⁷³⁸. На мосту через Лебяжью канавку, отделявшем Летний сад от Царицына луга, находился постоянный караул в составе капрала и двух гвардейцев, так как здесь же был вход в Оперный дом. Гвардейские полки выделяли также патруль для несения охраны в самом саду, состоявший из младшего офицера, 2 капралов и 20 солдат⁷³⁹. Инструкции для этих караулов зависели от характера охраняемого мероприятия, и перечень с инструкцией, которые записал капитан Шубин, представляют нам стандартную процедуру. Лица, являвшиеся ко двору по служебным делам, снабжались специальным билетом или печатью, позволявшими проходить через караульные посты. В 1748 г. такие билеты были выданы священникам, дьяконам и псаломщикам, служившим в новом и старом Летних дворцах⁷⁴⁰.

Приказы по поводу придворных мероприятий, проходивших в Летнем дворце или охватывавших также Летний сад, издавались и в дальнейшем. В мае 1755 г. генералитет, иностранные посланники и дворянство с семьями (кроме маленьких детей) были приглашены на публичный маскарад в новом Летнем дворце. Однако если членам генералитета было сказано входить во дворец обычным путем, то другим гостям велели проходить через Летний сад со стороны Царицына луга, пользуясь мостом возле Оперного дома. На мосту у них проверяли билеты один из камер-лакеев императрицы и караул гвардейцев. Затем им полагалось идти по саду до Мойки и воспользоваться нижним входом, слева от Летнего дворца⁷⁴¹. Информация об этом конкретном мероприятии, содержащаяся в извещении, разосланном придворным, была внесена также в караульные журналы. Эта запись означала, что сведения переданы офицерам, командовавшим подразделением гвардии у моста близ Оперного дома, а также патрулям, несшим караул в саду, дабы избежать путаницы с приглашенными гостями⁷⁴².

Разрешение посещать Летний сад ряду социальных групп было важным шагом к развитию садов и парков как социальных пространств Петербурга. Ограничения доступа в них полностью соответствуют таким же правилам, существовавшим повсеместно в Европе. Посетители Кенсингтонского сада в тот период отмечали, что для входа в него было важно одеться должным образом, и такое же требование предъявлялось к направлявшимся на Роттен-Роу в Гайд-парке⁷⁴³. В Париже охрана тоже строго контролировала внешний вид

738 ЖДГА. 1748. С. 70–71. 1 мая.

739 РГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 10. Л. 38. (Приказ капитану гвардии Федору Вадковскому от 10 мая 1755 г.).

740 ЖДГА. 1748. С. 76. 19 мая. В этом приказе отмечается, что такие билеты уже были выпущены 4 и 18 мая.

741 КФЖ. 1755. С. 56–58. 17 и 21 мая.

742 РГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 10. Л. 43–43 об. (Приказ, записанный в поденном вахтенном журнале 17 мая 1755 г.).

743 Rudé G. Hanoverian London. London, 1971. С. 71–72.

посетителей, чтобы слуги и нижние чины не попадали ни в сады Тюильри, ни в сады Пале-Рояля⁷⁴⁴. Но в то же время Летний сад не сделался местом для платного посещения, наподобие таких парков, как Воксхолл, Мэрилебон или Ренела в Лондоне⁷⁴⁵. Идею таких парков развлечений, именовавшихся «воксалами» на английский манер, стали внедрять в Петербурге иностранные предприниматели лишь начиная с 1780-х гг.⁷⁴⁶ Но зато для горожан, желавших посещать парки, постепенно открывались другие, ранее частные сады. Например в июне 1759 г. в журнале «Праздное время, в пользу употребленное» появилось объявление о том, что сады Кадетского корпуса станут доступными в определенные дни недели лицам всех званий, за традиционным исключением слуг в ливреях и бедно одетых людей⁷⁴⁷. Использование садов и парков как мест для галантного общения утвердилось уже при Екатерине II, хотя петербургская погода по-прежнему не всегда благоприятствовала прогулкам по городу, как заметил, по крайней мере, один наблюдатель⁷⁴⁸.

НАРОДНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Выше мы рассматривали, как постепенно расширялся круг людей, допускавшихся в социальные пространства двора, но существовали и другие, более устоявшиеся формы увеселений, открытые для всех групп общества. Традиционные развлечения бытовали по всей Европе в различных формах, имевших, впрочем, общие элементы: еда и напитки, музыкальные и театрализованные увеселения, разные состязания (демонстрация физической удали или спортивные мероприятия) и кровавые забавы (медвежья травля, петушинные бои и т.п.), причем последние два вида развлечений давали возможность делать ставки⁷⁴⁹. Эти увеселения составляли основу народных гуляний, издавна проходивших по случаю религиозных праздников, таких как Масленица и Рождество, в традиционные праздничные дни, в частности Первого мая – в день начала весны, или по случаю официальных торжеств, например коронации. Народные праздники не были исключительно уделом простолюдинов, а привлекали зрителей из всех слоев общества, так что на протяжении рассматриваемого периода богатая элита предавалась многим традиционным увеселениям, хотя не обязательно на одних площадках с простолюдинами⁷⁵⁰. Кроме того, подобно любым другим формам общественных увеселений, эти праздники постоянно контролировались властями, которые их не слишком одобряли (в частности – с морализаторской точки зрения), но народная культура проявляла характерную для нее устойчивость и процветала в течение XVIII в.⁷⁵¹

744 Garrioch D. *The Making of Revolutionary Paris*. Berkeley, CA, 2002. P. 99–101.

745 Подробнее об этих парках см. классический труд: Wroth W. *The London Pleasure Gardens of the Eighteenth Century*. London, 1896.

746 Пыляев М.И. Старый Петербург: рассказы из былой жизни столицы. СПб., 1889. С. 432–435.

747 Праздное время в пользу употребленное. Ч. 1. 1759. С. 365–366. Цит. по: Smith D. *Working the Rough Stone: Freemasonry and Society in Eighteenth-Century Russia*. DeKalb, IL, 1999. P. 68.

748 Storch H.F. von. *The Picture of Petersburg*. London, 1801. P. 430.

749 О традиционных развлечениях в Англии см.: Malcolmson R. *Popular Recreations in English Society, 1700–1850*. Cambridge, 1973. P. 5–14, 34–51. О Париже см.: Isherwood R. *Entertainment in the Parisian Fairs in the Eighteenth Century* // *Journal of Modern History*. Vol. 53/1 (1981). P. 24–48.

750 Burke P. *Popular Culture in Early Modern Europe*. 3rd ed.. Farnham, 2009. P. 49–54.

751 Johnston T. *The Reformation and Popular Culture* // Andrew Pettigrew (ed.). *The Reformation World*. London, 2000. P. 547–552.

В России ярмарки, или гулянья, также были самым привычным местом общественных развлечений. Они бытовали здесь на протяжении раннего Нового времени и естественным образом переместились в Петербург вместе с населением города. Отличительной чертой петербургских гуляний было использование Невы в зимние месяцы, когда она накрепко замерзала. Лед составлял неотъемлемую часть нескольких традиционных зимних забав, например таких, как большие ледяные горы: отрезок реки вдоль Адмиралтейства и Зимнего дворца служил популярным местом этих увеселений⁷⁵². Народные праздники не только были тесно связаны с крестьянскими традициями, но и служили источником дополнительного дохода для многочисленных иностранных артистов развлекательного жанра, которые начали приезжать в Россию в XVIII в. Элементы традиционных и широко распространенных сельских народных забав были перенесены в городское окружение, что и неудивительно для раннего периода истории города, когда его население составляли в основном пришлые.

Хороший пример того, как сельские традиции ассимилировались в городском праздничном пространстве, представляют собой балаганы. Это были крытые деревянные сооружения с маленькой сценой, перед которыми расставляли грубые скамейки для зрителей. В них ставились короткие представления (обычно длившиеся 30–40 минут), а в репертуар входили элементы из русских народных сказок, сопровождаемые непристойными плотскими шутками. В балаганных представлениях действовали популярные и легко узнаваемые персонажи, которые веселили заплативших за вход русских зрителей, хотя в первое время многие из балаганщиков были иностранцами. Балагуры шутками и прибаутками зазывали толпы народа в балаганы⁷⁵³, которые являлись промежуточным звеном между традиционными русскими формами увеселения и зарождавшимися театральными зрелищами в Петербурге и других городах. Этой связи содействовал приток иностранных антрепренеров и театральных трупп, которые приспосабливались к русскому контексту, чтобы завоевать интерес публики и извлечь выгоду.

Родственная балагану форма развлечений – кукольный театр – также привлекала широкую аудиторию благодаря знакомым сюжетам и популярным персонажам народных сказок, вроде паяца Петрушки. Эти элементы связывали кукольный театр с более старой традицией сельских увеселений, так же как балаганы⁷⁵⁴. Театр кукол имел царственного поклонника в лице великого князя Петра Федоровича. В середине 1740-х гг. у него был собственный театр марионеток, в котором великий князь устраивал представления, невзирая на насмешки супруги, называвшей эти спектакли «глупейшей вещью на свете»⁷⁵⁵. В тот же период такие импресарио, как Мартин Ниренбах и Иоганн Фридрих Шютц устраивали платные спектакли для публики⁷⁵⁶. Иоганн Хильфердинг, директор Немецкого театра в Петербурге, в 1759 г. привез из Риги фокусника Фрица Антона Заргера, у которого марионетки были совсем как живые⁷⁵⁷. Более сложными механическими куклами были автоматы, и они тоже появились в России в рассматриваемый период. Так, в декабре 1756 г. французский механик Пьер де Мулен показывал разнообразные диковинки в доме графа Петра Шереметева на Миллионной улице. В его коллекцию входила маленькая заводная голландка, которая могла сшить 18 дюймов ленты в минуту, и механическая канарейка, распевавшая всякие песни, «как живая». Показ был открыт каждый день с 2 до 9 часов

752 Burgess M. Fairs and Entertainers in Eighteenth-Century Russia // SEER. Vol. 38 (1959). P. 95–96.

753 Келлер Е.Е. Праздничная культура Петербурга: очерки истории. СПб., 2001. С. 72–73.

754 Kelly C. Petrushka: the Russian Carnival Puppet Theatre. Cambridge, 1990. P. 46–58.

755 Екатерина II. Mémoires IV (1) // Сочинения. С. 232.

756 СПб. № 83. 17 октября 1743 г. С. 682; № 1. 3 января 1745 г. С. 8.

757 Burgess M. Fairs and Entertainers. P. 101–102.

полудни, причем комната, в которой были выставлены автоматы, вмещала одновременно до восьми посетителей, с которых за это удовольствие взимали немалую сумму 2 руб. 50 коп.⁷⁵⁸

Две особенно любимые народом формы увеселений внушали властям озабоченность. На протяжении всего периода на русских ярмарках пользовались популярностью медвежья травля и ручные медведи⁷⁵⁹. Однако присутствие столь опасных животных в городской среде представляло угрозу для жителей, что заставило Елизавету в 1752 г. лично запретить показ медведей в Петербурге и Москве⁷⁶⁰. Несмотря на это, в силу своей популярности медвежья травля не прекратилась даже в следующем столетии. Сестры англо-ирландского происхождения, Екатерина и Марта Уилмот, посетившие Россию в 1805 г., видели в Москве «медвежью потеху», впрочем к большому своему огорчению⁷⁶¹. Еще одной общей чертой народных гуляний по всей Европе было употребление спиртного, а потому не прекращались попытки властей взять под контроль питейные заведения и обуздать пьянство по праздникам, о чем шла речь во второй главе. Однако оно входило в карнавальные традиции многих стран, так что его, вероятно, восхваляли не меньше, чем поносили⁷⁶². Британский путешественник Уильям Ричардсон посетил Петербург в 1760-е гг. и описал несколько городских народных гуляний, которым был свидетелем. Подобно многим другим путешественникам раннего периода, он думал, что русские крестьяне, когда они не работали, проводили почти все время пьянствуя в кабаках, особенно по праздникам⁷⁶³. Напитки и закуски на ярмарке можно было купить во всяческих киосках, ларьках и у разносчиков. Одним из таких мест был «колокол» – этот большой пестрый шатер, где продавали напитки, располагался в центре событий и обычно обозначался символическим флагом и елкой⁷⁶⁴.

Популярным развлечением петербуржцев в зимние месяцы, а особенно на Масленицу, были ледяные горы. О них, как правило, рассказывается в большинстве иностранных описаний годовых городских праздников. Леди Рондо описывает эти ледяные горы, хотя она и не была поклонницей этого развлечения, так как «до потери сознания страшилась», что ей придется лететь вниз по опасному спуску⁷⁶⁵. В тот же период датский путешественник Педер фон Хавен приводит более полное их описание в своем очерке Петербурга. В сущности, ледяные горы представляли собой высокие деревянные сооружения со ступенями с одной стороны и с длинным крутым спуском с другой, уходящим к замерзшей реке. С катающихся брали по копейке за спуск, и, по наблюдению фон Хавена, ледяные горы привлекали как мужчин, так и женщин. В итоге за время его пребывания в городе здесь построили три таких горы, которые на Масленицу работали каждый день до позднего вечера⁷⁶⁶. В 1760-е гг.

758 СПб. № 101. 19 декабря 1755 г. С. 8.

759 Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: конец XVIII – начало XX века. СПб., 2004.

760 ПСЗ. Т. 13. № 9959. 13 марта 1752 г. С. 620.

761 Wilmot M. and C. The Russian Journals... 1803–1808. London, 1934. P. 192–193.

762 См., например: Muir E. Ritual in Early Modern Europe. 2nd ed. Cambridge, 2005. P. 89–92.

763 Richardson W. Anecdotes of the Russian Empire in a Series of Letters Written, a Few years Ago, from St Petersburg. London, 1784. P. 216.

764 Burgess M. Fairs and Entertainers. P. 96–97.

765 Vigor J. Letters. P. 144–146.

766 Хавен П. фон. Путешествие в Россию // Ю.Н. Беспярых (ред.). Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 339.

Ричардсон описывает процесс сооружения этих «глиссад», как он их называет. Деревянный спуск покрывали снегом и утрамбовывали, а затем сбрызгивали водой, чтобы получилась гладкая скользкая поверхность. Катающиеся скользили вниз по склону на специальных деревянных сиденьях, причем иностранцев обычно сопровождал кто-нибудь из русских, садившийся сзади, чтобы управлять спуском. Бывало, что два таких сооружения возводились друг напротив друга, и тогда можно было спуститься с одного из них и въехать на другой, избежав подъема по ступенькам⁷⁶⁷.

Павел Свиньин, оставивший описание Петербурга в начале XIX в., отмечал, что ледяные горы по традиции сооружали на Неве, особенно на отрезке между Стрелкой Васильевского острова и Дворцовой набережной, а также на реке Охте и на Крестовском острове. Каркас ледяных гор часто украшали цветными фонарями, что по ночам, во тьме петербургской зимы, создавало впечатляющую картину на льду замерзших рек⁷⁶⁸. Кроме того, они служили удобным пунктом сосредоточения для поставщиков других увеселений, вроде кукольного театра, и для продавцов всяких угощений, которые, несомненно, рассчитывали на клиентуру из числа людей, застрявших в длинной очереди на ледяную гору⁷⁶⁹. Интересно, что ледяные горы – это пример народного развлечения, которое любила также элита, хотя это не значит, что те и другие обязательно оказывались вместе на одном склоне⁷⁷⁰.

Екатерина II попробовала такое катание, когда в начале 1752 г. гостила на даче у графа Николая Чоглокова, на одном из островов в устье Невы. Для Чоглокова и его гостей были устроены катальные горы на близлежащей реке. Екатерина спускалась с горы на санках вместе с графом Михаилом Воронцовым; на других санях ехали княжна Дарья Гагарина и граф Иван Чернышев⁷⁷¹. Рискованный характер этого развлечения стал очевиден, когда сани Екатерины перевернулись и она повредила руку – об угрозе такого рода писали и иностранные гости Петербурга⁷⁷². Неверная скользкая поверхность и внушительная высота ледяных гор таили опасность несчастных случаев, так что Полицейстерская канцелярия была обязана следить, чтобы верхние части спуска имели перила⁷⁷³. Существовали и летние эквиваленты ледяных гор, обычно именовавшиеся «катальными горками», по которым скатывались на колесных тележках, позволявших разгоняться в отсутствие льда. Два знаменитых примера таких гор были сооружены для двора в рассматриваемый период. В 1740-х гг. русский инженер Андрей Нартов построил катальную горку для Елизаветы в Царском Селе, хотя потом, в 1757 г., ее перестроил и снабдил павильоном Бартоломео Растрелли. В комплексе катальной горки в Ораниенбауме в 1750-е гг. был сооружен постоянный павильон для великого князя Петра и великой княгини Екатерины, а в 1762–1774 гг. его обновил Антонио Ринальди⁷⁷⁴. Павильон сохранился до сих пор, хотя и в довольно ветхом состоянии.

767 Richardson W. Anecdotes of the Russian Empire. P. 212–213.

768 Свиньин П. Достопамятности Санктпетербурга и его окрестностей. СПб., 1997. С. 76–78.

769 Конечный А.М. Петербургские народные гулянья на масленой и пасхальной неделях // Н.В. Юхнева (ред.). Петербург и губерния: историко-этнографические исследования. Л., 1989. С. 23.

770 Берх К.Р. Путевые заметки о России // Ю.Н. Беспярых (ред.). Петербург Анны Иоанновны. С. 121.

771 Екатерина II. Mémoires IV (2) // Сочинения. С. 309–310.

772 См., например: Хавен П. фон. Путешествие. С. 339.

773 Высоцкий И.П. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство. 1703–1903. СПб., 1903. С. 41.

774 Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. I. Осьмнадцатое столетие. СПб., 1903. Ч. 1. С. 448–449.

Естественно, что эти народные гулянья больше всего привлекали низшие слои общества своей грубостью и незатейливостью, как и сравнительной дешевизной. Для огромной части населения, у которой, в отличие от элиты, было очень мало других общественных развлечений, они играли важную роль в праздничной жизни⁷⁷⁵. При этом непреходящая популярность народных увеселений во всех слоях общества показывает, что многие традиционные элементы праздничной культуры сохранялись в новом городе, наряду с модными новшествами, исходившими от двора. То обстоятельство, что они раз за разом появляются в описаниях Петербурга, принадлежащих перу иностранных авторов, в частности близких ко двору, наводит на мысль о том, что любить традиционные увеселения, вроде ледяных гор, не считалось зазорным для придворной верхушки.

В середине XVIII в. русская элита общалась друг с другом в других пространствах и предпочитала иные развлечения, чем ее старомосковские предшественники. За исключением пусть и важных, но единичных начинаний при царе Алексее Михайловиче, драматический театр, опера и балет были, в целом, незнакомы большинству русских зрителей начала XVIII в. В других развлечениях присутствовали общие черты с народной традицией, например в музыкальных увеселениях и в некоторых элементах маскарада, но они происходили в новых социальных пространствах – да и сам Петербург был таким пространством – и требовалось приспособлять форму к содержанию. Попытки расширить степень доступности каждого из этих пространств, ранее предназначенных только для элиты, отражают стремление создать подходящую аудиторию для таких мероприятий. Впрочем, привилегированная обстановка двора, в которой они происходили, требовала, чтобы доступ строго ограничивался – гости должны были по такому случаю выглядеть достойно, а выпуск билетов позволял регулировать их число. Кроме того, для разных групп отводились отдельные входы, в чем явно ощущалась иерархичность. И все-таки расширение зрительской аудитории, вместе с покровительством двора иностранным театральным труппам и другим антрепренерам, способствовало становлению платных развлекательных мероприятий, когда деньги служили главным средством получения доступа. Они включали в себя традиционные элементы русской праздничной культуры и пользовались любовью и верхушки общества, и простых горожан, потому что новый петербургский контекст не изменил существенно ни их природу, ни общедоступный характер.

Глава 5

ОБУЧЕНИЕ: ФОРМИРОВАНИЕ АУДИТОРИИ

Когда в домах знати стало собираться общество, это повлекло за собой другие новшества: появились новые формы взаимодействия (прежде всего танцы), женщин впервые в России стали открыто привлекать к участию в светских мероприятиях. В итоге русская элита вступила на незнакомую почву. Общество испытывало растерянность, которую усугубляли принудительные для горожан перемены в повседневной одежде и в уходе за внешностью. Эти новшества трансформировали процесс личного взаимного общения не только между мужчинами и женщинами, но и между представителями разных социальных групп. В результате этих преобразований русской элите пришлось приспособляться к требованиям новой социальной обстановки, и в настоящей главе мы рассмотрим некоторые ключевые элементы этого процесса. Ядром многих замыслов Петра I, касавшихся русского дворянства, было образование, особенно потому, что дворянам предстояло играть роль служилой элиты. Хотя главные интересы Петра в сфере образования были практическими, с акцентом на знания, интересовавшие его самого и считавшиеся полезными для государства, но и навыки общения являлись важной частью дворянского обучения, так как могли способствовать продвижению интересов России в дипломатической и коммерческой сфере. Такое отношение к образованию получило дальнейшее развитие при преемниках Петра с

⁷⁷⁵ Burgess M. *Fairs and Entertainers*. P. 98.

учреждением специальных высших учебных заведений, таких как Кадетский корпус. В первую очередь, Кадетский корпус давал молодым дворянам военное образование, но, Тем не менее здесь их учили также танцам и другим дисциплинам, полезным в социальном окружении.

Важным элементом дворянского образования в этот период становится усвоение манер и социальных ролей, соответствующих новым общественным пространствам Петербурга. Здесь вводились новые формы светских собраний, для которых уже не годился в неизменном виде тот тип официального поведения, который был принят у старомосковской верхушки, прежде всего по случаю церемониальных придворных мероприятий, но также и в обыденных ситуациях, вроде встречи и приема гостей. Первый русский трактат, посвященный обхождению в обществе, «Юности честное зерцало», был издан в 1717 г. как средство преодоления этой *naïveté*, патриархальности, в среде русской знати. Танцы – еще одна дисциплина, которую постигали молодые дворяне, – занимали видное место среди придворных развлечений. Они не только способствовали расширению светских контактов между мужчинами и женщинами, помогая преодолевать социальную неловкость на подобных собраниях, но и учили выразительно и свободно управлять своим телом. Наряду с происходившими в то время изменениями в одежде и внешнем облике, танцы сообщали своим участникам четко очерченные роли. В то же время полученные при этом навыки позволяли грациозно двигаться в недавно введенных европейских нарядах для дворянства и для других групп городского населения. Новая одежда не только изменяла физический облик, но и влияла на представления о красоте и благопристойности. Все эти преобразования требовали от петербуржцев, как и от русского общества в целом, держаться и одеваться на незнакомый манер, что не у всех получалось одинаково хорошо.

ОБРАЗОВАНИЕ

Ситуация в сфере образования часто используется для противопоставления Московского царства его европейским соседям в период раннего Нового времени. Церковь тогда сохраняла господствующие позиции в образовании и науке, которые она занимала в Средние века во всех странах Европы, хотя между западной и восточной христианскими традициями существовали серьезные различия. Расцвет гуманизма в эпоху Возрождения и острая идеологическая борьба времен Реформации оказали важнейшее влияние на объем и характер образования в западном христианском мире. Православное христианство вело многие свои традиции от византийского наследия, а полемика Реформации в основном была безразлична для православных, которые видели в своих западных единоверцах прежде всего еретиков. К тому же православное мировоззрение не поощряло традицию интеллектуальных исканий, побуждавших европейцев к философским и научным трудам в XVI–XVII вв. В отличие от средневековых учебных заведений Англии, Франции, Италии и Германии Россия основала у себя первый настоящий университет лишь в середине 1750-х гг.⁷⁷⁶ Ведущими образовательными центрами Московского царства были Киево-Могилянская академия, подчиненная русским властям с присоединением Левобережной Украины в 1650-х гг., и Славяно-греко-латинская академия в Москве, основанная в 1687 г.⁷⁷⁷ Оба этих учреждения были знакомы с идеями и методами западного христианства и изучали их, но главной их целью была подготовка православного духовенства.

В Европе раннего Нового времени формы обучения были многообразны. Низы общества посылали своих детей в местную школу, где азам грамоты и некоторым

⁷⁷⁶ Обзор истории основания университетов см.: *Frijhofs W. Patterns* // Hilde de Ridder-Symoens (ed.). *A History of the University in Europe*. Cambridge, 1996. Vol. 2. P. 74–94.

⁷⁷⁷ Об этих двух учебных заведениях см.: *Chapirova L. Latin Books and the Eastern Orthodox Clerical Elite in Kiev, 1632–1780*. Manchester, 2006. (особенно с. 47–55); *Chrissidis N. Creating the New Educated Elite: Learning and Faith in Moscow's Slavo-Greco-Latin Academy, 1685–1694*. Unpublished PhD Thesis. Yale University, 2000.

практическим навыкам учил их приходской священник или всякий, кому была охота учить. Одним из таких примеров были *Winkelschulen*, начальные школы, существовавшие во многих германских городах, но регламентировать их работу было трудно, и нередко они вызывали нарекания⁷⁷⁸. В верхних слоях общества для обучения детей имелось гораздо больше возможностей, как официальных, так и частных. У дворянства бытовала устойчивая традиция домашнего образования силами наставников, которую поддерживали такие авторы педагогических трактатов, как Джон Локк⁷⁷⁹. Однако в отношении детей дворянства и прочих социальных групп существовала также тенденция перехода к официальному классическому образованию, предлагавшемуся в XVII в. в таких образовательных учреждениях, как английские грамматические школы, французские коллежи, германские *Fürstenschulen*⁷⁸⁰. В тот же период происходил поворот к созданию специальных учебных заведений, предназначенных, главным образом, для дворян, например *Ritterakademien* в нескольких германских государствах. В этих академиях для дворянства преподавались как академические предметы, так и практические навыки, включая верховую езду, фехтование и танцы, считавшиеся обязательными для подготовки молодых дворян к их будущей роли гражданских служащих и офицеров⁷⁸¹. В XVIII в. известные учебные заведения такого рода открылись в Берлине (в 1717 г.), в Вулидже (в 1741 г.) и в Вене (в 1752 г.).

На протяжении почти всего периода раннего Нового времени в России отсутствовала официальная институциональная образовательная структура, помимо домашнего обучения, кроме школ для подготовки духовенства. За неимением такой структуры большинство русского дворянства обучалось на индивидуальной основе под руководством домашних или приходских священников, использовавших традиционные методы – Псалтырь, Часослов, азбуку, а горожане шли в обучение к опытным ремесленникам, чтобы освоить профессию⁷⁸². Петр I в 1670-е гг. на себе испытал недостатки традиционного образования, хотя общеизвестные черты его характера позволяют предполагать, что он не был усердным и послушным учеником⁷⁸³. И поэтому Петр был убежден, что определенные меры для реформирования образования принять необходимо, чтобы повысить эффективность государственной службы некоторых групп русского общества, а также изменить их культурные установки. Интенсивный и часто технический характер петровского образования требовал много времени, а это значило надолго разлучать детей с родителями, особенно если для этого нужно было уезжать куда-либо внутри России или за границу⁷⁸⁴. Так же как современники в других странах, Петр и его преемники горячо стремились реформировать и регламентировать образование, особенно подготовку будущих командиров армий и руководителей администрации.

778 *Friedrichs Ch.* Whose House of Learning? Some Thoughts on German Schools in Post-Reformation Germany // *History of Education Quarterly*. Vol. 22 (1982). P. 371–377.

779 *Jewell H.* Education in Early Modern England. Basingstoke, 1998. P. 104.

780 *Houston R.* Literacy in Early Modern Europe: Culture and Education, 1500–1800. London, 1988. P. 23–26.

781 *Simone M.R. di.* Admission // *Hilde de Ridder-Symoens (ed.). A History of the University in Europe*. Cambridge, 1996. Vol. 2. P. 317–318.

782 *Black J.* Citizens for the Fatherland: Education, Educators and Pedagogical Ideals in Eighteenth-Century Russia. New York, 1979. P. 15–22.

783 Об образовании Петра см.: *Астров Н.* Первоначальное образование Петра Великого // *Русский архив*. 1875. Вып. 8. С. 480–481.

784 *Семенова Л.Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 101.

Поскольку остальная Европа подавала примеры для многих реформ Петра, то неудивительно, что он искал иностранного наставничества в ряде ключевых областей образования. Взяв с собой в Великое посольство 61 дворянина, он положил начало политике отправки русских людей в Англию, Голландию, Германию, Италию и Испанию осваивать те предметы, которым не учили в России⁷⁸⁵. Изначально особую важность полагали в освоении таких навыков, которые Петр считал полезными, а потому приоритет отдавался областям знания, связанным с военным и морским делом. Один из русских учеников, Иван Неплюев, впоследствии описал свой опыт. Он был одним из 30 молодых людей, посланных в Венецию в 1716 г. учиться на гардемарин. Затем в 1719 г. их отправили служить на испанский флот. Официальная их подготовка охватывала изучение военной теории, фехтование и танцы. Кроме того, они объездили многие крупные порты Западного Средиземноморья. Неплюев повествует о том, какие трудности ожидали этих молодых людей. Они мучились с местными языками, не понимали смысла в своих занятиях и нередко сидели без денег. Мало того, несколько членов их группы умерли или сошли с ума. Остальные вернулись в Россию в мае 1720 г. и были экзаменованы Петром, после чего их разослали служить на флот⁷⁸⁶. Молодые дворяне никоим образом не были единственной социальной группой, охваченной этим процессом. Например 40 приказных в марте 1716 г. отправились в Кенигсберг осваивать административную практику и немецкий язык, сыновья московских купцов с июня 1716 г. обучались коммерческому делу в Голландии, а другие студенты в тот же период изучали искусство и архитектуру в Италии⁷⁸⁷.

Обучение за границей не пользовалось в России популярностью. Перспектива отправить своего наследника на чужбину, вложив при этом собственные средства на его содержание, не могла понравиться многим дворянским семействам. Да и самих молодых людей это обескураживало, ведь им не только предстояло провести долгое время в разлуке с семьями – например у Неплюева ко времени отъезда из России была жена и двое детей, – их к тому же посылали в неправославные страны, о которых они не имели никакого представления⁷⁸⁸. Тем не менее уклоняться от исполнения петровских указов было неразумно. В.П. Шереметев подвергся наказанию за то, что в 1709 г. позволил жениться сыну, получившему приказ ехать на учебу за границу, и свадьба задержала отъезд⁷⁸⁹. Впрочем, существовали и такие контраргументы, преодолеть которые было трудно. Так, Вебер, описывая русских женщин во время своего визита в Москву в 1716 г., упомянул про выдвинутый около 1711 г. и неосуществившийся план посылать за рубеж молодых девиц, «дабы они усвоили там иностранные языки и обычаи». По его мнению, этот план провалился из-за возражений нравственного порядка со стороны родителей, боявшихся, что общение с иностранцами пагубно повлияет на их дочерей⁷⁹⁰. Более практическое объяснение состояло в том, что большая часть расходов на поездку возлагалась на семьи девиц, а они отказывались платить. Кроме того, положение с образованием менялось благодаря развитию подходящих учебных заведений в самой России. В 1715 г. Петр издал указ, которым предписывалось всем

785 *Okenfuss M.* Russian Students in Europe in the Age of Peter the Great // John Garrard (ed.). *The Eighteenth Century in Russia*. Oxford, 1973. P. 131–145.

786 *Неплюев И.И.* Записки // В.П. Наумов (ред.). *Империя после Петра. 1725–1765*. М., 1998. С. 389–420.

787 *Hughes L.* *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven, CT, 1998. P. 306.

788 *Богословский М.М.* Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. 2-е изд. Пг., 1918. С. 11.

789 *Hughes L.* *Russia in the Age of Peter the Great*. P. 174.

790 *Weber F. Ch.* *The Present State of Russia*. London, 1968. Vol. 1. P. 149.

дворянским семьям посылать детей старше 10 лет учиться в Петербург. При этом в указе содержалось заверение в том, что за границу их не пошлют⁷⁹¹.

Отправка молодых дворян на учебу за границу составляла лишь часть более широкого взаимодействия с Европой в царствование Петра. Другим элементом этого процесса было преобразование российской дипломатической политики и службы в начале XVIII в. Петр сделал важный шаг, учредив постоянные посольства при других ведущих европейских дворах – в Лондоне, Париже, Вене и Берлине⁷⁹². Независимо от того, направлялись ли россияне в чужие страны учиться или представлять Россию как дипломаты, этот опыт давал им ряд важных культурных уроков. Из чтения и наставлений на родине они получали определенные сведения о том, как вести себя в обществе в некоторых ситуациях, но практический опыт был куда важнее. Жизнь за границей давала множество случаев наблюдать за общественной жизнью Европы и участвовать в ней – посещать театры и балы, бродить по европейским городам, бывать в гостях⁷⁹³. Петр Толстой и Андрей Матвеев были одинаково поражены костюмом и поведением иностранок, когда один из них был во Франции, а другой в Италии, хотя Толстой проявил при этом скорее ханжество, чем любознательность⁷⁹⁴.

Внутри страны непрерывный процесс петровских реформ убеждал в том, что образование как на центральном, так и на местном уровне является необходимым средством для воспитания полезных подданных хорошо организованного полицейского государства и членов общества. Хотя Петр, естественно, горячо стремился перестроить существующую систему для достижения своих целей, он не отбросил ее совсем. Образованием тогда ведала церковь с ее обширной сетью причта, и потому именно в руках церкви находились ключи к любым реформам этой системы. Официальная роль церкви в образовании была зафиксирована в «Духовном регламенте» 1721 г., в котором подробно оговаривались ее обязанности в сфере финансов и управления⁷⁹⁵. Неотъемлемые пособия – Псалтырь, Часослов, азбука – также оставались базой для обучения основам грамотности. Как и в случае других петровских начинаний, результаты реформ образования были неоднозначными. При создании провинциальных «цифирных» школ в 1714 г. использовалась существующая сеть школ при церковных приходах, монастырях или организованных силами отдельных священнослужителей, в которых раньше учились только мальчики, предназначенные для духовного звания⁷⁹⁶. Теперь этим школам были приказано принимать мальчиков из разных социальных слоев для обучения грамоте и счету⁷⁹⁷. Это новое начинание по ряду причин оказалось в основном безуспешным. От будущих учеников требовался определенный уровень грамотности при поступлении, что давало преимущество детям местных чиновников и духовенства. Впрочем, последним в 1722 г. было позволено

791 ПСЗ. Т. 5. № 2968. 20 декабря 1715 г. С. 186.

792 Молчанов Н.М. Дипломатия Петра Великого. М., 1990.

793 Богословский М.М. Быт и нравы русского дворянства. С. 12.

794 См., например: Tolstoy P. A. The Travel Diary of Peter Tolstoy. С. 75–76 (Венеция), с. 209 (Неаполь), с. 242 (Мальта), с. 298 (Рим) (см. на русском: Толстой П.А. Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе (1697–1699). М., 1992); Матвеев А.А. Русский дипломат во Франции. Записки Андрея Матвеева. Л., 1972. С. 198.

795 Prokopovich F. The Spiritual Regulation of Peter the Great / Ed. and transl. Alexander Miller. Seattle, WA, 1972. P. 20–21, 30–39.

796 Bissonnette G. Peter the Great and the Church as an Educational Institution // J. Curtiss (ed.). Essays on Russian and Soviet History in Honor of Geroid Tanquary Robinson. Leiden, 1963. P. 8–9.

797 ПСЗ. Т. 5. № 2762. 20 января 1714 г. С. 78.

переходить в новые церковные школы⁷⁹⁸. Другие семьи не хотели посылать детей в цифирные школы, потому что по возрасту было уже пора приставлять их к работе. В итоге из 2 тыс. учеников, посещавших цифирные школы в первое десятилетие после их учреждения, обучение закончили лишь около 300 человек, а примерно вдвое больше сбежало или было исключено⁷⁹⁹. В 1744 г. уцелевшие цифирные школы слили с гарнизонными школами, учрежденными в начале 1730-х гг. при всех армейских полках для обучения солдатских детей⁸⁰⁰.

Еще одним направлением реформы образования стало создание новых специальных учебных заведений, многие из которых размещались в Петербурге. Морская академия, основанная здесь в конце 1715 г., являлась дальнейшим развитием модели московской Школы математических и навигацких наук, существовавшей с 1701 г.⁸⁰¹ На организацию же последней Петра вдохновило посещение Королевской математической школы при Госпитале Христа в Лондоне во время его визита в 1698 г. При открытии в Навигацкую школу было набрано 200 учащихся⁸⁰². Морская академия в Петербурге, созданная по примеру морских школ в Тулоне и Бресте, обеспечивала будущим членам петровской служилой элиты более широкий спектр изучаемых предметов⁸⁰³. Помимо базового технического образования по типу московской Навигацкой школы, учащимся Морской академии преподавали также гражданское право, геральдику и другие «шляхетные науки». Сильный упор делали на иностранные языки: здесь можно было учить английский, французский, итальянский, немецкий, шведский, датский и латынь⁸⁰⁴. В описании Российской империи, созданном Иваном Кириловым в конце 1720-х гг., содержатся данные по составу учебных классов Морской академии. Из списка выясняется, что некоторые предметы преподавали только дворянским детям – а именно геометрию, тригонометрию, астрономию и географию, как и вышеупомянутые «шляхетные науки». По другим общим предметам, таким как рисование и танцы, распределение учеников было гораздо более равномерным, так как они, вероятно, считались полезными умениями для всех молодых людей. Единственными занятиями, на которых ученики недворянских социальных слоев численно превосходили дворян, были те, на которых учили грамоте⁸⁰⁵. Тот факт, что при обучении двух групп детей те или иные предметы преподавались в разном объеме, связан с социальными ролями, которые их ждали в будущем. Дворянам предстояло стать морскими офицерами, а остальные, скорее, поступали на государственную службу в качестве землемеров, осваивали какую-нибудь специальность, вроде архитектуры, или шли учителями в новые цифирные школы⁸⁰⁶.

798 Там же. Т. 6. № 4021. 31 мая 1722 г. С. 697–699.

799 *Okenfuss M.* Technical Training in Russia under Peter the Great // *History of Education Quarterly*. Vol. 13 (1973). P. 338–339.

800 ПСЗ. Т. 12. № 9054. 26 октября 1744 г. С. 247–251; ПСЗ. Т. 8. № 6188. 21 сентября 1732 г. С. 928–930.

801 Там же. Т. 5. № 2937. 1 октября 1715 г. С. 173–176.

802 *Plumley N.* The Royal Mathematical School, Christ's Hospital // *History Today*. Vol. 23/8 (1973). P. 581–587; *Hans N.* The Moscow School of Mathematics and Navigation (1701) // *SEER*. Vol. 29 (1951). P. 532–526.

803 *Okenfuss M.* Technical Training. P. 334–335.

804 *Веселаго Ф.Ф.* Очерк истории морского кадетского корпуса. СПб., 1852. С. 37–47.

805 *Кирилов И.К.* Цветущее состояние всероссийского государства // Ред. Б.А. Рыбаков, Л.А. Гольденберг, С.М. Троицкий. М., 1977. С. 51.

806 *Ryan W.* Navigation and the Modernisation of Petrine Russia: Teachers, Textbooks, Terminology // *Bartlett R., Harley J. (eds.). Russia in the Age of the Enlightenment: Essays for Isabel de Madariaga*. London, 1990. P. 79.

Наряду с Морской академией в рассматриваемый период в Петербурге были созданы и другие специальные учебные заведения. Инженерная школа, основанная в 1719 г., и школа при Санкт-Петербургской Артиллерийской лаборатории, основанная в 1721 г., были связаны с аналогичными заведениями, созданными несколько ранее в Москве. Инженерная школа в Петербурге затем, в 1723 г., поглотила свой московский прототип⁸⁰⁷. Существовали также планы создания школ более низкого уровня для других социальных групп. «Регламент, или устав Главного магистрата», изданный в начале 1721 г. для нового органа городского управления, предписывал открывать школы в городах для обучения грамоте и счету⁸⁰⁸. Кроме того, Петр учредил школы при Адмиралтействе, чтобы учить грамоте и счету ремесленников разных профессий и матросов в целях повышения их производительности труда. «Регламент управления Адмиралтейства и верфи» 1722 г. предусматривал обучение сыновей адмиралтейских плотников и других ремесленников основам грамоты и геометрии⁸⁰⁹. Учителями в этих школах были, главным образом, духовные лица, хотя в перечень преподавательского состава, сделанный Священным синодом в 1722 г., входили также конторские служащие, отставные солдаты и даже дворовые люди. Они получали жалованье от властей, а учили по традиции – по Псалтыри, Часослову и азбуке⁸¹⁰. В любом случае из-за ограниченных средств, образовательные планы часто оставались неосуществленными. Зато частные начинания, которые в этот период затевали некоторые видные деятели, оказывались несколько успешнее. Так, архиепископ Феофан Прокопович в 1721 г. учредил школу для сирот и других «недостаточных» детей различного социального происхождения в своем петербургском доме на Карповке. Школа пользовалась хорошей репутацией – Прокопович получил образование в Киево-Могилянской академии и написал букварь специально для своих учеников, – но закрылась вскоре после его смерти в 1736 г.⁸¹¹

В рассматриваемый период в России все чаще стали брать в учителя иностранцев. Обычай нанимать иноземных наставников входил в обыкновение среди московской верхушки к концу XVII столетия, но в начале XVIII в. он окончательно утвердился, причем тон задавала царская семья. Например при весьма сдержанном отношении царицы Прасковьи Федоровны к некоторым из реформ ее деверя на образование она смотрела иначе. Она позаботилась о том, чтобы три ее дочери – Екатерина, Анна и Прасковья – получили как традиционное образование, опирающееся на букварь, так и освоили новые предметы, в том числе иностранные языки (французский и немецкий) и танцы. Для этого она наняла вестфальца Дитриха Остермана, брата Генриха (Андрея Ивановича) Остермана – ведущего представителя петровской администрации, а также Этьена Рамбура, француза, учившего впоследствии дочерей Петра, Анну и Елизавету⁸¹². Княгиню Наталью Борисовну Долгорукую (урожденную Шереметеву) с братьями учила швейцарская гувернантка Мария Штауден, которую пригласили родственники Натальи⁸¹³.

Несмотря на препятствия, стоявшие перед реформами образования, их воздействие на молодое поколение постепенно становилось заметным, особенно в овладении иностранными

807 Бенда В.Н. Первые российские артиллерийские и инженерные школы в конце XVII – первой четверти XVIII века // Военно-исторический журнал. № 9. 2009. С. 23–28.

808 ПСЗ. Т. 6. № 3708. 16 января 1721 г. С. 302.

809 Okenfuss M. Technical Training. P. 340; ПСЗ. Т. 6. № 3937. 5 апреля 1722 г. С. 535.

810 Семенова Л.Н. Очерки истории быта. С. 94–95.

811 Black J. Citizens for the fatherland. P. 28.

812 Семевский М.И. Царица Прасковья. 1664–1723. Л., 1991. С. 34.

813 Корсаков Д. Княгиня Наталья Долгорукая // Исторический вестник. Вып. 23. 1886. С. 265.

языками. В 1721 г. французский посол Жак де Кампредон заметил, как грациозна и очаровательна дочь Андрея Матвеева, Мария (будущая жена генерала А.И. Румянцева), в чем он увидел плоды хорошего воспитания⁸¹⁴. Берхгольц так же отозвался о маленькой княжне Черкасской, прибавив, что она вполне могла быть воспитана во Франции⁸¹⁵. Опыт службы за границей также мог повлиять на решения по поводу образования детей, как было в случае с графом Н.Ф. Головиным, хорошо говорившим по-английски и по-французски после службы на английском корабле с 1708 по 1716 г. Впоследствии он проследил за тем, чтобы его сыновей и дочерей, среди прочих предметов, обучили иностранным языкам⁸¹⁶. Берхгольц несколько раз отмечал, что и мужчины, и женщины, принадлежащие к русской знати, хорошо владеют французским, немецким и итальянским, хотя не уточнил, насколько свободно они говорят⁸¹⁷. Важность, придававшаяся изучению иностранных языков и практическому владению ими, как в официальном образовании, так и в дидактической литературе того времени, отражает их роль средства социального взаимодействия. К середине XVIII в. французский язык уже был обязателен среди русской элиты, как и при многих других европейских дворах⁸¹⁸.

Перемена подхода к образованию дворян повлекла за собой основание специальных учебных заведений, обслуживающих потребности элиты и сходных с академиями для молодых дворян в других европейских странах. В середине 1731 г. по представлению генерала Б.Х. фон Миниха, губернатора Петербурга и президента Военной коллегии, был основан Сухопутный шляхетский кадетский корпус⁸¹⁹. В предварительном варианте проекта организации этого учебного заведения упомянут образец берлинского Королевского кадетского корпуса, основанного в 1717 г.⁸²⁰ Кадетский корпус был не просто функциональной школой для военного обучения. Разумеется, главной его задачей была подготовка молодых людей, способных с пользой служить отечеству в военной или гражданской сфере, но при этом учитывалась потребность в европейском воспитании дворянства. Кадетов обучали академическим дисциплинам – арифметике, истории, юриспруденции и др., и сверх того, им давали знания и умения, которыми полагалось владеть дворянину, – учили верховой езде, фехтованию, танцам, иностранным языкам. В Кадетский корпус ежегодно принимали 150 учащихся из русских дворян и 50 из остзейских немцев. С 1732 по 1762 г. обучение в нем проходили около 2 тыс. учащихся, из которых окончили курс 1557 человек⁸²¹. В 1752 г. в Санкт-Петербурге открылся еще один кадетский корпус – Морской, который заместил собой тогдашнюю Морскую академию и несколько других небольших морских школ. В его расписании царя была такая же смесь духовных, академических

814 СИРИО. Т. 40. С. 390. Де Кампредон – кардиналу Дюбуа. Санкт-Петербург, 12.12.1721.

815 Берхгольц Ф.В. фон. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца (1721–1725). Гл. 1, 2 // Неистовый реформатор. С. 168

816 Богословский М.М. Быт и нравы русского дворянства. С. 18–19. См. также: Берхгольц Ф.В. Дневник // Неистовый реформатор. С. 292.

817 См., например: Берхгольц Ф.В. Дневник // Неистовый реформатор. С. 160, 248.

818 См., например: Fumaroli M. When the World Spoke French / Transl. R. Howard. New York, 2011.

819 ПСЗ. Т. 8. № 5881. 29 июля 1731 г. С. 793–794.

820 РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 76 (проект об учреждении кадетского корпуса, найденный в бумагах Верховного тайного совета. Ок. 1726–1730 гг.). Л. 1–4 об.

821 Black J. Citizens for the fatherland. P. 47–48.

и практических дисциплин, как в его сухопутном эквиваленте, а прием производился по большей части из дворянских семей⁸²².

Молодым дворянам не только прививали военные и академические знания, но и поощряли применять свое образование в новой социальной среде, а потому кадетов приглашали на регулярные вечерние мероприятия при дворе, в частности на балы-маскарады⁸²³. Кроме того, кадеты на практике использовали полученные знания в иностранных языках, занимаясь переводами, причем не только технических и научных трудов, но и литературных и исторических сочинений. Позднее плоды этих усилий пришли к читателю с открытием типографии в Кадетском корпусе в конце 1750-х гг.⁸²⁴ Переводческие занятия также подтолкнули кадетов собираться в литературные кружки, один из которых, Общество любителей российской словесности, основал А.П. Сумароков, будущий выдающийся драматург и директор первого постоянного русского театра. К учащимся того периода принадлежат М.М. Херасков, П.А. Румянцев-Задунайский, И.П. Елагин – выдающиеся фигуры русской культурной и политической жизни в эпоху Екатерины II⁸²⁵. Еще одной площадкой, где кадеты могли применить свое образование для участия в жизни светского общества, был театр, и не в последнюю очередь благодаря помощи своих учителей в устройстве представлений для двора. В результате кадеты выступали как артисты в ряде комедий, трагедий и балетов, ставившихся при дворе в течение всего рассматриваемого периода, причем в 1750–1760-х гг. – под руководством Сумарокова⁸²⁶.

Альтернативой государственным образовательным учреждениям, особенно для дворянских детей, были пансионы (от франц. *pension*) – частные школы, обучавшие детей грамоте, иностранным языкам, танцам и «пристойному обхождению». Объявления, рекламировавшие эти школы, а также услуги иностранных гувернеров и гувернанток для мальчиков и девочек, печатались в «Санктпетербургских ведомостях» всю первую половину XVIII в.⁸²⁷ Оценить образовательную подготовку и преподавательский уровень этих гувернеров русским нанимателям было трудно, потому что многие из них не имели достаточного опыта в общении с иностранцами. Любой француз с легкостью мог получить место домашнего наставника, если представлял будущим работодателям убедительные рекомендации, настоящие или фальшивые⁸²⁸. Поэтому в 1757 г. Елизавета издала указ, которым предписывалось всем иностранным гувернерам сдавать экзамен при Академии наук или при вновь учрежденном Московском университете, прежде чем наниматься на работу. Гувернеров, признанных не соответствующими должности, могли депортировать, а нанявшим их людям грозил штраф, если они игнорировали требования указа⁸²⁹. Те же

822 *Веселаго Ф.Ф.* Очерк истории. С. 115–140; ПСЗ. Т. 13. № 10062. 15 декабря 1752 г. и «Книга штатов». 2. С. 45–53.

823 См., например: РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Т. 1. Д. 2637. Л. 1–23 об. (О бытии при Выс. дворе маскарадов, 1753–1754); Там же. Д. 2702. Л. 1–17 об. (О бывших корпусных чинах при дворе на маскараде, 1755).

824 *Marker G.* Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700–1800. Princeton, NJ, 1985. P. 77–78; РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Т. 1. Д. 2656. Л. 1–8. (О переводе французских книг на русский язык, 1754–1756).

825 *Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility. New York, 1966. P. 139.

826 *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* История театрального образования в России. СПб., 1913. Т. 1. С. 201–215.

827 См., например: СПВ. № 18. 3 марта 1749 г. С. 7; № 81. 9 октября 1752 г. С. 7; № 59. 25 июля 1755 г. С. 7.

828 Этот вопрос был поднят в указе об основании Московского университета в 1755 г.: ПСЗ. Т. 14. № 10346. 24 января 1755 г. С. 286.

829 ПСЗ. Т. 14. № 10724. 5 мая 1757 г. С. 765.

гувернеры, которые благополучно сдавали экзамен, упоминали это отличие в своем объявлении в «Ведомостях»⁸³⁰.

Два описания того времени проливают свет на некоторые проблемы образования в первой половине XVIII в. М.В. Данилов (1722–1790) вспоминал, как в детстве, лет семи, он учился читать вместе с двоюродными братьями Елисеем и Борисом у местного пономаря Брудастого и его жены. В середине 1730-х гг. он поступил в Московскую Артиллерийскую школу, но школа была плохая, а преподаватели никудышные и страдали пороками. Данилов приводит примеры артиллерии кадета Алабушева, страшного пьяницы – школе приходилось вытаскивать его из тюрьмы по меньшей мере трижды, – и капитана Гринькова: тот был прилежным учителем, но у него была отрезана рука ниже локтя, и, возможно, из-за этого он страдал тяжелым заиканием. Неудивительно, что многие ученики разбегались или уваливали от занятий под предлогом болезни. В 1740-х гг. Данилов перешел в Артиллерийскую школу в Петербурге, где до него учился его брат Василий и где преподавательский штат был лучше⁸³¹. Он стал умелым чертежником, затем работал в артиллерийской лаборатории своей школы над проектами новых орудий и фейерверков⁸³².

А.Т. Болотов (1738–1833) в «Воспоминаниях» описывал свое обучение в детстве. Оно началось, когда ему, шестилетнему, вместе с другими местными детьми, преподавал Евангелие учитель-украинец. Когда Болотову исполнилось восемь, его отец, полковник, привлек одного из своих младших офицеров-немцев к обучению сына немецкому языку и арифметике, но военная ментальность учителя сказывалась слишком очевидно, потому что он то и дело пускал в ход розги. Третьему его наставнику посчастливилось получить университетское образование, и он преподавал немецкий, французский, рисование и азы географии⁸³³. После этого Болотова отправили учиться в Петербург, в частный пансион Даниэля Ферэ, преподавателя Кадетского корпуса. Уроки были сосредоточены на изучении французского перевода басен Эзопа и статей из русских газет. Похоже, что Болотов столкнулся с обычными проблемами, о которых рассказывают и другие русские авторы XVIII в., описывая свои школьные дни. Ферэ больше интересовало получение прибыли от своих юных подопечных, чем их благополучие, а потому кормил он их очень плохо⁸³⁴. Болотов рассказывает, как он позже навещал своего дядюшку, генерал-аншефа Я.А. Маслова, жившего в Петербурге, и был свидетелем уроков, которые его юным кузенам давал их гувернер, месье Ляпис. Этот француз, хоть и явно образованный человек, выбрал метод преподавания, основанный на словаре Французской академии, из которого он читал ученикам статьи по этимологии отдельных слов. Этот метод сбивал учеников с толку и приносил им мало практической пользы⁸³⁵.

В конце 1750-х гг. в Петербурге размещалось несколько крупных образовательных учреждений. Дворяне учились в двух кадетских корпусах и в Соединенной Артиллерийской и Инженерной школе (основана в 1758 г.), которые уделяли особое внимание военному делу и создавали солидный фундамент для будущей служебной карьеры воспитанников. Новый Пажеский корпус, основанный в 1759 г., служил для образования и светского воспитания молодых дворян, близких ко двору. Статус и связи, обретенные в Корпусе, очень

830 См., например объявление о приеме в школу Сосеротта: СПВ. № 70. 2 сентября 1757 г. С. 7–8.

831 Данилов М.В. Записки М.В. Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722–1762). Казань, 1913. С. 27–47.

832 Werrett S. Fireworks: Pyrotechnic Arts and Sciences in European History. Chicago, IL, 2010. P. 160–162.

833 Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова. М., 1986. Т. 1. С. 17, 39–40.

834 Там же. С. 86–92.

835 Там же. С. 174–175.

пригождались пажам в дальнейшей карьере⁸³⁶. Каждое из этих учебных заведений специализировалось на формировании новых навыков, в особенности тех, что полагались молодому дворянину и могли в дальнейшем пригодиться в карьере, а главное – в новых социальных условиях при дворе или в повседневной жизни. Кадетский корпус играл также важную роль в развитии культурной жизни России, так как его ученики участвовали в театральных постановках для двора и переводили иностранные сочинения. За стенами официальных учебных заведений иностранные наставники и гувернантки продолжали преподавать своим ученикам целый ряд предметов, опять-таки отводя видную роль умению держаться в обществе. Однако Петербург не был единственным звеном в этом процессе. С основанием Московского университета в 1755 г. в России появилось более солидное высшее учебное заведение, чем его скромный петербургский предшественник, работавший при Академии наук. И, конечно, по-прежнему существовала возможность учиться в престижных иностранных университетах, например в Лейпциге или в Халле⁸³⁷.

В рассматриваемый период системой образования не были охвачены две области, которыми занялись позднее, в царствование Екатерины II. В 1764 г. при поддержке императрицы было основано специальное учебное заведение для молодых дворянок, Смольный институт, под руководством И.И. Бецкого⁸³⁸. Ученицам предлагалась широкая учебная программа, и, подобно воспитанникам Кадетского корпуса, их приглашали к участию в придворной жизни, с привилегированным доступом в придворные театры и Летний сад⁸³⁹. Более обширным начинанием Екатерины стало учреждение в 1786 г. системы народного просвещения, построенной с учетом опыта австрийской системы, введенной императором Иосифом II⁸⁴⁰. Во всей Европе в рассматриваемый период подход к образованию был одинаковый, как для верхушки общества, так и для прочих социальных групп: образованное население признавалось полезным для государя и государства. И хотя результаты этих реформ в России были явно неоднозначными, – уровень грамотности вне городов оставался очень низким в сравнении с соседними странами – они заложили фундамент, на котором могли строить реформаторы системы просвещения XIX в.⁸⁴¹

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Наряду с официальным образованием еще одним источником информации о том, как молодому человеку правильно держаться и достойно вести себя в обществе, служила воспитательная литература. В труде Норберта Элиаса появление этих текстов связывается с его теорией процесса цивилизации, согласно которой совершенствование манер в рамках перехода от мира Средневековья к раннему Новому времени было для правителя способом контролировать и «цивилизовать» аристократию. С точки зрения Элиаса, этот процесс был заключен в подъеме «учтивости», а выход в свет труда Эразма Роттердамского «De civitate

836 Хазин О.А. Пажи, кадеты, юнкера: исторический очерк. М., 2002. С. 19–28.

837 ПСЗ. Т. 14. № 10346. 24 января 1755 г. С. 284–294. Право свободно выбирать, где и как учить своих детей, как в России, так и за рубежом, было включено в указ об освобождении русского дворянства от обязательной службы, изданный Петром III в 1762 г.: ПСЗ. Т. 15. № 11444. 18 февраля 1762 г. С. 914.

838 ПСЗ. Т. 16. № 12154. 5 мая 1764 г. С. 742–755.

839 Мордвинова З.Е. Смольный институт в эпоху императрицы Екатерины II (1764–1796) // Исторический вестник. 136/6. 1914. С. 996–997.

840 Harley J. A Social History of the Russian Empire, 1650–1825. London, 1999. P. 135–139. Об австрийской системе см.: Melton J. van H. Absolutism and the Eighteenth-Century Origins of Compulsory Schooling in Prussia and Austria. Cambridge, 1988. (Особенно с. 200–230).

841 Dixon S. The Modernization of Russia, 1676–1825. Cambridge, 1999. P. 156–157.

morum puerillium» («О приличии детских нравов») в 1530 г. явился ключевым моментом этого процесса⁸⁴². Появлялось все больше назидательных трактатов такого рода, к заметным их примерам принадлежат «Il libro del Cortegiano» («Придворный») Бальдассаре Кастильоне (1528), «Il Galateo» («Галатео, или О нравах») Джованни делла Каза (1558), «Traicté de la cour, ou instruction des courtisans» («Придворный трактат, или Учебник для придворных») Эсташа де Рефюжа (1616) и «Nouveau traité de civilité» («Новый трактат об учтивости») Антуана де Куртэна (1671). Эти сочинения продавались в больших количествах, переводились на другие языки и вдохновляли создание новых работ, посвященных этикету. Развитие такой литературы отражало возрастающую сложность придворной жизни раннего Нового времени и предлагало честолюбивому царедворцу советы о том, как преуспеть в этом окружении⁸⁴³.

Отдавая должное интерпретации Элиаса, дальнейшие исследования оспаривали его анализ по ряду позиций. Например заостренное внимание к текстам раннего Нового времени нередко заслоняет степень их преемственности от средневековых «куртуазных» текстов, начиная с XII столетия, охватывавших сходные темы в приложении к социальной среде своего времени⁸⁴⁴. Подобным же образом, его прогрессистскую, чтобы не сказать виггистскую модель совершенствования поведения в этот период критиковали за слишком упрощенный подход к сложному дискурсу «пристойного». Отсутствие в дидактической литературе XVIII в. наставлений по контролю над телесными функциями (это общая черта текстов раннего Нового времени) Элиасу кажется свидетельством прогресса утонченности, но таких советов не содержали и средневековые куртуазные тексты, а потому предлагаемая Элиасом траектория эволюции манер выглядит откровенно прямолинейной⁸⁴⁵. Более того, существовало постоянное противоречие между влиянием трактатов о воспитании и тогдашней критикой нравов светского поведения с его видимым цинизмом и сопутствующими пороками – обманом, развращенностью и даже вырождением⁸⁴⁶.

В России раннего Нового времени не выработался такой тип дидактической литературы, так как обстановка и формы социального взаимодействия при московском дворе сильно отличались от современных ему европейских примеров. Конечно, существовали общие элементы между религиозными нравоучительными текстами, определявшими поведение добрых христиан, как западных, так и православных, вроде церковных букварей для обучения грамоте и житийной литературы. Такие тексты производились в огромных количествах по всей Европе на протяжении раннего Нового времени⁸⁴⁷. Однако до конца XVII в. в Московском государстве не было соответствия тем видам собраний в обществе, которыми изобиловали календари светской жизни других европейских дворов, особенно с активным участием женщин. Но в результате петровских реформ начала XVIII в. социальный опыт русской элиты уже разительно отличался от опыта ее старомосковских предшественников. В это время официальная обстановка государственных торжеств была

842 Elias N. The Civilizing Process. Revised Edition. London, 2000. 2 vols. P. 47–122 (см. на русском: Элиас Н. О процессе цивилизации. М.; СПб., 2001).

843 См., например: Burke P. The Fortunes of the 'Courtier': the European Reception of Castiglione's 'Cortegiano'. Cambridge, 1995. P. 62–65, 158–162.

844 Gillingham J. From Civilitas to Civility: Codes of Manners in Medieval and Early Modern England // Transactions of the Royal Historical Society. 6th Series. 2002. Vol. 12. P. 267–289.

845 Bryson A. From Courtesy to Civility: Changing Codes of Conduct in Early Modern England. Oxford, 1998. P. 96–105.

846 Anglo S. The Courtier: The Renaissance and Changing Ideals // A. Dickens (ed.). The Courts of Europe: Politics, Patronage and Royalty, 1400–1800. London, 1977. P. 44–53.

847 О первых славянских букварях см.: Okenfuss M. The Discovery of Childhood in Russia: the Evidence of the Slavic Primer. Newtonville, MA, 1980. P. 8–11.

еще тесно связана с традиционной московской ритуальной обстановкой, несмотря на добавление новых элементов, и регулировалась специальными инструкциями для участников – относительно порядка следования в процессии, конкретных церемониальных ролей и т.п. Зато в неформальной социальной ситуации, наподобие петровских ассамблей, где индивидуум пользовался свободой выбирать, чем ему заняться, русские участники не располагали таким руководством по благопристойному поведению, которое предлагали европейскому дворянину образование и воспитательная литература.

В ответ на потребность в новых базовых правилах личного поведения и социального взаимодействия в 1717 г. в Петербурге вышло в свет «Юности честное зеркало или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов»⁸⁴⁸. Хотя исходный тираж составил всего 100 экземпляров, книгу затем переиздавали в 1719 г. (600 экземпляров), в 1723 г. (в Москве, 1200 экземпляров), в 1740 г. (578 экземпляров), а также в 1745 и 1767 гг.⁸⁴⁹ Трактат состоял из нескольких разделов, и первая его часть близко напоминала буквари того времени. В нее входили кириллический алфавит, где старославянские буквы соседствовали с новым гражданским шрифтом, примеры фраз в помощь правильному произношению и перечень старославянских, арабских и римских цифр для обучения счету. Вторую часть – собственно «Честное зеркало» – составили Гавриил Бужинский, Яков Брюс и Иоганн Вернер Паус, германский ученый и переводчик на русской службе⁸⁵⁰. Главным источником для этого раздела послужило упомянутое сочинение Эразма Роттердамского «*De civitate morum puerillium*». Кроме того, он опирался на вышедший в Пуатье в 1559 г. труд Матюрена Кордье «*Miroir de la jeunesse pour le former à bonnes moeurs et civilité de vie*» («Зерцало юношества для воспитания добронравия и житейского обхождения»), в частности в названии⁸⁵¹.

Эта часть книги посвящалась благопристойному поведению молодых людей и делилась примерно на две половины, в целом по гендерному принципу. Первая половина предназначалась для юношей и состояла из 63 советов, за которыми следовали отдельные фрагменты, касающиеся поведения в незнакомом обществе. Пронумерованные параграфы с советами охватывали внушительный круг проблем и имели черты сходства с традиционными старославянскими букварями – о необходимости уважать родителей, о правильном обращении со слугами, о важности таких личных достоинств, как честность, скромность, трудолюбие⁸⁵². Однако «Юности честное зеркало» было первым русским изданием, в котором эти достоинства помещались в контекст социального взаимодействия, чтобы помочь подготовке молодых дворян и к «учтивому обществу», и к служебной карьере. В параграфе об образовании (18) перечислены навыки, считавшиеся важными для молодого дворянина. Верховая езда и фехтование входили в традиционное дворянское воспитание с мотивом подготовки к военной службе, так что этот аспект легко привился в России. Однако новым элементом дворянского воспитания оказались для русских танцы, которым предстояло стать важной его частью в целях формирования правильной осанки и умения двигаться, о чем речь пойдет ниже. В нескольких параграфах подчеркивалась важность изучения иностранных

848 Юности честное зеркало или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов. СПб., 1717.

849 СК. Т. 3. С. 452–453.

850 *Cracraft J.* The Petrine Revolution in Russian Culture. Cambridge, MA, 2004. P. 370–371. Роль Пауса как переводчика рассмотрена также в статье: *Bragone M.C.* К истории восприятия Эразма Роттердамского в России в XVIII веке // *SGESRN*. 2006. Vol. 34. P. 44–48.

851 Как отметила Л. Хьюз, связь между этими названиями была установлена И. де Мадарьягой: *Hughes L.* „The Crown of Maidenly Honor and Virtue“: Redefining Femininity in Peter I’s Russia // *W. Rosslyn* (ed.). *Women and Gender in Eighteenth-Century Russia*. Aldershot, 2003. P. 39.

852 *Okenfuss M.* The Discovery of Childhood. P. 47.

языков (30) как свидетельства утонченности и образованности. Рассматривалось здесь и умение поддерживать разговор, с советом изъясняться в сдержанной и почтительной манере (4, 6), учитывать тон общего разговора (7) и давать другим высказать свое мнение (8).

В других параграфах содержались советы о природе дворянства, например утверждение, что благородный статус – это не просто следствие происхождения семьи молодого человека, но что должно словами и поступками подтверждать свой статус (15). Уделялось место и личным качествам «благочестного кавалера» (16), необходимости держать слово (43), правильно обходиться со слугами (49–52). Двор определялся как важная часть жизни молодого дворянина и представлял сложной системой с различными церемониями, требующими внимательного изучения и особых навыков, чтобы там преуспеть (19, 37). Имелись также общие советы, как вести себя в малознакомом обществе, например на банкетах, свадьбах и иных мероприятиях, на которых приняты танцы и другие виды общения (32, 39). Практический тон этого совета – он предостерегал от неумеренного питья и от ссор, содержал указания, как правильно пригласить даму на танец, – естественно согласуется с другими параграфами, касающимися того, как кашлять и сморкаться в чужом присутствии, не нарушая приличий (55–59). Два отдельных фрагмента (после 63-го параграфа) касались манеры поведения и позы за столом.

Вторая половина «Юности честного зеркала», озаглавленная «Венец девицъей чести и добродетели», предназначалась для девушек. Она состояла из 20 параграфов, посвященных личным добродетелям, таким как богобоязненность, опрятность, честность и милосердие, за которыми следовали два самостоятельных и более подробных очерка на тему «Девицъей чистоты» и «Девицъей скромности»⁸⁵³. Несмотря на перемены в общественном положении женщин русской элиты и на их новоявленную роль в петровских светских собраниях, внимание здесь было прежде всего сосредоточено на тех добродетелях, к воплощению которых следовало стремиться молодым дворянкам⁸⁵⁴. Характер этого раздела определялся традиционным авторитетом религии, с многочисленными библейскими цитатами и отсылками, дополненными высказываниями отцов церкви о роли и поведении женщин⁸⁵⁵. В то время как этот акцент на женской добродетели был, без сомнения, знаком читателям, так как имел религиозные корни и восходил к традиционному русскому отношению к женщине, данный раздел содержал мало положительных советов девицам относительно их поведения в обществе. Там не говорилось, как держать осанку и двигаться в «учтивом обществе», – вместо этого снова значилось требование, чтобы женщина вела себя скромно, и предостережение от вызывающих нарядов и поступков⁸⁵⁶. Подобный акцент не содержал в себе ничего неожиданного для сочинений такого рода, в частности для сентенций из влиятельного трактата Хуана Луиса Вивеса «Об образовании христианки», написанного в 1524 г. и посвященного Екатерине Арагонской⁸⁵⁷.

Хотя «Юности честное зеркало» печаталось и продавалось в значительных количествах, во всяком случае для светского произведения того времени, оценить его воздействие на русскую элиту затруднительно⁸⁵⁸. В сущности, оно представляло собой

853 Hughes L. „The Crown of Maidenly Honor“. P. 39–40.

854 Kelly C. *Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin*. Oxford, 2001. P. 20.

855 Cracraft J. *The Petrine Revolution in Culture*. P. 375–376.

856 Hughes L. „The Crown of Maidenly Honor“. P. 41.

857 Fantazzi Ch. *Vives and the emargenati* // Ch. Fantazzi (ed.). *A Companion to Juan Luis Vives*. Leiden, 2008. P. 71–86.

858 Marker G. *Publishing*. P. 30, 36–37.

компиляцию из разных переводных источников, в частности из Эразма, составленную людьми, которые неясно представляли себе, что именно они пытаются сочинить и для кого. Этой неуверенностью, возможно, объясняется пестрый и расплывчатый характер некоторых разделов, особенно «Венца девичьей чести и добродетели». Впрочем, в какой-то мере в процессе перевода учитывали, кто будет его читать. В отличие от тогдашних переводов технических книг в языке «Юности честного зеркала» не содержалось множества иностранных заимствований, но использовались русские термины для описания новых форм и приемов общения, как слово «беседа» для обозначения вечернего светского раута⁸⁵⁹. Поэтому, хотя ситуации и типы поведения были в основном незнакомы русскому читателю, они описывались так, чтобы сделать их понятными, с целью преодолеть возможные культурные водоразделы.

Лишь несколько иностранных описаний этого периода рассматривают обычаи русского общества достаточно подробно, в частности дневник Берхгольца и дипломатическая корреспонденция де Кампредона. Оба этих автора отзывались благоприятно и не без некоторого удивления о культурном уровне русской элиты, но не упоминали о воспитательной литературе.

Хотя «Юности честное зеркало» отчасти восполнило отсутствие дидактической литературы на русском языке, оно оставалось единственным трактатом такого рода до середины 1730-х гг. Характер рекомендаций, которые оно предлагало русской знати, наверняка вызывал интерес, потому что в течение полувека после смерти Петра сочинение переиздавалось четырежды. Одновременно, с развитием и укреплением русского двора как института, сопоставимого с европейскими аналогами, возрастал интерес к чтению такой литературы. Как и следовало ожидать, благодаря той важности, что придавалась изучению иностранных языков, стало возможно читать воспитательные сочинения в оригинале или в переводах на другие европейские языки, что само по себе было знаком известной утонченности. Так, знаменитое сочинение Бальтасара Грасиана-и-Моралеса «*Oráculo manual y arte de prudencia*» («Карманный оракул, или Наука благоразумия») (1647) было опубликовано по-французски в переводе Амело де ла Уссэ под названием «*L'Homme de Court*» («Придворный») в Роттердаме в 1728 г. У царевны Елизаветы Петровны в 1730-е гг. был в личной библиотеке экземпляр этого французского перевода⁸⁶⁰. Затем, в 1734 г., это сочинение перевел с французского Сергей Волчков, в дальнейшем переводчик Академии наук. Этот рукописный перевод («Грациан придворный человек») был сделан по распоряжению фаворита Анны Иоанновны, Бирона, как гласит предисловие, датированное 14 июня 1735 г., в переплетенном экземпляре рукописи, сохранившемся в архиве семьи Воронцовых⁸⁶¹.

Русский перевод Волčkova позднее был издан Академией наук в Петербурге в 1741 г. Посвящался он младенцу-императору Ивану VI и его матери, регентше Анне Леопольдовне. Стоит отметить, что тираж этого издания – 1250 экземпляров – был очень большим для светского произведения⁸⁶². Судя по всему, печатание могло растянуться на несколько лет, так как в части экземпляров тиража на титульном листе стояло посвящение Елизавете, после ее удавшегося переворота против Ивана VI в ноябре 1741 г., и новая дата выхода в свет – 1742 г., хотя указ по поводу перемены посвящения вышел 23 января 1743 г. Второе издание было выпущено в 1760 г., также Академией наук, с увеличенным тиражом 1433 экземпляра, что

859 Cracraft J. The Petrine Revolution in Culture. P. 377–378.

860 Копанев Н.К. Французские книги в Летнем доме императрицы Елизаветы Петровны // Зайцева А.А., Луппов С.П. (ред.). Книга и библиотеки в России в XIV – первой половине XIX века. Л., 1982. С. 37.

861 Архив СПб ИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 846. Л. 2.

862 Marker G. Publishing. P. 61.

отражало определенный спрос на книгу⁸⁶³. Единственными существенными изменениями в этом издании были уменьшенный формат книги и дополнительный раздел в конце, озаглавленный «Рекапитуляция или Краткое повторение глав» и содержащий указатель основных тем и главных лиц, упомянутых в тексте. Книга состояла из пронумерованных параграфов, содержавших советы, как преуспеть при дворе, с комментариями Грациана. Советы были сходного типа с теми, что предлагались в «Юности честном зерцале», с упором на умения и качества идеального царедворца. Правда, выдержаны они были не столько в возвышенном, сколько в житейском тоне. При большом объеме книги и множестве затронутых в ней тем, включение «Рекапитуляции» служило полезной мерой, так как позволяло читателю быстро находить нужные параграфы или цитаты.

Другой пример, относящийся к этому времени, представлял собой выполненный В.К. Тредьяковским перевод книги Николя Ремон де Кура «*La veritable politique des personnes de qualité*», вышедшей в Париже в 1692 г. Она была издана по-русски в 1737 г. Академией наук под названием «Истинная политика знатных и благородных особ». Первоначальный тираж составлял 1200 экземпляров, а в 1745 г. напечатали второе издание⁸⁶⁴. Этот труд состоял из 80 «правил», или советов, по ряду вопросов. Список открывала обязанность уважать родителей, а дальше шли темы, от необходимости верно служить своему государю до привычки ценить истинную дружбу и с пользой распоряжаться временем. Как и в «Юности честном зерцале», в «Истинной политике» несколько параграфов посвящались образованию и предметам, которые полезно изучать благородным юношам, а также подчеркивалось, как важен внешний вид и осанка, особенно при дворе. В конце книги тоже поместили серию сентенций простого содержания, вроде «бойся Бога» или «читай книги», которые юный читатель легко мог прочесть и запомнить⁸⁶⁵. «Истинную политику» можно считать переходной ступенью между основательным, широким подходом «Юности честного зеркала» и более житейской тематикой сочинения Грациана, так как вначале в ней шла речь о развитии молодого человека, а уже потом рассматривались такие конкретные области, как придворная жизнь.

В данный период не пренебрегали и тонкостями хорошей беседы. Практично озаглавленный сборник «Домашние разговоры» был напечатан в Академической типографии в 1749 г. на четырех языках, причем французский, немецкий, русский и латинский тексты помещались параллельными колонками⁸⁶⁶. Несмотря на то что никаких пояснительных деталей о содержании не приводится (предисловия в книге нет), недавние исследования установили, что сборник был основан на франко-немецком оригинале пера Георгио Филиппо Платца, к которому добавлены переводы на русский и латынь В.И. Лебедева и Кристиана Крусиуса, сделанные для издания 1749 г.⁸⁶⁷ Книга состояла из 96 диалогов на разные темы, от бесед во время прогулки или сидя в компании до правильно выраженной просьбы о чем-нибудь. Ценность этих образцовых диалогов состояла в таких важных деталях, как формы уважительного обращения, комплименты, способы учтиво выразить свое мнение, а также краткие анекдоты, которые могли затем войти в разговорный репертуар читателя книги⁸⁶⁸. Мы не располагаем сведениями о тираже первого издания, но тот факт, что книга до 1800 г. выдержала восемь изданий, в том числе три перепечатки в четырехязычном формате

863 СК. Т. 1. С. 254.

864 СК. Т. 1. С. 406–407.

865 Истинная политика знатных и благородных особ / Пер. В.К. Тредьяковский. СПб., 1745. С. 82–83, 119–121, 164–165.

866 Dialogues domestiques. Gespräche von Haussachen. Домашние разговоры. Colloquia domestica. СПб., 1756.

867 Drage Ch. L. Russian Model Conversations, C. 1630–1773 // R. Bartlett, L. Hughes (eds.). Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century: Essays in Honor of Anthony G. Cross. Münster, 2004. P. 161–162.

и четыре только с русским и немецким текстом, показывает, что она оставалась востребованной⁸⁶⁹.

Большинство таких трактатов писалось для юношей. За исключением «Венца девичьей чести и добродетели», вопросу о должном поведении и воспитании девиц уделяли мало внимания. Но были и исключения. А.Ф. Хрущев, сверстник В.Н. Татищева, с 1712 по 1720 г. учился в Голландии. В 1738 г. он перевел на русский язык «L'Education des Filles» («О воспитании девиц») Франсуа Фенелона (1687) и «Instruction pour une jeune Princesse» («Поучение для юной принцессы») Иоахима де ла Шетарди (1697), о чем сообщает приписка в его рукописи, включающей в себя оба сочинения⁸⁷⁰. Однако эти переводы никогда не были опубликованы, может быть из-за причастности Хрущева к кругу А.П. Волынского, вместе с которым он был казнен как государственный преступник в 1740 г. Поэтому первое русское издание трактата Фенелона «О воспитании девиц» вышло в свет лишь в 1763 г. в переводе Ивана Туманского⁸⁷¹. И все же существование подобных рукописей говорит о том, что материалы такого рода, как минимум, читались в России. Это обстоятельство имело особую важность в свете центрального положения Фенелона о том, что если женщины хотят преодолеть свои природные «слабости», то образование им жизненно необходимо⁸⁷². К вопросу женского образования, по крайней мере, для дворянок, перешли в институциональной форме в следующем, 1764-м году, когда открылся Смольный институт.

В целом хотя «Юности честное зерцало» было во многих отношениях неудовлетворительным изданием в сравнении с более совершенными иностранными аналогами, но уже начиная с 1730-х гг. оно становится лишь одним из вариантов воспитательного чтения, доступных для разборчивого читателя. Полезными для воспитания юношества считались и другие литературные формы. Например вдохновляющая и высоконравственная книга «Les Aventures de Télémaque», переведенная В.К. Тредьяковским в 1736 г., представляла собой еще один образец пособия для воспитания дворянина. Из-за архаичного прозаического стиля Тредьяковского перевод получился корявым, причем настолько, что Екатерина II применяла чтение вслух отрывков из «Телемахида» в качестве штрафа для нарушителей ее «эрмитажных» правил⁸⁷³. Тем не менее судя по растущему числу произведений, доступных в переводе, воспитательная литература в изучаемый период вызвала стойкий интерес и использовалась в образовании. Трудно сделать уверенные выводы относительно воздействия этой дидактической литературы на общество, потому что предписываемая ею модель представляла собой идеал, а не реальность общественного поведения. Описания же современников, как правило, фиксируют те случаи, когда индивидуум переходил границу допустимого поведения⁸⁷⁴. Значение этой литературы скорее состоит в самом ее появлении в период глубоких социальных и культурных преобразований в России. По времени это совпало с ростом значения двора и развитием связанных с двором

868 Домашние разговоры. С. 23–41 (чай), 43–59 (табак и курение), 59–77 (кофе), 77–87 (прогулка), 105–145 (обед в гостях или у себя дома с гостями).

869 СК. Т. 1. С. 307–308.

870 Хотеев П.И. Французская книга в библиотеке петербургской Академии наук (1714–1742 гг.) // С.П. Луппов (ред.). Французская книга в России в XVIII в. Очерки истории. Л., 1986. С. 38. Подробности о происхождении Хрущева и его книжном собрании см.: Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время (1725–1740). Л., 1976. С. 227–234.

871 СК. Т. 3. С. 208.

872 Kelly C. Refining Russia. P. 19, 25.

873 Ibid. P. 17.

874 См., например: Екатерина II. Mémoires. II // Сочинения. С. 117–118, 131.

социальных пространств Петербурга, в чем отражался процесс, который в других странах Европы пришелся на XVI–XVII вв.⁸⁷⁵

ТАНЦЫ

Обучение танцам составляло важный элемент дворянского воспитания на протяжении раннего Нового времени, и тогдашняя воспитательная литература часто ссылалась на его роль при выработке дисциплины и навыков владения своим телом. Танцы и обучение им фокусировались на двух взаимосвязанных сферах: на физической способности усваивать различные танцевальные движения и на многообразных формах социального взаимодействия, сопровождающих сам процесс танца. Многие европейские аристократы начинали учиться танцам в очень юном возрасте, причем танцы играли базовую роль в привитии умения правильно двигаться, в исправлении осанки, в развитии физической силы. Для юношей эти занятия позднее дополнялись уроками фехтования⁸⁷⁶. Воплощенным результатом этой воспитательной системы был юный Людовик XIV – подобно своему отцу, одаренный танцовщик от природы. Его учили, один за другим, несколько танцмейстеров, в том числе и Пьер Бошан, который впоследствии ставил при дворе балеты на музыку Люлли. Юный король впервые открыл придворный бал в 1645 г., в возрасте всего лишь семи лет⁸⁷⁷. Танцы входили в систему воспитания королевских особ и дворян всей Европы, независимо от пола. Так, французский танцмейстер Антуан де Болье в 1630-е гг. был приставлен к обучению королевы Кристины Шведской и ее молодых придворных, а впоследствии руководил постановкой первых придворных балетов⁸⁷⁸.

Танцы при дворе существовали в двух взаимосвязанных формах. Во-первых, это были тщательно отрежиссированные танцевальные постановки, восходившие к итальянским празднествам эпохи Возрождения. Затем, с конца XVI в., они превратились в привычное развлечение французского двора в форме *ballet de cour*⁸⁷⁹. Эти представления дали толчок появлению целого ряда аналогичных действ при других европейских дворах в начале XVII в. – балов-маскарадов при первых Стюартах (о чем упоминалось в предыдущей главе), балетов при Вюртембергском дворе в Штутгарте и т.п.⁸⁸⁰ В таких постановках в качестве исполнителей нередко выступали государи. Людовик XIV с 1651 по 1669 г. участвовал в общей сложности в восемнадцати балетах, порой с откровенной политической символикой. Так, в 1653 г., в роли Восходящего Солнца (символ королевской власти) он прогонял тьму (политические распри и колебания) в кульминации балета «*Ballet de la Nuit*»⁸⁸¹. Королевская Академия танца, основанная в 1661 г., обеспечивала постоянный приток квалифицированных

875 См. об Англии: Bryson A. *From Courtesy to Civility*. P. 122–141; о Франции: Motley M. *Becoming a French Aristocrat: The Education of the Court Nobility, 1580–1715*. Princeton, NJ, 1990.

876 Orden K. van. *Music, Discipline, and Arms in Early Modern France*. Chicago, IL, 2005. P. 91–92.

877 Astier R. *Louis XIV Premier Danseur* // D.L. Rubin (ed.). *Sun King: The Ascendancy of French Culture during the Reign of Louis XIV*. London, 1992. P. 73–79.

878 Dahlberg G. *Ballet in Sweden* // P. Béhar, H. Watanabe-O’Kelly (eds.). *Spectaculum Europaeum: Theatre and Spectacle in Europe 1580–1750*. Wiesbaden, 1999. P. 577–583.

879 Strong R. *Art and Power: Renaissance Festivals, 1450–1650*. Woodbridge, 1984. P. 57–60.

880 Smart S. *The Württemberg Court and the introduction of Ballet in the Empire* // J. Mulryne, H. Watanabe-O’Kelly, M. Shewring (eds.). *Europa Triumphans: Court and Civic Festival in Early Modern Europe*. Aldershot, 2004. Vol. 2. P. 35–45.

881 Prest J. *The Politics of Ballet at the Court of Louis XIV* // J. Nevile (ed.). *Dance, Spectacle, and the Body Politick, 1250–1750*. Bloomington, IN, 2008. P. 234.

танцовщиков для придворных представлений. С середины XVII столетия, под влиянием этих начинаний, другие европейские дворы стали нанимать французских танцмейстеров для руководства хореографией во время своих торжеств. Так, Саксонский двор в Дрездене приглашал французских хореографов, в том числе Шарля де Менъеля, руководить несколькими крупными балетными постановками для важных династических празднований в 1660–1670 гг.⁸⁸²

Во-вторых, общепринятой и регулярной частью европейской придворной жизни на протяжении раннего Нового времени являлись танцевальные вечера. Большой придворный бал на французский лад в конце XVII – начале XVIII в. служил прославлению монарха, находившегося в центре действия. Члены придворной элиты на этих празднествах выступали и как исполнители, и как непосредственные зрители. Затем охват аудитории, ознакомленной с подробностями событий при дворе, расширился, благодаря тому, что в газете «*Mercure gallant*» печатались списки танцевавших и пояснения к придворным балетам⁸⁸³. О популярности этой формы танцев можно судить на примере многих дворов того времени, хотя бы английского двора короля Карла II, который некоторое время прожил в ссылке во Франции. При английском дворе бытовало смешение континентального и местного стиля, поскольку там давали как официальные, так и «ординарные» балы, и на последних исполнялись традиционные английские народные деревенские пляски⁸⁸⁴. Даже при более сдержанных, по общему мнению, дворах королевы Анны и первых правителей Ганноверской династии танцы оставались частым и любимым развлечением⁸⁸⁵. Танцмейстеры, особенно французы (хотя и не только они), стали привычными фигурами при многих европейских дворах. Занимаясь прежде всего обучением членов августейших семейств, они нередко также вели уроки, открытые для придворной верхушки и для других знатных фамилий⁸⁸⁶.

Как и подобало заметному элементу придворного репертуара, танцы сделались ярким символом утонченности и хорошего воспитания, проявлявшегося в умении человека исполнять определенные виды танцев. Так, непременной частью придворных балов в этот период был менуэт и, при относительной простоте его движений, изящно исполнять его мог только уверенный и ловкий танцор⁸⁸⁷. Такое совершенное владение своим телом проявлялось не только в танцевальном зале, но сказывалось и в других сферах, ведь хорошо танцующий человек обладал и хорошей осанкой. «*Le maître à dancier*» («Учитель танцев») Пьера Рамо (1725) – одно из основных тогдашних танцевальных пособий содержало детальное описание ряда танцев, начиная с менуэта, а кроме того, учил мужчин и женщин правильно входить в комнату, благовоспитанно и грациозно держаться на придворном балу. В учебнике имелось 57 таблиц, иллюстрирующих постановку рук и ног и взаимное положение партнеров в каждом из приведенных танцев⁸⁸⁸. Плоды обучения танцам, хотя и сквозь призму видения

882 Watanabe-O’Kelly H. Court Culture in Dresden: from Renaissance to Baroque. Basingstoke, 2002. P. 183–185.

883 Harris-Warrick R. Ballroom Dancing at the Court of Louis XIV // *Early Music*. Vol. 14/1 (1986). P. 41–50.

884 Эти танцы описаны в кн.: Playford J. *The English Dancing Master, or Plane and Easy Rules for the Dancing of Country Dances*. London, 1651.

885 См., например придворные календари в кн.: Bucholz R. *The Augustan Court: Queen Anne and the Decline of Court Culture*. Stanford, CA, 1993. P. 231–234; Smith H. *Georgian Monarchy: Politics and Culture, 1714–1760*. Cambridge, 2006. P. 200–202.

886 Nevile J. *Dance in Europe, 1250–1750* // J. Nevile (ed.). *Dance, Spectacle, and the Body Politick*. P. 22–23.

887 Little M., Jenne N. *Dance and the Music of J.S. Bach*. Bloomington, IN, 1991. P. 62–66.

888 Rameau P. *The Dancing Master* / Transl. C. Beaumont. Brooklyn; N.Y., 1970. С. 1–45 (о телодвижениях), с. 52–74 (о менуэте).

художников, заметны на портретах того времени в положении рук и ног, особенно когда фигуры изображаются во взаимодействии друг с другом⁸⁸⁹.

В отличие от европейских дворов при русском дворе такие танцевальные вечера не были результатом органичного развития. Популярны русские народные танцы подвергались двойному осуждению – со стороны церкви, которая даже в XVIII столетии еще долго считала, что они поощряют греховное распутное поведение, и со стороны элиты, находившей, что они ниже ее достоинства⁸⁹⁰. Некоторые приемы польских и украинских танцев были знакомы московской знати, особенно в царствование Алексея Михайловича, но они были замкнуты в закрытой обстановке частных резиденций и дворцового театра⁸⁹¹. Влияние этих танцев было строго ограниченным, особенно в контексте театра, так как они представляли в качестве театрального зрелища и не предполагали возможности участия. Закрытый характер московских светских мероприятий подразумевал, что женщинам в них участвовать не позволяется, и тем самым исключалось всякое дальнейшее развитие танцевальной культуры в этот период. То обстоятельство, что танцы как вид светского времяпрепровождения были здесь незнакомы, отразилось в необходимости вводить новую терминологию для их наименования по-русски. С конца XVII в. традиционные виды танцев, включая общепринятые народные танцы, именовались, как и прежде, плясками, между тем как танцы на иностранный манер назывались словом, производным либо от польского «*taniec*», либо от немецкого «*tanz*»⁸⁹². Это различие прослеживается и в официальных указах, и в описаниях современников на протяжении всего XVIII в.

Фактически же, согласно Штелину, танцы как форма светского развлечения знати появились лишь при Петре, под влиянием его знакомства с ними во время Великого посольства⁸⁹³. Социальное взаимодействие и физические навыки, присущие галантным танцам, явно поразили свиту Петра, что было видно по их озадаченной реакции во время приема, устроенного Софией-Шарлоттой, женой курфюрста Бранденбургского Фредерика III, в июне 1697 г.⁸⁹⁴ Тем не менее именно такие мероприятия подтолкнули Петра к созданию аналогичных пространств для этого типа взаимодействия по возвращении в Россию на следующий год. 19 февраля 1699 г. в подмосковном дворце Франца Лефорта по случаю отпускной аудиенции бранденбургского посла состоялся бал, на котором русские дамы участвовали в танцах. Это было настолько необычное событие, что секретарь австрийской дипломатической миссии Иоганн-Георг Корб упомянул об этом в своем комментарии^{895 896}.

889 См., например: *Edwards J. Watteau and the Dance // Moureau F., Morgan Grasselli M. (eds.). Antoine Watteau (1684–1721): le peintre, son temps et sa légende. Paris, 1987. P. 219–225.*

890 Шубинский С.Н. Исторические очерки и рассказы. М., 1995. С. 21.

891 Штелин Я. фон. Музыка и балет в России XVIII века. СПб., 2002. С. 256.

892 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Ред. Б.А. Ларин. Перев. О.Н. Трубачев. М., 1986. Т. 4. С. 18–19.

893 Штелин Яков фон. Музыка и балет. С. 257–258.

894 *Hughes L. Peter the Great: A Biography. New Haven, CT, 2002. P. 42–43.*

895 *Korb J.-G. Diary of an Austrian Secretary of Legation at the Court of Czar Peter the Great / Transl. C. MacDonnell. London, 1968. Vol. 1. P. 263–265 (см.: Корб И.Г. Дневник // Либерман А., Шокарев С. (ред.). Рождение империи. М., 1997. С. 128–129).*

896 Не совсем точно. Дамы не участвовали в танцах в этот день. У Корба речь не про бал, а про обед, после которого начались танцы. «Сегодня обнаружилось в русском обществе смягчение нравов, так как до сего времени женщины никогда не находились в одном обществе с мужчинами и не принимали участия в их увеселениях, сегодня же некоторые не только были на обеде, но также присутствовали при танцах» (Корб И.Г. Дневник // Рождение империи. С. 128–129). – *Примеч. научн. ред. перевода.*

Присутствие вооруженных гвардейцев, которые заставляли гостей участвовать в танцах и не давали им уйти, было характерной реакцией Петра на понятную сдержанность большинства гостей.

В одном необычном, но, Тем не менее поучительном недавнем анализе этого предмета выделены два аспекта видоизмененной «парадигмы танцев», что сложилась в петровское царствование. Во-первых, танцы представляли собой увеселение внутри предписанного пространства, подобное военному или ритуальному шествию, когда танцующие образовывали симметричные обязательные фигуры⁸⁹⁷. Поэтому можно интерпретировать функцию танцев на петровских ассамблеях как социокультурное дополнение плац-парада, в силу того пристального личного контроля, который осуществлял Петр, когда на них присутствовал⁸⁹⁸. Действительно, военизированный дух правления Петра наводит на мысль, что в поощрении танцев как придворного увеселения была практическая функция, ведь способность двигаться под музыку и выполнять групповые перестроения была полезным и уместным навыком, как видно и по выучке высшего общества других европейских стран⁸⁹⁹. Во-вторых, если танцы на европейский манер сознательно внедрялись при Петре, то возникает вопрос: несли ли эти танцы символические коннотации, которые они имели при других дворах Европы⁹⁰⁰. Если продуманную символику власти, свойственную придворным балетам Людовика XIV, можно усматривать в таких широкомасштабных празднествах петровского двора, как публичные маскарады, организованные в 1715 и 1721 гг., то в целом она не была регулярной чертой придворных танцев при Петре I. Они задумывались скорее как средство поощрить галантное общение во время новых светских собраний мужчин и женщин.

И все же на подобных мероприятиях доминировал личный авторитет царя, так как участники должны были следовать его примеру. Самого Петра никогда толком не учили танцевать, а потому танцы при дворе в его время бывали довольно сумбурными. Если он начинал новую танцевальную фигуру, менял темп или стиль, а то и велел продолжать танец так долго, как ему будет угодно, то оставалось лишь подчиниться или подвергнуться штрафу – чаще всего выпить штрафной кубок Большого орла. Кроме того, похоже, что Петру доставляло немалое удовольствие принуждать своих престарелых придворных танцевать с самыми юными⁹⁰¹. К тому же процесс постановки массовых аллегорических танцев осложнялся отсутствием практического опыта такого рода при русском дворе. Этот вид танцев был недавним нововведением, и в России не существовало такого ассортимента учебников танца, какие были тогда доступны на английском и французском языках⁹⁰². Первые русские пособия по танцам появились лишь позднее, в конце XVIII в.⁹⁰³ Не существовало также никаких учебных заведений, где учили бы танцам, а иностранные танцмейстеры,

897 *Zakharine D.* Tanz- und Körperverhalten im kommunikativen Alltagsverkehr des 17.-19. Jh. Russland und Westeuropa im Vergleich // *Wiener Slawistischer Almanach*. No. 47. 2001. P. 142.

898 *Hughes L.* Russia in the Age. P. 268–269.

899 *McNeill W.* Keeping Together in Time: Dance and Drill in Human History. Cambridge, MA, 1995. P. 132–134.

900 *Zakharine D.* Tanz- und Körperverhalten. P. 149–150.

901 *Бергхольц Ф.В.* Дневник // *Неистовый реформатор*. С. 253–254.

902 *Goff M.* „The Art of Dancing, Demonstrated by Characters and Figures“: French and English Sources for Court and Theatre Dance, 1700–1750 // *British Library Journal*. No. 21. 1995. P. 202–231.

903 Так, Иван Кусков, наставник Кадетского корпуса, издал пособие «Танцевальной учитель» в 1794 г.: СК. Т. 2. С. 108–109.

которых приглашали члены царской семьи и другие представители высшего общества, вели обучение на индивидуальной основе. Так, Этьен Рамбур учил несколько членов царской семьи, в том числе будущих императриц Анну Ивановну и Елизавету Петровну⁹⁰⁴. Этому примеру последовали другие знатные семьи – Ромодановские, Головкины, Черкасские и др.⁹⁰⁵ Но эти усилия не всегда увенчивались успехом. Неназванный немец-танцмейстер князя Меншикова жаловался Берхгольцу, что был наказан за то, что не умел заинтересовать княжеского сына своими уроками^{906 907}.

И все же, после неуверенного старта, в начале 1720-х гг. танцы уже занимали важное место в жизни петербургского высшего света, как явствует из многочисленных упоминаний в дневнике Берхгольца. Он нередко одобрительно отзывается о хорошем исполнении танцев разных стилей – в том числе английских, французских, польских⁹⁰⁸. Танцы все прочнее входили в обычай во времена преемников Петра, причем царствование Анны Ивановны стало особенно важным, так как именно в этот период европейские танцы официально включили в регулярный круг придворных увеселений. Анна, которую с детства учили танцевать и которая, живя вдовствующей герцогиней в Митаве, держала при себе для увеселения множество музыкантов и певцов, танцевать, Тем не менее не любила. Она предпочитала быть скрытым инициатором, а потом наблюдать, как разворачивается картина, как заметил Берх в середине 1730-х гг., упоминая о ее роли на официальных придворных балах⁹⁰⁹. Ее поведение на этих мероприятиях иногда напоминало поведение ее покойного дядюшки Петра I, когда, по сообщению Шубинского, утонченную атмосферу придворного танца вдруг нарушал звук пощечины, если чей-то танец не нравился императрице^{910 911}. И все же увлечение императрицы музыкой и танцами привело к насаждению оперы и балета в ее царствование, благодаря привлечению иностранных трупп, как рассказано в главе четвертой.

Царствование Анны Ивановны было свидетелем подъема самого известного из первых танцмейстеров при русском дворе – француза Жана-Батиста Ландэ. Он приехал в Россию при Петре, чтобы преподавать танцы, как и его земляк Рамбур. Поначалу его нанимали знатные семьи, но впоследствии Ландэ был приглашен обучать нескольких членов царской семьи, в частности царевну Елизавету. В августе 1734 г. он поступил в штат Кадетского корпуса, сначала на три года с ежегодным жалованьем в 300, а затем в 500 руб., и с квартирой в старом петровском Зимнем дворце⁹¹². Как и танцмейстеры других дворов Европы, Ландэ давал также

904 Всеволодский-Гернгросс В.Н. Театр в России при Елизавете Петровне. С. 10.

905 См., например: Хмыров М.Д. Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ее время, 1701–1791 года. СПб., 1867. С. 67.

906 Берхгольц Ф.В. Дневник // Неистовый реформатор. С. 355.

907 Согласно тексту, не немца наказывал Меншиков, а сына: «Танцмейстер князя... уверял меня, что истощил все старания, чтобы приохотить молодого князя к танцам, но до сих пор не имел никакого успеха; что сам князь, видя, что с сыном добром ничего не сделаешь, не раз жестоко наказывал его в надежде исправить; но и это ни к чему не повело...» (Берхгольц Ф.В. Дневник // Неистовый реформатор. С. 355) – Примеч. научн. ред. перевода.

908 Подробное исследование см.: Sander E.C. Social Dancing in Peter the Great's Russia. Hildesheim, 2007.

909 Берх К.Р. Путевые заметки о России // Беспятых Ю.Н. (ред.). Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 158.

910 Шубинский С.Н. Исторические очерки. С. 64.

911 Не совсем точно. У Шубинского речь идет о Тредьяковском, получившем «всемиловейшую оплеухину» вовсе не за танцы, а за нескромное стихотворение. – Примеч. научн. ред. перевода.

912 МП. Т. 2. С. 124.

частные танцевальные уроки у себя на квартире самым способным кадетам и другим детям, в том числе и девочкам, которые затем появлялись в придворных балетных постановках⁹¹³. Кадетский корпус стал важным центром, обеспечивавшим в этот период обучение молодых дворян искусству танца, хоть и сложно было находить и удерживать там талантливых учителей. Например шведский танцмейстер Карл Конрад Менк, приехавший с семьей в августе 1733 г., был назначен на должность в Кадетском корпусе, но умер в начале следующего года. Кадетский корпус дал объявление о поиске замены ему в «Санктпетербургские ведомости» в марте 1734 г., но вскоре после этого лишился еще одного учителя танцев, Иоганна Шмидта, который был вынужден возвратиться в родной Берлин по нездоровью⁹¹⁴.

Преподавание Ландэ в Кадетском корпусе тоже оказалось недолговечным, хотя и по другим причинам. Его кадеты исполнили перед императрицей три балета, сочиненные самим Ландэ, в ходе представления оперы «La forza dell'amore e dell'odio» в марте 1736 г., а еще один балет был представлен его учеником Тома Лебреном и другими кадетами в театре Летнего дворца в 1737 г. Окрыленный таким успехом, Ландэ в сентябре 1737 г. обратился к императрице с прошением учредить танцевальную школу под его руководством. Он хотел, чтобы в школе занималось двенадцать учащихся, шесть мальчиков и шесть девочек, выбранных из уже имеющих у него учеников. Кормить и одевать их предполагалось за счет Придворной конторы. Кроме того, требовалось предоставить школе постоянное помещение. В ответ императрица приказала назначить Ландэ ежегодное жалованье в тысячу рублей из доходов государства от соляной монополии и выделила две комнаты в верхних покоях старого петровского Зимнего дворца для размещения учеников школы, так как квартира Ландэ находилась в этом же дворце⁹¹⁵. Его работа хореографа и учителя продолжалась при Елизавете, причем в середине 1740-х гг. Ландэ учил молодых великого князя Петра с великой княгиней Екатериной. Но постепенно ведущую роль в постановке главных придворных балетов начал играть Антонио Ринальди, и в 1747 г. его поставили во главе балетной школы, а Ландэ на следующий год умер.

При Елизавете Петровне балет и танцевальные вечера продолжали занимать важное место в придворных увеселениях, и не в последнюю очередь благодаря тому, что сама императрица была увлеченной и способной любительницей танцев, как отмечали многие современники⁹¹⁶. При дворе Елизаветы был создан (или адаптирован) в общей сложности 21 балет, и те из них, которые нравились государыне, через некоторое время показывали повторно. Репертуар основывался как на французских балетах классического стиля, который олицетворял Ландэ, так и на постановках в итальянском комическом или бурлескном стиле, осуществленных Ринальди и его труппой⁹¹⁷. Последний в 1751 г. уехал в Италию, потому что заболела его жена, но затем, в 1753 г., он вернулся в Петербург и привез новых танцовщиков⁹¹⁸. В 1758 г. русскому двору удалось привлечь в Петербург балетмейстера венского двора Франца Антона Гильфердинга, и следующие семь лет он руководил постановкой придворных балетов. Позднее в Петербург был таким же образом приглашен его

913 Штелин Я. Музыка и балет в России. С. 264.

914 Документы об этом опубликованы в: ТЖРАИ. С. 359–361, 367, 379–380.

915 Всеволодский-Гернгросс В.Н. История театрального образования в России. Т. I. XVII–XVIII вв. СПб., 1913. С. 391–393.

916 См., например: Vigor J. Letters from a Lady, Who Resided Some Years in Russia, to her Friend in England. London, 1775. P. 73; Екатерина II. Mémoires IV (1) // Сочинения. С. 296.

917 Ценный обзор этих балетов см.: МП. Т. 1. С. 99–102.

918 Штелин Я. Музыка и балет в России. С. 269–270.

ученик и преемник, Гаспаро Анджелини⁹¹⁹. Двор Елизаветы был также местом регулярных увеселений, в которых танцы составляли ядро, – маскарадов, описанных в главе четвертой, и еженедельных придворных балов⁹²⁰. В своих мемуарах Екатерина, опуская некоторые аспекты придворных событий, приводит описание яркой утонченной атмосферы этих развлечений, на которых большое значение придавалось внешнему виду и манерам⁹²¹. За пределами двора на протяжении всего этого периода в «Санктпетербургских ведомостях» печатались объявления частных наставников, предлагавших юношам и девушкам обучение танцам наряду с другими востребованными искусствами⁹²².

В целом рассматриваемый период был решающим для утверждения танцевальных вечеров в кругу неперенных увеселений двора и высшего общества. Умение танцевать по последней европейской моде (хотя отчасти и связанное с существующей русской народной традицией, но значительно отличавшееся от нее) начиная с 1720-х гг. становится символом воспитанности и утонченности. Это нововведение опиралось на систему обучения танцам, внедренную в образовательных учреждениях, прежде всего в Кадетском корпусе, а также в частных домах, силами профессиональных танцмейстеров (а иногда и иностранных авантюристов). Регулярные балетные постановки в придворных театрах повлекли за собой организацию школы Ландэ в Петербурге, которой приписывают честь основания традиций русского балета, достигшего расцвета на рубеже XIX и XX вв.⁹²³ Характер придворных танцев постепенно менялся, переходя от личной прихоти властителя к более утонченному и совершенному стилю, который в целом соответствовал приемам танцев при других дворах, хотя на практике вкус монарха по-прежнему играл важную роль. То, что некоторые правители этого времени обучались танцам у таких мастеров, как Ландэ, а к 1740-м гг. многие представители высшего общества также прошли школу иностранных танцмейстеров, способствовало укоренению этого обычая. Привлечение более широкого круга участников к некоторым общественным придворным мероприятиям, рассмотренное в предыдущей главе, помогало постепенно осознать и усвоить танцевальную форму светского увеселения русскому городскому обществу, в котором она сосуществовала с традициями народного танца на народных праздниках.

ОДЕЖДА ⁹²⁴

Издревле у людей считалось важным быть прилично одетым, и большинство обществ на протяжении веков вырабатывало нравственные и практические соображения по поводу манеры одеваться⁹²⁵. С появлением аристократического общества правители и элита при помощи костюма демонстрировали свое величие или амбиции. В эпоху Возрождения дворы правителей росли и становились все изысканнее, что отражалось на их внешнем облике, в

919 О Гильфердинге см.: МП. Т. 1. С. 247–249; об Анджелини см.: МП. Т. 1. С. 40–42.

920 См., например: РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 84. Л. 104 (Указ Придворной конторы от 6 октября 1751 г.).

921 Екатерина II. *Mémoires* IV (1) // Сочинения. С. 301–302.

922 См., например: СПВ. № 18. 3 марта 1741 г. С. 6; № 52. 29 июня 1753 г. С. 8; № 14. 17 февраля 1758 г. С. 6.

923 Roslavleva N.P. *Era of the Russian Ballet*. London, 1966. P. 21–23.

924 Предыдущая версия этого раздела была опубликована как: *The Function of Fashion: Women and Clothing at the Russian Court, 1700–1762* // Wendy Rosslyn and Alessandra Tosi (eds.). *Women in Eighteenth-Century Russian Culture and Society*. Basingstoke, 2007. P. 125–143.

925 Ribeiro A. *Dress and Morality*. 2nd ed. Oxford, 2003. P. 12–14.

котором подчеркивалась парадная роскошь⁹²⁶. Историки раннего Нового времени все больше тяготеют к анализу символического содержания моды, наряду с исследованием экономического значения и потребления одежды⁹²⁷. Манера одеваться служила информативным высказыванием о самовосприятии индивидуума или группы, так же как и об их восприятии других групп общества. Внешний вид был важным показателем, необходимым для доступа в коридоры власти и в окружение правителя⁹²⁸. Дворы и правители весь период раннего Нового времени раз за разом подчеркивали в официальных распоряжениях необходимость быть подобающе одетыми как на официальных государственных торжествах, так и на регулярных придворных мероприятиях. Подобно тому, как оценивались резиденции каждого двора, его клиента и его праздники, так и внешний облик государей, их семей и их ведущих придворных взвешивали и обсуждали современники по всей Европе⁹²⁹.

В начале Нового времени европейская придворная мода следовала за течениями политической и культурной жизни. Так, в XVI в. властвовали итальянские моды, в XVII в. в придворном платье царил контраст между стилем Бурбонов и Габсбургов, а при английском дворе просматривались различные стилистические связи с его континентальными партнерами – Испанией, Данией и Францией⁹³⁰. К концу XVII в. двор Людовика XIV выступал как признанный европейский лидер изящного вкуса и источник заимствования фасонов, терминологии, материалов (таких, как шелк и кружева) и для его союзников, и для соперников. Французский двор служил наглядным воплощением принципа демонстративного потребления, когда богачи и честолюбцы красовались в нарядах из дорогих материалов, украшенных драгоценными пуговицами, кружевом и вышивкой, чтобы подтвердить свой высокий статус⁹³¹. Дороговизна таких нарядов и желание ограничить их доступность кругом элиты вызвали в это время появление законов против роскоши в целом ряде стран, в том числе в елизаветинской Англии, в Испании Филиппа IV, во Франции Людовика XIII⁹³². Но во многих государствах трудно было добиться исполнения этих законов, так что их нередко отменяли. Зато в XVIII в. в придворной моде постепенно появлялись черты военного костюма, воплощавшие стиль Фридриха-Вильгельма I Прусского или Карла XII Шведского, при сохранении многих признаков статуса и богатства прежних столетий⁹³³. Такое сочетание функционального и символического оказалось привлекательным образцом для молодого монарха, стремившегося утвердиться на европейской сцене: для русского царя Петра I.

Русскую элиту начала Нового времени иногда воспринимают как сравнительно изолированную, а между тем уже начиная с середины XVII в. ей были знакомы элементы европейского платья. В библиотеке Кремля имелись книги с картинками, показывающими

926 Strong R. Art and Power. P. 21–22.

927 Vincent S. Dressing the Elite: Clothes in Early Modern England. Oxford, 2003. P. 2–5.

928 Roche D. The Culture of Clothing: Dress and Fashion in the Ancien Régime. Transl. J. Birrell. Cambridge, 1994. P. 185–186.

929 Mansel Ph. Dressed to Rule: Royal and Court Costume from Louis XIV to Elisabeth II. New Haven, CT, 2005. P. xiv–xv.

930 Обзор этого периода см.: Breward Ch. The Culture of Fashion: a New History of Fashionable Dress. Manchester, 1995. P. 41–108.

931 Mansel Ph. Dressed to Rule. P. 1–15.

932 Hunt A. Governance of the Consuming Passions: A History of Sumptuary Law. Basingstoke, 1996.

933 Mansel Ph. Dressed to Rule. P. 22–23.

иноземную одежду. В Немецкой слободе в Москве поселились иностранные ремесленники и портные, и позднее, в 1672–1675 гг., они снабжали костюмами придворный театр⁹³⁴. При этом дорогие привозные шелка и бархат для царя и высшей знати поступали не с европейского рынка, а из Османской империи или из Персии, ведь у России с этими краями были давние торговые связи⁹³⁵. Усвоение иноземных фасонов связывали с влиянием чуждых идей, вызывавших противодействие консервативных элементов в московской иерархии. В 1675 г. царь Алексей Михайлович издал указ с запретом надевать иноземное платье и брить бороды⁹³⁶. И все-таки некоторые аристократы начали обзаводиться этими нарядами и носить их. Так, князь Василий Васильевич Голицын, фаворит регентши Софьи Алексеевны, ходил дома в польском платье, особенно когда принимал иностранных гостей, а иной раз и на публике⁹³⁷. Судя по портрету вдовы царя Федора Алексеевича, царицы Марфы Матвеевны, сделанному в самом конце XVII в., в московском высшем обществе происходили некоторые изменения: царица одета в традиционной манере, в строгие длинные одежды, с покрытой головой, но в руках у нее маленькая собачка и сложенный веер. И если для прочей Европы это обычные атрибуты изображения великосветских дам, то на русском портрете они появляются здесь впервые⁹³⁸.

Петр I примерил иноземное платье еще юношей, в Немецкой слободе, а затем путешествовал в нем по Германии, Нидерландам и Англии в ходе Великого посольства в конце 1690-х гг. Не случайно одним из первых его начинаний после возвращения в Москву в 1698 г. стало бритье бород у ведущих представителей московского боярства⁹³⁹. Это было не просто утверждение власти Петра над московской верхушкой, когда царь самолично орудовал бритвой, но и часть более широкого замысла сократить символический разрыв между Россией и ее потенциальными европейскими союзниками, начав с наружного облика. Реформа повседневного костюма началась 4 января 1700 г., а затем, указом 28 февраля 1702 г., была распространена на праздничную одежду, вследствие чего как высшие слои общества, так и горожане в целом обязывались носить сначала венгерское, а потом немецкое платье и в будни, и в праздники⁹⁴⁰. В середине января 1705 г. тем же группам населения было указано сбрить бороды или платить штраф от 30 до 100 руб. в год. Лишь духовенство и крестьяне не были охвачены этими реформами, но последним полагалось платить «бородовой налог» в одну копейку при въезде в город⁹⁴¹. Иван Желябужский описывает, как у ворот на въездах в Москву установили манекены («чучелы»), одетые на новый манер, так что неведением или неграмотностью больше нельзя было оправдатьслушание указам⁹⁴².

934 Hughes L. *Russia in the Age*. P. 280–281.

935 См., например: Matthee R. *Anti-Ottoman Politics and Transit Rights: the Seventeenth-Century Trade in Silk between Safavid Iran and Muscovy* // *Cahiers du Monde russe*. 35/4 (1994). P. 739–761.

936 ПСЗ. Т. 1. № 607. 6 августа 1675 г. С. 1007–1008.

937 Hughes L. *Russia and the West: The Life of a Seventeenth-Century Westerniser, Prince Vasily Vasil'evich Golitsyn (1643–1714)*. Cambridge, MA, 1984. P. 177.

938 Кирсанова Р.М. *Русский костюм и быт XVIII–XIX веков*. М., 2002. С. 36–38.

939 Это произошло в Преображенском 26 августа 1698 г.: Korb J.-G. *Diary of an Austrian Secretary*. Vol. 1. P. 155–156.

940 ПСЗ. Т. 4. № 1741. 4 января 1700 г. С. 1; № 1898. 28 февраля 1702 г. С. 189.

941 Там же. № 2015. 16 января 1705 г. С. 282–283.

942 Желябужский И.А. *Дневные записки* // Либерман А., Шокарев С. (ред.). *Рождение империи*. М., 1997. С. 325.

Насколько заметными оказались изменения, произведенные петровскими указами, касавшимися одежды, демонстрирует сравнение между традиционными, нередко переходившими по наследству парадными боярскими одеяниями из дорогих тканей, усыпанных драгоценными камнями, и пришедшим им на смену менее пышным костюмом европейского покроя. Впрочем, это не значит, что не сохранялись существенные различия в одежде между социальными группами, особенно в смысле использования в нарядах дорогих материалов. Вебер прочувствовал это различие, когда его в Петербурге пригласили на праздник к адмиралу Апраксину, но гвардейцы не пустили его в дом. Потом «один посланник» посоветовал ему надевать «расшитый золотом и серебром кафтан», подразумевая, что тогда уж его не спутают со средним прохожим с улицы⁹⁴³. Стремление богачей приобретать одежду и аксессуары такого качества, которое говорило бы об их статусе, грозило превратить этот переход к новому облику в очень дорогостоящий процесс⁹⁴⁴. Один из прожектеров эпохи Петра, Иван Посошков, предлагал сократить эти расходы для отдельных групп населения, в частности для купечества, введя новую систему регламентации одежды в зависимости от уровня дохода и от возраста. Эта система охватывала бы все слои городского общества, от крестьян, живших в городах (которые могли носить лишь сермяжные кафтаны), многочисленных групп ремесленников и купечества до дворянства (которому полагалось одеваться в дорогие привозные материалы). Обо всех, кто одевался лучше или хуже, чем позволяли его средства, надлежало доносить для оценки состояния и должного наказания⁹⁴⁵. Предложения Посошкова приняты не были, но можно отметить, что в них проявилась озабоченность социально-экономическими последствиями реформы костюма, которые отразили в своих произведениях русские писатели более позднего времени.

С введением нового костюма обозначились определенные проблемы гендерного и нравственного порядка. Для мужчин бритье их длинных бород было посягательством на основы их идентичности. Борода являлась символом мужественности, ведь в православной традиции мужчин без бороды иногда причисляли к гомосексуалистам. Борода означала достижение мужчиной зрелости и наглядно демонстрировала связь с образом и подобием Божиим⁹⁴⁶. Традиционный наряд знатной женщины был многослойным, его шили из дорогостоящих материалов – из меха, из привозных шелков, – чтобы показать богатство и статус ее мужа или родной семьи. Такой фасон скрывал очертания женской фигуры, не позволял видеть руки и ноги, что отвечало православному идеалу скромности. Новые иноземные фасоны, напротив, подчеркивали талию, имели глубокое декольте, обнажали руки до локтей⁹⁴⁷. Еще одним новшеством, доставлявшим дамам неудобства, оказался корсет, представлявший собой полотняный лиф, в который вшивали металлические планки или китовый ус для придания формы женской фигуре. Эти корсеты были порождением испанской придворной моды XVI в., стремившейся придавить грудь. Однако у женщин с пышным бюстом – а такими были и Анна Иоанновна, и Елизавета – грудь под давлением корсета выпирала кверху, а потому под платье надевали дополнительный лиф со шнуровкой на боку, чтобы добиться идеальной формы. В России в XVIII в. были приняты два распространенных

943 Weber F.Ch. The Present State of Russia. Vol. 1. P. 4.

944 Kahan A. The Costs of „Westernisation“ in Russia: The Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // SR. Vol. 25 (1966). P. 40–66.

945 Pososhkov I.T. The Book of Poverty and Wealth. London, 1987. P. 262–264 (см.: Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1951).

946 Hughes L. „A Beard is an Unnecessary Burden“: Peter I’s Laws on Shaving and their Roots in Early Russia // Bartlett R., Hughes L. (eds.). Russian Society and Culture. P. 21–34.

947 Hughes L. From Caftans to Corsets: The Sartorial Transformation of Women in the Reign of Peter the Great // Peter Barta (ed.). Gender and Sexuality in Russian Civilisation. London, 2001. P. 25–26.

вида корсетов: английского фасона, со шнуровкой спереди, и французские – эти шнуровались сзади и затягивались туго, что позволяло добиться окружности талии всего в 40 сантиметров⁹⁴⁸.

Процесс перехода к новым женским фасонам еще больше осложнился после 1718 г., с появлением надеваемых под юбки обручей по английской моде, по-французски именуемых *panier* (корзина, чехол), а по-русски известных как фижмы, или фишбейн (от немецкого *Fischbein* – китовый ус). Они сделались общепринятой частью дамского гардероба при всех дворах Европы и представляли собой круглую, а позднее овальную конструкцию из бересты или китового уса, крепившуюся на талии поверх нижней юбки, а уже сверху надевалось платье. Окружность фижм постепенно возрастала, достигнув высшего (или лучше сказать, широчайшего) предела в 1730-х гг.⁹⁴⁹ Введение фижм в обиход определенным образом сказывалось на осанке и движениях носивших их женщин. Больше нельзя было стоять, опустив руки вдоль тела, а потому их постоянно держали перед собой согнутыми в локтях. К тому же сам размер каркаса (который зависел от уровня светского мероприятия) затруднял любое движение вбок, так что каждый простой маневр – пройти по комнате, сесть, войти в дверь – превращался в отдельное физическое упражнение⁹⁵⁰. Русским женщинам, привычным к довольно свободным старомосковским одеяниям, это переодевание как минимум причиняло неудобства, потому что ни двигаться, ни дышать в таком наряде без практики было невозможно. Словом, так как женщинам петровского времени было велено носить неподобающую с их точки зрения одежду, создававшую им физические затруднения, то и нетрудно понять, отчего многие знатные женщины предпочитали в частной обстановке своих домов или имений по-прежнему надевать старомодные платья.

Старомосковский стиль удерживался в некоторых областях женской моды, например в косметике. В XVI–XVII вв. косметику применяли, чтобы добиться необходимой белизны лица и румянца на щеках, этих традиционных признаков женской красоты. Георг Шлейзинг, немец, побывавший в России в 1680-х гг., отметил, что такой грим был в числе первых подарков, которые муж делал своей молодой жене⁹⁵¹. Но при этом русским дамам хотелось вовсе не нежного румянца. Сэмюэл Коллинз, личный врач царя Алексея Михайловича, писал: «Румяна их похожи на те краски, которыми мы украшаем летом трубы наших домов и которые состоят из красной охры и испанских белил»⁹⁵². Намазанная на лицо толстым слоем, эта краска вызывала немало комментариев со стороны иностранных наблюдателей, хотя и не все они были столь прямолинейны, как Питер Генри Брюс, который забраковал «этот нелепый обычай раскрашивать лица»⁹⁵³. Некоторые современники сравнивали его с английской модой наклеивать мушки – крохотные кусочки шелка или бархата, которыми скрывали изъяны кожи на лице, на плечах, на груди или на руках⁹⁵⁴. В России они также приобрели популярность как средство привлечь внимание к той или иной части тела, и,

948 Steele V. *The Corset: A Cultural History*. New Haven, CT, 201. P. 6–13.

949 Ribeiro A. *Dress in Eighteenth-Century Europe, 1715–1789*. 2nd ed. New Haven, CT, 2002. P. 42–45.

950 Курсанова Р.М. *Русский костюм*. С. 39.

951 Шлессингер Г.-А. Полное описание России, находящейся ныне под властью двух царей-соправителей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича / Пер. Л.П. Лаптева // *Вопросы истории*. № 1. 1970. С. 115.

952 Collins S. *The Present State of Russia, in a Letter to a Friend at London*. London, 1671. P. 69.

953 Bruce P. H. *Memoirs of Peter Henry Bruce, Esq., a Military Officer in the Services of Prussia, Russia & Great Britain*. London, 1782. P. 85.

954 См., например: Vigor J. *Letters from a Lady*. P. 20.

подобно языку вееров, появился и язык мушек, названия которых зависели от их размещения⁹⁵⁵. О популярности мушек можно судить по одному лубку середины XVIII в., на котором были представлены их разнообразные формы, названия и значения⁹⁵⁶.

Внедрение этих реформ шло нелегко. Когда местные чиновники из Сибири обратились с прошением разрешить им сохранить свою привычную одежду, так как просто не могли себе позволить одеваться согласно новым указам, то правительство, по практическим причинам, ничего не могло с этим поделать⁹⁵⁷. С другой стороны, утверждение доносчика, будто знатные московские женщины одеваются по старинке и смеются над дамами в «немецком» платье, казалось более серьезным, так как эти женщины как раз и были в числе главных мишеней петровской реформы, а имена, названные в доносе, – жены Петра Долгорукого и Ивана Мусина-Пушкина – принадлежали ведущим знатным родам⁹⁵⁸. Тому, что реформы все же привились, вопреки всем неудобствам и неудовольствиям, существовало несколько причин. Это была обычная петровская система принуждения, как финансового, так и физического, вместе с некоторой долей бесчестия. Тем, кто не подчинялся петровским преобразованиям, грозил как минимум штраф вроде «бородового сбора», а то и побои от царя, как случилось с несколькими упрямыми представителями высшего общества⁹⁵⁹. Князь Б.И. Куракин вспоминал, как возле московских ворот стояли должностные лица, взимавшие штраф с людей, одетых на старый лад. Тех, кто не мог заплатить, подвергали унижению, обрезая их кафтаны до положенной длины прямо на улице⁹⁶⁰. Приверженность новому стилю в одежде и прическе была важна еще и потому, что те, кто стремился приобрести влияние или покровительство при дворе, осознавали непреходящую ценность близости к царю. Поэтому в царствование Петра ведущие знатные фамилии нередко готовы были претерпеть унижение бритья и переодевания в чужеземное платье ради того, чтобы не дать какой-нибудь другой семье занять их привилегированное место⁹⁶¹.

В результате в 1720-е гг. обозначились видимые признаки успеха реформ, особенно среди молодых женщин двора. Берхгольц благоприятно отзывался о молодых русских дворянках, которых он встречал на придворных приемах, сравнивая их поведение и манеру держаться с обращением их французских ровесниц⁹⁶². Вельможи двора должны были способствовать этому преобразованию, обеспечивая дочерей нарядами и воспитанием должного европейского уровня. От членов царской семьи также ожидалось участие в этих начинаниях. Так, если царице Прасковье Федоровне позволялось по-прежнему одеваться на старомосковский манер, ее три дочери (в том числе и будущая императрица Анна Ивановна) на публике одевались по немецкой моде, как заметил голландский художник Корнелиус де

955 Пыляев М.И. Старое житье. Очерки и рассказы. М., 1990. С. 73.

956 «Реестр мушек». Лубок: русские народные картинки, XVII–XVIII вв. Альбом / Ред. и сост. Ю. Овсянников. М., 1968. Илл. 46.

957 Hughes L. Russia in the Age. P. 285.

958 Есипов Г.В. Раскольничьи дела XVIII столетия: извлечения из дел Преображенского приказа и тайной розыскных дел канцелярии. СПб., 1863. Т. 2. С. 176.

959 Hughes L. Russia in the Age. P. 281; Korb J.-G. Diary of an Austrian Secretary. Vol. 1. P. 159–160.

960 Куракин Б.И. Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина им самим описанная // Архив князя Ф.А. Куракина / Ред. М.И. Семевский. СПб., 1890. Т. 1. С. 257.

961 Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2002. С. 15.

962 Берхгольц Ф.В. Дневник // Неистовый реформатор. С. 168.

Брюин, написавший их портреты во время своей поездки в Москву в 1702 г.⁹⁶³ Царевна Наталья Алексеевна, сестра Петра, служит полезным примером смешения традиционных и новых элементов в образе жизни женщины из русской элиты. Составленная после ее смерти в 1716 г. обширная опись имущества содержит перечень внушительного собрания европейских нарядов и аксессуаров. У нее было целых одиннадцать корсетов, четыре фонтанжа, семь вееров и множество зеркал. Этому, несомненно, способствовала щедрость ее коронованного брата, который, как считали, выделял ей ежегодную сумму в 20 тыс. рублей. При этом царевна Наталья имела также много икон и религиозных книг⁹⁶⁴.

Изменения в одежде и внешнем облике подданных происходили не с такой скоростью и законченностью, как хотелось Петру, о чем свидетельствуют девять разных указов об одежде и уходе за внешностью, изданные при нем, и еще один при Екатерине I, касавшийся конкретно жителей Петербурга⁹⁶⁵. Тем не менее к концу петровского царствования европейский костюм и внешний облик окончательно утвердились как норма среди тех групп населения, которые регулярно имели дело с государем и двором в Петербурге и Москве. В последующие царствования придворное платье высшего мужского и женского общества постепенно становилось все изящнее, по мере того как фасоны нарядов все точнее следовали новейшей европейской моде. Так, знатные русские женщины быстро освоили ношение *mantua* (от французского *manteuil*) – род платьев с фикжами, которые в конце XVII в. были главным фасоном официального придворного костюма при многих дворах⁹⁶⁶. В царствование Анны Ивановны его сменила самара – от голландского слова *samaar* (платье), ставшая обязательным официальным видом платья для дам, посещавших придворные празднества⁹⁶⁷. Этот фасон был создан на базе французского *contouch* и состоял из свободного верхнего платья со спинкой в складку, которое надевалось на корсет и нарядную нижнюю юбку, поддерживаемую фикжами⁹⁶⁸. Позднее на смену самаре пришла более изысканная и парадная *robe à la française* (по-русски – роба) с более четкой талией, которая стала главным фасоном наряда для придворных торжеств в царствование Елизаветы Петровны⁹⁶⁹. С середины 1740-х гг. ее придворным дамам разрешалось являться на куртаги в разновидности неформальных утренних платьев, какие носили в Англии (они назывались шлафроки, от немецкого *schlafrock*)⁹⁷⁰.

По мере того как в России начинало ощущаться влияние царившего тогда стиля рококо, цветовая палитра двора прояснялась и в нарядах придворных дам постепенно появлялось все больше светлых, пастельных тонов – розовых, голубых, салатовых, желтых. И хотя придворные кавалеры по-прежнему предпочитали более темные цвета, были и исключения, например великолепный датский посланник, граф Рохус Фридрих цу Линар⁹⁷¹. Как и у их

963 Bruin C. de. *Travels into Muscovy, Persia, and Part of the East-Indies*. London, 1737. Vol. 1. P. 30.

964 Hughes L. *Between Two Worlds: Tsarevna Natal'ia Alekseevna and the Emancipation of Petrine Women* // Di Salvo M., Hughes L. (eds.). *A Window on Russia*. Rome, 1996. P. 31.

965 ПСЗ. Т. 7. № 4944. 5 июля 1726 г. С. 684.

966 Ribeiro A. *Dress in Eighteenth-Century Europe*. P. 34.

967 Писаренко К.А. *Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны*. М., 2003. С. 67. См., например: КфЖ. 1734 (30 августа). С. 9; КфЖ. 1736 (19 января). С. 6; КфЖ. 1736. (3 февраля). С. 12.

968 Ribeiro A. *Dress in Eighteenth-Century Europe*. P. 35.

969 Ibid. P. 136–138.

970 См., например: КфЖ. 1748 (25 октября). С. 61; КфЖ. 1755 (12 марта). С. 26.

971 Екатерина II. *Mémoires IV (1)* // Сочинения. С. 288–289.

современников в Европе, костюмы русских придворных часто украшались шелковым шитьем, декоративными пуговицами, золотым и серебряным галуном. Дорогие аксессуары – веера, табакерки, часы, трости стали обычными покупками великосветских щеголей. Двор Елизаветы тратил очень большие суммы на эти предметы, которые привозили в страну и русские, и иностранные купцы. Только за 1753–1754 гг. общая сумма расходов на них составила около 230 тыс. рублей⁹⁷². Императрица раздавала такие вещи в подарок членам своего ближнего круга, что видно по описям расходов на свадьбы нескольких ее придворных дам, относящимся к этому времени⁹⁷³. Елизавета также жаловала в подарок деньги, позволявшие расплатиться с неотложными долгами, связанными с расточительным образом жизни ее двора, в чем не раз убеждалась сама Екатерина⁹⁷⁴. Как при германских дворах того времени, при русском дворе вводились постановления, ограничивающие расходы, в попытке обуздать подобную неумеренность⁹⁷⁵. В начале 1740-х гг. было издано два таких указа, но, судя по множеству свидетельств, это не обескураживало расточительных елизаветинских вельмож⁹⁷⁶.

Некоторые мероприятия требовали особых костюмов, будь то события, происходившие от случая к случаю, как царские свадьбы, описанные в главе третьей, или регулярные увеселения вроде придворных маскарадов, рассмотренных в главе четвертой. В этот период была официально воспринята традиция придворного траура, и теперь русский двор отмечал кончины членов европейских династий согласно протоколу, принятому при других дворах⁹⁷⁷. Как известно, Елизавета не любила черный цвет, который она естественным образом связывала со смертью, но ее двор прилежно фиксировал и отмечал (с несколькими перерывами) положенный период траура по случаю кончины королевских особ того периода. Так, в 1751 г. двор отмечал смерть вдовствующей императрицы Священной Римской империи Елизаветы Христины, шведского короля Фредерика I, Фредерика, принца Уэльского, Вильгельма IV, принца Оранского⁹⁷⁸. Вид придворного платья зависел также от того, где находился двор. Члены императорского двора и молодого двора великого князя и великой княгини получали особые инструкции относительно нарядов, их цвета и стиля, которые полагалось носить в летние месяцы в Петергофе и Ораниенбауме⁹⁷⁹.

Хотя в рассматриваемый период при дворе все больший вес приобретал подобающий костюм, случалось и так, что вкус правителя преодолевал принятый обычай. Елизавета в свое царствование устроила несколько маскарадов с переодеванием («метаморфозы»), на которых кавалеры надевали женские наряды, и наоборот. Эти маскарады, выходявшие за границы допустимого в одежде, явственно демонстрировали, как далеко зашли изменения внешнего вида и насколько преобразились навыки пристойного взаимного обхождения в новой светской обстановке. Такие маскарады были впервые кратко упомянуты в камер-фурьерских

972 РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 113 (Вещи, заказанные для двора Елизаветы Петровны, в том числе ткани и аксессуары дамского туалета, 1748–1755). Л. 41–44.

973 Так, Е.О. Ефимовская, одна из придворных дам Елизаветы, в 1749 г. вышла за И.Г. Чернышева и получила множество тканей, платьев и прочих вещей на сумму в 11 135 руб. РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 98 (Подарки на помолвку фрейлинам от императрицы, 1747–1765). Л. 10–14 об.

974 Екатерина II. *Mémoires IV* (1) // Сочинения. С. 211; Екатерина II. *Mémoires IV* (2) // Сочинения. С. 345.

975 Ribeiro A. *Dress in Eighteenth-Century Europe*. P. 92–97.

976 ПСЗ. Т. 9. № 8301. 17 декабря 1740 г. С. 320–321; ПСЗ. Т. 9. № 8680. 11 декабря 1742 г. С. 832–834.

977 См., например: Ribeiro A. *Dress in Eighteenth-Century Europe*. P. 202–205.

978 КфЖ. 1751 (3 марта). С. 40 (5 мая). С. 61 (26 мая). С. 63 (8 декабря). С. 119.

979 РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 87. Л. 72 (Приказ Дворцовой канцелярии от 26 мая 1752 г.).

журналах во время пребывания двора в Москве в 1744 г., причем трансгендерный характер костюмов, надевавшихся по этому случаю, был в камер-фурьерских записях обозначен вполне понятно. Екатерина, попавшая на маскарады с переодеванием вскоре после приезда в Россию, отмечала в мемуарах, что Елизавета приглашала на них «лишь тех, кого сама выбирала» – увеселения явно не годились для широкого круга⁹⁸⁰. Затем такие маскарады возобновились при дворе в 1750 г., на этот раз в более привычной резиденции, в Петербурге⁹⁸¹. Их описание в камер-фурьерском журнале проливает немного больше света на требования к облику приглашенных мужчин: «большие фижменные юпки», платья, женские придворные прически⁹⁸².

Если пятнадцатилетней Екатерине по нраву были такие развлечения, то подобное чувство разделяли далеко не все. Она описывает, как сильно не нравились они придворным кавалерам, которым было стыдно за свой вид и неловко двигаться в столь непривычных одеждах. Да и придворным дамам было ненамного лучше, так как покрой их мужских костюмов им явно не подходил, а у пожилых дам были «короткие толстые ноги»⁹⁸³. Екатерина упоминает о происшествии на одном из таких маскарадов, когда графиня Анна Гендрикова во время танца сбила ее с ног и она свалилась под юбку графа Карла Сиверса. Перед нами рассказ о смешном случае, но он свидетельствует о совершенно реальных практических затруднениях, которые испытывали мужчины и женщины, поменявшись платьем, ведь теперь они занимали в пространстве совсем не то место, к какому привыкли. Тот факт, что это случилось, когда Екатерина с Сиверсом танцевали полонез, в котором всегда ведет кавалер, наверно, только усилил неразбериху, потому что гендерные роли были практически, перевернуты наоборот. По сути дела, в центре этих увеселений блистала одна фигура Елизаветы, которая, очевидно, обладала подходящим телосложением (в частности длинными ногами) и осанкой, выработанной на уроках танцев, что позволяло ей достойно носить мужской костюм⁹⁸⁴.

Маскарады с переодеванием были при русском дворе событием диковинным и потому в итоге так и не сделались характерной чертой придворных увеселений. Про такие обычаи здесь знали, так как они составляли привычную часть европейской маскарадной культуры, а знаменитый тогдашний любитель носить женскую одежду, шевалье д'Эон, в 1750-х гг. состоял во французской дипломатической миссии при петербургском дворе⁹⁸⁵. Но в русской культуре эти гендерные метаморфозы были крайне редки, ибо православная церковь, как и западная церковь, крайне не одобряла подобные отступления от нормы, связывая их с гомосексуальностью и распутством⁹⁸⁶. В переодевании в одежду противоположного пола воплощались испытания, выпавшие нескольким поколениям русской элиты, которой приходилось приспосабливаться к новой физической и социальной обстановке при дворе, правда в перевернутом виде. Мужчинам и женщинам на маскарадах приходилось очень быстро осваиваться с непривычным фасоном одежды и успешно преодолевать связанные с этим трудности. Дамам, конечно, это преобразование причиняло дискомфорт и неловкость, но это бледнело в сравнении с тем, что ожидало их кавалеров, которым надо было учиться

980 Екатерина II. *Mémoires I* // Сочинения. С. 55.

981 ЖДГА. 1750. 23 октября. С. 218.

982 КфЖ. 1750. 23 октября. С. 118.

983 Екатерина II. *Mémoires IV (1)* // Сочинения. С. 296.

984 Екатерина II. *Mémoires I* // Сочинения. С. 55.

985 Bullogh V.L., Bullogh B. *Cross Dressing, Sex, and Gender*. Philadelphia, PA, 1993. P. 125–132.

986 Стоглав / Ред. Дм. Кожанчиков. СПб., 1863. Гл. 93. С. 265.

ходить, танцевать и вообще держаться в своих пышных платьях. Словом, мужчинам предстояло постигать те же трудные уроки, через которые прошли русские женщины за два предшествующих десятилетия.

В целом одежда представляла собой весьма очевидный признак перемен, идущих в русском обществе в то время. Европейские моды и аксессуары поначалу вводились государственными указами, но вскоре усваивались как верхушкой, так и другими группами городского общества. Сравнивают роль новых фасонов в придании формы телам русской знати с тем, как строения и пространства Петербурга должны были упорядочивать и украшать облик города. В свете этого сравнения обращает на себя внимание тогдашний русский обычай говорить, что одежду «строят», а не «шьют»⁹⁸⁷. Впрочем, эти перемены достались нелегко. Князь М.М. Щербатов в 1780-е гг. писал, что этот период вызвал расцвет чрезмерной роскоши при русском дворе и оказал вредоносное воздействие на нравы прежде всего среди дворянства. Эти новые явления напрямую связывались с последствиями правления женщин, не обладавших самодисциплиной Петра I. В одежде явственно видели символ этих проблем, когда двор принуждал дворянство нести тяжелые расходы на дорогостоящие наряды и украшения⁹⁸⁸. Даже если не принимать во внимание консервативные взгляды Щербатова на женское правление, нельзя отрицать, что двор и высшее общество тратили в этот период громадные суммы на одежду и аксессуары. Более взвешенный подход Екатерины II, пусть и не в ущерб внешнему великолепию, отвечал тогдашней тенденции к ограничению расходов двора во многих странах⁹⁸⁹.

В начале 1760-х гг. явственно обозначилось приближение русского двора и окружавшей его элиты к зрелости. Начатые Петром I преобразования общественной и культурной среды (зачастую принудительные) сделались теперь обыденными для дворянского образа жизни, а также стали хорошо заметными чертами уклада жизни других социальных групп в Петербурге, а также в Москве и других больших городах. Этот социальный феномен зиждился на сочетании обучения и опыта. На протяжении всего рассматриваемого периода учреждались новые учебные заведения, такие как Морская академия и Кадетский корпус, которые давали молодым людям академические, практические, светские навыки и знания, необходимые, чтобы играть полезную роль на государственной службе и при дворе. Официальные учебные заведения дополнялись частным домашним обучением силами иностранных наставников. Этот традиционный подход к обучению детей знати был особенно важен для воспитания девиц до открытия Смольного института. Появившиеся в это время русские переводы воспитательной литературы способствовали самообразованию читателей и совершенствованию нравов и манер, а также служили руководством по поведению в изменившейся социальной обстановке при дворе и в быту. Эти навыки были особенно важны в контексте реформ в области костюма и ухода за телом, повлиявших на групповое взаимодействие и межличностное пространство. Двор выступал двигателем этих преобразовательных процессов, их примером и покровителем, но их усвоение дворянством, а затем, во второй половине столетия, и все более широким кругом представителей других социальных групп оказалось решающим для обеспечения их долговечности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вряд ли можно сомневаться в том, что основание Санкт-Петербурга в 1703 г. было важнейшим событием. Он представляет собой поразительное физическое воплощение воли

987 Каганов Г. Санкт-Петербург. Образы пространства. М., 1995. С. 27–28.

988 Shcherbatov M.M. On the Corruption of Morals in Russia. Cambridge, 1969. P. 159–161, 191–193, 223–225 (см.: [https://ru.wikisource.org/wiki/O_повреждении_нравов_в_России_\(Щербатов\)\)](https://ru.wikisource.org/wiki/O_повреждении_нравов_в_России_(Щербатов)))).

989 Франция оставалась исключением. Ср.: *Duindam J.* Vienna and Versailles: the Courts of Europe's Major Dynastic Rivals, 1550–1780. Cambridge, 2203. P. 87–89; *Beales D.* Joseph II. Volume I: In the Shadow of Maria Theresa, 1741–1780. Cambridge, 1987. P. 156–160; *Schieder Th.* Frederick the Great / Ed. and transl. S. Berkeley and H. Scott. London, 2000. P. 34–38.

одного правителя создать новый город, а затем использовать его как платформу для разработки других замыслов, будь то коммерческие, военно-морские или культурные начинания. Однако новому городу едва исполнилось 20 лет, как его основатель умер. Поэтому дальнейшим своим восхождением к славе внутри России и, что еще важнее, – на европейской (а затем и на мировой) арене Петербург больше обязан стараниям сменявших друг друга преемников Петра. Наследие Петра имело громадное символическое значение, и сам факт захоронения императора в 1725 г. в Петропавловском соборе, в сердце его собственного творения, служит самым красноречивым свидетельством этой преемственности. Если при юном Петре II кратковременный отъезд государя и двора в Москву грозил низвести Петербург до положения провинциального порта, то символическое возвращение Анны Ивановны в северный город в 1732 г. возвестило о намерении впредь культивировать его как главную резиденцию двора, и преемники Анны продолжили этот процесс. С начала 1730-х гг. двор и элита постоянно пребывали в Петербурге, благодаря чему восстановилась его роль испытательного полигона для проекта «европеизации» России. В настоящей работе, путем изучения институтов и практик, вводившихся тогда в Петербурге, были исследованы различные аспекты взаимосвязи России с остальной Европой в этот период.

Созидание города, рассмотренное в первой главе, было грандиозным проектом, особенно в неблагоприятных природных условиях побережья Балтики. Хотя в первые десятилетия существования Петербурга разрабатывались многочисленные планы и издавались указы и распоряжения, он с неизбежностью нес на себе следы поспешной и нерегулярной застройки. Но, пожалуй, при всех недостатках физического облика города, важным было то, что он олицетворял собой к концу жизни своего основателя в 1725 г. В целенаправленном создании и стимулировании развития определенных городских пространств (от дворцов царской семьи и знати до верфей Адмиралтейства, от основания нового образцового научного учреждения – Академии наук – до становления Петербурга как места постоянного отправления религиозного ритуала) слились традиционные и новые течения. Еще важнее было то, что город физически воплощал причастность России к жизни остальной Европы, что во многом и задавало тон этой взаимосвязи на сотню лет вперед. Внешний облик Петербурга, его институты, его общественная и культурная жизнь – все имело отношение к другим тогдашним дворам и городам Европы, но при этом обладало отчетливым русским колоритом.

В планировании и строительстве Петербурга проявилось царившее тогда во всех странах Европы увлечение регулярностью. Во второй главе рассмотрено, как эти идеи воплощались в Петербурге посредством создания нового учреждения, Полицейской канцелярии. На этот орган возлагалась обязанность установления «доброго порядка» путем регулирования многих аспектов повседневной жизни города. Полицейские законодательные предписания касались, в большинстве своем, тех же сфер ответственности власти, что и их эквиваленты в других странах Северной и Центральной Европы, с особым вниманием к охране здоровья и безопасности горожан. Некоторые меры регулирования, вроде попыток ограничивать чрезмерное употребление алкоголя или пресекать безнравственное поведение, имели прецеденты в российском контексте, но столичность Петербурга повышала значимость таких процессов, как дело Дрезденши. Другие сферы законодательного регулирования, например азартные игры, были сравнительно новыми и отчасти объяснялись европеизацией светской жизни двора. В законодательстве проясняется различие между непристойным или неподобающим поведением народа и светскими развлечениями знати с новыми элементами – освоения последних ожидали от элиты, тогда как среди других групп общества они распространялись лишь постепенно.

Третья глава посвящена еще одному институту – двору, который играл решающую роль в утверждении претензий Санкт-Петербурга на легитимность и в то же время претерпевал такой же процесс европеизации, как и сам город. Перемещение двора в Петербург, пусть поначалу частичное и ставшее окончательным лишь при Анне Ивановне, было, Тем не менее

важной заявкой на статус города и предназначенную ему роль. Начиная с 1730-х гг. Петербург являлся официальной резиденцией русского двора и близкой к нему элиты. В качестве института русский двор постепенно усваивал звания, титулы и практики, заимствованные в других европейских государствах того времени. В его пышных празднествах отражался интерес к обычаям других дворов и стремление сравняться с ними, а то и превзойти их по части надлежащей формы, истраченных сумм, зрелищной стороны придворных мероприятий. Стремление русского двора войти в изысканный круг европейских дворов можно усматривать также в публикации памятных изданий по случаю важнейших придворных событий, которые затем рассылались в русские посольства в Европе. Впрочем, русский двор сохранял свой особый характер, а православие продолжало играть центральную роль в его ритуальной культуре, тем самым обеспечивая прочную основу для других нововведений. В рассматриваемый период Петербург стал той сценой, на которой двор мог представлять себя и свои мероприятия, как для внутренней, так и для международной аудитории.

В четвертой главе мы обратились к пространствам для общественного взаимодействия, которые двор создавал в Петербурге. Двор опять взял на себя ведущую роль в создании и поощрении новых видов времяпровождения в обществе. Поначалу доступ к придворным светским развлечениям ограничивался кругом элиты, хотя в царствование Петра I существовали исключения, а именно ассамблеи, на которых бывали иностранные моряки и пр. Но с конца 1740-х гг. обозначился сознательный переход к расширению доступа на конкретные мероприятия (публичные маскарады и театральные представления) и в определенные места (оперный театр, Летний сад) для более широких слоев дворянства и для ряда других групп петербургского общества. Доступ туда по-прежнему обставлялся некоторыми ограничениями, главным образом касавшимися внешнего вида и поведения посетителей, но стремление расширить круг участников играло важную роль в развитии общественной жизни города. Появление маскарадов и театральных зрелищ, а также нанятых двором профессиональных исполнителей – театральных трупп, музыкантов – повлекло за собой организацию такого рода мероприятий для платной публики из различных социальных слоев. В итоге к 1760-м гг. в Петербурге образовался целый ряд хорошо организованных площадок для светского времяпровождения, регулярно посещавшихся двором, дворянством и другими избранными социальными группами.

В заключительной главе отмечается, что занятия и внешний облик представителей петербургской элиты отображали процесс европеизации самым наглядным образом: в появлении новых общественных пространств, а также разнообразных компонентов, необходимых для доступа в эти пространства, т.е. европейских мод и светских навыков, в том числе танцев. Эти навыки на протяжении данного периода становились все более привычной частью образования в высшем обществе, подкрепляемые публикацией воспитательной литературы, помогавшей читателю корректировать свое поведение. Затем новые моды и манеры становились обязательными для других социальных групп как средство получить доступ на общественные мероприятия, вошедшие в обиход к концу изучаемого периода. Двор играл ведущую роль в формировании вкусов и моды в петербургском обществе. Его влияние проявлялось в приобретении товаров, ассоциируемых с образом жизни европейской элиты, – одежды, париков и других аксессуаров – и в найме специалистов для ухода за всем этим, т.е. портных, парикмахеров и мастеров всевозможных ремесел. Рассматриваемый период был решающим для укрепления этих тенденций при русском дворе, а Петербург – резиденция двора и важный пункт контактов с остальной Европой – функционировал как сцена, на которой эти нововведения опробовались на практике и демонстрировались.

Устойчивость всех этих нововведений проявилась в том, что после смерти Елизаветы в 1761 г. они не утратили значения. Двор играл ключевую роль в борьбе ее преемников за власть и легитимность. Петр III пренебрежительно относился к этикету на придворных церемониях, окружил себя узкой группой офицеров-голштинцев, и это составляло резкий контраст с его прилежно соблюдавшей правила и набожной женой Екатериной, имевшей

обширные связи в обществе. После захвата престола в 1762 г. она позаботилась о том, чтобы все положенные церемониальные атрибуты власти были налицо, когда за тщательно подготовленными празднествами по случаю ее коронации в Москве последовало триумфальное возвращение императрицы в Санкт-Петербург⁹⁹⁰. Екатерина откровенно предпочитала Петербург в роли главного оплота своей власти, в личных бумагах писала о нелюбви к Москве и, взойдя на престол, первым делом принялась за дальнейшее благоустройство Петербурга как столичного города. В конце 1762 г. была учреждена новая «Комиссия о каменном строении» для руководства и расширения строительных проектов в городе. Существующее полицейское законодательство также было расширено, чтобы охватить множество текущих проблем – пожары, болезни, бродяжничество⁹⁹¹. В более поздние годы екатерининского царствования Петербург в обоих названных аспектах служил образцом для вновь учрежденных губернских городов⁹⁹².

Кроме того, Екатерина продолжила сложившуюся практику использования двора как фокуса оживленной светской жизни Петербурга, хотя при этом обзавелась Эрмитажем – привилегированным личным убежищем внутри публичной сферы двора⁹⁹³. У платных зрителей во второй половине XVIII в. появился более широкий выбор развлечений, так как все больше и больше иностранных импресарио прибывало в Петербург⁹⁹⁴. Город оставался важным культурным центром, причем покровительство Екатерины и ее двора искусству и литературе распространялось на новое поколение писателей, музыкантов и художников, обученных в российских и иностранных учебных заведениях⁹⁹⁵. Сохранившееся наследие Петра III – указ об эмансипации дворянства от обязательной службы был в дальнейшем подтвержден Екатериной, что дало дворянству свободу заниматься образованием и другие привилегии, например право ездить за границу. Результат получился в лучшем случае неоднозначный, и некоторые современники язвительно отзывались о дурно воспитанных и недалеких недорослях, которые «извлекли пользу» из опыта заграничных поездок, но так было, пожалуй, не только в России⁹⁹⁶.

У России в эту эпоху установились гораздо более прочные отношения с остальной Европой, чем в предыдущем столетии. Членство России в антипрусском альянсе времен Семилетней войны говорило о признании со стороны ведущих европейских держав важности ее участия в столь крупном континентальном конфликте. Впрочем, международное положение России было скорее предметом торговли, чем общепринятым фактом. В частности ее политическая природа и культурная самобытность по-прежнему вызывали серьезные споры между авторами того периода, в том числе Монтескье, Вольтером и Дидро⁹⁹⁷. При этом Россия вносила в эти споры и свои аргументы, по мере того как ученые и

990 Dixon S. Catherine the Great. London, 2009. P. 3–22, 114–128.

991 Munro G. The Most Intentional City. St. Petersburg in the Reign of Catherine the Great. Madison Cranbery, NJ, 2008. P. 120–143.

992 Jones R. Urban Planning and the Development of Provincial Towns in Russia, 1762–1796 // J. Garrard (ed.). The Eighteenth Century in Russia. Oxford, 1973. P. 321–344.

993 Dixon S. Catherine the Great. P. 191–192.

994 Smith D. Working the Rough Stone: Freemasonry and Society in Eighteenth-Century Russia. DeKalb, IL, 1999. P. 64–72.

995 Hughes L. Russian Culture in the Eighteenth Century // Lieven D. (ed.). The Cambridge History of Russia. Cambridge, 2006. Vol. 2. P. 81–88.

996 Dixon S. The Modernization of Russia, 1676–1825. Cambridge, 1999. P. 152–188.

997 Wolff L. Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization in the Mind of the Enlightenment. Stanford, CA, 1994 (см. русский перевод: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи

писатели здесь начинали исследовать историческое и этнографическое своеобразие ее положения между Европой и Азией⁹⁹⁸. Желаемая цель была сформулирована в знаменитых словах самой Екатерины из «Наказа Уложенной комиссии», изданного потом на французском, немецком и латыни: «Россия есть европейская держава»⁹⁹⁹. Все больше иностранных путешественников, посетивших Петербург во второй половине XVIII в., положительно отзывались об успехах развития города за такой краткий промежуток времени, хотя и видели в нем еще далеко не заверченный проект¹⁰⁰⁰.

Возвращаясь к замечаниям, высказанным Альгаротти в 1730-е гг. по поводу недостатков Санкт-Петербурга, английский купец Дж. Хэнвей в своем очерке 1753 г. тоже отметил недостатки, но при этом подчеркнул, что Петербург является большим достижением: «Санкт-Петербург, который был основан Петром Великим в начале этого века, может в настоящее время считаться современным и благоустроенным столичным городом и главной резиденцией Российской империи; и хотя совсем недавно на его месте лежало болото, теперь же это превосходный и великолепный город»¹⁰⁰¹. За первые полвека своего существования Санкт-Петербург стал постоянным местопребыванием русского императорского двора и признанной величиной на карте Европы. Следующие полвека увидят, как он станет крупнейшим городом России и столицей одной из ведущих европейских военных держав.

СОКРАЩЕНИЯ

АКВ – Архив князя Воронцова / Ред. П. Бартенев. Кн. 1–40. М., 1870–1895.

ЖДГА – Журналы дежурных генерал-адъютантов: царствование императрицы Елизаветы Петровны / Сост. Л.В. Евдокимов. СПб., 1897.

КФЖ – Камер-фурьерские журналы 1726–1771 года / Изд. Б.М. Федоров. Т. 1–40. СПб., 1853–1855.

МИИАН – Материалы для истории Императорской Академии наук / Сост. М.И. Сухомлинов. Т. 1–10. СПб., 1890–1900.

МП – Музыкальный Петербург. Энциклопедический словарь: XVIII век / Ред. А.Л. Порфирьева. Т. 1–3. СПб., 1999–2000.

ПиБПВ – Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1–13. М., 1887–2003.

ПоЖ – Походные и путевые журналы императора Петра I-го, 1695–1726 / Изд. А.Ф. Бычков. Т. 1–32. СПб., 1853–1855.

ПридЖ – Придворные журналы... 1741–1742, 1743–1748 / Изд. И.А. Черкасов. СПб., 1883; 1913.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. 1649–1825. Т. 1–46. СПб., 1830.

СИРИО – Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 1–148. СПб., 1867–1926.

СК – Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800 / Ред. И.П. Кондаков и др. Т. 1–5. М., 1962–1967.

Просвещения. М., 2003).

998 *Hartley J.* Is Russia Part of Europe? Russian Perspectives on Europe in the Reign of Alexander I / *Cahiers du monde russe.* 33/4. 1992. P. 369–385.

999 *The Nakaz of Catherine the Great: Collected texts* / Ed. W. Butler and V.A. Tomsinov. Clark, NJ, 2010 (см.: Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907).

1000 См., например: *Cross A.* St. Petersburg and the British. London, 2008. P. 55–60.

1001 *Hanway J.* An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea. London, 1754. Vol. 2. P. 135.

Словарь – Словарь русского языка XVIII века / Ред. С.Г. Бархударов и др. Л., 1984–1988. Т. 1–19.

Сочинения – Сочинения императрицы Екатерины II, на основании подлинных рукописей / Ред. А.Н. Пыпин. Т. 1–12. СПб., 1901–1907.

СПВ – Санктпетербургские ведомости.

ТЖРАИ – Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны. Документальная хроника, 1730–1740 / Ред. Л.М. Старикова. М., 1995.

ТЖРЕП – Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны. Документальная хроника / Сост. Л.М. Старикова. М., 2003–2005. В 3 вып.

ЧИОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Т. 1–258. М., 1846–1918.

SEER – Slavonic and East European Review.

SGECRN – Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter

SR – Slavic Review.

АРХИВЫ

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА – Российский государственный исторический архив

СПБНИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук

БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВЫ

Архив СПб ИИ РАН

Фонд 36 (Воронцовы)

РГАДА

Фонд 8 (Калинкин дом и дела о преступлениях против нравственности)

Фонд 14 (Придворное ведомство)

Фонд 16 (Внутреннее управление)

РГИА

Фонд 439 (Журналы дежурных генерал-адъютантов и высочайшие приказы, отдаваемые при пароле)

Фонд 466 (Высочайшие повеления по Придворному ведомству)

Фонд 473 (Церемониальная часть МИДв)

Фонд 1329 (Именные указы и высочайшие повеления Сенату)

РГВИА

Фонд 314 (Первый кадетский корпус)

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архив князей Воронцовых / Ред. П.И. Бартенев. М., 1870–1895: В 40 т.

Берх К.Р. Путевые заметки о России // Беспятых Ю.Н. (ред.). Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997.

Берхгольц Ф.В. фон. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725. (Гл. 1 и 2) // Наумов В.П. (ред.). Неистовый реформатор. М., 2000.

Берхгольц Ф.В. фон. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725 (гл. 3 и 4) // Наумов В.П. (ред.). Юность державы. М., 2000.

Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Введение, тексты, комментарии. Л., 1991.

- Беспярых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение, тексты, комментарии. СПб., 1997.
- Богданов А.И.* Описание Санктпетербурга, 1749–1751. СПб., 1997.
- Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова. М., 1986. Т. 1–4.
- Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. 1.
- Георги И.Г.* Описание российско-императорского столичного града Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794.
- Герье В. (ред.).* Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. СПб., 1873.
- Данилов М.В.* Записки М.В. Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722–1762). Казань, 1913.
- Екатерина II.* Сочинения императрицы Екатерины II, на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. СПб., 1901–1907. Т. 1–12.
- Желябужский И.А.* Дневные записки // Либерман А., Шокарев С. (ред.). Рождение империи. М., 1997.
- Журналы дежурных генерал-адъютантов: царствование императрицы Елизаветы Петровны / Сост. Л.В. Евдокимов.* СПб., 1897.
- Истинная политика знатных и благородных особ / Пер. В.К. Тредьяковский.* СПб., 1745.
- Камер-фурьерские журналы 1726–1771 года.* СПб., 1853–1855. В 40 т.
- Кирилов И.К.* Цветущее состояние всероссийского государства // Ред. Б.А. Рыбаков, Л.А. Гольденберг, С.М. Троицкий. М., 1977.
- Куракин Б.И.* Гистория о Петре I и ближних к нему людях, 1682–1695 // Русская старина. Т. 68. № 10. 1890.
- Куракин Б.И.* Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина им самим описанная // Архив князя Ф.А. Куракина / Ред. М.И. Семеvский. Т. 1. СПб., 1890.
- Лубок: русские народные картинки, XVII–XVIII вв. Альбом / Ред. и сост. Ю. Овсянников.* М., 1968.
- Матвеев А.А.* Русский дипломат во Франции. Записки Андрея Матвеева. Л., 1972.
- Материалы для истории Императорской Академии наук / Сост. М.И. Сухомлинов.* СПб., 1890–1900. Т. 1–10.
- Меншиков А.Д.* Труды и дни Александра Даниловича Меншикова: повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова, 1716–1720, 1726–1727 гг. / Ред. С.Р. Долгова, Т.А. Лаптева. М., 2004.
- Миних Б.Х. фон.* Диспозиция и церемониал торжественного въезда императрицы Анны Ивановны в С.-Петербург 16 генваря 1732 / Сост. М.Д. Хмыров // Русский архив. 1867. Вып. 2.
- Миних Б.Х. фон.* Очерк управления Российской империи // Наумов В.П. (ред.). Перевороты и войны. М., 1997.
- Неплюев И.И.* Записки // В.П. Наумов (ред.). Империя после Петра (1725–1765). М., 1998.
- Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования ея Августейшего императорского величества... Елизаветы Петровны.* СПб., 1744.
- Объявление нынешнего триумфального входа Его царского величества в Санкт Питербурх.* СПб., 1714.
- Описание коронации Ея Величества Императрицы и самодержицы Всероссийской Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 28 апреля, 1730 г. М., 1730.*
- Описание о браке между Ея Высочеством Анною Петровною, Царевною Всероссийскою, и Его Королевским Высочеством Карлом Фридрихом, Герцогом Голштейнготторпским.* СПб., 1725.

- Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1887. Т. 1–13.
- Письмо СПб. обер-полицеймейстера Татищева к кабинет-секретарю Бахиреву // Исторический вестник. 1881. Вып. 5.
- Полное собрание законов Российской империи... 1649–1825. СПб., 1830. Т. 1–46.
- Походные и путевые журналы императора Петра I-го, 1695–1726. Изд. А.Ф. Бычков. СПб., 1853–1855. Т. 1–32.
- Придворные журналы... 1741–1742, 1743–1748 / Изд. И.А. Черкасов. СПб., 1883; 1913.
- Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов / Ред. А.А. Востоков. СПб., 1882.
- Прокопович Ф. Краткая повесть о смерти Петра Великого Императора Российского. СПб., 1831.
- Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год. СПб., 1897–1911. Т. 1–4.
- Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1867–1926. Т. 1–148.
- Свиньин П. Достопамятности Санктпетербурга и его окрестностей. СПб., 1997.
- Старикова Л.М. (ред.). Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны. Документальная хроника. 1730–1740. М., 1995.
- Старикова Л.М. (ред.). Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны. Документальная хроника. 1730–1740. Т. 1–3. М., 2003–2005.
- Стоглав. СПб.: Изд. Кожанчиков Д.Е., 1863.
- Стюарт Д.Ф. Записки герцога Де-Лирия-Бервика, бывшего испанским послом при российском дворе, с 1727 по 1731 год // Сын отечества. Т. 7/2 (1839).
- Точное известие о... крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кроншлот и их окрестностях... // Ю.Н. Беспярых (ред.). Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991.
- Трубецкой П.Н. Заметки на календаре в 1762 году // Русская старина. Т. 73. Вып. 2. 1892.
- Указы, письма, бумаги и резолюции императора Петра I // СИРИО. Т. 11.
- Хавен П. фон. Путешествие в Россию // Ю.Н. Беспярых (ред.). Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997.
- Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1846–1918.
- Шлессингер Г.-А. Полное описание России, находящейся ныне под властью двух царей-соправителей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича / Пер. Л.П. Лаптева // Вопросы истории. № 1. 1970.
- Штелин Я. фон. Музыка и балет в России XVIII века. СПб., 2002.
- Шумахер И.Д. Палаты Санктпетербургской императорской Академии наук, библиотеки и кунсткамеры с кратким показанием всех находящихся в них художественных и натуральных вещей, сочиненное для охотников оныя вещи смотреть желающих. СПб., 1741.
- Щербатов М.М. Прошение Москвы о забвении ея // Исупов К.Г. (сост.). М.; Пб.: Pro et contra. СПб., 2000. С. 81–87.
- Юль Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Наумов В.П. (ред.). Лавры Полтавы. СПб., 2001.
- Юности честное зеркало или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов. СПб., 1717.
- Algarotti F. Letters from Count Algarotti to Lord Hervey and the Marquis Scipio Maffei. London, 1796. 2 vols.
- Bruce P. H. Memoirs of Peter Henry Bruce, Esq., a Military Officer in the Services of Prussia, Russia & Great Britain. London, 1782.
- Bruyn C. de. Travels into Muscovy, Persia, and Part of the East-Indies. London, 1737. 2 vols.
- Collins S. The Present State of Russia, in a Letter to a Friend at London. London, 1671.
- Dashwood F. Sir Francis Dashwood's Diary of his Visit to St. Petersburg in 1733 / Ed. Betty Kemp // SEER. Vol. 38 (1959).

Dialogues domestiques. Gespräche von Haussachen. Домашние разговоры. Colloquia domestica. СПб., 1756.

Gordon P. Diary of General Patrick Gordon of Auchleuchries, 1635–1699. Vol. II (1659–1667) / Ed. Dmitri Fedosov. Aberdeen, 2010 (см. на русском: *Гордон П.* Дневник. 1677–1678 / Пер. с англ., статья, примеч. Д.Г. Федосова. М., 2005).

Hanway J. An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea. London, 1754. 2 vols.

Horsely J. The Travels of Sir Jerome Horsey, Knt. // Bond E. (ed.). Russia at the Close of the Sixteenth Century. London, 1856.

Korb J.-G. Diary of an Austrian Secretary of Legation at the Court of Tzar Peter the Great / Transl. Count MacDonnell. London, 1968 (см.: *Корб И.Г.* Дневник // Либерман А., Шокарев С. (ред.). Рождение империи. М., 1997).

Manstein Ch. von. Contemporary Memoirs of Russia, from the Year 1727 to 1744. London, 1968.

Mottraye A. de la. Travels through Europe, Asia and into Part of Africa. London, 1723–1732. 3 vols.

The Muscovite Law Code (Ulozhenie) of 1649 / Ed. and transl. Richard Hellie. Irvine, CA, 1988 (см. на русском: Соборное уложение 1649 года. Л., 1987).

The *Nakaz* of Catherine the Great: Collected texts / Ed. W. Butler and V.A. Tomsinov. Clark, NJ, 2010 (Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907).

Olearius A. The Travels of Olearius in Seventeenth-Century Russia / Transl. Samuel H. Baron. Stanford, CA, 1967 (см. на русском: *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906).

Playford J. The English Dancing Master, or Plane and Easy Rules for the Dancing of Country Dances. London, 1651.

Pososhkov I.T. The Book of Poverty and Wealth / Ed. and transl. A.P. Vlasto and L.R. Lewitter. London, 1987 (*Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1951).

Pouncy C. The „Domostroi“: Rules for Russian Households in the Time of Ivan the Terrible. Ithaca, NY, 1994.

Prokopovich F. The Spiritual Regulation of Peter the Great / Ed. and transl. Alexander Muller. Seattle, WA, 1972.

Rameau P. The Dancing Master / Transl. C. Beaumont. Brooklyn; N.Y., 1970.

Richardson W. Anecdotes of the Russian Empire in a Series of Letters Written, a Few years Ago, from St Petersburg. London, 1784.

The Russian Primary Chronicle / Transl. Samuel Cross and Olgerd Shobowitz-Wetzor. New York, 1953 (см. на русском: Повесть временных лет. СПб., 1996).

Sermones in primo solenni Academiae scientiarum imperialis conventu die XXVII decembris anni 1725 publice recitati. SPb., 1725.

Storch H.F. von. The Picture of Petersburg. London, 1801.

Shcherbatov M.M. On the Corruption of Morals in Russia. Cambridge, 1969 ([https://ru.wikisource.org/wiki/О_повреждении_нравов_в_России_\(Щербатов\)](https://ru.wikisource.org/wiki/О_повреждении_нравов_в_России_(Щербатов))).

Stählin J. von. Original Anecdotes of Peter the Great. London, 1788.

Tolstoi P. A. The Travel Diary of Peter Tolstoi: A Muscovite in Early Modern Europe / Ed. and transl. Max J. Okenfuss. DeKalb, IL, 1987 (см. на русском: *Толстой П.А.* Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе (1697–1699). М., 1992).

Vigor J. Letters from a Lady, Who Resided Some Years in Russia, to Her Friend in England. London, 1775.

Weber F. Ch. The Present State of Russia. London, 1968. 2 vols.

Whitworth Ch. An Account of Russia as it was in the year 1710. London, 1758.

Wilmot M. and C. The Russian Journals... 1803–1808. London, 1934.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Агеева О.Г. Ассамблеи петровского времени в русской дореволюционной историографии // Пушкирев Л.Н. и др. (ред.). Историографические и исторические проблемы русской культуры. Сборник статей. М., 1983.

Агеева О.Г. Новые явления в общественной жизни и быту Петербурга первой четверти XVIII в. (на примере царских свадеб) // А.Н. Копылов, О.Г. Агеева, Л.Н. Пушкирев (ред.). Русская культура в переходный период от средневековья к новому времени. Сборник статей. М., 1992.

Агеева О.Г. «Величайший и славнейший всех градов в свете» – град Святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб., 1999.

Агеева О.Г. Петербургский траурный церемониал дома Романовых в начале XVIII века // Ю.Н. Беспятых (ред.). Феномен Петербурга. СПб., 2001.

Агеева О.Г. Европеизация русского двора (1700–1796 гг.). М., 2006.

Агеева О.Г. Церемониалы рождения царских детей в век Европеизации. От Петра I до Екатерины II // Прутскова О.А. (ред.). Российская реальность конца XVII – первой половины XIX в.: Сборник статей к 80-летию Ю.А. Тихонова. М., 2007.

Агеева О.Г. Императорский двор России, 1700–1796 гг. М., 2008.

Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века: борьба за наследие Петра. М., 1986.

Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб., 1997.

Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.

Анисимов Е.В. Юный град: Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003.

Арайя Ф. // МП. Т. 1. С. 49–61.

Астров Н. Первоначальное образование Петра Великого // Русский Архив. Т. 2/8. 1875. С. 470–488.

Бенда В.Н. Первые российские артиллерийские и инженерные школы в конце XVII – первой четверти XVIII века // Военно-исторический журнал. 2009. № 9. С. 23–28.

Богословский М.М. Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. 2-е изд. Пг., 1918.

Богословский М.М. Петр Великий. Материалы для биографии. Т. 1. М., 2005.

Богоявленский С.К. Московский театр при царях Алексее и Петре // ЧИОИДР. 1914. Т. 249/2. С. 1–192.

Брагоне – см. Bragone

Буганов В.И. Екатерина I // Вопросы истории. 1994. №11. С. 39–49.

Бунин М.С. Мосты Ленинграда: очерки истории и архитектуры мостов Петербурга – Петрограда – Ленинграда. Л., 1986.

Веселаго Ф.Ф. Очерк истории морского кадетского корпуса. СПб., 1852.

Внутренний быт русского государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года. Т. 1–2. М., 1880.

Волков Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем: В 4-х ч. СПб., 1900.

Вороникина А.Н. Триумфальные ворота 1742 г. в Санкт-Петербурге // Т.В. Алексеева (ред.). Русское искусство барокко: материалы и исследования. М., 1977. С. 159–172.

Всеволодский-Гернгросс В.Н. Театральные здания в Санкт-Петербурге в XVIII столетии. СПб., 1910.

Всеволодский-Гернгросс В.Н. История театрального образования в России. СПб., 1913.

Всеволодский-Гернгросс В.Н. Театр в России при императрице Анне Иоанновне и императоре Иоанне Антоновиче. СПб., 1914.

Всеволодский-Гернгросс В.Н. История русского театра в двух томах. Т. 1–2. М.; Л., 1929.

- Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Театр в России при императрице Елизавете Петровне. СПб., 2003.
- Высоцкий И.П.* Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство. 1703–1903. СПб., 1903.
- Грот Я.К.* Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам, описанная Я.К. Гротом. М., 1880.
- Долгова С.Р.* «...ехать и переписать имянно без медления»: Первые жители Петербурга. 1717 г. // Исторический архив. 2003. Т. 2. С. 7–20.
- Дубяго Т.Б.* Русские регулярные сады и парки. Л., 1963.
- Есипов Г.В.* Раскольничьи дела XVIII столетия: извлечения из дел Преображенского приказа и тайной розыскных дел канцелярии. Т. 1–2. СПб., 1861–1863.
- Живов В.М.* Культурные реформы в системе преобразований Петра I // Кошелев А.Д. (ред.). Из истории русской культуры. Т. 3. М., 1996. С. 528–583.
- Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. 3-е изд. М., 1895.
- Захарова О.Ю.* Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в. М., 2001.
- Зелов Д.Д.* Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века. М., 2002.
- Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век.* СПб., 1997.
- Каганов Г.* Санкт-Петербург: Образы пространства. М., 1995.
- Калязина Н. В., Калязин Е. А.* Петр Еропкин // Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век. СПб., 1997. С. 156–190.
- Келлер Е.Э.* Праздничная культура Петербурга: очерки истории. СПб., 2001.
- Кенсу С.* Петербург до Петербурга: История устья Невы до основания города Петра. СПб., 2000.
- Кизеветтер А.А.* Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903.
- Кирсанова Р.М.* Русский костюм и быт XVIII–XIX веков. М., 2002.
- Клочков М.В.* Население России при Петре Великом по переписям того времени. СПб., 1911.
- Комелова Г.Н.* Виды Петербурга и его окрестностей середины XVIII века. Гравюры по рисункам М. Махаева. Л., 1968.
- Конечный А.М.* Петербургские народные гулянья на маслений и пасхальной неделях / Н.В. Юхнева (ред.). Петербург и губерния: историко-этнографические исследования. Л., 1989. С. 5–20.
- Копанев Н.А.* Репертуар произведений Ф.М. Вольтера в Петербургской академической книжной лавке в середине XVIII в. (1731–1761 гг.) // Г.В. Бахарева, С.П. Луппов (ред.). Книга и книготорговля в России в XVI–XVIII вв. Л., 1984. С. 80–93.
- Копанев Н.К.* Французские книги в Летнем доме императрицы Елизаветы Петровны // Зайцева А.А., Луппов С.П. (ред.). Книга и библиотеки в России в XIV – первой половине XIX века. Л., 1982. С. 26–41.
- Корсаков Д.* Княгиня Наталья Долгорукая // Исторический вестник. 1886. Вып. 23. С. 263–282.
- Кошелева О.Е.* Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени. М., 2004.
- Кузнецов М.* Проституция и сифилис в России: историко-статистические исследования. СПб., 1871.
- Курукин И.В.* Эпоха «дворцовых бурь»: очерки политической истории послепетровской России. 1725–1762 гг. Рязань, 2003.
- Лебедева И.Н.* Лейб-медик Петра I Роберт Арескин и его библиотека // Луппов С.П., Пиотровский Б.Б. (ред.). Русские библиотеки и их читатель. Л., 1983. С. 98–105.
- Лебединский М.С.* Гравер петровской эпохи Алексей Зубов. М., 1973.
- Летопись Российской Академии Наук. Т. I. 1724–1802 /* Ред. Н.И. Невская. СПб., 2000.
- Линдер И.М.* Шахматы на Руси. 2-е изд. М., 1975.
- Лисаевич И.И.* Первый архитектор Петербурга. Л., 1971.

- Логунова М.* Печальные ритуалы императорской России. М., 2011.
- Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XX века). СПб., 2002.
- Луппов С.П.* История строительства Петербурга. М., 1957.
- Луппов С.П.* Книга в России в послепетровское время: 1725–1740. Л., 1976.
- Луппов С.П., Филиппов М.С. (ред.).* История библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964. Л., 1964.
- Мазаев А.И.* Праздник как социально-художественное явление: опыт историко-теоретического исследования. М., 1978.
- Малиновский К.В.* Санкт-Петербург XVIII века. СПб., 2008.
- Милорадович Г.А.* Материалы для истории пажеского Его Императорского Величества корпуса (1711–1875). Киев, 1876.
- Михайлов Г.В.* Гравюра А. Зубова «Свадьба Петра I»: реальность и вымысел // Панорама искусств. 1988. Вып. 11. С. 25–38.
- Михневич В.О.* История карточной игры на Руси // Исторический вестник. 1901. Т. 83. №1. С. 141–161; № 2. С. 559–587.
- Молчанов Н.М.* Дипломатия Петра Великого. М., 1990.
- Мордвинова З.Е.* Смольный институт в эпоху императрицы Екатерины II (1764–1796) // Исторический вестник. 1914. № 136/6. С. 987–1001.
- Музыкальный Петербург. Энциклопедический словарь. XVIII век. Т. 1–3. СПб., 1999–2000.*
- Некрылова А.Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: конец XVIII – начало XX века. СПб., 2004.
- Николози Р.* Петербургский панегирик XVIII века: миф – идеология – риторика / Пер. М.Н. Жарова. М., 2009.
- Огаркова Н.А.* Церемонии, празднества, музыка русского двора. СПб., 2004.
- Павленко Н.И.* Екатерина I. М., 2004.
- Пархоменко В.П. (сост.).* Сиятельные жены: биографии и родословная статс-дам и фрейлин русского двора, по спискам П.Ф. Карабанова. СПб., 1992.
- Парчевский Г.Ф.* Карты и картежники. СПб., 1998.
- Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1–2. СПб., 1862.
- Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870–1873. Т. 1–2.
- Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях (1703–1782). СПб., 1884.
- Петрухинцев Н.Н.* Становление Кадетского корпуса при Анне Иоанновне. 1731–1741 гг. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXVII. Первый Кадетский корпус во дворце Меншикова. К 275-летию основания. СПб., 2007. С. 132–144.
- Писаренко К.А.* Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003.
- Погосян Е.* Петр I – архитектор российской истории. СПб., 2001.
- Погосян Е.* «И невозможное возможно»: Свадьба шутов в ледяном доме как факт официальной культуры // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. 4 (2001). С. 80–109.
- Пумпянский Л.В.* Медный всадник и поэтическая традиция XVIII века. Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. 1939. Вып. 4–5. С. 94–100.
- Пыляев М.И.* Старый Петербург: Рассказы из былой жизни столицы. СПб., 1899.
- Пыляев М.И.* Старое житье: Очерки и рассказы. М., 1990.
- Ринальди А.* // МП. Т. 3. С. 15–19.
- Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1962–1967. Т. 1–5.*

- Семевский М.И. Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллем Монс (1692–1724). Л., 1990.
- Семевский М.И. Царица Прасковья (1664–1723). Л., 1991.
- Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982.
- Семенова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998.
- Семенцов С.В. и др. Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII века. СПб., 2004.
- Синдаловский Н.А. Легенды и мифы Санкт-Петербурга. СПб., 1994.
- Словарь русского языка XVIII века. СПб., 1984–.
- Столянский П.Н. Музыка и музицирование в старом Петербурге. Л., 1989.
- Столянский П.М. Петербург: как возник, основался и рос Санкт-Петербург. СПб., 1995.
- Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Т. I. Осьмнадцатое столетие. СПб., 1903.
- Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966.
- Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М., 1974.
- Тюличев Д.В. Социальный состав подписчиков «Санктпетербургских ведомостей» (середина XVIII в.) // А.А. Зайцева (ред.). Книга в России. XVI – середина XIX века: книгораспространение, библиотека, читатель. Л., 1987. С. 62–70.
- Тюхменева Е.А. Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII века. М., 2005.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986.
- Фрейманн О. фон (сост.). Пажи за 183 года (1711–1894). Биографии бывших пажей, с портретами. Fredrikshavn, 1894.
- Хазин О.А. Пажи, кадеты, юнкера: исторический очерк. М., 2002.
- Хмыров М.Д. Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ее время, 1701–1791 года. СПб., 1867.
- Холодов Е.Г. Театр и зрители: страницы истории русской театральной публики. М., 2000.
- Хотеев П.И. Французская книга в библиотеке петербургской Академии наук (1714–1742 гг.) // С.П. Луппов (ред.). Французская книга в России в XVIII в. Очерки истории. Л., 1986. С. 38.
- Чудинова И.А. Пение, звоны, ритуал. Топография церковно-музыкальной культуры Петербурга. СПб., 1994.
- Шамин С.М. Куранты XVII столетия: европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М., 2011.
- Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. СПб., 2004.
- Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XIX в. СПб., 1999.
- Шляпкин И.С. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. СПб., 1898.
- Шубинский С.Н. Исторические очерки и рассказы. М., 1995.
- Adamson J. (ed.). The Princely Courts of Europe: Ritual, Politics and Culture under the Ancien Régime. 1500–1750. London, 1999.
- Adamson J. The Making of the Ancien-Régime Court, 1500–1700 // J. Adamson (ed.). The Princely Courts of Europe. London, 1999.
- Alexander J. Petersburg and Moscow in Early Urban Policy // Journal of Urban History. Vol. 8/2 (1982). P. 145–169.
- Alexander J. Favourites, Favouritism and Female Rule in Russia, 1725–1796 // Bartlett R., Hartley J. (eds.). Russia in the Age of Enlightenment: Essays for Isabel de Madariaga. London, 1990. P. 106–124.

- Alexander J. Catherine I, Her Court and Courtiers // Hughes L. (ed.). Peter the Great. Basingstoke, 2001.
- Andermann K. (ed.). Residenz–Aspecte hauptstädtischer Zentralität von der frühen Neuzeit bis zum Ende der Monarchie. Sigmaringen, 1992.
- Anderson M. Peter the Great: Imperial Revolutionary? // Dickens A. (ed.). The Courts of Europe: Politics, Patronage and Royalty, 1400–1800. London, 1977. P. 263–281.
- Anemone A. The Monsters of Peter the Great: The Culture of the St Petersburg *Kunstkamera* in the Eighteenth Century // Slavic and East European Journal. 44 (2000). P. 583–602.
- Anglo S. The Courtier: The Renaissance and Changing Ideals // A. Dickens (ed.). The Courts of Europe: Politics, Patronage and Royalty, 1400–1800. London, 1977. P. 44–53.
- Anisimov E.V. The Reforms of Peter the Great: Progress through Coercion in Russia. Transl. John Alexander. Armonk, NY, 1993.
- Anisimov E.V. Empress Elisabeth: Her Reign and Her Russia, 1741–1761 / Transl. J. Alexander. Gulf Breeze, FL, 1995.
- Appleby J. James Spilman, F.R.S. (1680–1763), and Anglo-Russian Commerce // Notes and Records of the Royal Society of London. Vol. 48 (1994). P. 17–29.
- Asch R., Birke A. (eds.). Princes, Patronage, and the Nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age, c. 1450–1650. Oxford, 1991.
- Astier R. Louis XIV *Premier Danseur* // D.L. Rubin (ed.). Sun King: The Ascendancy of French Culture during the Reign of Louis XIV. London, 1992.
- Baehr S. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford, CA, 1991.
- Bak J. (ed.). Coronations: Medieval and Early Modern Monarchic Ritual. Berkeley, CA, 1990.
- Balsiger B. The Kunst- und Wunderkammern: A Catalogue raisonnée of collecting in Germany, France and England, 1565–1750. Unpublished PhD thesis. Pittsburg, PA, 1970.
- Baron S. The Origins of the Seventeenth-Century Moscow's Nemeckaja Sloboda // California Slavic Studies. 5. 1970. P. 1–17.
- Barta P. (ed.). Gender and Sexuality in Russian Civilisation. London, 2001.
- Bartlett R., Hartley J. (eds.). Russia in the Age of the Enlightenment: Essays for Isabel de Madariaga. London, 1990.
- Bartlett R., Hughes L. (eds.). Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century: Essays in Honor of Anthony Cross. Münster, 2004.
- Bassin M. Russia Between Europe and Asia: the Ideological Construction of Geographical Space // SR. Vol. 50/1 (1991). P. 1–17.
- Baumgartner Th. Vienna Gloriosa and the Prince's Garden // Agnes Husslein-Arco (ed.) Prince Eugene: General-Philosopher and Art Lover. Vienna, 2010. P. 119–126.
- Beales D. Joseph II. Vol. I: In the Shadow of Maria Theresa, 1741–1780. Cambridge, 1987.
- Béhar P., Watanabe-O'Kelly H. (eds.). Spectaculum Europaeum: Theatre and Spectacle in Europe 1580–1750. Wiesbaden, 1999.
- Behrens C.B.A. Society, Government and the Enlightenment: The Experiences of Eighteenth-Century France and Prussia. London, 1985.
- Behrisch L. Social Discipline in Early Modern Russia, Seventeenth to Nineteenth Centuries // Heinz Schilling (ed.). Institutionen, Instrumente und Akteure sozialer Kontrolle und Disziplinierung im frühneuzeitlichen Europa. Frankfurt am Main, 1999. P. 325–357.
- Bernstein L. Sonia's Daughters: Prostitutes and their Regulation in Imperial Russia. Berkeley, CA, 1995.
- Bissonnette G. Peter the Great and the Church as an Educational Institution // J. Curtiss (ed.). Essays on Russian and Soviet History in Honor of Geroid Tanquary Robinson. Leiden, 1963. P. 3–19.
- Black J. Citizens for the Fatherland: Education, Educators and Pedagogical Ideals in Eighteenth-Century Russia. New York, 1979.

- Blanning T.C.W.* The Culture of Power and the Power of Culture: Old Regime Europe, 1660–1789. Oxford, 2002.
- Blanning T.C.W.* The Triumph of Music. London, 2008
- Brackett J.K.* The Florentine *Onesta* and the Control of Prostitution, 1403–1680 // *Sixteenth-Century Journal*. Vol. 24/2 (1993). P. 273–300.
- Bragone M.C.* К истории восприятия Эразма Роттердамского в России в XVIII веке // *SGESRN*. Vol. 34. 2006. P. 44–48.
- Brennan Th.* Social Drinking in Paris // *Susanna Barrows, Robin Room (eds.)*. *Drinking: Behaviour and Belief in Modern History*. Berkeley, CA, 1991. P. 68–77.
- Breward Ch.* The Culture of Fashion: a New History of Fashionable Dress. Manchester, 1995.
- Brewer J., Porter R. (eds.)*. *Consumption and the World of Goods*. London, 1993.
- Brown P.* Bureaucratic Administration in Seventeenth-Century Russia // *J. Kotilaine, M. Poe (eds.)*. *Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia*. London, 2005.
- Bryant L.* The King and the City in the Parisian Royal Entry Ceremony: Politics, Ritual and Art in the Renaissance. Geneva, 1986.
- Bryson A.* From Courtesy to Civility: Changing Codes of Conduct in Early Modern England. Oxford, 1998.
- Bucholz R.* The Augustan Court: Queen Anne and the Decline of Court Culture. Stanford, CA, 1993.
- Buckler J.* Mapping St. Petersburg: Imperial text and Cityshape. Princeton, NJ, 2005.
- Bukovinska B.* The Kunstkammer of Rudolph II // *Eliška Fučíková (ed.)*. *Rudolph II and Prague: The Court and the City*. London, 1997. P. 199–208.
- Bullogh V.L., Bullogh B.* Cross Dressing, Sex, and Gender. Philadelphia, PA, 1993.
- Burgess M.* Fairs and Entertainers in Eighteenth-Century Russia // *SEER*. Vol. 38 (1959). P. 95–113.
- Burke P.* Did Europe Exist before 1700? // *History of European Ideas*. Vol. 1. 1980. P. 1–29.
- Burke P.* The Fabrication of Louis XIV. New Haven, CN and London, 1994.
- Burke P.* The Fortunes of the 'Courtier': The European Reception of Castiglione's 'Cortegiano'. Cambridge, 1995.
- Burke P.* *Popular Culture in Early Modern Europe*. 3rd ed. Farnham, 2009.
- Burnett J.* Liquid Pleasures: a Social History of Drinks in Modern Britain. London, 1999.
- Bushkovitch P.* Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries. Oxford, 1992.
- Bushkovitch P.* The Epiphany Ceremony of the Russian Court in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // *Russian Review*. 49/1 (1990). P. 1–18.
- Bushkovitch P.* Cultural Change among the Russian Boyars, 1650–1680: New Sources and Old Problems // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. #56. 2000. P. 91–111.
- Bushkovitch P.* Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725. Cambridge, 2001.
- Castle T.* Masquerade and Civilisation: the Carnavalesque in Eighteenth-Century English Culture and Fiction. Stanford, CA, 1986.
- Chapirova L.* Latin Books and the Eastern Orthodox Clerical Elite in Kiev, 1632–1780. Manchester, 2006.
- Chrissidis N.* Creating the New Educated Elite: Learning and Faith in Moscow's Slavo-Greco-Latin Academy, 1685–1694. Unpublished PhD Thesis. Yale University, 2000.
- Chroscicki J., Hengerer M., Sabather G. (eds.)*. *Les funérailles princières en Europe, XVIe–XVIIe siècle*. Versailles, 2012.
- Clark Ch.* Iron Kingdom: The Rise and Downfall of Prussia, 1600–1947. London, 2007.
- Cowart G.* The Triumph of Pleasure: Louis XIV and the Politics of Spectacle. Chicago, IL, 2008.
- Cracraft J.* The Church Reform of Peter the Great. London, 1971.
- Cracraft J.* The Petrine Revolution in Russian Architecture. Chicago, IL, 1988.

- Cracraft J.* The Revolution of Peter the Great. Cambridge, MA, 2003.
- Cracraft J.* The Petrine Revolution in Russian Culture. Cambridge, MA, 2004.
- Cross A.* The Russian Bania in the Descriptions of Foreign Travelers and in the Depictions of Foreign and Russian Artists // *Oxford Slavonic Papers*. Vol. 24 (1991). P. 34–59.
- Cross A.* Peter the Great through British Eyes: Perceptions and Representations of the Tsar since 1698. Cambridge, 2000.
- Cross A.* Days from the Reigns of of Eighteenth-Century Russian Rulers. Cambridge, 2007. 2 vols.
- Cross A.* St. Petersburg and the British. London, 2008.
- Crummey R.* Court Spectacles in Seventeenth-Century Russia: Illusion and Reality // *D. Clarke Waugh (ed.). Essays in Honor of A.A. Zimin*. Columbus, OH, 1985. P. 130–158.
- DaCosta Kaufmann Th.* Court, Cloister, and City: The Art and Culture of Central Europe, 1450–1800. Chicago, IL, 1995.
- Dahlberg G.* Ballet in Sweden // *P. Béhar, H. Watanabe-O’Kelly (eds.). Spectaculum Europaeum: Theatre and Spectacle in Europe 1580–1750*. Wiesbaden, 1999. P. 577–583.
- Daniel U.* The Baroque Court Festival: The Example of German Courts round 1700 // *Mulryne J., Watanabe-O’Kelly H., Shewring M. (eds.). Europa Triumphans: Court and Civic Festival in Early Modern Europe*. Aldershot, 2004.
- De Vries J.* European Urbanization, 1500–1800. Cambridge, MA, 1984.
- Dickens A. (ed.).* The Courts of Europe: Politics, Patronage and Royalty, 1400–1800. London, 1977.
- Dixon S.* The Modernization of Russia, 1676–1825. Cambridge, 1999.
- Dixon S.* Catherine the Great and the Romanov Dynasty: The Case of the Grand Duchess Maria Pavlovna (1854–1920) // *R. Bartlett, L. Hughes (eds.). Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century*. Münster, 2004.
- Dixon S.* 30 July 1752: The Opening of the Peter the Great Canal // *Cross A. (ed.). Days from the Reigns of Eighteenth-Century Russian Rulers*. Cambridge, 2007. Vol. 1. P. 93–108.
- Dixon S.* Religious Ritual at the Eighteenth-Century Russian Court // *M. Schaich (ed.). Monarchy and Religion: The Transformation of Royal Culture on Eighteenth-Century Europe*. Oxford, 2007.
- Dixon S.* Catherine the Great. London, 2009.
- Drage Ch.L.* Russian Model Conversations, c. 1630–1773 // *R. Bartlett, L. Hughes (eds.). Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century: Essays in Honor of Anthony G. Cross*. Münster, 2004.
- Duindam J.* Myths of Power: Norbert Elias and the Early Modern European Court. Amsterdam, 1994.
- Duindam J.* Vienna and Versailles: The Courts of Europe’s Major Dynastic Rivals, 1550–1780. Cambridge, 2003.
- Duindam J.* Versailles, Vienna and beyond: Changing Views of Household and Government in Early Modern Europe // *J. Duindam, T. Artan, M. Kunt (eds.). Royal Courts*. Boston, MA, 2011.
- Duindam J., T. Artan, M. Kunt (eds.).* Royal Courts in Dynastic States and Empires: A Global Perspective. Boston, MA, 2011.
- Dunkley J.* Gambling: A Social and Moral Problem in France, 1685–1792. Oxford, 1985.
- Eckhart H.* The Funerals of the Prussian Kings in the Eighteenth Century // *M. Schiach (ed.). Monarchy and Religion*. Oxford, 2007.
- Edwards J.* Watteau and the Dance // *Moureau F., Morgan Grasselli M. (eds.). Antoine Watteau (1684–1721): le peintre, son temps et sa légende*. Paris, 1987. P. 219–225.
- Egorov I.A.* The Architectural Planning of St. Petersburg / Transl. Eric Dluhosch. Athens, GA, 1969.
- Elias N.* The Civilizing Process. Revised Edition / Ed. and transl. E. Jephcott. London, 2000. 2 vols. (*Элиас Н. О процессе цивилизации*. М.; СПб., 2001).

- Elias N. *The Court Society* / Transl. S. Mennell. Dublin, 2006 (*Элиас Н. Придворное общество*. М., 2002).
- Fantazzi Ch.* Vives and the *emargenati* // Ch. Fantazzi (ed.). *A Companion to Juan Luis Vives*. Leiden, 2008. P. 71–86.
- Fauchier-Magnan A.* *The Small German Courts of the Eighteenth Century*. London, 1958.
- Fenlon I.* *Music and Festival* // Mulryne J., Watanabe-O’Kelly H., Shewring M. (eds.). *Europa triumphans*. Aldershot, 2004.
- Fennell J.* *A History of the Russian Church to 1448*. London, 1995.
- Findeisen N.F.* *History of Music in Russia from Antiquity to 1800* / Transl. Pring S.W. Eds. Velimirovic M., Jensen C. Bloomington, IN, 2008.
- Florinsky M.* *Russia: A History and an Interpretation*. London, 1953. 2 vols.
- Friedrich K., Smart S. (eds.).* *The Cultivation of Monarchy and the Rise of Berlin: Brandenburg-Prussia, 1700*. Farnham, 2010.
- Friedrichs Ch.* Whose House of Learning? Some Thoughts on German Schools in Post-Reformation Germany // *History of Education Quarterly*. Vol. 22 (1982). P. 371–377.
- Frijhofs W.* *Patterns* // Hilde de Ridder-Symoens (ed.). *A History of the University in Europe*. Cambridge, 1996. Vol. 2. P. 74–94.
- Fritz P.* The Trade in Death: The Royal Funerals in England // *Eighteenth Century Studies*. Vol. 15/3 (1982). P. 291–316.
- Fumaroli M.* *When the World Spoke French* / Transl. R. Howard. New York, 2011.
- Garrard J. (ed.).* *The Eighteenth Century in Russia*. Oxford, 1973.
- Garrioch D.* *The Making of Revolutionary Paris*. Berkeley, CA, 2002.
- Gillingham J.* From *Civilitas* to Civility: Codes of Manners in Medieval and Early Modern England // *Transactions of the Royal Historical Society*. 6th Series. Vol. 12 (2002). P. 267–289.
- Gleason A. (ed.).* *A Companion to Russian History*. Oxford, 2009.
- Goff M.* „The Art of Dancing, Demonstrated by Characters and Figures“: French and English Sources for Court and Theatre Dance, 1700–1750 // *British Library Journal*. No. 21 (1995). P. 202–231.
- Golubeva M.* *The Glorification of Emperor Leopold I in Image, Spectacle and Text*. Mainz, 2000.
- Gordin M.* The Importance of Being Earnest: The Early St. Petersburg Academy of Sciences // *Isis*. Vol. 91 (2000). P. 1–31.
- Grussi O.* *La vie quotidienne des joueurs sous l’Ancien Régime à Paris et à la cour*. Paris, 1985.
- Hans N.* The Moscow School of Mathematics and Navigation (1701) // *SEER*. 29 (1951). P. 532–526.
- Harris-Warrick R.* Ballroom Dancing at the Court of Louis XIV // *Early Music*. 14/1 (1986). P. 41–50.
- Hartley J.* Is Russia Part of Europe? Russian Perspectives on Europe in the Reign of Alexander I // *Cahiers du monde russe*. 33/4. 1992. P. 369–385.
- Hartley J.* *A Social History of the Russian Empire, 1650–1825*. London, 1999.
- Hassel J.* Implementation of the Russian Table of Ranks during the Eighteenth Century // *SR*. Vol. 29/2 (1970). P. 283–299.
- Helfant I.* *The High Stakes of Identity: Gambling in the Life and Literature of Nineteenth-Century Russia*. Evanston, IL, 2002.
- Hendriksson L.* Landscape Gardening // Snikare M. (ed.). *Nicodemus Tessin the Younger: Royal Architect and Visionary*. Stockholm, 2002. P. 151–165.
- Hengerer M.* The Funerals of the Habsburg Emperors in the Eighteenth Century // M. Schiach (ed.). *Monarchy and Religion*. Oxford, 2007.
- Hosking J.* *Russia and the Russians*. Cambridge, MA, 2001.
- Houston R.* *Literacy in Early Modern Europe: Culture and Education, 1500–1800*. London, 1988.

Hughes L. Western European Graphic Material as a Source for Moscow Baroque Architecture // SEER. Vol. 55/4 (1977). P. 433–443.

Hughes L. Russia and the West: The Life of a Seventeenth-Century Westerniser, Prince Vasily Vasil'evich Golitsyn (1643–1714). Cambridge, MA, 1984.

Hughes L. Sophia, Regent of Russia, 1657–1704. New Haven, CT, 1990.

Hughes L. Between Two Worlds: Tsarevna Natal'ia Alekseevna and the Emancipation of Petrine Women // Di Salvo M., Hughes L. (eds.). A Window on Russia. Rome, 1996. P. 29–36.

Hughes L. Peter the Great's Two Weddings: Changing Images of Women in a Transitional Age // R. Marsh (ed.). Women in Russia and Ukraine. Cambridge, 1996. P. 31–44.

Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, CT, 1998.

Hughes L. (ed.). Peter the Great and the West: New Perspectives. Basingstoke, 2001.

Hughes L. From Caftans to Corsets: The Sartorial Transformation of Women in the Reign of Peter the Great // P. Barta (ed.). Gender and Sexuality in Russian Civilization. London, 2001.

Hughes L. Peter the Great: A Biography. New Haven, CT, 2002.

Hughes L. „The Crown of Maidenly Honor and Virtue“: Redefining Femininity in Peter I's Russia // W. Rosslyn (ed.). Women and Gender in Eighteenth-Century Russia. Aldershot, 2003. P. 35–59.

Hughes L. „A Beard is an Unnecessary Burden“: Peter I's Laws on Shaving and their Roots in Early Russia // Bartlett R., Hughes L. (eds.). Russian Society and Culture. Münster, 2004. P. 21–34.

Hughes L. Russian Culture in the Eighteenth Century // Lieven D. (ed.). The Cambridge History of Russia. Cambridge, 2006. Vol. 2. P. 67–91.

Hughes L. The Funerals of the Russian Emperors and Empresses // M. Schiach (ed.). Monarchy and Religion. The Transformation of Royal Culture in Eighteenth-Century Europe. Oxford, 2007.

Hunt A. Governance of the Consuming Passions: a History of Sumptuary Law. Basingstoke, 1996.

Isherwood R. Entertainment in the Parisian Fairs in the Eighteenth Century // Journal of Modern History. Vol. 53/1 (1981). P. 24–48.

Jensen C. Musical Cultures in Seventeenth-Century Russia. Bloomington, IN, 2009.

Jewell H. Education in Early Modern England. Basingstoke, 1998.

Johnson E.D. How St. Petersburg Learned to Study Itself: The Russian Idea of Kraevedenie. University Park, PA, 2006.

Johnston T. The Reformation and Popular Culture // Andrew Pettigrew (ed.). The Reformation World. London, 2000. P. 545–559.

Jones C. Paris: The Biography of a City. London, 2006.

Jones J. Sexing La Mode: Gender, Fashion, and Commercial Culture in Old Regime France. London, 2004.

Jones R. Urban Planning and the Development of Provincial Towns in Russia, 1762–1796 // J. Garrard (ed.). The Eighteenth Century in Russia. Oxford, 1973. P. 321–344.

Jones R.E. Getting the Goods to St. Petersburg: Water Transport from the Interior, 1703–1811 // SR. Vol. 43 (1984). P. 413–433.

Jones R. Why St. Petersburg? // Hughes L. (ed.). Peter the Great and the West: New Perspectives. Basingstoke, 2001. P. 189–205.

Jong E. Nature and Art: Dutch Garden and Landscape Architecture, 1650–1740. Philadelphia, PA, 2000.

Kaganov G. „As in the Ship of Peter“ // SR. Vol. 50. 1991. P. 755–767.

Kahan A. The Costs of „Westernization“ in Russia: The Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // SR. Vol. 25 (1966). P. 40–66.

Kahan A. The Plough, the Hammer and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago, IL, 1985.

- Kamenskii A.B.* The Russian Empire in the Eighteenth Century: Searching for a Place in the World. Armonk, NY, 1997 (*Каменский А.Б.* Российская империя в XVIII в.: традиции и модернизация. М., 1999).
- Kaufmann Th.D.* Court, Cloister, and the City: The Art and Culture of Central Europe, 1450–1800. Chicago, IL, 1995.
- Kavanagh Th.* Dice, Cards, Wheels: a Different History of French Culture. Philadelphia, PN, 2005.
- Keenan P.* The Function of Fashion: Women and Clothing at the Russian Court, 1700–1762 // Wendy Rosslyn and Alessandra Tosi (eds.). Women in Eighteenth-Century Russian Culture and Society. Basingstoke, 2007. P. 125–143.
- Keenan P.* The Summer Gardens in the Social Life of St Petersburg, 1725–61 // SEER. Vol. 88/1–2 (2010). P. 134–155.
- Keenan P.* Card-Playing and Gambling in Eighteenth-Century Russia // European History Quarterly. Vol. 42/3 (2012). P. 385–402.
- Kelly C.* Petrushka: the Russian Carnival Puppet Theatre. Cambridge, 1990.
- Kelly C.* The Origins of Russian Theatre // Leach R., Borovsky V. (eds.). A History of Russian Theatre. Cambridge, 1999.
- Kelly C.* Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford, 2001.
- Klingensmith S.* The Utility of Splendor: Ceremony, Social Life, and Architecture at the Court of Bavaria, 1600–1800. Chicago, IL, 1993.
- Kliuchevskii V.O.* Peter the Great. Transl. Liliana Archibald. London, 1968 (см. на русском: *Ключевский В.О.* Исторические портреты. М., 1990).
- Kollmann N.* The Seclusion of Elite Muscovite Women // Russian History / Histoire Russe. Vol. 10 (1983). P. 170–187.
- Kotilaine J., Poe M. (eds.).* Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia. London, 2005.
- Ladurie E. LeRoy.* Saint-Simon and the Court of Louis XIV. Chicago, IL, 2001.
- Leach R., Borovsky V. (eds.).* A History of Russian Theatre. Cambridge, 1999.
- LeDonne J.* Ruling Families in the Russian Political Order, 1689–1825 // Cahiers du Monde russe et soviétique (1987). P. 233–322.
- LeDonne J.* Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700–1825. Oxford, 1991.
- Levin E.* Sex and Society in the World of Orthodox Slavs, 900–1700. Ithaca, NY, 1989.
- Lincoln W.B.* Sunlight at Midnight: St. Petersburg and the Rise of Modern Russia. Oxford, 2001.
- Lipski A.* A Re-Examination of the „Dark Era“ of Anna Ioannovna // American Slavic and East European Review. Vol. 15 (1956). P. 477–488.
- Little M., Jenne N.* Dance and the Music of J.S. Bach. Bloomington, IN, 1991.
- McClellan J.E.* Science Reorganized: Scientific Societies in the Eighteenth Century. N.Y., 1985.
- McNeill W.* Keeping Together in Time: Dance and Drill in Human History. Cambridge, MA, 1995.
- Majeska G.* Rus' and the Byzantine Empire // Gleason A. (ed.). A Companion to Russian History. Oxford, 2009.
- Malcolmson R.* Popular Recreations in English Society, 1700–1850. Cambridge, 1973.
- Mansel Ph.* Dressed to Rule: Royal and Court Costume from Louis XIV to Elisabeth II. New Haven, CT, 2005.
- Marker G.* Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia. 1700–1800. Princeton, NJ, 1985.
- Marker G.* Russian Journals and their Readers in the Late Eighteenth Century // Oxford Slavonic Papers. 19 (1986). P. 88–101.

- Marker G.* Imperial Saint: The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. DeKalb, IL, 2007.
- Martin R.* A Bride for the Tsar: Bride-Show and Marriage Politics in Early Modern Russia. DeKalb, IL, 2012.
- Massie R.* Peter the Great: His Life and World. New York, 1981.
- Matthee R.* Anti-Ottoman Politics and Transit Rights: The Seventeenth-Century Trade in Silk between Safavid Iran and Muscovy // *Cahiers du Monde russe*. 35/4 (1994). P. 739–761.
- Meehan-Waters B.* Autocracy and Aristocracy: the Russian Service Elite of 1730. New Brunswick, NJ, 1982.
- Melton J. van Horn.* Absolutism and the Eighteenth-Century Origins of Compulsory Schooling in Prussia and Austria. Cambridge, 1988.
- Melton J. van Horn.* The Rise of the Public in Enlightenment Europe. Cambridge, 2001.
- Miers D.* Regulating Commercial Gambling: Past, Present, and Future. Oxford, 2004.
- Monas S.* Anton Divier and the Police of St Petersburg // Halle M. (ed.). For Roman Jakobson: Essays on the Occasion of his Sixtieth Birthday. The Hague, 1956.
- Motley M.* Becoming a French Aristocrat: The Education of the Court Nobility, 1580–1715. Princeton, NJ, 1990.
- Muir E.* Ritual in Early Modern Europe. 2nd ed. Cambridge, 2005.
- Mukerji Ch.* Territorial Ambitions and the Gardens of Versailles. Cambridge, 1997.
- Mulryne J., Watanabe-O'Kelly H., Shewring M. (eds.).* Europa Triumphans: Court and Civic Festival in Early Modern Europe. Aldershot, 2004. 2 vols.
- Mumford L.* The Culture of Cities. London, 1938.
- Munk Th.* The Enlightenment: a Comparative Social History, 1721–1794. London, 2000.
- Munk Th.* Seventeenth-Century Europe: State, Conflict and the Social Order in Europe, 1598–1700. Basingstoke, 1990.
- Munro G.* The Most Intentional City: St. Petersburg in the Reign of Catherine the Great. Madison Cranbury, NJ, 2008.
- Munting R.* An Economic and Social History of Gambling in Britain and the USA. Manchester, 1996.
- Muravyeva M.* Forms and Methods of Violence against Women in Eighteenth-Century Russia: Law against Morality // *SGECRN*. Vol. 26 (2008). P. 15–19.
- Neverov O.* „His Majesty's Cabinet“ and Peter I's Kunstkammer // Impey O., McGregor A. (eds.). The Origins of Museums: The Cabinet of Curiosities in Sixteenth- and Seventeenth-Century Europe. Oxford, 1985. P. 51–64.
- Nevile J. (ed.).* Dance, Spectacle, and the Body Politick, 1250–1750. Bloomington, IN, 2008.
- Okenfuss M.* Technical Training in Russia under Peter the Great // *History of Education Quarterly*. Vol. 13 (1973). P. 325–345.
- Okenfuss M.* Russian Students in Europe in the Age of Peter the Great // John Garrard (ed.). The Eighteenth Century in Russia. Oxford, 1973. P. 131–145.
- Okenfuss M.* The Discovery of Childhood in Russia: The Evidence of the Slavic Primer. Newtonville, MA, 1980.
- Orden K., van.* Music, Discipline, and Arms in Early Modern France. Chicago, IL, 2005.
- Owens S., Reul B., Stockigt J. eds.* Music at German Courts, 1715–1760: Changing Artistic Priorities. Woodbridge, 2011.
- Owens S., Reul B.* An Introduction to German *Hofkapellen* // Owens S., Reul B., Stockigt J. (eds.). Music at German Courts. Woodbridge, 2011. P. 1–16.
- Parker W.H.* Europe: How Far? // *The Geographical Journal*. 126/3 (1960). P. 278–286.
- Parlett D.S.* A History of Card Games. Oxford, 1991.
- Pelker B.* The Palatine Court in Mannheim // Owens S., Reul B., Stockigt J. (eds.). Music at German Courts. Woodbridge, 2011.
- Peterson C.* Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. Stockholm, 1979.

- Picard L.* Dr. Johnson's London: Life in London, 1740–1770. London, 2000.
- Pinkard S.* A Revolution in Taste: The Rise of French Cuisine, 1650–1800. Cambridge, 2010.
- Plumley N.* The Royal Mathematical School, Christ's Hospital // *History Today*. 23/8 (1973). P. 581–587.
- Pocock J.G.A.* Some Europes in their History // A. Pagden (ed.). *The Idea of Europe: From Antiquity to the European Union*. Cambridge, 2002. P. 55–71.
- Poe M.* A People Born to Slavery: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca, NY, 2000.
- Poe M.* The Sexual Life of Muscovites: Evidence from the Foreign Accounts // *Russian History / Histoire Russe*. Vol. 35. 2008. P. 408–427.
- Pogosian E.* Masks and Masquerades at the Court of Elizaveta Petrovna (1741–1742) // Steven Usitalo, William Benton Whisenhurst (eds.). *Russian and Soviet History: From the Time of Troubles to the Collapse of the Soviet Union*. Lanham, MD, 2008.
- Pollak M.* Cities at War in Early Modern Europe. Cambridge, 2010.
- Porter R.* English Society in the Eighteenth Century. London, 1991.
- Postnikov A.V.* Russia in Maps: A History of the Geographical Study and Cartography of the Country. Moscow, 1996.
- Prest J.* The Politics of Ballet at the Court of Louis XIV // J. Nevile (ed.). *Dance, Spectacle, and the Body Politick, 1250–1750*. Bloomington, IN, 2008.
- Puppe R.* Saxon Baroque Gardens (1694–1733): Nature's Entertainment Palaces // Michel Conan (ed.). *Baroque Garden Cultures: Emulation, Sublimation, Subversion*. Washington DC, 2005. P. 213–244.
- Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility. New York, 1966.
- Raeff M.* The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // *American Historical Review*, 80 (1975). P. 1221–1243 (*Ряев М.* Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология*. Самара, 2000. С. 48–79).
- Raeff M.* The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800. New Haven, CT, 1983.
- Raffensberger Ch.* Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World. Cambridge, MA, 2012.
- Ravel J.* The Contested Parterre: Public Theater and French Political Culture, 1680–1791. Ithaca, NY, 1999.
- Riasanovsky N.* The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. Oxford, 1985.
- Riasanovsky N.* Russian Identities: A Historical Survey. Oxford, 2005.
- Ribeiro A.* Dress in Eighteenth-Century Europe, 1715–1789. 2nd ed. New Haven, CT, 2002.
- Ribeiro A.* Dress and Morality. 2nd ed. Oxford, 2003.
- Rickman J.* Love, Lust, and License in Early Modern England: Illicit Sex and the Nobility. Aldershot, 2008.
- Ridder-Symoens H. de (ed.).* A History of the University in Europe. Cambridge, 1996. Vol. 2.
- Roche D.* The Culture of Clothing: Dress and Fashion in the Ancient Régime / Transl. J. Birrell. Cambridge, 1994.
- Rodríguez-Salgado M.* The Court of Philip II of Spain // Asch R., Birke A. (eds.). *Princes, Patronage, and the Nobility*. Oxford, 1991. P. 207–244.
- Roslavleva N.P.* Era of the Russian Ballet. London, 1966.
- Rougé W.* António Manuel de Vieira and the Russian Court, 1697–1745 // Roger Bartlett, Anthony Cross and Karen Rasmussen (eds.). *Russia and the World of the Eighteenth Century*. Bloomington, IN, 1988.
- Rudé G.* Hanoverian London. London, 1971.

- Ryan W. Navigation and the Modernization of Petrine Russia: Teachers, Textbooks, Terminology // Bartlett R., Hartley J. (eds.). Russia in the Age of the Enlightenment: Essays for Isabel de Madariaga. London, 1990.
- Salvo, Maria di. A Venice of the North? Italian Views of St. Petersburg // Cross A. (ed.). St. Petersburg, 1703–1825. Basingstoke, 2004. P. 71–79.
- Sander E.C. Social Dancing in Peter the Great's Russia. Hildesheim, 2007.
- Schiach M. (ed.). Monarchy and Religion. The Transformation of Royal Culture in Eighteenth-Century Europe. Oxford, 2007.
- Schieder Th. Frederick the Great / Ed. and transl. S. Berkeley and H. Scott. London, 2000.
- Schulze L. The Russification of the St Petersburg Academy of Sciences and Art in the Eighteenth Century // British Journal for the History of Science. 18 (1985). P. 305–335.
- Schuyler E. Peter the Great, Emperor of Russia: A Study of Historical Biography. NY, 1967.
- Semmens R. The Bals Publics at the Paris Opéra in the Eighteenth Century. Hillsdale, NY, 2004.
- Shvidkovsky D. Russian Architecture and the West. New Haven, CT, 2007.
- Simone M.R. di. Admission // Hilde de Ridder-Symoens (ed.). A History of the University in Europe. Vol. 2. Cambridge, 1996.
- Smart S. The Würtemberg Court and the introduction of Ballet in the Empire // J. Mulryne, H. Watanabe-O'Kelly, M. Shewring (eds.). Europa Triumphans: Court and Civic Festival in Early Modern Europe. Aldershot, 2004. Vol. 2.
- Smith D. Working the Rough Stone: Freemasonry and Society in Eighteenth-Century Russia. DeKalb, IL, 1999.
- Smith H. Georgian Monarchy: Politics and Culture, 1714–1760. Cambridge, 2006.
- Smith R., Christian D. Bread and Salt: A Social and Economic History of Food and Drink in Russia. Cambridge, 1984.
- Smuts R.M. Public Ceremony and Royal Charisma: the English Royal Entry in London, 1485–1621 // A. Lee Beier, D. Cannadine, J.M. Rosenheim (eds.). The First Modern Society: Essays in English History in Honor of Lawrence Stone. Cambridge, 1989.
- Spielman J. The City and Crown: Vienna and the Imperial Court, 1600–1740. West Lafayette, IN, 1992.
- Spielman J. Status as Commodity: the Habsburg Economy of Privilege // Charles Ingrao (ed.). State and Society in early Modern Austria. West Lafayette, IN, 1994.
- Steele V. The Corset: A Cultural History. New Haven, CT, 201.
- Stites R. Serfdom, Society, and the Arts in Imperial Russia. New Haven, CT and London, 2005.
- Storrs Ch. (ed.). The Fiscal-Military State in Eighteenth-Century Europe: Essays in Honor of P.G.M. Dickson. Farnham, 2000.
- Strong R. Art and Power: Renaissance Festivals, 1450–1650. Woodbridge, 1984.
- Thompson I. The Sun King's Garden: Louis XIV, André Le Notre and the Creation of the Gardens of Versailles. London, 2006.
- Thyret I. Between God and Tsar: Religious Symbolism and the Royal Women of Muscovite Russia. DeKalb, IL, 2001.
- Thlusty B.A. Bacchus and Civic Order: The Culture of Drink in Early Modern Germany. London, 2001.
- Tribe K. Cameralism and the Science of Government // Journal of Modern History, 56 (1984).
- Unger R. Beer in the Middle Ages and the Renaissance. Philadelphia, PA, 2007.
- Vincent S. Dressing the Elite: Clothes in Early Modern England. Oxford, 2003.
- Volk M. The Hohenzollern Court, 1535–1740 // John Adamson (ed.). The Princely Courts of Europe: Ritual, Politics, and Culture under the Ancient Régime, 1500–1750. London, 1999.
- Vries J. de. European Urbanization, 1500–1800. Cambridge, MA, 1984.
- Vucinich A. Science in Russian Culture. 2 vols. London, 1965.

- Wakefield A. *The Disordered Police State: German Cameralism as Science and Practice*. Chicago, IL, 2009.
- Watanabe-O'Kelly H. *Court Culture in Dresden: From Renaissance to Baroque*. Basingstoke, 2002.
- Watanabe-O'Kelly H. *The Early Modern Festival Book: Function and Form* // Mulryne J., Watanabe-O'Kelly H., Shewring M. (eds.). *Europa Triumphans: Court and Civic Festivals in Early Modern Europe*. Aldershot, 2004.
- Werrett S. *Fireworks: Pyrotechnic Arts and Sciences in European History*. Chicago, IL, 2010.
- Whaley J. *Germany and the Holy Roman Empire*. Oxford, 2012.
- White J. *London in the Eighteenth Century: A Great and Monstrous Thing*. London, 2012.
- Whittaker C. (ed.). *Russia Engages the World, 1453–1825*. Cambridge, MA, 2003.
- Wiesner M.E. *Women and Gender in Early Modern Europe*. 2nd ed. Cambridge, 2000.
- Williams A. *The Police of Paris, 1718–1789*. Baton Rouge, LA, 1979.
- Wilson P. *Absolutism in Central Europe*. London, 2000.
- Wirtschafter E.K. *Social Identity in Imperial Russia*. DeKalb, IL, 1997.
- Wirtschafter E.K. *The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theatre*. DeKalb, IL, 2003.
- Wolff Ch. *Bach: Essays on His Life and Music*. Cambridge, MA, 1991.
- Wolff L. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization in the Mind of the Enlightenment*. Stanford, CA, 1994 (Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003).
- Wortman R. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Princeton, NJ, 1995. 2 vols. (Уортман Р. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии^ В 2 т. М.: ОГИ, 2004).
- Wortman R. *The Russian Coronation: Rite and Representation* // *The Court Historian*. Vol. 9/1. 2004. P. 15–32.
- Wroth W. *The London Pleasure Gardens of the Eighteenth Century*. London, 1896.
- Zakharine D. *Tanz- und Körperverhalten im kommunikativen Alltagsverkehr des 17.-19. Jh. Russland und Westeuropa im Vergleich* // *Wiener Slawistischer Almanach*. No. 47. 2001. P. 139–205.
- Zanger A. *Scenes from the Marriage of Louis XIV: Nuptial Fictions and the Making of Absolutist Power*. Stanford, CA, 1997.
- Zguta R. *Russian Minstrels: a History of the Skomorokhi*. Philadelphia, PA, 1978.
- Zitser E. *The Transfigured Kingdom: Sacred Parody and Charismatic Authority at the Court of Peter the Great*. Ithaca, NY, 2004 (Зицер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008).
- Zitser E. *New Histories of the Late Muscovite and Early Imperial Russian Court* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 6/2 (2005). P. 375–392.